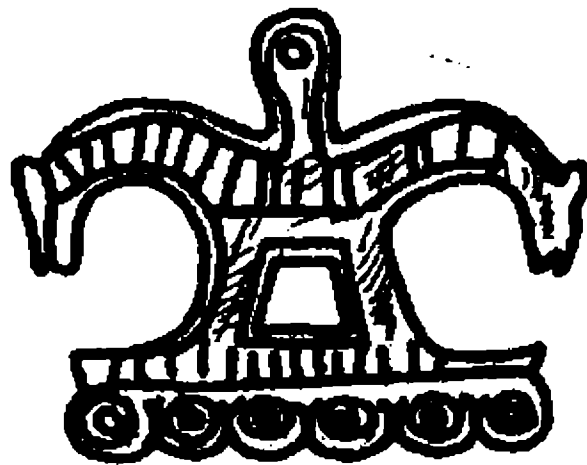

Аксенов В.С., Михеев В.К.

**Население хазарского каганата в
памятниках истории и культуры.
«Сухогомольшанский могильник
VIII-X вв.»**

ВВЕДЕНИЕ

Салтовской или салтово-маяцкой археологической культуре, распространенной во второй половине VIII – первой половине X вв. в лесостепной и степной части бассейна Дона, Оскола и Северского Донца, в советской и современной отечественной историографии уделено самое пристальное внимание. Это объясняется рядом причин, основной из которых является та, что данная территория представляла собой славяно-хазарское пограничье, своеобразную контактную зону, где сосуществовало одновременно полукочевое и оседлое население. Круг письменных источников для решения проблемы этногенеза и развития салтовской культуры довольно узок и с исчерпывающей полнотой проанализирован М.И. Артамоновым, что делает нецелесообразным разбор данного вида источников в настоящей работе (Артамонов 1962). Исследованию отдельных письменных свидетельств посвящен целый ряд специальных работ по истории Хазарского каганата, но они не сообщают нам ни исторического названия указанной территории, ни названий племен, населявших ее.

Наиболее плодотворным для решения проблем этногенеза салтовской культуры Подонья, как свидетельствуют работы М.И. Артамонова, Н.Я. Мерперта, С.А. Плетневой, Г.Е. Афанасьева и ряда других исследователей, был метод, основанный на изучении массового археологического материала. Благодаря ему удалось наиболее аргументированно обосновать принадлежность памятников салтовской культуры лесостепного Подонья алано-болгарским племенам (Артамонов 1962; Афанасьев 1987; Мерперт 1951; Плетнева 1967; Плетнева 1999).

Существуя в рамках одного раннегосударственного политического объединения – Хазарского каганата, в условиях своеобразной унификации материальной культуры, «салтовцы» сохраняли свою этническую чистоту, что наиболее ярко выражено в погребальной обрядности. В настоящее время большинство исследователей не сомневается в принадлежности аланским племенам ряда памятников верхнего Подонья и, прежде всего, могильников с захоронениями в катакомбах по обряду трупоположения. Наиболее полно данный тип погребального обряда исследован на Верхне-Салтовском, Дмитриевском, Маяцком и ряде других могильниках (Плетнева 1989; Покровский 1905; Семенов-Зусер 1949; Семенов-Зусер 1952; Флеров 1993). К иному типу погребального обряда относятся трупоположения в грунтовых ямах. Исследование таких погребений на Нетайловском, Волоконовском, Дмитриевском и Балаклейском могильниках убедительно доказывает принадлежность этой группы памятников праболгарским племенам (Бубенок 1993; Плетнева, Николаевко 1976; Плетнева 1989, 255 - 259; Иченская 1981; Кадвева, Михеев 1972).

В то же время в границах лесостепного варианта салтовской культуры Подонья известен ряд памятников, этническая интерпретация которых является спорной. Это захоронения хазарского времени по обряду трупосожжения на стороне с последующим помещением остатков кремации в яму или урну. Открытие данного погребального обряда в среде салтовского населения бассейна верхнего течения Северского Донца связано с могильником, расположенным на песчаной дюне у

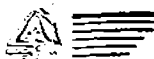

с. Новая Покровка Чугуевского района Харьковской области, что на левом берегу р. Уды (правый приток Северского Донца). Могильник был открыт и исследован И.Ф. Левицим, вскрывшим 14 погребений в 1936 г. К сожалению, все материалы раскопок погибли во время оккупации Харькова в 1941 - 1943 гг. германскими войсками. В 1949 г. исследование могильника продолжил Ю.В. Кухаренко. На разрушенной песчаной дюне ему удалось исследовать 6 погребений с трупосожжениями и два комплекса вещей, которые содержали предметы вооружения и снаряжения коня (Кухаренко 1952). Опираясь на данные погребального обряда и инвентарь, Ю.В. Кухаренко связал с новопокровскими захоронениями комплекс воина-всадника, обнаруженный у с. Тополи (Кухаренко 1951, 105). Комплекс у с. Тополи бывшего Купянского уезда (сейчас Двуречанский район Харьковской области) был обнаружен в конце XIX века и включал предметы вооружения (саблю, наконечники копий и стрел, кинжал), снаряжения коня (удила, стремяна, пряжку сбруи) и предметы быта (очажную цепь, ручку от котла, фибулу, складной серп) (ОАК 1893, 128). Впервые об этом комплексе упомянул Д.И. Багалея в объяснениях к археологической карте Харьковской губернии (Багалея 1905, 69).

Этническая и культурная интерпретация материалов Новопокровского могильника и комплекса у с. Тополи известными исследователями Ю.В. Кухаренко, И.И. Ляпушкиным, Н.Я. Мерпертом, С.А. Плетневой, Б.А. Рыбаковым, А.П. Смирновым, П.Н. Третьяковым, Б.А. Шрамко положила начало обширной историографии изучения салтовских кремационных захоронений (Кухаренко 1951, 107; Ляпушкин 1961, 107; Мерперт 1951, 23; Плетнева 1960, 18 - 19; Плетнева 1962, 94; Плетнева 1967, 100 - 102; Рыбаков 1950, 24; Рыбаков 1953, 103; Смирнов 1958, 273; Третьяков 1970, 105 - 110; Третьяков 1971, 108; Шрамко 1962, 288 - 289).

Расширение базы салтовских кремаций верхнего течения Северского Донца стало возможным с исследованием в 1973 - 1982 гг. у с. Сухая Гомольша Змиевского района Харьковской области Средневековой археологической экспедицией Харьковского госуниверситета под руководством В.К. Михеева грунтового могильника (Рис. 1 - 6) с многочисленными погребениями по обряду трупосожжения (Михеев, Дегтярь 1974, 309; Михеев, Дегтярь 1975, 323; Михеев, Дегтярь 1976, 364 - 365; Михеев 1979, 371).

В 1977 году при проведении земляных работ по устройству оросительной системы около с. Пятницкое Чугуевского р-на Харьковской области были разрушены поселение и могильник на песчаных дюнах в пойме р. Большая Бабка (правый приток Северского Донца). При исследовании памятника установлено, что погребения на могильнике совершались по обряду трупосожжения. Остатки кремации были сложены в ямки круглой формы. Одно из захоронений содержало инвентарь, близкий по составу комплексу у с. Тополи: саблю, наконечник копья, удила, стремяна, пряжки сбруи, бронзовые украшения узды, детали поясного набора, большую очажную цепь. Как могильник, так и селище относятся к кругу салтовских древностей (Буйнов, Дьяченко, Шрамко 1978, 304; Шрамко 1983). При дальнейших археологических работах экспедицией под руководством В.К. Михеева рядом с местом обнаружения вышеупомянутого комплекса было исследовано 6

погребений по обряду трупосожжения, 3 захоронения по обряду трупоположения и погребение коня (Михеев 1985, 11).

В 1972 году на школьном дворе в с. Кочеток (Чугуевский р-н Харьковской обл.) во время земляных работ был найден согнутый пополам средневековый палаш (Михеев 1985, 12), а шестью годами позже здесь же выявлен комплекс вещей, принадлежавший салтовскому воину-всаднику. Комплекс содержал топор-чекан, 13 наконечников стрел, удила, серп, железную фибулу (Дегтярь 1984; Михеев 1985, 123).

В 1984 г. около с. Красная Горка (Балаклейский р-н Харьковской обл.) был открыт биритуальный могильник, который в 1984 - 1992, 1994 гг. исследовался Средневековой экспедицией ХГУ под руководством В.К. Михеева. За это время на могильнике было раскопано 310 погребений, из которых 121 было совершено по обряду трупосожжения и 189 – по обряду трупоположения (Михеев 1990). На сегодня могильник Красная Горка остается пока что самым обширным салтовским биритуальным могильником в бассейне Северского Донца.

В середине 80-х г. XX века при раскопках поселения бондарихинской культуры у с. Вербовка в урочище Лысый Горб (Балаклейский р-н Харьковской обл.) экспедицией под руководством С.В. Воловика было выявлено несколько погребений по обряду трупосожжения, содержащих погребальный инвентарь салтовского типа. Всего на самом высоком месте возвышенности, расположенной в пойме левого берега Северского Донца, экспедиция раскопала три захоронения и один вещевого комплекс. Два из найденных погребений по составу погребального инвентаря (оружие, конское снаряжение) принадлежали воинам-всадникам. Предметы вооружения и конскую сбрую содержал и отдельно расположенный комплекс (Аксенов, Воловик 1999).

Таким образом, источниковая база для решения вопроса этнокультурной принадлежности населения лесостепной полосы верхнего течения Северского Донца в эпоху раннего средневековья значительно расширилась. Это тем более важно, что этническая трактовка салтовских кремаций разными исследователями неоднозначна. В настоящее время существует четыре основных гипотезы принадлежности салтовских кремаций в указанном районе: 1) славянская, 2) тюркская, 3) иранская, 4) угорская. Историографические очерки А.К. Дегтяря и Г.С. Богуславского, в которых детально рассматривается аргументация исследователей, придерживающихся той или иной точки зрения на этническую принадлежность данного типа захоронений, позволяют опустить освещение этого вопроса в нашем исследовании (Дегтярь 1981, 75 – 83; Богуславский 2001, 52 – 57).

В настоящее время становится очевидным, что салтовские кремационные погребения концентрируются в верхнем течении бассейна Северского Донца. Одним из полностью исследованных могильников с погребениями по обряду трупосожжения является Сухогомольшанский некрополь. Однако до последнего времени материалы исследований памятника остаются не введенными в научный оборот, а немногочисленные журнальные публикации "лаконичны и информативного материала в них в целом немного" (Плетнева 1990, 83). Такая ситуация не позволяла подойти в полной мере к решению проблемы хронологии обнаруженных

материалов, их социальной и этнической интерпретации. На современном этапе возникла необходимость дать ответ на эти вопросы, ибо присутствие в бассейне Северского Донца особого этноса, оставившего салтовские кремационные захоронения, общепризнано (Афанасьев 1987, 153; Дегтярь 1981, 82; Михеев 1991, 44; Плетнева 1990, 83). Этот "новый" этнос необходимо исследовать и вписать в социально-экономическую картину жизни северо-западной окраины Хазарского каганата. При этом, существенное значение имеет время появления данного этноса в указанном районе, характер его взаимодействий с аланским и болгарским населением, что мы и попытаемся рассмотреть в настоящей работе.

ОПИСАНИЕ ПОГРЕБЕНИЙ СУХОГОМОЛЬШАНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Погребение № 1. Безурновое (Рис. 7: 1). Захоронение совершено в круглой могильной яме диаметром 0,4 м и глубиной 0,5 м от современной поверхности почвы. Признаки ямы в виде отдельных кусочков древесного угля прослеживались с глубины 0,2 м, а ее контуры – с 0,3 м. Начиная с последнего уровня и до дна могильная яма была заполнена золой и древесным углем. В засыпке ямы на глубине 0,4 м были найдены четыре фрагмента стенок салтовского кувшина, фрагмент желтоглиняного ледного сосуда. На дне ямы компактной кучкой лежали пережеванные человеческие кости. Кости черепа лежали у западного края могильной ямы. Среди остатков сожжения находились железный черешковый нож, бронзовый браслет, фрагмент бронзового перстня, пять обожженных сердоликовых бусин (Рис. 9: 1 - 5).

Погребение № 2. Безурновое (Рис. 7: 2). Захоронение совершено в круглой могильной яме диаметром 0,35 м и глубиной 0,45 м. Контуры ее прослеживались с глубины 0,4 м. От этого уровня до дна могильной ямы компактной массой лежали пережеванные человеческие кости, перемешанные с золой и угольками погребального костра, среди которых находилась половина шаровидной обожженной сердоликовой бусины (Рис. 9: 6). Кости черепа лежали в различных частях ямы.

Погребение № 3. Безурновое (Рис. 7: 3). Захоронение совершено в круглой могильной яме диаметром 0,35 м и глубиной 0,45 м. Контуры ее прослеживались с глубины 0,4 м. От этого уровня и до дна компактной массой лежали пережеванные и частично обожженные человеческие кости, перемешанные с золой и угольками погребального костра, среди которых были найдены семь обожженных сердоликовых бусин (Рис. 9: 7, 8). По заключению антрополога погребенные человеческие кости принадлежали, по-видимому, женщине.

Погребение №4. Безурновое (Рис. 7: 4). Захоронение совершено в круглой могильной яме диаметром 0,4 м и глубиной 0,35 м. Контуры ее были зафиксированы у самого дна по границе компактного распространения золы, угольков

.. Все глубины даны от уровня современной поверхности почвы.

Все антропологические заключения сделаны польским антропологом А. Малиновским.

погребального костра и пережеванных человеческих костей. Инвентарь отсутствовал.

Погребение № 5. Безурновое (Рис. 7: 5). Захоронение совершено в круглой могильной яме диаметром 0,6 м и глубиной 0,35 м. Признаки ямы в виде отдельных кусочков древесного угля из погребального костра прослеживались с глубины 0,2 м, а ее контуры – с глубины 0,35 м по границе распространения золы и угольков, среди которых встречались разбросанные пережеванные кости человека. Инвентарь отсутствовал.

Погребение № 6. Безурновое (Рис. 7: 6). Захоронение совершено в круглой могильной яме диаметром 0,65 м и глубиной 0,3 м. Контуры ее зафиксированы у самого дна по границе распространения золы, угольков погребального костра и разбросанных пережеванных человеческих костей. Кости черепа лежали у западного края могильной ямы. Среди остатков кремации обнаружены железная пряжка, железная соединительная бляшка от ремней конской сбруи и два одинаковых трехлопастных наконечника стрел (Рис. 9: 9 - 11).

Погребение № 7. Безурновое (Рис. 7: 7). Захоронение совершено в овальной могильной яме размером 0,5 x 0,20 м, ориентированной по линии запад – восток. Глубина ямы составляет 0,5 м. Признаки могильной ямы прослеживались с глубины 0,2 м по рассыпанным древесным уголькам, образующим черное округлое пятно диаметром около 0,6 м. Ниже уровня пятна до дна могильная яма заполнена золой и угольками из погребального костра. Среди них на дне ее были разбросаны пережеванные кости человека. Там же среди остатков кремации находились железное кресало, железная соединительная бляшка от ремней конской сбруи (Рис. 9: 12, 13).

Погребение № 8. Безурновое (Рис. 8: 1). Захоронение совершено в круглой могильной яме диаметром около 0,8 м и глубиной 0,6 м. Признаки ямы в виде отдельных древесных угольков прослеживались с глубины 0,2 м, а ее контуры – с глубины 0,4 м. Начиная с уровня 0,4 м до дна яма заполнена золой и древесным углем из погребального костра. На дне могильной ямы были разбросаны пережеванные кости человека, бронзовый браслет, половинка бронзовой туалетной коробочки, трехчастная стеклянная бусина желтого цвета, фрагмент лепного сосуда с ручкой (Рис. 9: 14 - 16).

Погребение № 9. Безурновое (Рис. 7: 8). Захоронение совершено в овальной яме размером 0,55 x 0,3 м, ориентированной по линии запад – восток. Глубина ямы – 0,35 м. Контуры могильной ямы были зафиксированы у самого дна по границе распространения золы, угольков погребального костра и разбросанных пережеванных костей человека. Кости черепа концентрировались в западной части могильной ямы. На дне ямы среди остатков кремации находились следующие вещи: железный наконечник от деревянных ножен ножа, железный язычок поясной пряжки, бронзовая калачевидная серьга, три бронзовых браслета, поврежденные огнем, бронзовое кольцо, бронзовый литой, деформированный под воздействием огня бубенчик, железная фибула с железной цепочкой, к которой прикипела бронзовая пластина, семнадцать обожженных сердоликовых бусин (Рис. 9: 17 - 28).

Погребение № 10. Безурновое (Рис. 7: 9). Захоронение совершено в круглой яме диаметром 0,4 м и глубиной 0,35 м. На дне ее вместе с золой и древесными

углями погребального костра находилась компактная масса пережженных костей человека. Инвентарь отсутствовал.

Погребение № 11. Безурновое (Рис. 7: 10). Захоронение совершено в овальной могильной яме размером 0,65 x 0,45 м, ориентированной по линии север – юг, глубиной 0,35 м. Начиная с глубины 0,3 м, яма заполнена золой, углем из погребального костра и пережженными, разбросанными по дну, человеческими костями. Среди них обнаружены: серебряный граненый браслет, бронзовый перстень, железный пластинчатый пинцет и обожженная сердоликовая бусина (Рис. 9: 29 - 32).

Погребение № 12. Безурновое (Рис. 8: 2). Захоронение совершено в круглой могильной яме диаметром 0,35 м и глубиной 0,38 м. Контуры ямы прослеживались на глубине 0,3 м по границе распространения золы и древесных угольков из погребального костра. Почти в центре ямы, на ее дне, компактной кучкой лежали пережженные кости человека. Инвентарь отсутствовал.

Погребение № 13. Безурновое (Рис. 6: 3). Захоронение совершено в овальной могильной яме размером 0,5 x 0,4 м, ориентированной по линии север – юг, глубиной 0,25 м. Контуры ямы едва прослеживались у самого дна по границе распространения золы, угольков из погребального костра и разбросанных пережженных костей человека. Среди этих остатков находились железный черешковый нож, бронзовый литой бубенчик, две обожженные сердоликовые бусины, фрагмент горла кружки, изготовленной из белой «мыльной» глины (Рис. 9: 33 - 37).

Погребение № 14. Безурновое (Рис. 8: 6). Захоронение совершено в яме прямоугольной формы размером 0,7 x 0,35 м, ориентированной по линии север – юг, глубиной 0,25 м. Контуры могильной ямы едва прослеживались у самого дна по границе распространения золы, древесных угольков из погребального костра и разбросанных пережженных костей человека. Среди остатков сожжения были найдены две сердоликовые бусины и стеклянный бисер, поврежденные огнем (Рис. 9: 38 - 41).

Погребение № 15. Безурновое (Рис. 8: 4). Захоронение совершено в круглой яме диаметром 0,35 м и глубиной 0,3 м. Контуры могильной ямы едва прослеживались у самого дна по границе распространения золы и угольков из погребального костра. В центре ямы компактной массой лежали немногочисленные пережженные кости человека. Инвентарь отсутствовал.

Погребение № 16. Безурновое (Рис. 8: 5). Захоронение совершено в круглой могильной яме диаметром 0,35 м и глубиной 0,3 м. Контуры могильной ямы едва прослеживались у самого дна по границе распространения золы и угольков из погребального костра. В центре ямы компактной массой лежали немногочисленные пережженные кости человека. Инвентарь отсутствовал.

Погребение № 17. Безурновое (Рис. 8: 9). Захоронение совершено в прямоугольной могильной яме размером 0,7 x 0,25 м, ориентированной по линии запад – восток, глубиной 0,6 м. Контуры ее прослеживались с глубины 0,4 м. Начиная от этого уровня и до дна яма была заполнена золой и древесными угольками из погребального костра. На самом дне в разбросанном состоянии находились пережженные кости человека. Среди остатков сожжения лежали

железное стремя, удила с S-видными псалиями, бронзовая фигурная подвеска на пояс, железная поясная пряжка, железная фибула с цепочкой, два железных трехлопастных наконечника стрел (Рис. 10: 1 - 8). Погребальный инвентарь сосредоточен в восточной половине могильной ямы. За пределами ямы были найдены (комплекс II) второе деформированное стремя, железная пряжка, два железных черешковых ножа, железная обойма, две железных скобы, железная фибула (Рис. 11: 3 - 7).

Погребение № 18. Безурное (Рис. 8: 7). Захоронение совершено в овальной яме размером 0,35 x 0,25 м, ориентированной по линии север – юг, глубиной 0,35 м. Признаки ямы стали заметны на глубине 0,3 м. Начиная с этой глубины, яма была заполнена золой и углем погребального костра, под которыми на дне лежали компактно расположенные обожженные кости человека. Среди пережженных костей находилась бронзовая фибула, железная цепочка, спекшаяся под воздействием огня в комок, и стеклянные бусины зеленого цвета (Рис. 9: 42 - 44).

Погребение № 19. Безурное (Рис. 8: 8). Захоронение совершено в овальной могильной яме размером 0,45 x 0,3 м, ориентированной по линии север – юг, глубиной 0,2 м. Признаки ямы обнаружили на глубине 0,2 м. На самом дне могильной ямы вместе с золой и углем из погребального костра лежали в разбросанном виде пережженные кости человека. Кости черепа располагались в северо-восточной части ямы. Среди остатков кремации была найдена верхняя железная обойма от ножен сабли и 33 сердоликовые бусины, 31 из которых подверглась действию огня (Рис. 15: 1 - 4), а также фрагмент венчика кувшина серого цвета с примесью песка, слюды и растительных остатков в глиняном тесте.

Погребение № 20. Безурное (Рис. 8: 10). Захоронение совершено в овальной яме размером 0,3 x 0,25 м, ориентированной по линии запад – восток, глубиной 0,4 м. Признаки ее обнаружили на глубине 0,34 м. Начиная с этого уровня яма была заполнена золой и углем из погребального костра, под которым на дне кучкой лежали пережженные кости человека. Инвентарь отсутствовал.

Погребение № 21. Безурное (Рис. 12: 1). Захоронение совершено в овальной яме размером 0,5 x 0,4 м, ориентированной по линии север – юг, глубиной 0,45 м. Контуры ее прослеживались на глубине 0,4 м. Начиная от этого уровня яма была заполнена золой и углем из погребального костра, перемешанными с пережженными костями человека. Среди них находилась железная цепочка, сплавившаяся под воздействием огня в комок (Рис. 15: 5).

Погребение № 22. Безурное (Рис. 12: 2). Захоронение совершено в круглой яме диаметром 0,4 м и глубиной 0,33 м. Контуры ее были зафиксированы у самого дна (на глубине 0,3 м) по границе распространения золы и угля из погребального костра. Начиная от этого уровня яма заполнена золой, углем и пережженными костями человека. Инвентарь отсутствует.

Погребение № 23. Безурное (Рис. 8: 11). Захоронение совершено в круглой яме диаметром 0,35 м и глубиной 0,3 м (Рис.). Контуры ее начали фиксироваться на глубине 0,27 м по границе распространения золы и угля из погребального костра. Возле центра могильной ямы компактно лежали пережженные кости человека, бронзовый браслет, две обожженные сердоликовые

бусины, железный черешковый нож (Рис. 15: 6 - 9), а также фрагмент венчика и донышка глиняного сосуда.

Погребение № 24. Урновое (Рис. 12: 3). На глубине 0,34 м в круглой в плане яме диаметром 0,35 м стоял вверх дном раздавленный глиняный сосуд-урна. Он прикрывал пережеванные кости человека, очищенные от остатков погребального костра. Среди остатков кремации находился железный черешковый нож (Рис. 15: 10).

Погребение № 25. Безурновое (Рис. 12: 4). Захоронение совершено в круглой яме диаметром 0,25 м и глубиной 0,33 м. Контуры ее зафиксированы на глубине 0,29 м по границе распространения золы и угля из погребального костра. Начиная с этого уровня яма была заполнена золой и углем. На дне ее были сложены компактной массой пережеванные кости человека, среди которых найдена половина крупной обожженной сердоликовой бусины (Рис. 15: 11).

Погребение № 26. Урновое (Рис. 12: 5). На глубине 0,38 м обнаружен горшок-урна, стоящий устьем вниз. Контуры могильной ямы не прослеживались. Урна накрывала пережеванные кости человека, неочищенные от следов погребального костра. Под остатками сожжения найден железный черешковый нож со следами воздействия огня (Рис. 15: 12). Урна – лепной горшок светло-коричневого цвета (Рис. 92: 9), в тесте примесь крупной дресвы и мелкого шамота, тесто плотное, обжиг неровный. Сосуд не орнаментирован.

Погребение № 27. Безурновое (Рис. 12: 6). Захоронение совершено в круглой яме диаметром 0,35 м и глубиной 0,31 м. Признаки ямы были зафиксированы на глубине 0,26 м. Начиная с этого уровня она была заполнена золой, углем из погребального костра и компактно расположенными пережеванными костями человека. Инвентарь отсутствует.

Погребение № 28. Урновое (Рис. 12: 7). На глубине 0,41 м обнаружено два горшка, стоящие устьем вниз. Контуры могильной ямы прослеживались с глубины 0,45 м. Захоронение было совершено в овальной яме размером 0,6 x 0,45 м, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. Один из сосудов оказался урной. Она прикрывала пережеванные кости человека, очищенные от следов погребального костра. Погребальный инвентарь отсутствует. Горшок-урна сделан на ручном гончарном круге, цвет поверхности красноватый с подпалинами (Рис. 89: 6). Тесто с примесью шамота, песка и дресвы. Венчик слегка отогнут наружу и украшен оттисками косо поставленной круглой палочки. Тулово орнаментировано слабым горизонтальным рифлением, выполненным зубчатым штампом. Горшок-приставка сделан на ручном гончарном круге (Рис. 88: 10). Цвет поверхности бурый с подпалинами; в тесте примесь шамота и растительных остатков. Обжиг хороший, поверхность гладкая. Венчик отогнут наружу и украшен по краю отпечатками косо поставленной круглой палочки. Сосуд по тулову орнаментирован зональными горизонтальными вдавлениями тупой палочкой.

Погребение № 29. Урновое (Рис. 12: 8). На глубине 0,29 м обнаружен горшок-урна, стоящий устьем вверх и накрытый крышкой. Контуры могильной ямы прослеживались с глубины 0,25 м. Яма имела в плане круглую форму диаметром 0,35 м. В урне находились пережеванные кости человека, древесный уголь и зола из погребального костра. Среди остатков кремации найдены: железный черешковый

нож, две железные обоймы от деревянных ножен ножа, две бронзовые круглые подвески, сердоликовая бусина, стеклянная бусина, бронзовая туалетная коробочка, два фрагмента костяной застежки, фрагмент ткани, три бронзовые пуговицы, бронзовая бляшка, 4 бронзовые спиралевидные пронизи, бронзовый браслет, бронзовый перстень с ромбовидным щитком и каменной вставкой, бронзовый перстень с жужковиной, железный предмет неизвестного назначения (Рис. 15: 13 - 27). Все предметы повреждены огнем. По определению антрополога погребение принадлежит ребенку в возрасте до 1 года. Горшок-урна сделан на ручном гончарном круге (Рис. 91: 1). Цвет поверхности серый, обжиг качественный. В тесте примесь дресвы, шамота и растительных остатков. Венчик плавно отогнут наружу и украшен по краю вдавлениями косо поставленного зубчатого штампа. По тулову сосуд украшен прочерченными вертикальными и пересекающими их горизонтальными линиями, выполненными тупой палочкой. Роль крышки выполняла донная часть горшка, сделанного на ручном гончарном круге. Цвет поверхности от темно-красного до бурого. Обжиг неровный, в тесте примесь шамота. Тулово орнаментировано горизонтальным рифлением, выполненным зубчатым штампом.

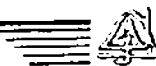
Погребение № 30. Безурновое (Рис. 12: 9). Захоронение совершено в круглой яме диаметром 0,4 м и глубиной 0,36 м. Присутствие ямы прослеживалось с глубины 0,33 м. Начиная с этого уровня, яма была заполнена золой и угльками из погребального костра. На самом дне ямы лежали компактной массой пережеженные кости человека. Среди них были найдены две обожженные сердоликовые бусины (Рис. 15: 29, 30), фрагменты венчика и ручки глиняного кувшина. Рядом с могильной ямой лежала пара золотых сережек (Рис. 15: 28).

Погребение № 31. Безурновое (Рис. 12: 10). Захоронение совершено в круглой яме диаметром 0,5 м и глубиной 0,42 м. Контуры ее прослеживались на глубине 0,29 м. Начиная от этого уровня и до дна, яма была заполнена золой, углем из погребального костра и разбросанными пережеженными человеческими костями. Инвентарь отсутствует.

Погребение № 32. Безурновое (Рис. 12: 11). Захоронение совершено в круглой яме диаметром 0,2 м и глубиной 0,25 м. Контуры ее прослеживались на глубине 0,12 м. Начиная от этого уровня и до дна яма была заполнена золой, углем из погребального костра, а на самом дне находились компактной массой пережеженные кости человека. Инвентарь отсутствует.

Погребение № 33. Безурновое (Рис. 12: 12). Захоронение совершено в круглой яме диаметром 0,3 м и глубиной 0,4 м. Контуры ее прослеживались на глубине 0,24 м. Начиная от этого уровня и до дна яма была заполнена золой, углем из погребального костра, а на самом дне находились компактной массой пережеженные кости человека. Инвентарь отсутствует.

Погребение № 34. Безурновое (Рис. 13: 1). Захоронение совершено в овальной яме размером 0,55 x 0,35 м, ориентированной по линии запад – восток, глубиной 0,34 м. Контуры ее прослеживались на глубине 0,29 м. Начиная от этого уровня и до дна яма была заполнена золой, углем из погребального костра, а на самом дне находились разбросанные пережеженные кости человека. Среди костей были найдены 22 обожженные сердоликовые бусины, костяной игольник,

украшенный солярным орнаментом, фрагмент бронзовой сережки и фрагмент фигурной оковки (Рис. 15: 31 - 33).

Погребение № 35. Урновое (Рис. 13: 2). На глубине 0,5 м был обнаружен разрушенный горшок-урна, установленный устьем вниз. Контуры могильной ямы круглой формы диаметром 0,4 м прослеживались с глубины 0,45 м. В захоронении находились пережеванные кости человека, очищенные от следов погребального костра. Погребальный инвентарь отсутствует. Горшок-урна сделан на ручном гончарном круге (Рис. 88: 3). Цвет поверхности от светло-красного до темно-красного цвета. Обжиг хороший. В тесте примесь шамота и песка. Венчик плавно отогнут наружу и украшен по краю оттисками 4-х зубчатого штампа. По тулову сосуд украшен зональным горизонтальным рифлением, выполненным 6-ти зубчатым штампом (Рис.).

Погребение № 36. Безурновое (Рис. 13: 3). Захоронение совершено в круглой яме диаметром 0,4 м и глубиной 0,44 м. Контуры ее прослеживались на глубине 0,33 м. Начиная от этого уровня и до дна яма была заполнена золой и углем из погребального костра. На дне находились разбросанные пережеванные человеческие кости. Инвентарь отсутствует.

Погребение № 37. Урновое (Рис. 13: 5). На глубине 0,4 м, в овальной яме размерами 0,4 x 0,3 м, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад, устьем вверх стоял раздавленный сосуд-урна, частично заполненный пережеванными костями человека, очищенными от следов погребального костра. Инвентарь отсутствует.

Погребение № 38. Безурновое (Рис. 13: 4). Захоронение совершено в круглой яме диаметром 0,35 м и глубиной 0,4 м. Контуры ее прослеживались на глубине 0,35 м. Начиная от этого уровня и до дна яма была заполнена золой, углем из погребального костра. На дне компактно лежали пережеванные человеческие кости. Инвентарь отсутствует.

Погребение № 39. Урновое (Рис. 13: 6). На глубине 0,4 м обнаружен сосуд-урна, стоящая устьем вниз. Контуры могильной ямы прослеживались с глубины 0,35 м. Могильная яма имела круглую в плане форму. Ее диаметр 0,45 м. В урне находились пережеванные человеческие кости, смешанные с древесным углем и золой погребального костра. Инвентарь отсутствует. В качестве урны использовался горшок, изготовленный на ручном гончарном круге. Поверхность сосуда светло-желтого цвета с красноватым оттенком. В тесте примесь шамота, дресвы и песка. Обжиг хороший. Венчик плавно отогнут наружу и украшен по краю оттиском косо поставленного зубчатого штампа. По тулову нанесен орнамент зубчатым штампом в виде горизонтальных полос (Рис. 88: 4).

Погребение № 40. Безурновое (Рис. 13: 7). Захоронение совершено в круглой яме диаметром 0,35 м и глубиной 0,41 м. Контуры ее прослеживались с глубины 0,35 м. Начиная от этого уровня и до дна яма была заполнена золой и углем из погребального костра. На дне компактной массой лежали пережеванные человеческие кости. Среди остатков кремации находились железные нож, железная фибула с цепочкой, бронзовые браслет и небольшой бубенчик (Рис. 15: 34 - 37).

Погребение № 41. Безурновое (Рис. 13: 8). Захоронение совершено в круглой яме диаметром 0,4 м и глубиной 0,44 м. Контуры ее прослеживались с

глубины 0,32 м. Начиная от этого уровня и до дна, яма была заполнена золой и углем из погребального костра. На дне компактной массой лежали пережеженные человеческие кости. Инвентарь отсутствует.

Погребение № 42. Безурновое (Рис. 13: 9). Захоронение совершено в круглой яме диаметром 0,35 м и глубиной 0,33 м. Контуры ее прослеживались с глубины 0,17 м. Начиная от этого уровня и до дна, яма была заполнена золой, углем из погребального костра и мелкими разбросанными пережеженными человеческими костями. На дне ямы в небольших углублениях лежали два железных черешковых ножа и топорик-чекан с коротким обухом (Рис. 17: 1 - 3).

Погребение № 43. Безурновое (Рис. 13: 10). Захоронение совершено в овальной яме размером 0,4 x 0,35 м, ориентированной по линии запад - восток и глубиной 0,56 м. Контуры ее прослеживались с глубины 0,52 м. Начиная с этого уровня и до дна, яма заполнена золой, углем из погребального костра и мелкими разбросанными пережеженными человеческими костями, среди которых был найден обломок железной пряжки (Рис. 15: 38).

Погребение № 44. Безурновое (Рис. 14: 2). Захоронение совершено в круглой яме диаметром 0,3 м и глубиной 0,2 м. Контуры ее зафиксированы у самого дна по пятну из золы и древесных угольков. В центре ямы находилось небольшое скопление мелких пережеженных человеческих костей. Инвентарь отсутствует.

Погребение № 45. Безурновое (Рис. 14: 3). Захоронение совершено в круглой яме диаметром 0,35 м и глубиной 0,2 м. Контуры ее зафиксированы у самого дна по пятну из золы и древесных угольков. В центре ямы находилось небольшое скопление мелких пережеженных человеческих костей. Инвентарь отсутствует.

Погребение № 46. Безурновое (Рис. 14: 1). Захоронение совершено в прямоугольной яме размером 0,42 x 0,3 м, ориентированной по линии запад - восток и глубиной 0,36 м. Контуры ее зафиксированы у самого дна по пятну из золы и древесных угольков. По дну ямы были разбросаны мелкие пережеженные кости человека. Инвентарь отсутствует. Рядом с погребением находился вещевой комплекс V (Табл.1), содержащий железную поясную пряжку, бронебойный наконечник копья, топорик-чекан, тесло-мотыжку, хозяйственный топор и колчатый сбруйный соединитель (Рис. 19: 1 - 7).

Погребение № 47. Безурновое (Рис. 14: 4). Захоронение совершено в круглой яме диаметром 0,35 м и глубиной 0,41 м. Контуры ее прослеживались с глубины 0,3 м. С этого уровня и до дна, яма заполнена золой и углем из погребального костра, а на самом дне компактной массой лежали пережеженные кости человека, среди которых находилась спекшаяся в комок железная цепочка (Рис. 15: 39).

Погребение № 48. Безурновое (Рис. 14: 5). Захоронение совершено в круглой яме диаметром 0,35 м и глубиной 0,6 м. Контуры ее прослеживались с глубины 0,35 м. Начиная от этого уровня и до дна, яма заполнена золой и углем из погребального костра, а на самом дне компактной массой лежали пережеженные кости человека, среди которых находился бронзовый браслет (Рис. 15: 40). Рядом с погребением находился вещевой комплекс IV (Табл.1), содержащий два железных

ножа, складной серп, две железные сбруйные пряжки, удила с S-видными псапиями, пару стремян (Рис. 18: 1 - 7).

Погребение № 49. Урновое (Рис. 14: 6). На глубине 0,6 м обнаружен горшок-урна, стоящий устьем вниз. Контуры могильной ямы прослеживались с глубины 0,35 м. Могильная яма овальной в плане формы размерами 0,7 x 0,45 м была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Захоронение содержало пережеванные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. Среди остатков сожжения находилась железная фибула, поврежденная огнем погребального костра (Рис. 15: 41). В качестве урны использовался горшок, изготовленный на ручном гончарном круге (Рис. 89: 3). Цвет поверхности желто-красный. Тесто плотное, обжиг неравномерный. В тесте примесь крупного шамота. Венчик слегка отогнут наружу и по краю украшен оттисками косо поставленной круглой палочки. Тулово горшка украшено зональным горизонтальным и пересекающим его наклонным рифлением, выполненным зубчатым штампом.

Погребение № 50. Безурновое (Рис. 14: 7). Захоронение совершено в круглой яме диаметром 0,3 м и глубиной 0,12 м. Контуры ее прослеживались по пятну из золы и древесного угля, в центре которого были сложены пережеванные кости человека. В границах пятна найдено пять сердоликовых бусин, побывавших в огне погребального костра (Рис. 15: 42, 43).

Погребение № 51. Урновое (Рис. 14: 8). На глубине 0,4 м обнаружен сосуд-урна, стоящий устьем вниз и накрытый вторым сосудом больших размеров. Контуры могильной ямы прослеживались с глубины 0,35 м. Могильная яма круглой формы диаметром 0,4 м. Захоронение содержало пережеванные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. Погребальный инвентарь отсутствует. В качестве урны использовался лепной горшок светло-желтого цвета (рис. 91: 4). В тесте примесь мелкого шамота, песка. Обжиг хороший, поверхность гладкая. Венчик отсутствует. Второй горшок светло-желтого цвета, в верхней части – темно-желтого, сделан на ручном гончарном круге. В тесте примесь шамота и песка. Обжиг хороший. Венчик сосуда отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленного зубчатого штампа. Тулово орнаментировано горизонтальным рифлением, выполненным зубчатым штампом.

Погребение № 52. Урновое (Рис. 14: 9). На глубине 0,45 м в круглой яме диаметром 0,35 м стоял вверх дном горшок, под которым находились остатки сожжения в виде очищенных от следов погребального костра пережеванных костей человека. Инвентарь отсутствует. По заключению антрополога захоронение принадлежит ребенку до 6 лет.

Погребение № 53. Безурновое (Рис. 14: 10). Захоронение совершено в круглой яме диаметром 0,3 м и глубиной 0,3 м. На дне ямы компактно лежали пережеванные кости человека, очищенные от следов погребального костра. Среди них был найдены бронзовый бубенчик и фрагмент железной цепочки (Рис. 15: 44, 45).

Погребение № 54. Безурновое (Рис. 14: 11). Захоронение совершено в овальной яме размером 0,5 x 0,4 м, ориентированной по линии запад – восток, глубиной 0,44 м. Признаки ямы прослеживались с глубины 0,35 м. Начиная с этого уровня и до дна яма заполнена золой и углем из погребального костра. По дну ямы

были разбросаны пережеванные кости человека, среди которых найдены следующие вещи: бронзовая спиралевидная пронизь, железная фибула, обрывок железной цепочки, железное колечко, бронзовый перстень, бронзовый наконечник и прорезная бляшка от поясного ремня, железная обойма и наконечник от деревянных ножен для двух ножей, бронзовый чумбурный блок и художественной работы бронзовый кистень (Рис. 17: 4 - 15). Рядом с погребением находился вещевой комплекс VI (Табл.1), содержащий железный нож, долото, сбруйное кольцо, бронзовый чумбурный блок, пару стремян (Рис. 20: 1 - 6).

Погребение № 55. Урновое (Рис. 14: 12). На глубине 0,41 м в овальной яме размером 0,5 x 0,35 м, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад, лежала на боку амфора с преднамеренно отбитым в древности горлом (Рис. 93: 10). Она использовалась в качестве урны, о чем свидетельствуют ссыпанные в нее пережеванные кости человека, очищенные от следов погребального костра. Вместе с остатками сожжения находились два фрагмента амфоры и один фрагмент кувшина. Инвентарь отсутствует. По заключению антрополога захоронение принадлежит женщине 20 - 29 лет.

Погребение № 56. Безурновое (Рис. 16: 1). Захоронение совершено в прямоугольной яме размером 0,4 x 0,35 м, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. Глубина ямы 0,44 м. Контуры ее прослеживались по пятну из золы и древесного угля с глубины 0,4 м. По дну ямы были разбросаны пережеванные кости человека. Инвентарь отсутствует.

Погребение № 57. Безурновое (Рис. 16: 2). Захоронение совершено в овальной яме размером 0,55 x 0,4 м, ориентированной по линии запад – восток, глубиной 0,51 м. На глубине 0,4 м в засыпке ямы обнаружены фрагменты железной фибулы и целая вторая железная фибула (Рис. 17: 16, 17). Яма была заполнена золой, углем из погребального костра и разбросанными пережеванными костями человека.

Погребение № 58. Урновое (Рис. 16: 3). На глубине 0,4 м в круглой яме диаметром 0,5 м стоял устьем вниз горшок-урна. Дно горшка отсутствовало. Под ним находились пережеванные кости человека, очищенные от следов погребального костра. Среди остатков кремации найдены две бронзовые пуговицы, одна позолоченная сережка с зернью, фрагмент второй латунной сережки с подвеской, фрагмент бронзовой пронизи, бронзовый браслет, фрагмент второго бронзового браслета, оплавленная стеклянная бусина (Рис. 17: 18 - 23). В качестве урны использовался горшок, сделанный на ручном гончарном круге (Рис. 89: 8). Цвет поверхности горшка красно-бурый. В тесте примесь шамота и песка. Обжиг неровный. Венчик плавко отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленного зубчатого штампа. Тулово орнаментировано горизонтальным и пересекающим его вертикальным рифлением, выполненным зубчатым штампом (Рис.).

Погребение № 59. Безурновое (Рис. 16: 4). Захоронение совершено в круглой яме диаметром 0,4 м и глубиной 0,44 м. Контуры ее прослеживались с глубины 0,35 м. От этого уровня и до дна яма была заполнена золой, углем погребального костра и разбросанными пережеванными костями человека. Инвентарь отсутствует.

Погребение № 60. Безурновое (Рис. 16: 5). Захоронение совершено в овальной яме размером 0,55 x 0,4 м, ориентированной по линии запад – восток. Глубина ямы 0,45 м. Ее контуры прослеживались с глубины 0,4 м. От этого уровня и до дна яма была заполнена золой, углем из погребального костра и пережеженными человеческими костями. Среди остатков сожжения находились наконечник копья, железный черешковый нож и поясная пряжка (Рис. 17: 24 - 26).

Погребение № 61. Урновое (Рис. 16: 6). Контуры могильной ямы проследить не удалось. На глубине 0,5 м на материковом суглинке стоял дном вверх салтовский лепной горшок. Он прикрывал компактно сложенную кучку пережеженных костей, перемешанных с золой и углем. Среди костей находились пятичастная и две трехчастные бусины желтого цвета, две пастовые бусины, одна мозаичная бусина (Рис. 17: 27 - 29). Под урной на глубине 0,6 м была найдена еще одна мозаичная бусина. Над урной, на глубине 0,2 м от современной поверхности почвы, был обнаружен развал салтовского серолющенного кувшина (Рис.). Урной служил лепной горшок желто-серого цвета со слегка отогнутым наружу венчиком, украшенным по краю пальцевыми вдавлениями (Рис. 90: 4). Тесто с примесью крупного шамота, поверхность бугристая. Обжиг неравномерный, наблюдаются следы вертикального заглаживания.

Погребение № 62. Безурновое (Рис. 16: 7). Захоронение совершено в прямоугольной в плане яме размером 0,7 x 0,5 м, ориентированной длинной осью по линии северо-восток - юго-запад. Дно ямы зафиксировано на глубине 0,5 м. Контуры могильной ямы начали прослеживаться с глубины 0,2 м. С этого уровня и до дна могильная яма была заполнена разбросанными пережеженными костями, перемешанными с золой и древесным углем. Погребальный инвентарь отсутствует.

Погребение № 63. Безурновое (Рис. 16: 8). Захоронение совершено в овальной в плане яме, ориентированной по линии запад - восток. Глубина ямы 0,35 м. С глубины 0,25 м заполнение могильной ямы представляло собой смесь золы, мелких древесных угольков и разбросанных пережеженных человеческих костей. Отмечено некоторое сосредоточение кальцинированных костей в западном краю могильной ямы. Среди костей было обнаружен фрагмент железного ножа и железная поясная пряжка (Рис. 17: 30, 31). Рядом с погребением находился вещевой комплекс VII (Табл.1), содержащий железную поясную пряжку, топорик-чекан, железный нож (Рис. 78: 6 - 8).

Погребение № 64. Урновое (Рис. 16: 9). Контуры могильной ямы не прослеживались. Погребение совершено в слое чернозема на глубине 0,3 м. Развал лепного горшка-урны, установленного вверх дном, накрывал пережеженные человеческие кости, перемешанные с древесным углем и золой. Погребальный инвентарь отсутствует. Рядом с погребением обнаружены фрагменты салтовского лощенного кувшина.

Погребение № 65. Безурновое (Рис. 16: 10). Захоронение совершено в овальной в плане яме размером 0,5 x 0,3 м, ориентированной по линии север - юг. Глубина могильной ямы 0,4 м. Она прослеживалась с глубины 0,2 м в виде разбросанных пережеженных человеческих костей и мелких древесных угольков.

Среди костей был обнаружен складной железный серп с кольцом для подвешивания и следами пребывания в огне (Рис. 17: 32).

Погребение № 66. Урновое (Рис. 16: 11). Контуры могильной ямы не прослеживались. На глубине 0,6 м в слое чернозема был обнаружен салтовский кухонный горшок, перевернутый вверх дном. Он прикрывал кальцинированные кости, перемешанные с древесным углем погребального костра. Погребальный инвентарь отсутствовал. Урной служил салтовский столовый горшок, сделанный на гончарном круге (Рис. 88; 2). Венчик плавно отогнут наружу и украшен вдавлениями косо поставленного зубчатого штампа. Тулово сосуда орнаментировано горизонтальными прочерченными полосами, выполненными зубчатым штампом. Цвет поверхности красный, в верхней части сосуда - темно-коричневый. В тесте большая примесь шамота. Обжиг неравномерный.

Погребение № 67. Урновое (Рис. 21: 11). Захоронение совершено в могильной яме трапециевидной в плане формы с закругленными углами, ориентированной по линии север - юг. Рядом с погребением был найден развал чернолощеного салтовского кувшина. Длина могильной ямы 0,9 м, ширина в северном конце 0,5 м, в южном - 0,35 м. Глубина могильной ямы 0,45 м. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,2 м. Яма с южной стороны была заполнена сажей, а с северной - древесным углем и кусочками обожженной глины. В южной части ямы находился горшок-урна, лежавший на боку. В урне находились пережеванные человеческие кости вместе с древесными угольками. Урной служил асимметричный лепной горшок (Рис. 92: 5). Поверхности сосуда бугристая, не орнаментированная. В тесте примесь шамота. Из-за повторного обжига цвет поверхности не ровный, варьируется от светло-серого до красного. В центре могильной ямы была обнаружена кружечка темно-серого цвета, рядом с которой находились оплавившаяся бусина (Рис. 24: 11) и обожженная кость животного. Кружечка гончарная, поверхность шероховатая (Рис. 93: 9). В тесте большая примесь песка. Обжиг качественный. По антропологическим данным погребение принадлежит ребенку (девочке) 1 - 6 лет.

Погребение № 68. Безурновое (Рис. 21: 12). Захоронение произведено в овальной в плане яме размером 0,75 x 0,3 м, ориентированной по линии север - юг. Дно могильной ямы было зафиксировано на глубине 0,3 м. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,2 м от современной поверхности почвы. Начиная с этого уровня могильная яма была заполнена древесным углем и разбросанными пережеванными человеческими костями. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 69. Урновое (Рис. 21: 3). Контуры могильной ямы не прослеживались. На глубине 0,5 м от современной поверхности почвы стоял дном вверх горшок-урна. Урна прикрывала пережеванные человеческие кости, смешанные с древесным углем из погребального костра. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 70. Урновое (Рис. 21: 4). Контуры могильной ямы не прослеживались. На глубине 0,55 м был обнаружен лепной горшок, установленный устьем вверх и накрытый верхней частью средневековой амфоры с отбитой ручкой. В урне находились пережеванные человеческие кости вместе с древесным углем. Урной служил лепной горшок темно-коричневого цвета (Рис. 91: 3). В тесте примесь

шамота, из-за чего поверхность сосуда бугристая, местами видны следы заглаживания. Тесто по структуре рыхлое. Обжиг неровный. В качестве крышки была использована верхняя часть тонкостенной амфоры светло-желтого цвета (Рис. 93: 11). В тесте примесь мелко толченого кварца. Погребальный инвентарь отсутствовал. Рядом с погребением был обнаружен развал салтовского лощеного кувшина.

Погребение № 71. Безурное (Рис. 21: 5). Захоронение совершено в круглой в плане яме диаметром 0,3 м. Глубина могильной ямы составляла 0,25 м. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,1 м. Заполнение ямы состояло из разбросанных кальцинированных человеческих костей и древесного угля. Погребальный инвентарь отсутствовал.

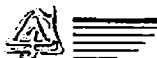
Погребение № 72. Безурное (Рис. 21: 6). Захоронение совершено в овальной в плане яме размером 0,4 x 0,2 м, ориентированной по линии запад - восток. Глубина могильной ямы - 0,2 м. Контуры могильной ямы были прослежены уже на глубине 0,1 м от уровня современной поверхности почвы. Заполнение могильной ямы состояло из разбросанных пережеванных человеческих костей, перемешанных с древесным углем из погребального костра. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 73. Безурное (Рис. 21: 7). Захоронение было произведено в овальной в плане яме размером 0,5 x 0,3 м, ориентированной по линии запад - восток. Глубина могильной ямы - 0,3 м. Контуры могильной ямы прослеживались с глубины 0,2 м от уровня современной поверхности почвы. Заполнение могильной ямы состояло из разбросанных кальцинированных костей и древесных угольков. Среди пережеванных человеческих костей были обнаружены поврежденные огнем бусы, бронзовая подвеска, железная пряжка (Рис. 24: 2 - 5). По определению антрополога погребение принадлежит взрослому индивиду старше 49 лет.

Погребение № 74. Безурное (Рис. 21: 8). Захоронение совершено в круглой в плане могильной яме диаметром 0,5 м и глубиной 0,5 м. Могильная яма прослеживалась с глубина 0,2 м в виде темного пятна, состоящего из грунта, смешанного с древесным углем, и разбросанных пережеванных человеческих костей. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 75. Безурное (Рис. 21: 9). Захоронение совершено в овальной в плане яме размером 0,6 x 0,4 м и глубиной 0,4 м, ориентированной своей длинной осью по линии север - юг. Могильная яма прослеживались с глубины 0,2 м от уровня современной поверхности почвы в виде темного пятна, состоящего из древесных угольков и разбросанных пережеванных человеческих костей. Среди костей были обнаружены: кремь, один железный и два бронзовых браслета, железный нож (Рис. 24: 6 - 9). Все предметы носили следы пребывания в огне. По антропологическим данным погребение принадлежит взрослому индивиду старше 49 лет.

Погребение № 76. Урновое (Рис. 21: 10). На глубине 0,35 м был обнаружен горшок-урна, установленный устьем вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. Урна содержала пережеванные человеческие кости и древесный уголь. Погребальный инвентарь отсутствовал. Урной служила придонная часть лепного горшка красно-коричневого цвета. Поверхность сохранившейся части

сосуда бугристая, не орнаментированная. Тесто содержит примеси крупного и мелкого шамота. Обжиг слабый.

Погребение № 77. Урновое (Рис. 21: 11). На глубине 0,5 м был обнаружен установленный устьем вверх горшок-урна. Контуры могильной ямы не прослеживались. Урна содержала пережеванные человеческие кости, перемешанные с древесным углем. Погребальный инвентарь отсутствовал. В качестве урны был использован красноглиняный лепной горшок. Ве́чик сосуда резко отогнут наружу, не орнаментирован. По тулову горшок украшен редкими вертикальными линиями, прочерченными острым предметом. В тесте присутствует примесь шамота и песка. Поверхность бугристая, обжиг слабый

Погребение № 78. Безурновое (Рис. 22: 1). Захоронение совершено в круглой в плане ямке диаметром 0,3 м и глубиной 0,25 м. Могильная яма прослеживалась с глубины 0,2 м по темному заполнению, состоящему из пережеванных человеческих костей и древесного угля. Кальцинированные кости помещены в ямку компактной кучкой. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 79. Урновое (Рис. 22: 2). На глубине 0,5 м устьем вверх стоял горшок-урна. Контуры могильной ямы не прослеживались. Урна содержала пережеванные человеческие кости и древесный уголь из погребального костра. Среди кальцинированных костей было найдено свинцовое пряслице (Рис. 24: 10). Урной служил гончарный салтовский горшок светло-коричневого цвета. Верхняя часть сосуда не сохранилась, тулово украшено орнаментом в виде горизонтальных и слегка наклонных прочерченных полос, выполненных 4-х зубчатым штампом. Тесто хорошо отмучено, содержит примеси шамота и песка. Поверхность сосуда местами тщательно заглажена. Черепок в изломе 4-х цветный.

Погребение № 80. Урновое (Рис. 22: 3). На глубине 0,5 м в слое чернозема стоял перевернутый вверх дном горшок-урна (Рис. 90: 5). Контуры могильной ямы не прослеживались. Урна прикрывала пережеванные человеческие кости, смешанные с древесным углем. Среди кальцинированных костей находились предметы со следами воздействия огня: железный нож, две сердоликовые бусины, три пастовые бусины, бронзовая копоушка, бронзовый перстень (Рис. 24: 11 - 15). По определению антрополога погребение принадлежит ребенку (девочке) возрастом до 1 года.

Погребение № 81. Урновое (Рис. 22: 4). На глубине 0,5 м был обнаружен развал кухонного горшка-урны, установленного устьем вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. Урна содержала пережеванные кости человека и древесной угодь. Внутри урны были обнаружены предметы со следами пребывания в огне: бронзовый перстень, бронзовые пронизи, железный пинцет с кольцом для подвешивания, два бронзовых бубенчика, бронзовая обоймочка от ножен ножа, биконическое глиняное пряслице, несколько стеклянных бусин (Рис. 24: 16 - 24).

Погребение № 82. Урновое (Рис. 22: 5). На глубине 0,5 м стоял вверх дном кухонный салтовский сосуд-урна. Контуры могильной ямы не прослеживались. Урна содержала пережеванные человеческие кости, перемешанные с древесным углем. Погребение безынвентарное. На той же глубине рядом с урной был обнаружен развал салтовского лепного кувшина. Урной служил лепной горшок со слегка отогнутым наружу венчиком, край которого был украшен вдавлениями от косо

поставленного зубчатого штампа (Рис. 89: 1). Тулово сосуда орнаментировано вертикальным и горизонтальным несимметричным рифлением, которое выполнено зубчатым штампом. Цвет поверхности сосуда - светло-желтый, местами - светло-коричневый. В тесте присутствует хорошо заметная растительная примесь и шамот.

Погребение № 83. Урновое (Рис. 22: 6). На глубине 0,4 м был обнаружен стоящий дном вверх лепной горшок-урна. Контуры могильной ямы не прослеживались. Урна прикрывала пережеженные человеческие кости, перемешанные с древесным углем. Погребальный инвентарь отсутствовал. В качестве урны использован лепной горшок светло-красного цвета со слегка отогнутым наружу венчиком, край которого украшен оттисками косо поставленной тупой палочкой. Тулово сосуда не орнаментировано. В тесте заметна примесь шамота. Поверхность сосуда была до обжига дополнительно обмазана слоем желтой жидкой глины. Обжиг слабый. По определению антрополога погребение принадлежит мужчине 20 - 29 лет.

Погребение № 84. Урновое (Рис. 22: 7). На глубине 0,45 м был обнаружен лежащий на боку сосуд-урна. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеженные человеческие кости и древесный уголь. Погребальный инвентарь отсутствовал. Урной служил лепной горшочек небольших размеров темно-желтого цвета с черными подпалинами (Рис. 92: 4). В тесте примесь мелкого шамота и песка, из-за чего поверхность сосуда бугристая. Обжиг неравномерный.

Погребение № 85. Урновое (Рис. 22: 8). На глубине 0,45 м был обнаружен стоящий устьем вверх сосуд-урна. Контуры могильной ямы не прослеживались. Внутри урны находились пережеженные человеческие кости и древесный уголь. Среди остатков сожжения были найдены: золотая сережка, бронзовый игольник, оплавленные бусы, бронзовая пронизь, железный нож, фрагменты бронзовых оплавленных предметов (Рис. 24: 15 - 29). Все предметы носили следы воздействия огня.

Погребение № 86. Урновое (Рис. 22: 9). На глубине 0,45 м был обнаружен стоящий вверх дном сосуд-урна. Контуры могильной ямы не прослеживались. Сосуд прикрывал пережеженные человеческие кости и древесный уголь. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 87. Урновое (Рис. 22: 10). На глубине 0,55 м был обнаружен стоящий вверх дном сосуд-урна. Контуры могильной ямы не прослеживались. Сосуд прикрывал пережеженные человеческие кости и древесный уголь. Среди остатков кремации обнаружен фрагмент венчика салтовского кувшина светло-коричневого цвета. Тесто хорошо отмучено, содержит примесь мелкого песка. Погребальный инвентарь отсутствовал. В качестве урны был использован красноглиняный горшок со слегка отогнутым наружу венчиком, украшенным по краю косыми насечками. Тулово сосуда украшено орнаментом в виде горизонтальных полос, выполненных гребенчатым штампом.

Погребение № 88. Урновое (Рис. 22: 11). На глубине 0,55 м был обнаружен стоящий вверх дном лепной сосуд-урна. Контуры могильной ямы не прослеживались. Сосуд прикрывал пережеженные человеческие кости и древесный уголь. Погребальный инвентарь отсутствовал. Урной служил горшок темно-желтого,

местами бурого цвета (Рис. 89: 10). Тесто грубое, с примесью крупного шамота. Поверхность бугристая, не орнаментированная. Обжиг неравномерный.

Погребение № 89. Урновое (Рис. 22: 12). На глубине 0,55 м был обнаружен лепной горшок-урна, стоящий устьем вверх и накрытый нижней частью круглодонной средневековой амфоры с отверстиями для связывания. Урна содержала пережеванные человеческие кости и древесные угольки. Среди остатков кремации находились: два бронзовых перстня, бронзовый кистень, бронзовая пронизь с приклепавшей к ней стеклянной бусиной, фрагменты железного предмета, три бронзовых бубенчика, бронзовый браслет в обломках, железная фибула, фрагменты железного черешкового ножа, пара золотых сережек (Рис. 24: 30 - 39).

Погребение № 90. Урновое (Рис. 23: 1). На глубине 0,5 м был зафиксирован стоящий устьем вверх сосуд-урна. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеванные человеческие кости, перемешанные с древесным углем. Среди остатков кремации находились два бронзовых браслета, глиняное пряслице, половинка бронзовой туалетной коробочки (Рис. 24: 40 - 42). Урной служил лепной толстостенный горшок светло-коричневого цвета, подправленный на гончарном круге. В тесте имеется примесь шамота. Поверхность сосуда заглажена, не орнаментирована. Обжиг качественный.

Погребение № 91. Урновое (Рис. 23: 2). На глубине 0,5 м в слое чернозема был зафиксирован стоящий устьем вверх лепной сосуд-урна. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеванные человеческие кости, не очищенные от следов погребального костра. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 92. Урновое (Рис. 23: 3). На глубине 0,83 м был зафиксирован стоящий устьем вверх салтовский кухонный горшок-урна. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеванные человеческие кости, не очищенные от следов погребального костра. Среди остатков кремации было найдено железное кольцо (Рис. 24: 43). В качестве урны использован красноглиняный горшок с закругленным венчиком, слегка отогнутым наружу. От плечиков до дна тулова сосуда было покрыто горизонтальными прочерченными полосами, выполненными при помощи зубчатого штампа. В тесте присутствует шамот, обжиг неровный.

Погребение № 93. Урновое (Рис. 23: 4). На глубине 0,63 м был обнаружен стоящий устьем вверх горшок-урна. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеванные человеческие кости, не очищенные от следов погребального костра. Среди остатков кремации находилось бронзовое, разбитое в древности зеркало, пара серебряных сережек, две бронзовые коньковые подвески (Рис. 25: 1 - 3). Все вещи носили следы воздействия огня. Урной служил салтовский двуручный столовый пифос, покрытый серым ангобом. Венчик сосуда вертикальный, не орнаментированный. Сосуд по тулову украшен вертикальными и редкими горизонтальными прочерченными полосами, выполненными тупой палочкой. В тесте присутствует шамот. Обжиг качественный.

Погребение № 94. Урновое (Рис. 23: 5). На глубине 0,5 м был зафиксирован развал лепного горшка-урны, установленного устьем вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились кальцинированные кости и древесный уголь. Погребальный инвентарь отсутствовал. Урной служил красноглиняный горшок.

Венчик и дно сосуда отсутствовали, поверхность не орнаментирована. В тесте примесь шамота, обжиг слабый.

Погребение № 95. Безурновое (Рис. 23: 6). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,6 x 0,25 м и глубиной 0,25 м ориентированной длинной осью по линии север - юг. Контуры могильной ямы не прослеживались, они были определены по разбросанным пережженным человеческим костям и древесным уголькам. Наибольшее скопление кальцинированных костей было отмечено в южной части могильной ямы. Здесь же под остатками кремации лежали два бронзовых браслета, поврежденные огнем (Рис. 25: 4). В северной части ямы зафиксирован развал салтовского неорнаментированного кухонного горшка красно-коричневого цвета. Сохранилось только его дно. В тесте сосуда присутствует шамот, обжиг слабый.

Погребение № 96. Урновое (Рис. 23: 7). На глубине 0,5 м был обнаружен кухонный горшок-урна, стоящий вверх дном. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились остатки кремации, неочищенные от следов погребального костра. Среди кальцинированных костей и древесного угля находилось 8 стеклянных бусин, бронзовый браслет, железный пинцет (Рис. 25: 5, 9). Вещи повреждены огнем.

Погребение № 97. Безурновое (Рис. 23: 8). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,95 x 0,5 м и глубиной 0,4 м ориентированной длинной осью по линии север - юг. Контуры могильной ямы не прослеживались, они определялись по площади, занимаемой разбросанными пережженными человеческими костями, перемешанными с древесным углем. Наибольшая концентрация кальцинированных костей отмечалась в южной части могильной ямы. Здесь же среди остатков кремации были обнаружены 17 стеклянных бусин, бисер, бронзовое кольцо (Рис. 25: 10, 11). Вещи повреждены огнем. В северном конце могильной ямы стоял лепной красноглиняный горшок, тулов которого орнаментировано горизонтальными прочерченными полосами, выполненными гребенчатым штампом (Рис.). Венчик у сосуда отсутствовал. В тесте имеется примесь шамота. Обжиг слабый.

Погребение № 98. Урновое (Рис. 23: 9). На глубине 0,4 м был зафиксирован лепной горшок-урна, стоящий устьем вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. Урна содержала пережженные человеческие кости вместе с золой и углем погребального костра. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 99. Безурновое (Рис. 23: 10). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,4 x 0,3 м и глубиной 0,4 м ориентированной длинной осью по линии север - юг. Контуры могильной ямы определялись заполнением, состоящим из компактно расположенных пережженных человеческих костей, перемешанных с древесным углем и золой погребального костра. Среди остатков кремации находились два бронзовых браслета, деформированные золотые сережки, носившие следы воздействия огня (Рис. 25: 12, 13).

Погребение № 100. Безурновое (Рис. 26: 1). Захоронение совершено в овальной в плане ямке размером 0,5 x 0,35 м и глубиной 0,4 м, ориентированной длинной оси по линии север - юг. Могильная яма полностью заполнена

пережженными человеческими костями, неочищенными от следов погребального костра. Среди остатков кремации находился бронзовый браслет, поврежденный огнем погребального костра (Рис. 25: 14).

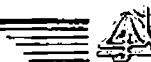
Погребение № 101. Урновое (Рис. 26: 2). На глубине 0,5 м был обнаружен развал салтовского столового горшка-урны, установленного устьем вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. Урна содержала остатки кремации, неочищенные от следов погребального костра. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 102. Урновое (Рис. 26: 3). На глубине 0,75 м был обнаружен лепной горшок-урна, стоящий устьем вверх. Сверху горшок был накрыт крышкой, роль которой выполнял крупный фрагмент стенки другого салтовского сосуда. Контуры могильной ямы не прослеживались. Урна содержала остатки кремации, очищенные от следов погребального костра. Среди них был найден железный черешковый нож со следами воздействия огня (Рис. 25: 15). Урна - лепной горшок светло-коричневого цвета (Рис. 92: 6). Поверхность бугристая, не орнаментирована. В тесте заметны примеси крупного шамота, толченой ракушки, растительных волокон. Крышка - стенка гончарного горшка серого цвета с орнаментом в виде рифленых горизонтальных полос. Тесто с примесью шамота.

Погребение № 103. Урновое (Рис. 26: 5). На глубине 0,45 м был обнаружен развал салтовского лепного горшка-урны, установленного устьем вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережженные человеческие кости, перемешанные с древесным углем. Среди остатков кремации были найдены: бронзовая пронизь, бронзовый браслет, железная пипочка, две железные булавки, стеклянная бусина (Рис. 25: 20 - 23). Все вещи были повреждены огнем погребального костра. Рядом с урной находился гончарный светло-глиняный горшок с красными подпалинами (Рис. 90: 2). Поверхность не орнаментирована. В тесте присутствует примесь мелкого шамота и песка. Обжиг качественный.

Погребение № 104. Урновое (Рис. 26: 4). На глубине 0,4 м был зафиксирован стоящий вверх дном горшок-урна. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережженные человеческие кости и древесный уголь. Среди остатков кремации были найдены стеклянная бусина и фрагмент глиняного пряслица (Рис. 25: 16, 17). Вещи носили следы пребывания в огне погребального костра. Урной служил лепной горшок желтого цвета, подправленный на медленно вращающемся гончарном круге (Рис. 91: 6). Слегка отогнутый наружу венчик орнаментирован по краю оттисками косо поставленного зубчатого штампа. Тулово сосуда орнаментировано зональным горизонтальным рифлением. Обжиг неравномерный.

Погребение № 105. Урновое (Рис. 26: 6). На глубине 0,4 м был обнаружен стоящий вверх дном горшок-урна. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережженные человеческие кости и древесный уголь. В заполнении сосуда найдена бронзовая пронизь, поврежденная огнем погребального костра (Рис. 25: 18). В качестве урны был использован лепной горшок светло-коричневого цвета, подправленный на гончарном круге (Рис. 89: 7). Венчик сосуда слегка отогнут наружу и орнаментирован по краю оттисками многозубчатого штампа.

Тулово украшено горизонтальным зональным рифлением. В тесте присутствуют примеси в виде мелкого шамота и песка. Обжиг качественный.

Погребение № 106. Урновое (Рис. 26: 7). Обнаружено рядом с погребением №105. На глубине 0,65 м был обнаружен стоящий вверх дном кухонный горшок-урна. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеванные человеческие кости и древесный уголь. В заполнении сосуда найдена бронзовая пронизь, поврежденная огнем погребального костра (Рис. 25: 19).

Погребение № 107. Урновое (Рис. 26: 8). На глубине 0,4 м был обнаружен лепной горшок-урна с примесью крупного шамота в тесте, орнаментированный по тулову горизонтальными вдавлениями зубчатого штампа. Венчик сосуда плавно отогнут наружу и украшен оттисками тупой палочки по краю венчика. Сосуд оказался раздавленным на мелкие фрагменты и восстановлению не подлежал. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне, стоящей вверх дном, находились пережеванные человеческие кости, перемешанные с древесным углем погребального костра. Среди остатков кремации были найдены следующие предметы: шесть бронзовых литых бубенчиков, 29 бусин, 14 бронзовых спиралевидных пронизей, два бронзовых проволочных браслета, бронзовый перстень и раздавленное бронзовое зеркало (Рис. 25: 24 - 38). Все предметы были повреждены огнем.

Погребение № 108. Урновое (Рис. 26: 9). На глубине 0,4 м был расчищен лощеный гончарный сосуд без дна, стоящий устьем вверх. В сосуде находились остатки сожжения в виде кусочков древесного угля и кальцинированных человеческих костей. Среди них были найдены два бронзовых проволочных браслета (Рис. 29: 1 - 2) и несколько фрагментов керамики. Урной служил гончарный горшок красноватого цвета (Рис. 90: 1). Тесто плотное, хорошо отмучено с примесью мелкого шамота и песка. Обжиг качественный. По плечу сосуд орнаментирован горизонтальными вдавлениями тупой палочки.

Погребение № 109. Безурновое (Рис. 27: 1). Захоронение было совершено в прямоугольной в плане ямке с сильно закругленными углами размерами 0,82 x 0,45 м, ориентированной своей длинной осью по линии запад - восток. Контуры могильной ямы стали прослеживаться с глубины 0,1 м в виде глиняной обмазки толщиной 0,01 - 0,03 м по всему периметру ямы. Стенки ямы обмазаны глиной на всю ее глубину - до 0,7 м и обожжены. Дно глиной не обмазывалось и было врезано на 0,1 м в материк. Оно было покрыто тонким (до 0,01 м) слоем пережеванных человеческих костей. Выше них располагался слой древесного угля, толщина которого достигала 0,08 м. Сверху его перекрывал слой обожженной глиняной обмазки толщиной 0,01 - 0,03 м. Погребение безыventarioное.

Погребение № 110. Безурновое (Рис. 26: 10). Захоронение совершено в овальной в плане ямке размерами 0,3 x 0,75 м, ориентированной по линии восток-запад. Глубина ее составляла 0,45 м. Контуры могильной ямы прослежены с глубины 0,2 м в виде кусочков обожженной глины, мелких древесных угольков и отдельных кальцинированных костей. Основная масса человеческих останков находилась на дне могильной ямы. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 111. Безурновое (Рис. 27: 2). Захоронение совершено в прямоугольной в плане с сильно закругленными углами могильной яме размерами

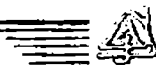

0,45 x 0,95 м, ориентированной своей длинной осью по линии восток - запад. Глубина ямы - 0,7 м. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,2 м в виде единичных пережеванных человеческих костей и мелких древесных угольков. Основная часть кальцинированных костей располагалась компактной кучкой в западной части могильной ямы. Здесь же был обнаружен развал небольшого лепного горшка неправильной формы (Рис. 92: 8). Поверхность горшка имеет светло-красный цвет, в тесте присутствует примесь крупного и мелкого шамота. Сосуд носит следы повторного обжига. В горшке находились обожженные сердоликовые бусы. В центре могильной ямы устьем вверх стояла салтовская кружечка с петельчатой ручкой (Рис. 93: 3). Поверхность кружки красноватого цвета, в тесте примесь песка и шамота. Обжиг качественный, на внешней поверхности сохранились следы лощения. Кружка носит следы повторного обжига. В ней содержались следующие предметы: железный нож, бронзовый проволочный браслет, железная фибула, железная цепочка, бронзовое кольцо диаметром 50 мм, обломок бронзовой заклепки, слепшиеся стеклянные бусы и бронзовый браслет. Среди разбросанных по дну могильной ямы пережеванных костей находились две бронзовые литые пуговицы, обломок бронзовой фибулы, железная пряжка, железный наконечник от ножен с кольцом для подвешивания, железная игла, железная петля от колчана, фрагменты бронзового предмета (Рис. 29: 3 - 22). Все предметы носили следы пребывания в огне. Рядом с захоронением был обнаружен комплекс VIII (Табл. 1), содержащий стремя, бронзовую копоушку, фрагмент сплешей кольчуги (?) (Рис. 78: 9 - 11).

Погребение № 112. Безурновое (Рис. 26: 11). Захоронение совершено в круглой в плане ямке диаметром 0,25 м и глубиной 0,45 м. Могильная яма прослеживалась с глубины 0,3 м в виде темного пятна, состоящего из древесного угля и золы. На этой глубине в заполнении ямы были найдены три обожженные сердоликовые бусины (Рис. 29: 24) и сырая кость животного. Ниже, до глубины 0,45 м яма была заполнена древесным углем, перемешанным с немногочисленными разбросанными кальцинированными человеческими костями.

Погребение № 113. Безурновое (Рис. 27: 3). Захоронение произведено в круглой в плане могильной ямке диаметром 0,2 м и глубиной 0,25 м. Контуры ямы удалось проследить с глубины 0,2 м по вкраплениям древесных углей и отдельных разбросанных пережеванных человеческих костей. В заполнении могильной ямы обнаружен железный ободок от деревянного сосуда (Рис. 29: 25). В 1,0 м к западу от могильной ямы на глубине 0,2 м было найдено несколько сырых костей от крупного рогатого скота.

Погребение № 114. Безурновое (Рис. 27: 4). Захоронение совершено в круглой в плане могильной ямке диаметром 0,25 м и глубиной 0,45 м. Контуры ямы прослежены с глубины 0,3 м. Начиная с этого уровня и до дна яма была заполнена компактной массой пережеванных человеческих костей, перемешанных с древесным углем. По определению антрополога погребение принадлежит женщине 40 - 49 лет. Среди остатков кремации находились поврежденные огнем бронзовая спиралевидная пронизь, бронзовый проволочный браслет, 70 шаровидных и 4 граненых сердоликовых бусины (Рис. 29: 26 - 33).

Погребение № 115. Безурновое (Рис. 27: 5). Захоронение совершено в круглой в плане ямке диаметром 0,2 м и глубиной 0,45 м. Контуры могильной ямы прослеживались с глубины 0,3 м. Начиная с этого уровня и до дна яма оказалась заполненной компактной массой пережеванных человеческих костей, перемешанных с древесным углем. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 116. Безурновое (Рис. 27: 6). Захоронение совершено в круглой в плане ямке диаметром 0,45 м и глубиной 0,4 м. Контуры могильной ямы прослеживались с глубины 0,2 м. Начиная с этого уровня и до дна яма была заполнена древесными угольками и разбросанными пережеванными человеческими костями. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 117. Безурновое (Рис. 27: 7). Захоронение было совершено в прямоугольной с закругленными углами яме размерами 1,1 x 0,75 м ориентированной длинной осью по линии северо-запад - юго-восток. Дно могильной ямы находилось на глубине 0,49 м. Контуры ямы были прослежены с глубины 0,15 м в виде древесных угольков и глиняной обожженной обмазки толщиной 0,01 - 0,03 м. Стенки ямы обмазаны на всю ее глубину. Дно ямы - грунтовое, без следов обмазки и обжига. Дно ямы устилало пережеванные человеческие кости слоем толщиной 0,01 - 0,02 м. Человеческие останки сверху были перекрыты линзой древесного угля. На дне ямы, в ее северо-западной части, лежала на боку салтовская гончарная кружка с отбитой в древности ручкой (Рис. 93: 4). Ее поверхность имеет желтовато-красный цвет. В тесте присутствует примесь в виде толченой ракушки. Обжиг качественный, поверхность не орнаментирована. Рядом с кружкой лежали два железных ножа, железная пряжка, обрывок бронзовой цепочки (Рис. 29: 34 - 36). Все предметы повреждены огнем. В центре могильной ямы была расчищена придонная часть салтовской кружечки (Рис. 93: 6). Поверхность сосуда имеет красноватый оттенок, в тесте примесь песка. Обжиг качественный. Сосуд украшен орнаментом из горизонтальных и вертикальных оттисков тупой полоски. Рядом с ним находились фрагменты еще одного сосуда. Это был лепной горшочек с темно-коричневой поверхностью (Рис. 92: 10). Обжиг слабый, в тесте примесь крупного шамота. Тулово сосуда не орнаментировано, лишь по краю венчика-насечки тупой палочкой.

Погребение № 118. Безурновое (Рис. 27: 8). Захоронение совершено в круглой в плане могильной ямке диаметром 0,4 м и глубиной 0,4 м. Контуры могильной ямы были прослежены с глубины 0,3 м. Начиная с этого уровня и до дна могильную яму заполняла компактная масса плохо пережеванных человеческих костей, перемешанных с древесным углем. Человеческие останки принадлежат женщине 20 - 29 лет. Погребение безынвентарное.

Погребение № 119. Безурновое (Рис. 28: 1). Захоронение совершено в округлой в плане могильной яме диаметром 0,5 м и глубиной 0,4 м. Контуры ее прослеживались с глубины 0,2 м в виде компактного скопления пережеванных человеческих останков. Среди них были обнаружены: точильный брусок, круглая железная обойма, железная пряжка (Рис. 29: 37 - 40). Предметы носили следы воздействия огня. Рядом с могильной ямой на глубине 0,15 м была обнаружена лежащая вверх дном придонная часть салтовской кружки (Рис. 93: 7). Обжиг качественный, поверхность светло-коричневого цвета, в тесте примесь песка.

Погребение № 120. Безурновое (Рис. 28: 2). Остатки кремации находились в овальной в плане ямке размерами 0,45 x 0,95 м, ориентированной длинной осью по линии северо-запад - юго-восток. Глубина ямы - 0,4 м. Ее контуры не прослеживались. На дне ямы находились древесные угольки и разбросанные пережженные человеческие кости. Среди них найдены: железная фибула, сфероликовая бусина, каменное лоцило (Рис. 29: 41 - 43). Предметы имеют следы пребывания в огне.

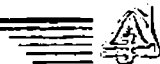
Погребение № 121. Безурновое (Рис. 28: 4). Захоронение совершено в прямоугольной в плане ямке с сильно закругленными углами размерами 0,4 x 0,78 м и глубиной 0,8 м, ориентированной длинной осью по линии север - юг. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,4 м. От этого уровня и до дна яма была заполнена разбросанными пережженными человеческими костями, перемешанными с древесным углем. Погребение принадлежит женщине 40 - 49 лет. Среди костей обнаружен фрагментированный бронзовый проволочный браслет, три стеклянных бусины, обрывок железной цепочки (Рис. 30: 1 - 6). Предметы имеют следы воздействия огня. В центре могильной ямы лежал на боку салтовский кувшинчик (Рис.).

Погребение № 122. Безурновое (Рис. 28: 3). Захоронение произведено в овальной в плане ямке размером 0,12 x 0,25 м и глубиной 0,5 м, ориентированной длинной осью по линии восток - запад. Контуры могильной ямы удалось проследить с глубины 0,4 м. Начиная с этой глубины и до дна яма была заполнена компактной массой пережженных человеческих останков, перемешанных с кусочками древесного угля. По определению антрополога, пережженные кости принадлежали двум погребенным: мужчине 20 - 29 лет и ребенку в возрасте от 1 до 6 лет. В засыпке ямы обнаружен бронзовый обушок кистеня и железная фибула (Рис. 30: 7, 8). Рядом с погребением был обнаружен комплекс IX (Табл. 1), содержащий пару стремян и удила с гвоздевидными псалями (Рис. 56).

Погребение № 123. Безурновое (Рис. 28: 5). Захоронение совершено в округлой в плане могильной ямке диаметром 0,25 м и глубиной 0,35 м. Контуры могильной ямы удалось проследить с глубины 0,35 м. От этого уровня и до дна яма оказалась заполненной древесными углями и разбросанными пережженными человеческими костями. В засыпке ямы обнаружен фрагментированный железный серп, поврежденный огнем (Рис. 30: 9).

Погребение № 124. Безурновое (Рис. 27: 9). Захоронение произведено в округлой в плане могильной ямке диаметром 0,2 м и глубиной 0,45 м. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,4 м. От этого уровня и до дна яма была заполнена компактной массой пережженных человеческих останков и древесных углей. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 125. Безурновое (Рис. 28: 6). Захоронение произведено в овальной в плане могильной яме размером 0,45 x 0,8 м и глубиной 0,63 м, ориентированной длинной осью по линии север - юг. Контуры ее были прослежены с глубины 0,4 м. От этого уровня и до дна яма была заполнена древесным углем и разбросанными кальцинированными человеческими костями, которые концентрировались ближе ко дну. Среди древесных углей, над основной массой останков погребенной были обнаружены: два бронзовых проволочных браслета,

железный нож, железная фибула, обрывок железной цепочки, бронзовый литой бубенчик, 11 сердоликовых бус, железная петля от колчана (Рис. 30: 10 - 16). Предметы носят следы воздействия огня. В центре ямы находился развал салтовского лощеного кувшина (Рис.).

Погребение № 126. Урновое (Рис. 28: 7). На глубине 0,5 м обнаружен стоящий устьем вверх небольшой горшок-урна. Горшок лепной, поверхность желтого цвета, не орнаментирована (Рис. 89: 4). Обжиг слабый, в тесте заметны примеси шамота средних размеров. Сосуд содержал пережженные человеческие кости, перемешанные с древесным углем. Здесь же были зафиксированы фрагменты кружечки. Кружечка лепная со следами заглаживания поверхности, белого цвета (Рис. 93: 8). В тесте примесь мелкого шамота. Погребальный инвентарь отсутствовал. Остатки кремации принадлежали взрослому человеку.

Погребение № 127. Безурновое (Рис. 27: 8). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,4 x 0,85 м и глубиной 0,55 м, ориентированной длинной осью по линии восток - запад. Ее контуры прослежены с глубины 0,4 м. С этого уровня и до дна яма была заполнена разбросанными кальцинированными косточками и древесным углем. Кости черепа лежали на дне в западной части могильной ямы. Вместе с остатками кремации обнаружены два железных ножа и железное пластинчатое кресало (Рис. 30: 17 - 19).

Погребение № 128. Урновое (Рис. 28: 9). На глубине 0,6 м был обнаружен салтовский кухонный горшок-урна, стоящий дном вверх на подстилке из стенки подобного кухонного горшка. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережженные человеческие кости, неочищенные от следов погребального костра. Среди остатков кремации найдены бронзовая литая туалетная коробочка из двух половинок, бронзовые спиралевидные пронизи, свинцовое колечко, бронзовый литой бубенчик, две бронзовые литые пуговицы, круглая бронзовая бляшка, сплещишиеся стеклянные бусы (Рис. 30: 20 - 28). Останки принадлежат ребенку в возрасте от 1 до 6 лет. Урной служил горшок светло-желтого с подпалинами цвета, изготовленный на ручном гончарном круге (Рис. 88: 6). Обжиг слабый, в тесте примесь мелкого шамота. Венчик плоский, слегка отогнутый наружу. По венчику отпечатки косо поставленного зубчатого штампа. По тулову сосуда нанесен орнамент в виде горизонтального рифления, выполненный зубчатым штампом. Подстилкой служил фрагмент подобного сосуда меньшего размера, изготовленный из глины с примесью шамота средних размеров. Венчик уплощенный, слегка отогнутый наружу. По венчику нанесен орнамент, выполненный оттиском косо поставленной круглой палочки. Плечики сосуда покрыты горизонтальным рифлением, выполненным с помощью зубчатого штампа.

Погребение № 129. Урновое (Рис. 31: 1). На глубине 0,4 м обнаружен горшок-урна, стоящий устьем вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. Урна содержала пережженные человеческие кости, смешанные с древесным углем. Погребение безинвентарное. Урной служил горшок светло-желтого цвета, изготовленный на ручном гончарном круге (Рис. 88: 7). Обжиг неровный, тесте содержит примеси мелкого шамота и песка. Венчик плавно отогнут наружу и украшен по краю отпечатками косо поставленного зубчатого штампа. Тулову

украшено орнаментом в виде горизонтального рифления, выполненного зубчатым штампом.

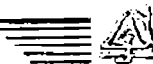
Погребение № 130. Урновое (Рис. 31: 2). На глубине 0,5 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. Урна накрывала пережеженные человеческие кости, смешанные с древесным углем. Погребение безынвентарное. Урной служил горшок, изготовленный на ручном гончарном круге, светло-желтого цвета (Рис. 88: 8). Обжиг качественный, тесто содержит примесь мелкого шамота. Поверхность сосуда тщательно заглажена. Венчик плавно отогнут наружу, и украшен по краю отпечатками косо поставленного зубчатого штампа. Плечики сосуда украшены редкими горизонтальными и чуть наклонными вдавлениями тупой палочки.

Погребение № 131. Урновое (Рис. 31: 3). На глубине 0,5 м была обнаружена верхняя часть горшка-урны, стоящей устьем вниз. Контуры могильной ямы не прослеживались. Урна содержала неочищенные от следов погребального костра пережеженные человеческие кости. Среди остатков кремации находилась бронзовая шумящая коньковая подвеска и две обожженные сердоликовые бусины (Рис. 30: 29, 30). Урной служил гончарный горшок серого цвета. Обжиг качественный, тесто хорошо отмучено и содержит примеси мелкого шамота. Поверхность сосуда тщательно заглажена. Венчик плавно отогнут наружу и украшен по краю отпечатками косо поставленного четырехзубчатого штампа. Тулово сосуда покрыто горизонтальным и чуть наклонным рифлением, выполненным четырехзубчатым штампом.

Погребение № 132. Урновое (Рис. 31: 4). На глубине 0,45 м была обнаружена верхняя часть горшка-урны, стоящей устьем вниз. Контуры могильной ямы не прослеживались. Урна прикрывала пережеженные человеческие кости, смешанные с древесным углем. Внутри урны обнаружены золотая сережка, четыре бронзовых проволочных браслета, железный нож (Рис. 30: 31 - 35). Урной служил лепной горшок, подправленный на гончарном круге. Цвет поверхности сосуда красно-коричневый. Обжиг неровный, тесто содержит примеси среднего и крупного шамота, органические примеси, которые выгорели при обжиге. Венчик плавно отогнут наружу, закруглен и украшен по краю отпечатками косо поставленной тупой палочки. Тулово сосуда орнаментировано редким горизонтальным рифлением, произведенным тупой палочкой.

Погребение № 133. Урновое (Рис. 31: 5). На глубине 0,45 м была зафиксирована урна, стоящая дном вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. Урна содержала пережеженные человеческие кости, смешанные с древесным углем. Среди остатков кремации находились обломок железной оковки от сундучка и три бусины (Рис. 30: 36, 37).

Погребение № 134. Урновое (Рис. 31: 6). На глубине 0,65 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. Урна содержала пережеженные человеческие кости, смешанные с древесным углем. Погребение безынвентарное. Урной служил большой кухонный горшок светло-желтого цвета, изготовленный на ручном гончарном круге. Обжиг неровный, в тесте примеси крупного шамота и песка. Венчик плавно отогнут наружу и украшен по краю

отпечатками косо поставленного мелкозубчатого штампа. Тулово покрыто орнаментом в виде горизонтального рифления, выполненного зубчатым штампом.

Погребение № 135. Урновое (Рис. 31: 7). На глубине 0,5 м был обнаружен горшок-урна, стоящий вверх дном. Контуры могильной ямы не прослеживались. Урна содержала пережеванные человеческие кости, перемешанные с древесным углем. Среди остатков кремации обнаружены железное кресало, бронзовый предмет плохой сохранности, бронзовое колечко от поясной бляшки, бронзовая пряжка (Рис. 30: 38 - 40). Урной служил горшок, изготовленный на ручном гончарном круге, светло-желтого цвета (Рис. 89: 5). Обжиг хороший, в тесте примеси мелкого шамота. Венчик плавно отогнут наружу и украшен по краю отпечатками косо поставленного зубчатого штампа. Тулово сосуда покрыто пересекающимися горизонтальными и слегка наклонными прочерченными линиями, выполненными зубчатым штампом. Дно сосуда отсутствует.

Погребение № 136. Урновое (Рис. 31: 8). На глубине 0,5 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. Урна содержала неочищенные от следов погребального костра пережеванные человеческие кости. Среди них находились золотая сережка, два игольника, два железных ножа, бронзовый оплавленный браслет (Рис. 33: 1 - 6). Урной служил двуручный кафес темно-серого цвета, изготовленный на гончарном круге (Рис. 91: 9). Обжиг качественный, в тесте примеси полевого шпата, дресвы, растительных добавок. Венчик плавно отогнут наружу. Сосуд орнаментирован двумя параллельными каннелюрами на уровне ручек.

Погребение № 137. Урновое (Рис. 31: 9) На глубине 0,55 м был обнаружен развал горшка-урны, стоявшей дном вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. Урна содержала пережеванные человеческие кости, перемешанные с древесным углем. Среди остатков кремации обнаружены бронзовая подвеска-амулет, свинцовое пряслице (Рис. 33: 7, 8). Урной служил толстостенный лепной горшок светло-коричневого цвета. Обжиг неровный, в тесте примеси среднего шамота. Поверхность носит следы заглаживания. Венчик плоский, слегка отогнут наружу и украшен по краю косыми насечками. Тулово сосуда покрыто горизонтальным рифлением, выполненным зубчатым штампом.

Погребение № 138. Урновое (Рис. 31: 10). На глубине 0,45 м был обнаружен горшок-урна, стоящий устьем вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. Урна содержала пережеванные человеческие кости, перемешанные с древесным углем. Рядом с урной находился развал красноглиняного салтовского тонкостенного кувшина. Погребальный инвентарь отсутствовал. В качестве урны был использован горшок буро-красного цвета, изготовленный на ручном гончарном круге (Рис. 88: 9). Обжиг хороший, в тесте примесь шамота. Венчик плавно отогнут наружу и украшен по краю косыми отпечатками округлой палочки. Тулово сосуда покрыто горизонтальными прочерченными линиями, выполненными зубчатым штампом.

Погребение № 139. Урновое (Рис. 31: 11). На глубине 0,45 м находился горшок-урна, стоящий устьем вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. Верхняя часть сосуда разрушена при вспашке. В урне находились пережеванные человеческие кости и древесный уголь. Среди них были обнаружены два бронзовых браслета (Рис. 33: 18). Рядом с урной был обнаружен развал лощеного салтовского

кувшина. Урной служил горшок светло-коричневого цвета, изготовленный на ручном гончарном круге (Рис. 89: 2). Обжиг хороший, в тесте примеси мелкого шамота и песка. Тулово сосуда орнаментировано горизонтальным и редким наклонным зональным рифлением, выполненным зубчатым штампом.

Погребение № 140. Урновое (Рис. 31: 12). Рядом с погребением № 126 на глубине 0,5 м был обнаружен развал горшка-урны, стоявшей устьем вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеванные человеческие кости и древесный уголь. Рядом с урной обнаружены развалы еще двух сосудов: светло-глиняной салтовской кружечки и чернолощеного кувшина. Погребение безымянное. Урной служил гончарный горшок светло-коричневого цвета. Обжиг хороший, поверхность заглажена, в тесте примеси мелкого шамота, дресвы и речного песка. Венчик плоский, плавно отогнут наружу. По центру тулова и у дна сосуд покрыт горизонтальным зональным рифлением, выполненным шестиугольным штампом.

Погребение № 141. Урновое (Рис. 32: 1). На глубине 0,4 м был обнаружен развал горшка-урны, стоявшей устьем вверх и накрытой крышкой. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеванные человеческие кости, перемешанные с древесным углем. Среди остатков кремации обнаружены следующие предметы: костяная подвеска, 35 бронзовых спиралевидных пронизей, три бронзовых литых бубенчика, один из которых деформировался под воздействием огня, 13 стеклянных бусин, оплавившиеся бронзовые бляшки, два фрагментированных бронзовых проволочных браслета, две шумящие коньковые подвески, одна из которых сильно повреждена огнем (Рис. 33: 9 - 17). Все предметы несут следы воздействия огня. Урной служил гончарный горшок красно-коричневого цвета. Обжиг хороший, в тесте содержит примеси мелкого шамота. Венчик плавно отогнут наружу и украшен по краю отпечатками косо поставленной круглой палочки. Тулово сосуда покрыто горизонтальным зональным рифлением, выполненным зубчатым штампом. В качестве крышки была использована придонная часть гончарного горшка серого цвета. В тесте присутствуют примеси в виде крупного шамота и речного песка.

Погребение № 142. Безурновое (Рис. 32: 2). Захоронение произведено в овальной в плане могильной яме размером 0,75 x 0,95 м и глубиной 0,4 м, ориентированной длинной осью по линии северо-запад - юго-восток. Контуры ее прослежены с глубины 0,25 м в виде разбросанных кальцинированных костей и древесного угля. Среди остатков кремации обнаружены: золотая сережка, фрагменты бронзовых проволочных браслетов, сердоликовая вставка от перстня, две стеклянных бусины, одна бисерина, 145 обожженных сердоликовых бусин, фрагменты железного предмета, спекшиеся со стеклянными бусинами и бронзовыми спиралевидными пронизями (Рис. 33: 19 - 29), кусочки древесного угля с прилипевшими к ним остатками кожи и ткани. Все предметы несут следы воздействия огня. Останки кремации принадлежат взрослому индивиду.

Погребение № 143. Безурновое (Рис. 32: 3). Захоронение совершено в круглой в плане могильной яме диаметром 0,5 м и глубиной 0,45 м. Контуры ее прослежены с глубины 0,25 м. С этого уровня и до дна яма была заполнена разбросанными кальцинированными косточками и древесным углем. Среди них

обнаружены: фрагменты чумбурного блока, два бронзовых перстня, восемь бронзовых спиралевидных пронизей, две бронзовые копоушки, бронзовый проволочный браслет, фрагмент железной цепочки, железная фибула, фрагмент железной пряжки, железный пластинчатый пинцет, бронзовая цепочка с бляшкой, 115 обожженных сердоликовых бусин, железная петля от колчана (Рис. 33: 30 - 47). Погребение принадлежит женщине 20 - 29 лет.

Погребение № 144. Безурновое (Рис. 32: 4). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,45 x 0,5 м и глубиной 0,35 м, ориентированной длинной осью по линии восток - запад. Контуры ее прослежены с глубины 0,2 м. С этого уровня и до самого дна яма оказалась заполненной компактно расположенными кальцинированными косточками, перемешанными с древесным углем. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 145. Безурновое (Рис. 32: 5). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,4 x 0,55 м и глубиной 0,45 м, ориентированной длинной осью по линии север - юг. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,25 м. С этой глубины и до дна могильная яма была заполнена разбросанными кальцинированными косточками, перемешанных с древесным углем. Среди остатков кремации найдены: бронзовая подвеска-амулет, четыре бронзовых проволочных браслета, фрагменты еще одного бронзового проволочного браслета, золотая сережка, 10 бисерин (Рис. 33: 48 - 53).

Погребение № 146. Урновое (Рис. 32: 6). На глубине 0,55 м был обнаружен лепной горшок-урна, стоявший устьем вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеванные человеческие кости и древесный уголь. Погребение безынвентарное. Урной служил лепной горшок темно-коричневого цвета. Обжиг сосуда неровный, поверхность заглажена, в тесте примесь шамота. Венчик гладко отогнут наружу и украшен по краю оттисками палочки. Тулово украшено горизонтальными вдавлениями зубчатого штампа.

Погребение № 147. Безурновое (Рис. 32: 7). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,28 x 0,5 м и глубиной 0,47 м, ориентированной длинной осью по линии восток - запад. Контуры ее прослежены с глубины 0,35 м. С этой глубины и до дна яма оказалась заполненной разбросанными кальцинированными косточками и древесным углем. Среди них была найдена бронзовая спиралевидная пронизь, не поврежденная огнем (Рис. 37: 1).

Погребение № 148. Безурновое (Рис. 32: 8). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,28 x 0,4 м и глубиной 0,45 м, ориентированной длинной осью по линии восток - запад. Контуры ее прослежены с глубины 0,3 м. С этой глубины и до дна яма была заполнена разбросанными пережеванными человеческими косточками и древесным углем. Среди остатков кремации найдены фрагменты железного ножа и обожженная сердоликовая бусина (Рис. 37: 2, 3). Погребение принадлежит женщине 20 - 29 лет.

Погребение № 149. Безурновое (Рис. 34: 1). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,7 x 0,95 м и глубиной 0,45 м, ориентированной длинной осью по линии восток - запад. Контуры ее прослежены с глубины 0,25 м. С этой глубины и до дна яма была заполнена разбросанными

кальцинированными косточками и древесным углем. Погребальный инвентарь отсутствовал.

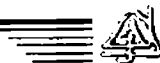
Погребение № 150. Урновое (Рис. 32: 9). На глубине 0,55 м был обнаружен лепной горшок-урна, стоявший дном вверх на подстилке в виде стенки сосуда. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережженные человеческие кости и древесный уголь. Здесь же были найдены керамическая бусина (Рис. 37: 4) и глиняная поделка в виде хлебца (Рис.). Урной служил лепной горшок светло-коричневого цвета, подправленный на гончарном круге. Обжиг качественный, в тесте примесь шамота и речного песка. Венчик округлый, плавно отогнут наружу, не орнаментированный. Тулово сосуда покрыто горизонтальным рифлением, выполненным зубчатым штампом. В качестве подстилки использовался фрагмент стенки пифоса темно-коричневого цвета. Обжиг хороший, в тесте примесь песка. Края стенки были преднамеренно закруглены в древности так, чтобы ее размеры соответствовали диаметру венчика сосуда-урны.

Погребение № 151. Безурновое (Рис. 34: 2). Захоронение совершено в прямоугольной в плане могильной яме со слегка закругленными углами, размером 0,6 x 1,05 м и глубиной 0,5 м, ориентированной длинной осью по линии восток - запад. Контуры ямы прослежены с глубины 0,3 м. С этой глубины и до дна могильная яма была заполнена разбросанными кальцинированными косточками и древесным углем. Среди остатков кремации обнаружены железный складной серп, два железных ножа, железный пластинчатый пинцет, кресало-щипчики, железное пластинчатое кресало (Рис. 37: 5 - 10). Предметы не были повреждены огнем.

Погребение № 152. Урновое (Рис. 34: 3). На глубине 0,45 м был обнаружен развал горшка-урны, установленной дном вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережженные человеческие кости и древесный уголь. Среди остатков кремации находились фрагменты двух бронзовых проволочных браслетов, фрагменты кожи, бронзовая "рогатая" пряжка (Рис. 37: 11, 12). Все предметы носили следы воздействия огня. Погребение принадлежит женщине 30 - 39 лет. Урной служил лепной горшок бурого цвета. Обжиг слабый, в тесте примесь шамота. Венчик закругленный, плавно отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленного зубчатого штампа. Тулово сосуда украшено горизонтальным рифлением, выполненным зубчатым штампом.

Погребение № 153. Безурновое (Рис. 34: 4). Захоронение совершено в круглой в плане могильной яме диаметром 0,65 м и глубиной 0,45 м. Контуры ее прослеживались с глубины 0,3 м в виде зольного пятна с вкраплениями древесных угольков. На дне ямы компактной кучной располагались пережженные человеческие кости. Погребение безынвентарное.

Погребение № 154. Урновое (Рис. 34: 5). На глубине 0,6 м был обнаружен горшок-урна, стоящий устьем вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережженные человеческие кости и древесный уголь. Погребальный инвентарь отсутствовал. Урной служил лепной горшок бурого цвета. Обжиг слабый, в тесте примесь шамота. Венчик сильно отогнут наружу и украшен по краю асимметричными оттисками косо поставленного зубчатого штампа. Тулово сосуда покрыто горизонтальным рифлением, выполненным зубчатым штампом.

Погребение № 155. Урновое (Рис. 34: 6). На глубине 0,5 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. Захоронение содержало пережженные человеческие кости и древесный уголь. Погребальный инвентарь отсутствовал. Урной служил лепной толстостенный горшок темно-коричневого цвета. Обжиг неровный, в тесте примесь дресвы. Венчик плавно отогнут наружу и украшен по краю пальцевыми вдавлениями. На уровне плечиков сосуда имеются два сосковидных налета на расстоянии 4 см один от другого. Тулово сосуда украментировано горизонтальным и косым рифлением, выполненным зубчатым штампом.

Погребение № 156. Урновое (Рис. 34: 7). На глубине 0,56 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. Урна содержала пережженные человеческие кости и древесный уголь. Среди них обнаружены два бронзовых проволочных браслета, 26 бисерин, еще два сплавившихся вместе бронзовых проволочных браслета, конгломерат из расплавившихся стеклянных бус, бронзовая туалетная коробочка (Рис. 37: 13 - 16). Лишь часть предметов была повреждена огнем погребального костра. Захоронение принадлежит женщине 40 - 49 лет. Урной служил лепной толстостенный горшок светло-коричневого цвета. Обжиг слабый, в тесте примесь шамота и дресвы. Венчик невысокий, слегка отогнут наружу и украшен по краю оттисками тупой палочки. Тулово сосуда украментировано горизонтальными вдавлениями широкой тупой палочки.

Погребение № 157. Безурновое (Рис. 34: 8). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,45 x 0,7 м и глубиной 0,45 м, ориентированной длинной осью по линии юго-восток - северо-запад. Контуры ямы прослежены с глубины 0,3 м. С этой глубины и до дна яма оказалась заполненной разбросанными кальцинированными косточками и древесным углем. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 158. Безурновое (Рис. 35: 1). Захоронение совершено в прямоугольной в плане могильной яме со слегка закругленными углами, размером 0,65 x 1,0 м и глубиной 0,55 м, ориентированной длинной осью по линии восток - запад. Контуры ямы прослежены с глубины 0,3 м. С этой глубины и до дна яма была заполнена разбросанными кальцинированными косточками и древесным углем. Среди остатков кремации обнаружены фрагменты бронзового предмета, два бронзовых проволочных браслета, золотая сережка, фрагмент бронзового проволочного браслета (Рис. 37: 17 - 20). Предметы повреждены огнем. Захоронение принадлежит взрослому индивиду.

Погребение № 159. Безурновое (Рис. 35: 2). Захоронение совершено в прямоугольной в плане могильной яме со слегка закругленными углами, размером 0,45 x 0,8 м и глубиной 0,5 м, ориентированной длинной осью по линии восток - запад. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,35 м. С этой глубины и до дна яма была заполнена разбросанными кальцинированными косточками и древесным углем. Погребальный инвентарь отсутствовал. Останки принадлежат женщине 20-29 лет.

Погребение № 160. Урновое (Рис. 35: 3). На глубине 0,6 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх. Дно урны разрушено во время вспашки. Контуры

могильной ямы не прослеживались. Остатки кремации представлены пережженными человеческими костями и древесным углем. Погребальный инвентарь отсутствовал. Кремационные останки принадлежат женщине 40 - 49 лет. Урной служил лепной, толстостенный горшок темно-коричневого цвета. Обжиг качественный, в тесте примесь дресвы и песка. Венчик горшка сильно отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленной палочки. Тулово сосуда украшено горизонтальными вдавлениями той же палочки.

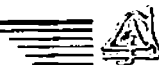
Погребение № 161. Урновое (Рис. 35: 4). На глубине 0,55 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. Захоронение содержало пережженные человеческие кости и древесный уголь. Погребальный инвентарь отсутствовал. Захоронение принадлежит женщине 20 - 29 лет. Урной служил лепной толстостенный горшок желто-коричневого цвета. Обжиг слабый, в тесте примесь песка и шамота. Венчик плавно отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленной круглой палочки. На уровне плечиков сосуда имеются два сосковидных налета на расстоянии 4 см один от другого. Тулово горшка украшено горизонтальными вдавлениями.

Погребение № 162. Безурновое (Рис. 35: 5). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,55 x 1,3 м и глубиной 0,5 м, ориентированной длинной осью по линии север - юг. Контуры могильной ямы прослеживались с глубины 0,3 м в виде разбросанных кальцинированных косточек и древесного угля. Кости черепа располагались в южной части могильной ямы. Среди остатков кремации в центре ямы найдены 55 сердоликовых бусин, железное долото, бронзовый перстень со стеклянной вставкой, еще два бронзовых перстня во фрагментах с раскованным щитком (Рис. 37: 21 - 27). Все предметы повреждены огнем погребального костра.

Погребение № 163. Урновое (Рис. 35: 6). На глубине 0,47 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. Захоронение содержало пережженные человеческие кости и древесный уголь. Среди остатков кремации обнаружены фрагменты трех бронзовых проволочных браслетов (Рис. 37: 28), поврежденные огнем погребального костра. Погребение принадлежит женщине 30 - 39 лет. Урной служил гончарный горшок желто-серого цвета. Обжиг качественный, в тесте примесь мелкого шамота. Венчик плавно отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленного зубчатого штампа. Тулово сосуда украшено горизонтальным рифлением, выполненным зубчатым штампом.

Погребение № 164. Урновое (Рис. 35: 7). На глубине 0,45 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. Захоронение содержало пережженные человеческие кости и древесный уголь. Погребальный инвентарь отсутствовал. Урной служил лепной горшок красно-коричневого цвета. Обжиг слабый, в тесте примесь песка и шамота. Венчик плавно отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленного зубчатого штампа. Тулово сосуда украшено горизонтальным рифлением, выполненным зубчатым штампом.

Погребение № 165. Урновое (Рис. 35: 8). На глубине 0,45 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. В

урне находились пережеванные человеческие кости и древесный уголь. Среди них обнаружены бронзовый бубенчик, бронзовая подвеска-печатка, пять бронзовых спиралевидных пронизей (Рис. 37: 29 - 31), бронзовый предмет неизвестного назначения. Погребальный инвентарь поврежден огнем. Урной служил горшок темно-коричневого цвета (Рис. 89: 9). Обжиг неровный, в тесте примесь песка и шамота. Венчик плавно отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленного зубчатого штампа. Тулово сосуда орнаментировано зональным горизонтальным рифлением, выполненным зубчатым штампом.

Погребение № 166. Урновое (Рис. 35: 9). На глубине 0,45 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. Захоронение содержало пережеванные человеческие кости и древесный уголь. Среди остатков кремации найдена фрагментированная железная игла (Рис. 37: 32), поврежденная огнем погребального костра. Урной служил грубый лепной горшок темно-коричневого цвета. Обжиг некачественный, в тесте примесь дресвы и крупного шамота. Венчик сильно отогнут наружу. Тулово сосуда не орнаментировано, поверхность бугристая.

Погребение № 167. Урновое (Рис. 36: 1). На глубине 0,45 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх на подстилке. Контуры могильной ямы не прослеживались. Захоронение содержало пережеванные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. Среди них обнаружены три бронзовых проволочных браслета, бронзовая туалетная коробочка, две коньковые шумящие подвески, стеклянный разделитель бус, обойма ножен ножа, бронзовая пряжка, бронзовая обоймочка, бронзовых пинцет, два бронзовых щитковых перстня, два бронзовых перстня со стеклянными вставками, три бронзовых кольца, две бронзовые бляшки, 4 бронзовых бубенчика, три бронзовых пуговицы, серебряное колечко от сережки, 21 бисерина, 34 стеклянных бусины, 24 сердоликовых бусины, 58 бронзовых спиралевидных пронизей (Рис. 38: 1 - 27). Все предметы несут следы воздействия огня. Урной служил лепной горшок темно-серого, почти черного цвета (Рис. 91: 7). Обжиг слабый, в тесте примесь шамота. Венчик сильно отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленного зубчатого штампа. Тулово сосуда орнаментировано горизонтальным и пересекающим его наклонным рифлением, выполненным с помощью зубчатого штампа. В качестве подстилки под урну был использован фрагмент стенки средневековой амфоры.

Погребение № 168. Урновое (Рис. 36: 2). На глубине 0,5 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. Захоронение содержало пережеванные человеческие кости и древесный уголь. Среди остатков кремации находилась железная поясная пряжка (Рис. 37: 33), поврежденная огнем погребального костра. В качестве урны был использован лепной горшок желто-коричневого цвета. Обжиг слабый, в тесте примесь шамота. Венчик плавно отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленного зубчатого штампа. Тулово сосуда орнаментировано горизонтальным рифлением, выполненным с помощью того же зубчатого штампа.

Погребение № 169. Урновое (Рис. 36: 3). На глубине 0,5 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх на подстилке. Контуры могильной ямы не прослеживались. Урна содержала пережеванные человеческие кости и древесный

уголь. Среди остатков кремации обнаружены бронзовый щитковый перстень и сердоликовая бусина, поврежденные огнем погребального костра (Рис. 37: 34, 35). В урне находились и несколько фрагментов от другого лепного горшка светло-коричневого цвета. В тесте присутствует шамот. Венчик слабо отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленной палочки. Тулово украшено зональным горизонтальным и наклонным рифлением, выполненным с помощью зубчатого штампа. Урной служил толстостенный горшок красно-бурого цвета (Рис. 88: 5). Обжиг качественный, в тесте примесь дресвы и шамота. Венчик сильно отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленного зубчатого штампа. Тулово сосуда покрыто горизонтальным рифлением, выполненным зубчатым штампом. В качестве подстилки был использован фрагмент стенки подобного горшка, но меньшего размера.

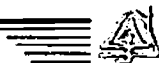
Погребение № 170. Безурновое (Рис. 36: 4). Захоронение совершено в прямоугольной в плане могильной яме с закругленными углами, размером 0,45 x 0,75 м и глубиной 0,45 м, ориентированной длинной осью по линии север - юг. Контуры ее прослеживались с глубины 0,25 м в виде разбросанных кальцинированных косточек, очищенных от следов погребального костра. Среди остатков кремации была найдена сердоликовая бусина (Рис. 37: 36), поврежденная огнем погребального костра. По определению антрополога останки принадлежат ребенку возрастом от 1 года до 6 лет.

Погребение № 171. Безурновое (Рис. 36: 5). Захоронение совершено в прямоугольной в плане могильной яме с закругленными углами, размером 0,35 x 0,65 м и глубиной 0,4 м, ориентированной длинной осью по линии север - юг. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,25 м в виде разбросанных кальцинированных косточек, очищенных от следов погребального костра. Погребение безынвентарное.

Погребение № 172. Безурновое (Рис. 36: 8). Захоронение совершено в круглой в плане могильной яме диаметром 1,05 м и глубиной 0,55 м. Ко дну яма сужалась до диаметра 0,8 м. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,25 м в виде разбросанных кальцинированных косточек, очищенных от следов погребального костра. Среди остатков кремации обнаружен фрагмент железной цепочки со следами воздействия огня погребального костра (Рис. 37: 38).

Погребение № 173. Урновое (Рис. 36: 6). На глубине 0,5 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх. Придонная часть горшка отсутствовала. Контуры могильной ямы не прослеживались. Захоронение содержало пережеванные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. Погребение безынвентарное. В качестве урны был использован горшок красно-коричневого цвета. Обжиг неравный, в тесте примесь шамота и песка. Венчик сильно отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленного зубчатого штампа. Тулово сосуда орнаментировано горизонтальным и наклонным, от плечиков до дна, рифлением, выполненным с помощью зубчатого штампа.

Погребение № 174. Урновое (Рис. 36: 7). На глубине 0,45 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх. Придонная часть горшка отсутствовала. Контуры могильной ямы не прослеживались. Захоронение содержало пережеванные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. Среди остатков

кремации находился поврежденный огнем бронзовый чумбурный блок (Рис. 37: 37). Захоронение принадлежит женщине 40 - 49 лет. В качестве урны использовался лепной горшок буро-красного цвета. Обжиг качественный, в тесте примесь крупного шамота и песка. Венчик плавно отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленной квадратной палочки. Тулово сосуда орнаментировано горизонтальным рифлением, выполненным с помощью того же зубчатого штампа.

Погребение № 175. Урновое (Рис. 39: 1). На глубине 0,7 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх на подстилке. Контуры могильной ямы не прослеживались. Захоронение содержало пережженные человеческие кости очищенные от следов погребального костра. Среди остатков кремации обнаружены два наконечника копья, преднамеренно деформированная в древности сабля, железных ножей, тесло-мотыжка, железный топор, пара стремян, удила, бронзовый начальник, лучковидное сверло, ложкорез, два рыболовных крючка, фрагменты бронзового конского начальника, железная шашлычница, железный гвоздь, преднамеренно деформированный в древности железный котел (Рис. 40 - 42, 43: 2). Все предметы несли следы пребывания в огне. Захоронение принадлежит мужчине 40 - 49 лет. В качестве урны был использован лепной толстостенный горшок желто-серого цвета с красными подпалинами (Рис. 88: 1). Обжиг слабый, а тесте примесь крупного шамота и растительных остатков. Венчик плавно отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленного зубчатого штампа. На уровне плечиков имеется S-образный горизонтальный налел, имитирующий ручку. Тулово сосуда орнаментировано горизонтальным и наклонным, от плечиков ко дну, рифлением, выполненным с помощью зубчатого штампа. Подстилкой служила придонная часть гончарного горшка серого цвета, поверхность которого была ангобирована светло-коричневой глиной. Обжиг качественный, в тесте примесь песка, дресвы и мелкого шамота.

Погребение № 176. Безурновое (Рис. 39: 2). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,6 x 1,0 м и глубиной 0,75 м, ориентированной длинной осью по линии север - юг. Контуры ее прослеживались с глубины 0,35 м в виде разбросанных кальцинированных косточек, золы и древесных углей. Среди остатков кремации находились следующие предметы со следами пребывания в огне: сердоликовые и стеклянные бусы, бисер общим количеством 110 экз., железная поясная пряжка, железная обойма от рукояти сабли, бронзовая туалетная коробочка во фрагментах, бронзовая пуговица, бронзовый проволочный браслет во фрагментах, фрагменты железной пластины, конгломерат из расплавившихся бронзовых и серебряных предметов, стеклянных бусин (Рис. 38: 28 - 40). Здесь же находился фрагмент светло-глиняного кувшина качественного обжига, тесто хорошо отмучено с добавлением песка и мелкого шамота.

Погребение № 177. Безурновое (Рис. 39: 4). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,5 x 0,9 м и глубиной 0,5 м, ориентированной длинной осью по линии восток - запад. Контуры ее прослеживались с глубины 0,3 м в виде разбросанных кальцинированных косточек и древесного угля. Среди остатков кремации найдены поврежденные огнем семь сердоликовых бусин и бронзовый перстень (Рис. 38: 41 - 43).

Погребение № 178. Урновое (Рис. 39: 3). На глубине 0,6 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. Захоронение содержало пережеванные человеческие кости и древесный уголь. Среди них найдены стеклянная бусина и фрагменты бронзового зеркала (Рис. 38: 44, 45). Предметы не носили следов воздействия огня. В качестве урны был использован лепной горшок темно-коричневого, местами черного цвета. Обжиг неравномерный, в тесте примесь шамота. Венчик слегка отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленной круглой палочки. Тулово сосуда орнаментировано горизонтальным рифлением, выполненным с помощью зубчатого штампа.

Погребение № 179. Урновое (Рис. 39: 5). На глубине 0,55 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх. Придонная часть горшка отсутствовала. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеванные человеческие кости и древесный уголь. Погребальный инвентарь отсутствовал. Урной служил лепной горшок серо-желтого цвета. Обжиг качественный, в тесте примесь шамота. Венчик слегка отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленной круглой палочки и пальцевыми защипами. Тулово сосуда не орнаментировано.

Погребение № 180. Урновое (Рис. 39: 7). На глубине 0,55 м был обнаружен горшок-урна, стоящий устьем вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. Урна содержала пережеванные человеческие кости, перемешанные с древесным углем. Погребение безынвентарное. В качестве урны был использован лепной горшок красно-коричневого цвета. Обжиг качественный, в тесте примесь крупного шамота и песка, поверхность тщательно заглажена. Венчик сильно отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленной круглой палочки. Тулово сосуда не орнаментировано.

Погребение № 181. Урновое (Рис. 39: 8). На глубине 0,51 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх на подстилке. Контуры могильной ямы не прослеживались. Захоронение содержало пережеванные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. Среди остатков кремации находилось металлическое пряслице без следов воздействия огня (Рис. 38: 46). Захоронение принадлежит ребенку в возрасте до 1 года. В качестве урны использовался лепной горшок желто-коричневого, местами черного цвета. Обжиг неровный, в тесте примесь крупного шамота. Венчик закруглен, отогнут наружу, не орнаментирован. Тулово сосуда украшено редким горизонтальным рифлением. Подстилкой служила придонная часть толстостенного лепного горшка коричневого цвета. Обжиг некачественный, тесто рыхлое с примесью шамота.

Погребение № 182. Урновое (Рис. 39: 6). На глубине 0,55 м была обнаружена урна, лежащая на боку устьем на юго-запад. Урна была полностью заполнена пережеванными человеческими костями, очищенными от следов погребального костра. Погребальный инвентарь отсутствовал. Захоронение принадлежит женщине 30-39 лет. В качестве урны была использована средневековая светло-глиняная амфора с отбитой в древности верхней частью (Рис. 93: 12). На ней ниже ручки имеется прочерченная острым инструментом тамгообразная надпись (Рис. 93: 13).

Погребение № 183. Безурное (Рис. 44: 1). Захоронение совершено в трапециевидной в плане могильной яме размером 0,35 - 0,4 x 0,8 м и глубиной 0,5 м ориентированной длинной осью по линии восток - запад. Контуры ее прослеживались с глубины 0,3 м в виде разбросанных по всей площади кальцинированных костей, очищенных от следов погребального костра. В восточной части могильной ямы поверх пережженных костей лежал преднамеренно деформированный в древности железный котел (как на Рис. 43: 1).

Погребение № 184. Безурное (Рис. 39: 9). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,35 x 0,5 м и глубиной 0,5 м ориентированной длинной осью по линии восток - запад. Контуры ее прослеживались с глубины 0,35 м. Остатки кремации компактно располагались на дне ямы. Погребальный инвентарь отсутствует.

Погребение № 185. Урновое (Рис. 44: 2). На глубине 0,6 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх на подстилке. Контуры могильной ямы не прослеживались. Захоронение содержало пережженные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. Среди остатков кремации обнаружены пять сердоликовых бусин, конгломерат из расплавленных стеклянных бусин, бронзовая подвеска-амулет, бронзовая спиралевидная пронизь, бронзовая туалетная коробочка, свинцовое пряслице, фрагменты двух бронзовых проволочных браслетов, фрагменты бронзового предмета (Рис. 38: 47 - 56). Все предметы несут на себе следы воздействия огня погребального костра. Захоронение принадлежит женщине 40 - 49 лет. Урной служил лепной грубый горшок темно-коричневого, местами черного цвета (Рис. 90: 6). Обжиг неровный, в тесте примесь крупного шамота и растительных добавок. Поверхность бугристая со следами заглаживания. Венчик сильно отогнут наружу. Тулово сосуда орнаментировано редкими прочерченными вертикальными, местами горизонтальными линиями. В качестве подстилки использована придонная часть гончарного горшка, с клеймом на дне в виде равноконечного креста. Тулово сосуда украшено горизонтальным рифлением, выполненным зубчатым штампом.

Погребение № 186. Урновое (Рис. 44: 4). На глубине 0,55 м был обнаружен горшок-урна, стоящий устьем вверх и накрытый крышкой. Контуры могильной ямы не прослеживались. Урна была заполнена пережженными человеческими костями, очищенными от следов погребального костра. Среди остатков кремации находились 11 сердоликовых бусин, расплавленные стеклянные бусы и бисер, бронзовая колесовидная подвеска-амулет, бронзовый перстень, фрагмент железной цепочки, фрагменты изделия из свинца, бронзовый проволочный браслет, бронзовая бляшка, фрагменты двух бронзовых пуговиц (Рис. 47: 1 - 11). Все предметы повреждены огнем. Урной служил лепной кухонный горшок желто-коричневого цвета с подпалинами. Обжиг неровный, в тесте примесь дровя и шамота. Венчик плавно отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленного зубчатого штампа. Тулово сосуда орнаментировано горизонтальным рифлением, выполненным зубчатым штампом. В качестве крышки была использована придонная часть лепного горшка желто-серого цвета. Обжиг некачественный, тесто с примесью шамота.

Погребение № 187. Безурное (Рис. 44: 3). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,4 x 0,75 м и глубиной 0,5 м, ориентированной длинной осью по линии север - юг. Контуры ее прослеживались с глубины 0,3 м в виде разбросанных по всей площади пережеженных человеческих костей, очищенных от следов погребального костра. С глубины 0,3 м и до дна могильная яма сходила на конус. Погребальный инвентарь отсутствует.

Погребение № 188. Урновое (Рис. 44: 5). На глубине 0,55 м был обнаружен горшок-урна, стоящий устьем вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. Урна содержала пережеженные человеческие кости, перемешанные с древесным углем. Захоронение безынвентарное. В качестве урны был использован лепной горшок темно-серого цвета. Обжиг качественный, в тесте примесь песка, шамота и растительных добавок. Поверхность бугристая со следами заглаживания. Венчик сильно отогнут наружу, его край закруглен. Тулово сосуда орнаментировано редкими прочерченными вертикальными линиями.

Погребение № 189. Безурное (Рис. 44: 6). Захоронение совершено в круглой в плане могильной яме диаметром 0,5 м и глубиной 0,55 м. Контуры ее прослеживались с глубины 0,3 м в виде разбросанных по всей площади пережеженных человеческих костей и древесного угля. Погребальный инвентарь отсутствует.

Погребение № 190. Урновое (Рис. 44: 7). На глубине 0,57 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. Урна содержала пережеженные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. Среди них зафиксированы фрагменты бронзового предмета, поврежденного огнем (Рис. 47: 12).

Погребение № 191. Урновое (Рис. 44: 8). На глубине 0,55 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеженные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. Среди остатков кремации найдены два бронзовых проволочных браслета и бронзовый поясной разделитель (Рис. 47: 13, 14). Останки принадлежат женщине 40 - 49 лет. В качестве урны использован лепной кухонный горшок желто-серого цвета. Обжиг качественный, в тесте примесь шамота. Венчик слегка отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленного 4-х зубчатого штампа. Тулово сосуда орнаментировано едва заметным горизонтальным рифлением, выполненным зубчатым штампом.

Погребение № 192. Урновое (Рис. 44: 9). На глубине 0,7 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. Урна содержала пережеженные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. Среди них находились две сердоликовые бусины, спекшиеся стеклянные бусы, две бронзовые спиралевидные пронизи, железная обойма от ножен ножа, фрагменты еще одной обоймы, свинцовая подвеска (Рис. 47: 15 - 19). Среди пережеженных костей были найдены концевая фронтальная накладка на лук, фрагмент костяной горловины бурдюка, подвеска из кости животного (Рис. 78: 3 - 5). Все предметы подвергались воздействию огня. В качестве урны был использован столовый двуручный пифос серого цвета (Рис. 91: 8). Обжиг качественный, в тесте примесь песка и мелкого шамота. Поверхность бугристая со следами заглаживания.

Венчик почти вертикальный, его край закруглен. Под ним нанесен орнамент в виде ногтевых вдавлений. По плечикам сосуда нанесен орнамент в виде косых пересекающихся пролощенных линий, ниже которых проходит каннелиур. Нижняя часть сосуда украшена вертикальными пролощенными линиями.

Погребение № 193. Урновое (Рис. 44: 10). На глубине 0,56 м был обнаружен горшок-урна, стоящий устьем вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. Урна содержала пережеванные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. Среди остатков кремации находились следующие вещи: поврежденные огнем погребального костра: три бронзовых бубенчика, деформированный бронзовый игольник, пара бронзовых сережек, фрагментированный бронзовый проволочный браслет, 9 бронзовых спиралевидных пронизей, бронзовый штампованный бубенчик во фрагментах, обломок какого-то железного предмета, оправленные бронзовые предметы (Рис. 47: 20 - 26). Все предметы имели следы воздействия огня. Урной служил лепной кухонный горшок красно-коричневого цвета. Обжиг качественный, в тесте примесь дресвы и шамота. Венчик плавно отогнут наружу и украшен по краю оттисками круглой палочки. Тулово сосуда орнаментировано редкими прочерченными линиями, выполненными круглой палочкой.

Погребение № 194. Урновое (Рис. 44: 11). На глубине 0,55 м был обнаружен горшок-урна, стоящий устьем вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. Урна содержала пережеванные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. Захоронение безынвентарное. Урной служил лепной кухонный горшок желтого цвета. Обжиг качественный, в тесте примесь шамота. Венчик отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленного 4-х зубчатого штампа. Тулово сосуда орнаментировано горизонтальным рифлением, выполненным с помощью зубчатого штампа.

Погребение № 195. Урновое (Рис. 45: 1). На глубине 0,5 м был обнаружен развал горшка-урны, установленной дном вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. Захоронение содержало пережеванные человеческие кости и древесный уголь. Урной служил лепной горшок серого цвета. Обжиг некачественный, тесто слоистое с примесью дресвы и мелкого шамота. Венчик сильно отогнут наружу и орнаментирован по краю косыми ногтевыми насечками. Тулово сосуда орнаментировано слабо заметным горизонтальным рифлением, выполненным с помощью зубчатого штампа.

Погребение № 196. Безурновое (Рис. 45: 2). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,3 x 0,5 м и глубиной 0,45 м, ориентированной длинной осью по линии север - юг. Контуры ее начали прослеживаться с глубины 0,25 м в виде разбросанных по всей площади пережеванных человеческих костей, очищенных от следов погребального костра. Среди них обнаружены следующие предметы, имеющие следы воздействия огня: бронзовый бубенчик, бронзовое колечко, соединенное бронзовой цепочкой с железной коробочкой (Рис. 47: 27 - 29), фрагменты ткани.

Погребение № 197. Безурновое (Рис. 45: 3). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,25 x 0,45 м и глубиной 0,45 м, ориентированной длинной осью по линии северо-запад - юго-восток. Контуры ее

начали прослеживаться с глубины 0,25 м в виде разбросанных по всей площади пережеженных человеческих костей, очищенных от следов погребального костра. Наибольшая концентрация кальцинированных костей отмечалась по центру могильной ямы. Среди них была обнаружена железная игла со следами пребывания в огне (Рис. 47: 30).

Погребение № 198. Безурное (Рис. 45: 4). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,3 x 0,5 м и глубиной 0,5 м, ориентированной длинной осью по линии север - юг. Контуры ее начали прослеживаться с глубины 0,3 м в виде разбросанных по все площади пережеженных человеческих костей, перемешанных с древесным углем. Захоронение безынвентарное.

Погребение № 199. Урновое (Рис. 45: 5). На глубине 0,58 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. Захоронение содержало пережеженные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. В урне также находились пять стеклянных бусин, поврежденные огнем (Рис. 47: 31 - 33). Урной служил гончарный горшок темно-серого цвета. Обжиг неровный, в тесте примесь дресвы и песка. Венчик горшка закруглен и плавно отогнут наружу. Внутренний край венчика орнаментирован косо поставленными оттисками зубчатого штампа. По плечикам сосуда нанесен орнамент из двух рядов прочерченных волнистых линий, выполненных 5-ти зубчатым гребенчатым штампом. Ниже тулово сосуда украшено рифленным орнаментом, выполненным зубчатым штампом.

Погребение № 200. Безурное (Рис. 45: 6). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,35 x 0,6 м и глубиной 0,55 м, ориентированной длинной осью по линии восток - запад. Контуры ее начали прослеживаться с глубины 0,3 м в виде разбросанных по всей площади пережеженных человеческих костей, перемешанных с древесным углем. Среди останков кремации найдены бронзовый проволочный браслет во фрагментах, две дужки от золотых сережек, деформированное свинцовое пряслице (Рис. 47: 34 - 36). Предметы повреждены огнем.

Погребение № 201. Урновое (Рис. 45: 7). На глубине 0,65 м был обнаружен горшок-урна, стоящий устьем вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. Захоронение содержало пережеженные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра, среди которых лежала подвеска из зуба животного, не поврежденная огнем (Рис. 47: 37). Захоронение принадлежит ребенку в возрасте от 1 года до 6 лет. Урной служил лепной горшок буро-красного цвета. Обжиг неравномерный, в тесте примесь песка и дресвы. Венчик и дно отсутствуют. По плечикам сосуд орнаментирован волнистыми врезными линиями, оставленными 5-ти зубчатым штампом. Выше и ниже плечиков горшок украшен горизонтальным прочерченным орнаментом, выполненным зубчатым штампом.

Погребение № 202. Урновое (Рис. 45: 8). На глубине 0,5 м был обнаружен развал горшка-урны, установленной устьем вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. Урна содержала пережеженные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. Здесь же находился погребальный инвентарь, представленный следующими предметами: железный язычок пряжки, сердоликовая

бусина, два железных гвоздя, обломки железного предмета, фрагменты расплавленных бронзовых предметов (Рис. 47: 38 - 40). Все предметы носили следы воздействия огня. С южной стороны урны были зафиксированы фрагменты стенок средневековой амфоры. Урной служил толстостенный горшок красно-коричневого цвета. Обжиг некачественный, тесто с примесью крупного шамота. Венчик отсутствует. Тулово сосуда орнаментировано горизонтальным рифлением, выполненным с помощью зубчатого штампа.

Погребение № 203. Безурновое (Рис. 45: 9). Захоронение совершено в круглой в плане могильной яме диаметром 0,55 м и глубиной 0,7 м. Контуры ее прослеживались с глубины 0,5 м в виде золы, древесного угля и разбросанных по всей площади пережженных человеческих костей. Поверх останков кремации лежали поврежденные огнем погребального костра, железный нож и боевой топорик (Рис. 47: 41, 42). Кремационные останки принадлежат ребенку в возрасте от 1 года до 6 лет.

Погребение № 204. Безурновое (Рис. 45: 10). Захоронение совершено в овальной в плане ямке размером 0,6 x 0,4 м, ориентированной своей длинной осью по линии северо-запад - юго-восток. Глубина ямы 0,5 м. Контуры ее начали прослеживаться с глубины 0,2 м в виде золы, древесных углей и небольшого количества разбросанных пережженных человеческих костей. Погребение безынварное.

Погребение № 205. Безурновое (Рис. 45: 11). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,4 x 0,75 м и глубиной 0,55 м, ориентированной длинной осью по линии север - юг. Контуры ее начали прослеживаться с глубины 0,2 м в виде золы, древесного угля и разбросанных пережженных человеческих костей. Стенки ямы по всему периметру были преднамеренно обмазаны слоем глины толщиной до 0,1 м и обожжены. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 206. Урновое (Рис. 46: 1). На глубине 0,55 м был обнаружен развал горшка-урны, установленной дном вверх на подстилке. Контуры могильной ямы не прослеживались. Захоронение содержало пережженные человеческие кости, перемешанные с древесным углем. Погребальный инвентарь отсутствовал. С западной стороны урны находились фрагменты стенок средневековой амфоры, мелкие фрагменты красноглиняного салтовского кувшина, фрагменты лепной салтовской кружечки серого цвета и фрагменты лепной салтовской красноглиняной кубышки (Рис. 93: 2). В качестве урны был использован лепной горшок желто-красного цвета. Обжиг некачественный, в тесте примесь шамота. Венчик слегка отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленного зубчатого штампа. Тулово сосуда украшено горизонтальным рифлением, выполненным зубчатым штампом. В качестве подстилки использовался фрагмент стенки салтовского двуручного столового лощеного горшка серо-черного цвета. Обжиг качественный, в тесте примесь песка и мелкого шамота.

Погребение № 207. Урновое (Рис. 46: 2). На глубине 0,5 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх на подстилке. Контуры могильной ямы не прослеживались. Захоронение содержало пережженные человеческие кости, перемешанные с древесным углем. Среди остатков кремации были обнаружены

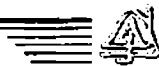
поврежденные огнем фрагменты перстня и небольшой бронзовый проволочный браслет (Рис. 47: 43, 44). Пережеженные останки принадлежат ребенку в возрасте от 1 года до 6 лет. Урной служил лепной горшок желто-коричневого цвета. Обжиг слабый, в тесте примесь шамота. Венчик резко отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленной круглой палочки. По тулову горшок украшен зональными, горизонтально прочерченными линиями, выполненными такой же палочкой. В качестве крышки использовалась придонная часть и стенки лепного толстостенного горшка красно-коричневого цвета. Обжиг неравномерный, в тесте примесь речного песка. Тулово украшено зональным рифлением, выполненным с помощью зубчатого штампа.

Погребение № 208. Урновое (Рис. 46: 3). На глубине 0,55 м был обнаружен горшок-урна, стоящий устьем вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеженные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра, среди которых лежали фрагменты бронзового расплавленного предмета и побывавшая в огне железная скоба от ножен ножа (Рис. 47: 45). Рядом с урной с северной и северо-западной сторон были обнаружены фрагменты стенок средневековой амфоры. Урной служил лепной толстостенный горшок серо-желтого цвета. Обжиг слабый, тесто рыхлое с примесью шамота. Венчик отбит в древности. Тулово горшка орнаментировано горизонтальным рифлением, выполненным зубчатым штампом.

Погребение № 209. Безурновое (Рис. 46: 4). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,4 x 0,8 м и глубиной 0,35 м, ориентированной длинной осью по линии северо-запад - юг-восток. Контуры ее начали прослеживаться с глубины 0,15 м в виде разбросанных по всей площади пережеженных человеческих костей, очищенных от следов погребального костра. Погребальный инвентарь отсутствовал. К северу от захоронения были зафиксированы фрагменты стенок средневековой амфоры, часть из которых находилась и в заполнении могильной ямы.

Погребение № 210. Урновое (Рис. 46: 5). На глубине 0,55 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеженные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра, поврежденные огнем три бронзовых бубенчика, фрагменты еще одного бубенчика и железный нож (Рис. 47: 46, 47). На глубине 0,3 м от уровня современной поверхности почвы, возле урны, было зафиксировано скопление фрагментов стенок средневековой амфоры. Остатки кремации принадлежат ребенку в возрасте от 1 года до 6 лет. Урной служил кухонный горшок желто-коричневого цвета. Обжиг слабый, неровный, в тесте примесь мелкого шамота. Венчик закруглен и слегка отогнут наружу. Тулово сосуда орнаментировано горизонтальным рифлением, выполненным зубчатым штампом. На донце сосуда присутствует клеймо в виде двух соединенных вершинами равнобедренных треугольников.

Погребение № 211. Безурновое (Рис. 46: 6). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,4 x 0,55 м и глубиной 0,35 м, ориентированной длинной осью по линии север - юг. Контуры ее начали прослеживаться с глубины 0,15 м в виде разбросанных по всей площади

пережженных человеческих костей, очищенных от следов погребального костра. На глубине 0,2 м в заполнении ямы были зафиксированы фрагменты стенок средневековой амфоры и красноглиняного салтовского кувшина. Среди человеческих останков находились поврежденные огнем бронзовая спиралевидная пронизь и две золотые сережки (Рис. 47: 48, 49). Остатки кремации принадлежат женщине 20 - 29 лет.

Погребение № 212. Безурное (Рис. 46: 7). Захоронение совершено в круглой в плане могильной яме диаметром 0,55 м и глубиной 0,35 м. Контуры ее начали прослеживаться с глубины 0,2 м в виде древесного угля и разбросанных по всей площади пережженных человеческих костей. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 213. Безурное (Рис. 46: 8). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,35 x 0,55 м и глубиной 0,35 м, ориентированной длинной осью по линии север - юг. Контуры ее начали прослеживаться с глубины 0,2 м в виде древесного угля и разбросанных по всей площади пережженных человеческих костей. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 214. Безурное (Рис. 49: 1). Захоронение совершено в прямоугольной в плане могильной яме размером 0,7 x 1,2 м и глубиной 0,65 м, ориентированной длинной осью по линии северо-запад - юго-восток. Контуры ее начали прослеживаться с глубины 0,25 м. Пережженные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра, были разбросаны по дну ямы, вдоль ее длинной оси. Над кальцинированными костями, в северо-западном углу ямы, лежали железное стремя, железный нож и бронзовая пластинка, расплавившаяся при изъятии. В 0,7 м юго-восточнее этих предметов были найдены железные удила и железное сбруйное кольцо, а в 0,3 м южнее этих предметов - железная пряжка (Рис.), железные обоймы от ножен ножа, железный топор, железный складной серп, железная петля от колчана и фрагменты железного котла (Рис. 48). Все предметы повреждены огнем погребального костра.

Погребение № 215. Безурное (Рис. 49: 4). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,7 x 1,2 м и глубиной 0,35 м, ориентированной длинной осью по линии запад - восток. Контуры ее начали прослеживаться с глубины 0,2 м в виде древесного угля и разбросанных по всей площади пережженных человеческих костей. Среди остатков кремации обнаружено 10 оплавленных огнем сердоликовых бусин (Рис. 47: 50, 51). Рядом с погребением находился вещевого комплекс XI (Табл. 1), содержащий железный нож, железную фибулу, бронзовый проволочный браслет (Рис. 57: 4 - 6).

Погребение № 216. Безурное (Рис. 49: 2). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,35 x 0,7 м и глубиной 0,4 м, ориентированной длинной осью по линии запад - восток. Контуры ее начали прослеживаться с глубины 0,25 м. Пережженные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра, компактно размещались на дне в восточной части ямы. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 217. Безурное (Рис. 46: 9). Захоронение совершено в круглой в плане могильной яме диаметром 0,45 м и глубиной 0,4 м. Контуры ее

начали прослеживаться с глубины 0,25 м. Пережеженные человеческие кости, перемешанные с древесным углем, были компактно сложены на дне могильной ямы. Сверху на них лежала не поврежденная огнем железная фибула (Рис. 47: 52). Остатки кремации принадлежат ребенку в возрасте от 1 года до 6 лет.

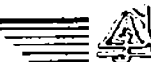
Погребение № 218. Безурновое (Рис. 49: 3). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,4 x 0,8 м и глубиной 0,35 м, ориентированной длинной осью по линии северо-запад - юго-восток. Контуры ее начали прослеживаться с глубины 0,25 м в виде древесного угля и разбросанных по всей площади пережеженных человеческих костей. Среди останков кремации найдены поврежденные огнем железный нож, сердоликовая бусина, железное пластинчатое кресало, железная скоба (Рис. 47: 53 - 56). В заполнении ямы зафиксирован развал салтовского кувшина серого цвета, часть фрагментов которого находилась на дне ямы, среди человеческих останков.

Погребение № 219. Безурновое (Рис. 49: 5). Захоронение совершено в круглой в плане могильной яме диаметром 0,55 м и глубиной 0,4 м. Контуры ее начали прослеживаться с глубины 0,2 м. Кальцинированные человеческие кости, перемешанные с древесным углем, лежали компактной кучкой на дне ямы ближе к ее восточному краю. Сверху них лежали не поврежденные огнем железный нож, железное кольцо с обоймой и фрагмент железной цепочки (Рис. 53: 1 - 4). В заполнении ямы, над остатками кремации, обнаружены фрагменты стенок средневековой амфоры.

Погребение № 220. Безурновое (Рис. 50: 1). Захоронение совершено в круглой в плане могильной яме диаметром 0,4 м и глубиной 0,45 м. Контуры ямы начали прослеживаться с глубины 0,3 м. Человеческие останки, перемешанные с древесным углем, были уложены кучкой на дне, по центру могильной ямы. Среди них находились не поврежденные огнем железный нож, фрагмент железной цепочки, фрагмент железного браслета (Рис. 53: 5 - 7). Рядом с могильной ямой стоял небольшой лепной горшок темно-серого цвета (Рис.). Обжиг плохой, в тесте примесь мелкого шамота и песка. Венчик сосуда слегка отогнут наружу и закруглен. Тулово сосуда не орнаментировано. Остатки кремации принадлежат ребенку в возрасте от 1 года до 6 лет.

Погребение № 221. Безурновое (Рис. 50: 2). Захоронение совершено в прямоугольной в плане могильной яме размером 0,5 x 0,7 м и глубиной 0,4 м, ориентированной длинной осью по линии север - юг. Контуры ямы начали прослеживаться с глубины 0,25 м в виде разбросанных по всей площади пережеженных человеческих костей, очищенных от следов погребального костра. Погребальный инвентарь отсутствовал. Остатки кремации принадлежат ребенку в возрасте от 1 года до 6 лет.

Погребение № 222. Безурновое (Рис. 50: 4). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,55 x 1,1 м и глубиной 0,45 м, ориентированной длинной осью по линии восток - запад. Контуры ее начали прослеживаться с глубины 0,3 м в виде разбросанных по всей площади пережеженных человеческих костей, очищенных от следов погребального костра. Среди остатков кремации обнаружены поврежденные огнем две железных иглы, стеклянная бусина и фрагмент железной цепочки (Рис. 53: 8 - 10).

Погребение № 223. Урновое (Рис. 50: 3). На глубине 0,5 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеванные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. Погребальный инвентарь отсутствует. Рядом с погребением находился вещевой комплекс XIII (Табл. 1), содержащий два железных ножа и топорик-чекан (Рис. 78: 12 - 14). Урной служил лепной, подправленный на медленно вращающемся гончарном круге кухонный горшок красно-бурого цвета (Рис. 91: 2). Обжиг неровный, в тесте примесь шамота. Венчик слегка отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленного зубчатого штампа. Тулово сосуда орнаментировано горизонтальным рифлением, выполненным зубчатым штампом.

Погребение № 224. Безурновое (Рис. 50: 5). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,45 x 1,1 м и глубиной 0,45 м, ориентированной длинной осью по линии северо-запад - юго-восток. Контуры ее начали прослеживаться с глубины 0,15 м в виде разбросанных по всей площади пережеванных человеческих костей, очищенных от следов погребального костра. Погребальный инвентарь отсутствует.

Погребение № 225. Урновое (Рис. 50: 6). На глубине 0,5 м был обнаружен горшок-урна, стоящий устьем вверх и накрытый сверху крышкой. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеванные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. Погребальный инвентарь отсутствует. Урной служила придонная часть лепного горшка красно-коричневого цвета. Обжиг неравномерный, в тесте примесь шамота. Тулово сосуда орнаментировано горизонтальными прочерченными линиями, выполненными тупой палочкой. В качестве крышки был использован фрагмент стенки салтовского гончарного сосуда серого цвета. Обжиг качественный, в тесте примесь речного песка. Плечики сосуда орнаментированы двумя прочерченными волнистыми линиями, выполненными 3-зубчатым штампом. Тулово сосуда украшено горизонтальным рифлением, прочерченным при помощи зубчатого штампа.

Погребение № 226. Безурновое (Рис. 50: 7). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,35 x 0,6 м и глубиной 0,5 м, ориентированной длинной осью по линии северо-запад - юго-восток. Контуры ее начали прослеживаться с глубины 0,35 м в виде разбросанных по всей площади пережеванных человеческих костей, очищенных от следов погребального костра, среди которых были найдены пять поврежденных огнем сердоликовых бусин (Рис. 53: 11, 12).

Погребение № 227. Урновое (Рис. 50: 8). На глубине 0,52 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеванные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра, а также несколько фрагментов керамики, принадлежащий лепному горшку, средневековой амфоре и салтовскому гончарному кувшину серого цвета. Погребальный инвентарь отсутствует. Рядом с погребением находился вещевой комплекс III (Табл. 1), содержащий удила с S-видными псалиями, две сбруйные пряжки, сбруйное кольцо, пару стремян (Рис. 54: 1 - 6), а также два железных ножа, железную фибулу, металлические детали от деревянного сундука, топорик-чекан и броневойный наконечник копья (Рис. 55: 1 - 8). Предметы

вооружения, ножи, стремена были в древности преднамеренно деформированы. Урной служил лепной толстостенный кухонный горшок желто-серого цвета. Обжиг неравномерный, в тесте примесь шамота. Венчик слегка отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленной круглой палочки. Тулово сосуда орнаментировано зональными горизонтальными и вертикальными линиями, выполненными при помощи круглой палочки.

Погребение № 228. Урновое (Рис. 50: 9). На глубине 0,55 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеженные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. Погребальный инвентарь представлен фрагментом железного ножа (Рис. 53: 14). Останки кремации принадлежат взрослому индивиду. Рядом с погребением находился вещевой комплекс XII (Табл. 1), содержащий фрагмент железной косы, складной железный серп, тесло-мотыжку, два железных ножа, удила с S-видными псалями, сбруйное кольцо (Рис. 57: 7 - 13). Урной служил лепной кухонный горшок красно-бурого цвета, подправленный на ручном гончарном круге. Дно у сосуда отсутствовало. Обжиг горшка неровный, тесто рыхлое, с примесью шамота и дресвы. Венчик слегка отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленной круглой палочки. Тулово сосуда орнаментировано слабо выраженным горизонтальным рифлением, выполненным зубчатым штампом.

Погребение № 229. Урновое (Рис. 51: 1). На глубине 0,45 м был обнаружен разрушенный горшок-урна, от которого осталось только несколько фрагментов с приклепанными к ним кальцинированными человеческими костями, очищенными от следов погребального костра. Погребальный инвентарь отсутствует.

Погребение № 230. Безурновое (Рис. 51: 2). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,45 x 0,75 м и глубиной 0,45 м, ориентированной длинной осью по линии восток - запад. Контуры ее начали прослеживаться с глубины 0,2 м в виде древесного угля и разбросанных по всей площади пережеженных человеческих костей, среди которых обнаружен поврежденный огнем бронзовый проволочный браслет (Рис. 53: 13). Рядом с погребением находился вещевой комплекс XIV (Табл. 1), содержащий фрагмент железного ножа, железный колчаный крючок и салтовскую кружечку (Рис. 56: 3, 4).

Погребение № 231. Безурновое (Рис. 51: 3). Захоронение совершено в круглой в плане могильной яме диаметром 0,55 м и глубиной 0,45 м. Контуры ее начали прослеживаться с глубины 0,25 м. В центре ямы, на ее дне, компактной кучкой лежали пережеженные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. В заполнении могильной ямы, над костями, на глубине 0,2 м были обнаружены фрагменты преднамеренно сломанного в древности железного котла.

Погребение № 232. Безурновое (Рис. 51: 4). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,45 x 0,8 м и глубиной 0,4 м, ориентированной длинной осью по линии север - юг. Контуры ее начали прослеживаться с глубины 0,2 м в виде разбросанных по всей площади пережеженных человеческих костей, очищенных от следов погребального костра, среди которых на глубине 0,2 м были зафиксированы фрагменты преднамеренно

сломанного в древности железного котла и поврежденное огнем железное кресало (Рис. 53: 15).

Погребение № 233. Безурновое (Рис. 52: 2). Захоронение совершено в прямоугольной в плане могильной яме размером 1,1 x 1,9 м и глубиной 0,65 м, ориентированной длинной осью по линии север - юг. Контуры ямы начали прослеживаться с глубины 0,2 м в виде разбросанных по всей площади пережженных человеческих костей, очищенных от следов погребального костра. Поверх останков кремации в северной части могильной ямы лежал железный наконечник копья. В этой же части ямы, среди кальцинированных костей, были обнаружены железная поясная пряжка, железный наконечник пояса, две железные поясные бляшки с подвижными колечками, фрагмент железной цепочки, фрагмент железного шила. Над пережженными костями в центральной части ямы лежал железный топор, а к западу от него - точильный брусок и железное пластинчатое кресало. В северной части могильной ямы, среди остатков кремации, обнаружен железный пластинчатый пинцет и фрагменты неизвестного железного предмета (Рис. 53: 16 - 24). Все предметы имеют следы воздействия огня. В заполнении могильной ямы на глубине 0,15 м были зафиксированы фрагменты средневековой амфоры и салтовского лощеного кувшина черного цвета.

Погребение № 234. Урновое (Рис. 51: 5). На глубине 0,4 м был обнаружен горшок-урна, стоящий устьем вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. Урна содержала пережженные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. Вместе с остатками кремации в урне находились поврежденные огнем 10 бронзовых спиралевидных пронизей, сердоликовая бусина и бронзовый проволочный браслет (Рис. 53: 25, 26).

Погребение № 235. Урновое (Рис. 51: 6). На глубине 0,45 м был обнаружен горшок-урна, стоящий устьем вверх и накрытый сверху крышкой. Контуры могильной ямы не прослеживались. Пережженные человеческие кости в сосуде отсутствовали, вместо них в горшке лежали поврежденные огнем фрагменты бронзового предмета неизвестного назначения (Рис. 53: 27). Урной служил гончарный горшок красно-серого цвета (Рис. 91: 5). Обжиг качественный, тесто хорошо отмучено, с примесью песка, мелкого шамота и дресвы. Венчик горшка почти прямой, слегка отогнут наружу, не орнаментирован, как и тулово сосуда. В качестве крышки была использована округлая нижняя часть средневековой амфоры.

Погребение № 236. Безурновое (Рис. 51: 7). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,3 x 0,55 м и глубиной 0,35 м, ориентированной длинной осью по линии северо-запад - юго-восток. Контуры ее начали прослеживаться с глубины 0,2 м в виде древесного угля и разбросанных по всей площади пережженных человеческих костей. Погребальный инвентарь отсутствует.

Погребение № 237. Безурновое (Рис. 51: 8). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,35 x 0,45 м и глубиной 0,35 м, ориентированной длинной осью по линии северо-запад - юго-восток. Контуры ее начали прослеживаться с глубины 0,2 м в виде разбросанных по всей площади пережженных человеческих костей очищенных от следов погребального костра. Погребальный инвентарь отсутствует.

Погребение № 238. Урновое (Рис. 51: 9). На глубине 0,75 м был обнаружен горшок-урна, стоящий устьем вверх и накрытый сверху крышкой. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеванные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. Здесь же находились фрагменты стенок средневековой амфоры и салтовского гончарного горшка красно-коричневого цвета. Погребальный инвентарь отсутствовал. Остатки кремации принадлежат мужчине 30 - 39 лет. Урной служил лепной толстостенный горшок желто-коричневого цвета с подпалинами. Обжиг неравномерный, в тесте примесь крупного шамота. Венчик сосуда отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленной острой палочки. Тулово горшка украшено горизонтальным и слегка наклонным рифлением, выполненным с помощью зубчатого штампа. В качестве крышки был использован фрагмент стенки подобного урне, салтовского сосуда.

Погребение № 239. Урновое (Рис. 52: 1). На глубине 0,6 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх на подстилке. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеванные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. Здесь же находились фрагменты стенок средневековой амфоры, а также фрагмент поврежденного огнем свинцового предмета неизвестного назначения (Рис. 53: 29). Останки принадлежат мужчине 30 - 39 лет. Урной служил лепной, подправленный на гончарном круге горшок желто-красного цвета. Обжиг неравномерный, в тесте примесь мелкого песка и шамота. Венчик сосуда отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленного зубчатого штампа. Тулово горшка украшено горизонтальным и наклонным рифлением, выполненным с помощью зубчатого штампа. Крышкой служили придонная часть и два крупных фрагмента стенки одного сосуда. Поверхность сосуда красно-коричневого цвета с подпалинами. Обжиг качественный, в тесте примесь шамота. По тулову зубчатым штампом нанесено горизонтальное рифление.

Погребение № 240. Безурновое (Рис. 52: 3). Захоронение совершено в круглой в плане могильной яме диаметром 0,45 м и глубиной 0,45 м. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,2 м в виде разбросанных по всей площади пережеванных человеческих костей, очищенных от следов погребального костра. Над остатками кремации, в заполнении ямы был обнаружен поврежденный огнем фрагмент железного складного серпа (Рис. 53: 29). Остатки кремации принадлежат мужчине 30 - 39 лет.

Погребение № 241. Урновое (Рис. 52: 4). На глубине 0,45 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх. Сосуд разрушен во время вспашки. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеванные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. Погребальный инвентарь отсутствовал. Остатки кремации принадлежат женщине 20 - 29 лет. Урной служил лепной горшок серо-черного цвета с коричневыми подпалинами. Обжиг неравномерный, в тесте примесь крупного шамота и песка. Поверхность сосуда носит следы заглаживания. Венчик горшка слегка отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленной острой палочки. Тулово горшка украшено горизонтальным и наклонным рифлением, выполненным с помощью зубчатого штампа.

Погребение № 242. Безурновое (Рис. 52: 5). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,55 x 1,05 м и глубиной 0,45 м, ориентированной длинной осью по линии восток - запад. Контуры ее начали прослеживаться с глубины 0,35 м в виде разбросанных по всей площади пережженных человеческих костей, очищенных от следов погребального костра. Среди остатков кремации обнаружены фрагменты стенок средневековой амфоры, бронзовое кольцо, бронзовый проволочный браслет, железный нож, фрагмент железного предмета неизвестного назначения (Рис. 61: 1 - 3). Рядом с могильной ямой был найден еще один железный нож. Все предметы повреждены огнем.

Погребение № 243. Безурновое (Рис. 52: 6). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,4 x 0,7 м и глубиной 0,45 м, ориентированной длинной осью по линии северо-запад - юго-восток. Контуры ее начали прослеживаться с глубины 0,3 м в виде разбросанных по всей площади пережженных человеческих костей, очищенных от следов погребального костра. Среди остатков кремации находились поврежденные огнем три сердоликовые бусины, семь бисерин и обломки свинцового кольца (Рис. 61: 4 - 6).

Погребение № 244. Безурновое (Рис. 58: 1). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,5 x 0,6 м и глубиной 0,45 м, ориентированной длинной осью по линии восток - запад. Контуры ее начали прослеживаться с глубины 0,35 м в виде разбросанных по всей площади пережженных человеческих костей, очищенных от следов погребального костра, среди которых находились два железных ножа (Рис. 61: 7, 8), поврежденные огнем. В профиль могильная яма имела корытообразную форму.

Погребение № 245. Безурновое (Рис. 58: 2). Захоронение совершено в круглой в плане ямке диаметром 0,45 м. Глубина ямки 0,45 м. Контуры ее прослеживались с глубины 0,35 м. Кальцинированные кости, очищенные от следов погребального костра, разбросаны по всей площади ямки. Погребальный инвентарь отсутствует.

Погребение № 246. Безурновое (Рис. 58: 5). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,65 x 1,1 м и глубиной 0,5 м, ориентированной длинной осью по линии северо-запад - юго-восток. Контуры ее начали прослеживаться с глубины 0,35 м в виде пережженных человеческих костей, очищенных от следов погребального костра. Основная масса человеческих останков представляла собой компактную кучку в центре ямы, но часть их была разбросана по всей ее площади. Среди остатков кремации находились фрагменты стенок средневековой амфоры, лепного салтовского горшка, фрагмент ручки салтовского кувшина и половинка свинцового грузика от кистеня (Рис. 61: 11). В 0,15 м от центрального скопления кальцинированных костей лежал железный топор, под которым находился бронзовый проволочный браслет (Рис. 61: 9, 10). Все предметы имеют следы воздействия огня. Кремация принадлежит ребенку в возрасте до 1 года.

Погребение № 247. Безурновое (Рис. 58: 4). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,4 x 0,7 м и глубиной 0,5 м, ориентированной длинной осью по линии восток - запад. Контуры ее начали прослеживаться с глубины 0,35 м в виде разбросанных по всей площади

переженных человеческих костей, очищенных от следов погребального костра. Среди остатков кремации были обнаружены не поврежденные огнем следующие предметы: фрагменты салтовской керамики, кремьен, фрагменты бронзовой пластины (Рис. 61: 12, 13). Кремационные останки принадлежат взрослому индивиду.

Погребение № 248. Безурновое (Рис. 58: 3). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,3 x 0,4 м и глубиной 0,35 м, ориентированной длинной осью по линии восток - запад. Контуры ее начали прослеживаться с глубины 0,2 м в виде разбросанных по всей площади переженных человеческих костей, очищенных от следов погребального костра. Среди остатков кремации находились мелкие фрагменты салтовской керамики. Погребальный инвентарь отсутствует. Останки кремации принадлежат взрослому индивиду.

Погребение № 249. Урновое (Рис. 58: 6). На глубине 0,4 м был обнаружен разрушенный вспашкой горшок-урна, установленный устьем вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились переженные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. Рядом с урной лежали фрагменты салтовской керамики и железный нож (Рис. 61: 24). Урной служил небольшой лепной горшок красно-коричневого цвета, от которого сохранилась придонная часть. Обжиг качественный, тесто хорошо отмучено, с примесью мелкого шамота. Поверхность сосуда не орнаментирована.

Погребение № 250. Безурновое (Рис. 58: 7). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,4 x 0,6 м и глубиной 0,5 м, ориентированной длинной осью по линии юго-восток - северо-запад. Контуры ее начали прослеживаться с глубины 0,35 м. Переженные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра, располагались компактной кучкой в центральной части ямы. Среди них найден поврежденный огнем трехлопастный железный наконечник стрелы (Рис. 61: 14). Рядом с могильной ямой были зафиксированы фрагменты салтовской керамики. Кремационные останки принадлежат женщине 40 - 49 лет.

Погребение № 251. Безурновое (Рис. 58: 8). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,65 x 0,8 м и глубиной 0,4 м, ориентированной длинной осью по линии север - юг. Контуры ее начали прослеживаться с глубины 0,23 м. Переженные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра, располагались компактной кучкой по центру ямы. Здесь же были обнаружены поврежденные огнем следующие предметы: фрагменты костяной игольницы, украшенной циркульным орнаментом, фрагменты железных игл, 4 сердоликовых бусины (Рис. 61: 15, 16), конгломерат из расплавившихся стеклянных бус, фрагменты салтовской керамики. Кремационные останки принадлежат женщине 40 - 49 лет.

Погребение № 252. Безурновое (Рис. 59: 1). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,7 x 1,0 м и глубиной 0,6 м, ориентированной длинной осью по линии восток - запад. Контуры ее начали прослеживаться с глубины 0,2 м. Переженные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра, располагались в западной части могильной ямы.

Поверх остатков кремации лежали следующие предметы: согнутая пополам сабля, пара железных стремян, фрагменты преднамеренно сломанного в древности железного котла, железные детали от ножен сабли, два железных наконечника копья, боевой топорик, девять наконечников стрел, бронзовый крючок и железная петля от колчана, костяные накладки на лук, фрагменты костяной рукоятки сабли, железные удила, 8 железных и один бронзовый фалар, железное сбруйное кольцо и две сбруйные пряжки, два бронзовых проволочных браслета, две бронзовые пряжки, бронзовый и железный наконечники пояса, железная фибула, два железных ножа и детали их ножен, тесло-мотыжка, кресало, железный пинцет, складной железный серп, железная вилка для доставания мяса из котла, железное лучковое сверло, железная заклепка (Рис. 62 - 65, 66: 2 - 4). Все предметы носили следы воздействия огня. С восточной стороны ямы были найдены фрагменты салтовского кувшина. Кремационные останки принадлежат подростку 7 - 13 лет.

Погребение № 253. Безурновое (Рис. 59: 2). Захоронение совершено в прямоугольной в плане могильной яме размером 0,65 x 1,0 м и глубиной 0,55 м, ориентированной длинной осью по линии северо-запад - юго-восток. Контуры ее начали прослеживаться с глубины 0,3 м. Пережеженные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра, лежали компактной кучкой в западной части ямы. Погребальный инвентарь отсутствовал. Кремационные останки принадлежат ребенку в возрасте от 1 года до 6 лет.

Погребение № 254. Безурновое (Рис. 59: 3). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,35 x 0,55 м и глубиной 0,45 м, ориентированной длинной осью по линии восток - запад. Контуры ее начали прослеживаться с глубины 0,35 м в виде разбросанных по всей площади пережеженных человеческих костей, очищенных от следов погребального костра. Среди остатков кремации были обнаружены 18 поврежденных огнем сердоликовых бусин (Рис. 61: 17). Кремационные останки принадлежат ребенку в возрасте от 1 года до 6 лет.

Погребение № 255. Безурновое (Рис. 59: 4). Захоронение совершено в круглой в плане могильной яме диаметром 0,55 м и глубиной 0,5 м. Контуры ее прослеживались с глубины 0,3 м. Пережеженные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра, лежали компактной кучкой в центральной части ямы. Среди них находились фрагменты салтовской керамики, мелкие камни. Погребальный инвентарь отсутствовал. Кремационные останки принадлежат ребенку в возрасте до 1 года. Рядом с погребением находился вещевого комплекса X (Табл. 1), содержащий сбруйное кольцо, стремя, сбруйную пряжку (Рис. 57: 1 - 3).

Погребение № 256. Урновое (Рис. 59: 5). На глубине 0,55 м был обнаружен разрушенный вспашкой горшок-урна, установленный устьем вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеженные человеческие кости, перемешанные с древесным углем. Под урной были обнаружены следующие предметы, носящие следы пребывания в огне: железный ложкорез, сломанный в древности железный складной серп, сломанный железный пинцет, преднамеренно согнутый железный нож и еще один железный нож во фрагментах, обломок бронзового проволочного браслета (Рис. 61: 18 - 23).

Погребение № 257. Безурное (Рис. 59: 6). Захоронение совершено в эвальной в плане могильной яме размером 0,54 x 0,55 м и глубиной 0,35 м, ориентированной длинной осью по линии восток - запад. Контуры ее прослеживались с глубины 0,25 м в виде разбросанных по всей площади пережеженных человеческих костей, очищенных от следов погребального костра. Среди них в восточной части ямы обнаружены поврежденный огнем бронзовый проволочный браслет, расплавленные стеклянные бусы (Рис. 61: 25, 26). Кремиационные останки принадлежат подростку (девочке) в возрасте 7 - 13 лет.

Погребение № 258. Урновое (Рис. 59: 7). На глубине 0,4 м был обнаружен разрушенный вспашкой горшок-урна, установленный устьем вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеженные человеческие кости, перемешанные с древесным углем. В ней же был обнаружен поврежденный огнем бронзовый проволочный браслет (Рис. 61: 27). Остатки кремации принадлежат женщине 40 - 49 лет. Урной служил гончарный горшок красно-коричневого цвета, от которого сохранилась лишь придонная часть. Обжиг качественный, тесто хорошо отмучено, с примесью мелкого шамота. Тулово сосуда украшено горизонтальным рифлением, выполненным при помощи зубчатого штампа.

Погребение № 259. Безурное (Рис. 60: 1). Захоронение совершено в треугольной в плане могильной яме размером 0,47 x 1,0 м и глубиной 0,5 м, ориентированной длинной осью по линии восток - запад. Контуры ее прослеживались с глубины 0,4 м. Стенки ямы преднамеренно обмазаны слоем глины толщиной 0,02 - 0,03 м, а дно - слоем глины, толщина которого составляла 0,05 м. Пережеженные человеческие кости, перемешанные с древесным углем и осочками обожженной глиняной обмазки, были разбросаны по всей площади ямы. Среди остатков кремации были найдены поврежденные огнем железная фибула, бронзовый бубенчик, глазчатая бусина, фрагмент железной цепочки (Рис. 61: 28 - 31). В юго-восточном углу могильной ямы стояли три сосуда. Один - лепной оршочек красно-коричневого цвета с черными подпалинами (Рис. 92: 1). Обжиг качественный, в тесте примесь шамота и извести. Венчик сосуда слегка отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленной круглой палочки. Тулово сосуда не орнаментировано. Второй сосуд - лепной горшочек, подобный выше описанному горшку. Третьим сосудом был салтовский кувшинчик красно-коричневого цвета (Рис. 93: 1). Обжиг качественный, в тесте примесь мелкой дресвы и песка. По плечикам кувшина нанесен орнамент из прочерченных горизонтальных линий, выполненных с помощью зубчатого штампа. Все сосуды обожжены повторно.

Погребение № 260. Безурное (Рис. 60: 2). Захоронение совершено в эвальной в плане могильной яме размером 0,5 x 0,8 м и глубиной 0,5 м, ориентированной длинной осью по линии восток - запад. Контуры ее прослеживались с глубины 0,25 м. Стенки и частично дно ямы были преднамеренно обмазаны слоем глины толщиной до 0,02 м и обожжены. Пережеженные человеческие кости, перемешанные с древесным углем, были рассеяны по всей площади ямы. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 261 Урновое (Рис. 59: 8). На глубине 0,4 м был обнаружен разрушенный вспашкой горшок-урна, установленный дном вверх. Контуры

могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеванные человеческие кости, перемешанные с древесным углем. Погребальный инвентарь отсутствовал. Рядом с урной был зафиксирован развал лепного горшка красно-коричневого цвета. Обжиг неровный, в тесте примесь шамота. Тулово сосуда не орнаментировано. Остатки кремации принадлежат женщине 40 - 49 лет. Урной служил лепной горшок светло-коричневого цвета с черными подпалинами, подправленный на гончарном круте. Обжиг неровный, тесто с примесью шамота. Венчик слегка отогнут наружу, украшен по краю оттисками косо поставленного зубчатого штампа. Тулово сосуда орнаментировано разнонаправленным рифлением, выполненным при помощи зубчатого штампа.

Погребение № 262. Безурновое (Рис. 60: 3). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,5 x 0,7 м и глубиной 0,6 м, ориентированной длинной осью по линии север - юг. Дно ямы на 0,1 м углублено в материковый суглинок. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,45 м в виде древесного угля и разбросанных по всей площади пережеванных человеческих костей. Наибольшая концентрация человеческих останков была отмечена в южной части ямы. Среди них найдены поврежденные огнем бронзовый чумбурный блок, стеклянная бусина (Рис. 61: 32, 33) и фрагмент неизвестного бронзового предмета. В заполнении ямы зафиксированы три фрагмента салтовского горшка красно-коричневого цвета. Кремационные останки принадлежат взрослому индивиду.

Погребение № 263. Безурновое (Рис. 60: 4). Захоронение совершено в круглой в плане могильной яме диаметром 0,35 м и глубиной 0,45 м. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,3 м в виде древесного угля и разбросанных по всей площади пережеванных человеческих костей. Наибольшая концентрация человеческих останков была отмечена в южной части могильной ямы. Здесь же находился лежавший на боку лепной горшочек. Рядом с ним лежали поврежденные огнем, фрагмент железной цепочки, железная игла и стеклянная бусина (Рис. 69: 1-3). Кремационные останки принадлежат ребенку в возрасте от 1 года до 6 лет.

Погребение № 264. Безурновое (Рис. 60: 5). Захоронение совершено в круглой в плане могильной яме диаметром 0,35 м и глубиной 0,45 м. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,3 м в виде разбросанных по всей площади пережеванных человеческих костей, очищенных от следов погребального костра. Наибольшая концентрация человеческих останков была отмечена в южной части могильной ямы. Среди остатков кремации были найдены фрагменты салтовского кувшина серого цвета, 19 сердоликовых бусин, поврежденных огнем (Рис. 69: 4), расплавившиеся стеклянные бусы и фрагменты оплавленной бронзы. Кремационные останки принадлежат ребенку в возрасте от 1 года до 6 лет.

Погребение № 265. Урновое (Рис. 60: 7). Захоронение совершено в овальной в плане ямке размером 0,5 x 0,8 м и глубиной 0,7 м, ориентированной длинной осью по линии север - юг. Контуры ее прослеживались с глубины 0,25 м. Стенки ямы имели наклон ко дну. В южной части ямы была зафиксирована ступенька высотой 0,3 м. Стенки, ступенька и дно предельно обмазаны тонким слоем глины и обожжены. Вся яма была заполнена древесным углем и фрагментами обожженной глиняной обмазки. На ступеньке находился развал сосуда-урны, установленной дном вверх. Урна заполнена пережеванными

человеческими костями и древесным углем. Здесь же находился поврежденный огнем бронзовый бубенчик и фрагмент бронзового проволочного браслета (Рис. 69: 6). Рядом со ступенькой, на дне могильной ямы, стоял дном вверх еще один горшок-приставка. Остатки кремации принадлежат женщине 40 - 49 лет. Урной служил горшок красного цвета. Обжиг неровный, тесто с примесью шамота и песка. Поверхность бугристая, не орнаментирована. Венчик слегка отогнут наружу и обращен по краю пальцевыми вдавлениями. Приставкой служил лепной горшочек красно-коричневого цвета. Поверхность вторично обожжена. В тесте примесь шамота. По краю венчика - пальцевые зацепы, тулово не орнаментировано.

Погребение № 266. Безурное (Рис. 67: 1). Захоронение совершено в овальном в плане могильной яме размером 0,5 x 0,8 м и глубиной 0,4 м, ориентированной длинной осью по линии север - юг. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,3 м в виде разбросанных по всей площади пережженных человеческих костей, очищенных от следов погребального костра. Наибольшая концентрация человеческих останков была отмечена в южной части ямы. Погребальный инвентарь отсутствовал. Кремационные останки принадлежат женщине 40 - 49 лет.

Погребение № 267. Безурное (Рис. 67: 2). Захоронение совершено в овальном в плане могильной яме размером 0,6 x 1,2 м и глубиной 0,47 м, ориентированной длинной осью по линии север - юг. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,3 м в виде разбросанных по всей площади пережженных человеческих костей, очищенных от следов погребального костра. Среди остатков кремации найдены поврежденные огнем следующие предметы: железный наконечник копья, сердоликовая бусина, железный нож, три соединенных между собой бронзовых кольца, железная пряжка (Рис. 69: 7 - 12). В заполнении могильной ямы были обнаружены фрагменты салтовского кувшина светло-коричневого цвета. Кремационные останки принадлежат мужчине 30 - 39 лет.

Погребение № 268. Безурное (Рис. 67: 3). Захоронение совершено в круглой в плане могильной яме диаметром 0,6 м и глубиной 0,45 м. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,25 м. Дно ямы преднамеренно обмазано тонким слоем глины и обожжено. Пережженные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра, были компактно расположены по центру ямы. Среди них найдены фрагмент железной цепочки с кольцом, костяная игольница, бронзовый проволочный браслет, стеклянная бусина, конгломерат из расплавившихся стеклянных бус (Рис. 69: 13 - 17), фрагменты оплавленной бронзы. Предметы имеют следы воздействия огня. Кремационные останки принадлежат ребенку до 1 года.

Погребение № 269. Безурное (Рис. 67: 4). Захоронение совершено в круглой в плане могильной яме диаметром 0,4 м и глубиной 0,45 м. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,35 м. Пережженные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра, компактно расположены по центру ямы. Среди остатков кремации найдены фрагменты стенок средневековой амфоры, два железных ножа (Рис. 69: 18, 19), железная вилка для доставания мяса из котла (Рис. 66: 1). Предметы повреждены огнем.

Погребение № 270. Безурное (Рис. 67: 5). Захоронение совершено в круглой в плане могильной яме диаметром 0,3 м и глубиной 0,45 м. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,35 м. Пережженные человеческие кости компактно

расположены по центру могильной ямы, которая полностью была засыпана древесным углем. Среди остатков кремации найдены поврежденные огнем два железных ножа, два бронзовых и один железный браслет, железная пряжка, железная фибула, фрагмент железной цепочки и 62 сердоликовые бусины (Рис. 69: 20 - 31). Кремационные останки принадлежат подростку (девочке) 7 - 13 лет.

Погребение № 271. Безурновое (Рис. 67: 6). Захоронение совершено круглой в плане могильной яме диаметром 0,35 м и глубиной 0,45 м. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,35 м. Пережеженные человеческие кости компактно расположены по центру ямы. Погребальный инвентарь отсутствовал. Кремационные останки принадлежат женщине 20 - 29 лет.

Погребение № 272. Урновое (Рис. 67: 7). На глубине 0,35 м был обнаружен разрушенный вспашкой горшок-урна, установленный устьем вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне содержались пережеженные человеческие кости, перемешанные с древесным углем. Среди остатков кремации находились застежка-сюлгана и железный нож (Рис. 69: 32, 33). Инвентарь носил следы воздействия огня. Остатки кремации принадлежат женщине 30 - 39 лет. Урной служил лепной горшок темно-серого цвета. Обжиг слабый, тесто с примесью дресвы и песка. Поверхность шероховатая, не орнаментированная. Венчик отсутствует.

Погребение № 273. Урновое (Рис. 67: 8). На глубине 0,2 м был обнаружен разрушенный вспашкой горшок-урна, установленный устьем вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. Дно ямы покрыто слоем древесного угля. В урне содержались пережеженные человеческие кости, перемешанные с древесным углем. В ней же были найдены бронзовая спиралевидная пронозь, бронзовая копоушка, бронзовый перстень, бронзовая поясная пряжка и бляшка, сердоликовая бусина, 20 стеклянных бисерин (Рис. 69: 34 - 40). Все предметы повреждены огнем. Остатки кремации принадлежат подростку (девочке) 7 - 13 лет.

Погребение № 274. Безурновое (Рис. 67: 9). Захоронение совершено в прямоугольной в плане могильной яме размером 0,5 x 0,8 м и глубиной 0,35 м, ориентированной длинной осью по линии север - юг. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,25 м в виде древесного угля и разбросанных по всей площади пережеженных человеческих костей. Среди остатков кремации найдены следующие предметы поврежденные огнем: бронзовое звено нагрудной цепи мощинского типа, фрагменты двух бронзовых проволочных браслетов, каменное пряслице, бронзовый грузик от кистеня, две сердоликовые бусины, золотая деформированная сережка, украшенная зернью (Рис. 70: 1 - 6). В заложении ямы были обнаружены фрагменты дна салтовского горшка светло-коричневого цвета с черными подпалинами. Обжиг неравноный, в тесте примесь дресвы, песка и шамота. По тулову тупой палочкой нанесены горизонтальные прочерченные линии. Кремационные останки принадлежат подростку (девочке) 14 - 19 лет.

Погребение № 275. Безурновое (Рис. 68: 1). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,15 x 0,25 м и глубиной 0,35 м, ориентированной длинной осью по линии север - юг. Контуры ямы не прослеживались. Пережеженные человеческие кости, очищенные от следов

погребального костра, образовывали компактное скопление, занимающее всю площадь могильной ямы. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 276. Урновое (Рис. 68: 2). На глубине 0,35 м был обнаружен разрушенный вспашкой горшок-урна, лежавший на боку. Контуры могильной ямы не прослеживались. Дно ямы покрыто слоем древесного угля. В урне находились пережженные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. Погребальный инвентарь отсутствовал. Урной служил лепной горшок красно-коричневого цвета с черными подпалинами. Обжиг неравномерный, тесто с примесью шамота. Венчик и дно сосуда отсутствуют. Тулово горшка украшено горизонтальным рифлением, выполненным с помощью зубчатого штампа.

Погребение № 277. Безурновое (Рис. 68: 3). Захоронение совершено в прямоугольной в плане могильной яме с закругленными углами размером 0,75 x 1,1 м и глубиной 0,5 м, ориентированной длинной осью по линии север-запад - юго-восток. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,25 м в виде древесного угля и разбросанных по всей площади пережженных человеческих костей. Среди остатков кремации найдены следующие предметы поврежденные огнем: железная фибула, фрагмент железной цепочки, железная поясная пряжка, фрагмент железного браслета, железное кольцо, железный нож, костяной игольник и фрагменты двух железных игл, 11 сердоликовых бусин, фрагменты неизвестного железного предмета (Рис. 70: 7 - 15). В северной части ямы был обнаружен раздавленный сосуд небольших размеров со следами повторного обжига.

Погребение № 278. Безурновое (Рис. 68: 4). Захоронение совершено в прямоугольной в плане могильной яме размером 0,42 x 0,95 м и глубиной 0,5 м, ориентированной длинной осью по линии север-восток - юго-запад. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,35 м в виде древесного угля и разбросанных по всей площади пережженных человеческих костей. Наибольшая концентрация человеческих останков зафиксирована возле северо-восточной стенки ямы. Среди них найдены три бронзовые спиралевидные пронизи, поврежденные огнем (Рис. 70: 16). В юго-западной части ямы был зафиксирован развал салтовского кувшина.

Погребение № 279. Урновое (Рис. 68: 5). На глубине 0,45 м был обнаружен разрушенный вспашкой горшок-урна, установленный дном вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережженные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. Погребальный инвентарь отсутствовал. Останки кремации принадлежат женщине 40 - 49 лет. Урной служил лепной горшок красно-коричневого цвета, подправленный на гончарном круге. Обжиг качественный, тесто с примесью шамота. Венчик плавно отогнут наружу и украшен по краю отгисками косо поставленной тупой палочки. Тулово горшка украшено горизонтальными прочерченными линиями, выполненными с помощью тупой палочки.

Погребение № 280. Безурновое (Рис. 68: 6). Захоронение совершено в круглой в плане могильной яме диаметром 0,3 м и глубиной 0,45 м. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,3 м. Пережженные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра, компактной кучкой заполняли все пространство ямы.

Погребальный инвентарь отсутствует. Кремационные останки принадлежат подростку (девочке) 14 - 19 лет.

Погребение № 281. Урновое (Рис. 68: 7). На глубине 0,3 м был обнаружен разрушенный вспашкой горшок-урна, установленный устьем вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеженные человеческие кости и древесный уголь. Погребальный инвентарь отсутствовал. Останки кремации принадлежат ребенку в возрасте от 1 года до 6 лет. Урной служил гончарный горшок красно-коричневого цвета. Обжиг качественный, тесто с примесью шамота. Венчик и дно сосуда отсутствуют. Тулово горшка орнаментировано горизонтальным рифлением, выполненным с помощью зубчатого штампа.

Погребение № 282. Безурновое (Рис. 68: 8). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,2 x 0,3 м и глубиной 0,35 м, ориентированной длинной осью по линии восток - запад. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,25 м. Пережеженные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра, компактной кучкой заполняли все пространство ямы. Среди них найдены поврежденная огнем сердоликовая бусина (Рис. 70: 17) и мелкие фрагменты лепного салтовского горшка красно-коричневого цвета. Обжиг слабый, в тесте примесь шамота. По тулову сосуд был украшен горизонтальным и вертикальным рифлением, выполненным зубчатым штампом.

Погребение № 283. Урновое (Рис. 68: 9). На глубине 0,3 м был обнаружен разрушенный вспашкой горшок-урна, установленный дном вверх. От сосуда сохранились лишь венчик и плечики. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеженные человеческие кости и древесный уголь. Среди остатков кремации найден поврежденный огнем фрагмент бронзового предмета неизвестного назначения (Рис. 70: 18). Останки кремации принадлежат взрослому индивиду.

Погребение № 284. Урновое (Рис. 68: 10). На глубине 0,5 м был обнаружен горшок-урна, стоящий устьем вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеженные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. Среди остатков кремации найдены поврежденные огнем железный нож и фрагмент бронзового проволочного браслета (Рис. 70: 19, 20). Останки кремации принадлежат женщине 40 - 49 лет. Урной служил гончарный горшок светло-коричневого цвета. Обжиг качественный, тесто с примесью шамота. Венчик сосуда разрушен. Тулово горшка орнаментировано горизонтальным и пересекающим его вертикально-наклонным рифлением, выполненным с помощью 6-ти зубчатого штампа.

Погребение № 285. Урновое (Рис. 71: 1). На глубине 0,35 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеженные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. Погребальный инвентарь отсутствовал. Урной служил лепной толстостенный горшок красно-коричневого цвета. Обжиг неровный, тесто с примесью шамота и песка. Венчик плавно отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленной тупой палочки. Тулово горшка не орнаментировано.

Погребение № 286. Урновое (Рис. 71: 2). На глубине 0,5 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх на подстилке. Контуры могильной ямы не

прослеживались. В урне находились пережеванные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. Погребальный инвентарь отсутствовал. Урной служил лепной толстостенный горшок серого цвета. Обжиг неравномерный, тесто с примесью шамота. Венчик сосуда плавно отогнут наружу и украшен по краю пальцевыми вдавлениями. Тулово горшка орнаментировано горизонтальным канальным рифлением, выполненным с помощью 4-х зубчатого штампа. В качестве подстилки был использован фрагмент стенки лепного салтовского горшка серого цвета. Обжиг качественный, в тесте примесь дресвы и шамота. Тулово сосуда не орнаментировано.

К западу от урны на глубине 0,5 м был обнаружен комплекс XVI. Он располагался в овальной в плане ямке размером 0,35 x 0,15 м и глубиной 0,7 м, где были сложены кучкой пара железных стремян, два железных наконечника копья, двое кресал-щипчиков, железное тесло-мотыжка, железный топор, железный складной серп, 10 железных ножей (Рис. 72, 73: 5 - 13). Все предметы носили следы воздействия огня. Сверху вещи были прикрыты преднамеренно деформированным бронзовым днищем от котла, вместе с которым находились железные пластины от стенок котла и деформированная железная ручка от него (Рис. 73: 1 - 4).

Погребение № 287. Урновое (Рис. 71: 3). На глубине 0,4 м был обнаружен разрушенный вспашкой горшок-урна, установленный дном вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеванные человеческие кости и древесный уголь. Среди остатков кремации был найден фрагмент расплавленного свинцового предмета.

Погребение № 288. Урновое (Рис. 71: 4). На глубине 0,53 м был обнаружен разрушенный вспашкой горшок-урна, установленный устьем вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеванные человеческие кости и древесный уголь. Среди остатков кремации обнаружены следующие предметы, не поврежденные огнем: две бусины из сердолика, две бронзовые петельки, бронзовая печать-подвеска с изображением на щитке крылатой собаки и змеи (Рис. 70: 21 - 24). Рядом с урной был зафиксирован развал салтовской кружки красно-коричневого цвета. Обжиг качественный, тесто хорошо отмучено, с примесью песка. Урной служил лепной горшок красно-коричневого цвета, подправленный на гончарном круге. Обжиг неравномерный, тесто с примесью шамота. Венчик отсутствуют. Тулово горшка орнаментировано горизонтальным рифлением, выполненным с помощью зубчатого штампа.

Погребение № 289. Урновое (Рис. 71: 5). На глубине 0,52 м был обнаружен горшок-урна, стоящий устьем вверх и накрытый крышкой. Контуры могильной ямы не прослеживались. С западной стороны урны стоял лепной горшочек ассиметричной формы красно-коричневого цвета (Рис. 92: 3). Обжиг плохой, в тесте примесь песка и шамота. Венчик плавно отогнут наружу и в одном месте образует слив. С южной стороны возле урны лежала на боку салтовская кружечка серого цвета. В урне содержались пережеванные человеческие кости и древесный уголь. Среди останков кремации находились бронзовая двусоставная коробочка, колесовидная бронзовая подвеска-амулет (Рис.), 4 литых бронзовых бубенчика, 3 бронзовых штампованных бубенчика, бронзовая проволочная пуговица, две бусины из сердолика, 14 стеклянных бусин (Рис. 70: 25 - 35). Урной служил лепной

тонкостенный горшок светло-коричневого цвета, подправленный на гончарном круге. Обжиг неравномерный, тесто с примесью мелкого шамота. Венчик плавно отогнут наружу, не орнаментирован. Тулово горшка орнаментировано горизонтальным рифлением, выполненным с помощью зубчатого штампа. В качестве крышки была использована придонная часть лепного салтовского горшка серого цвета. Обжиг качественный, в тесте примесь шамота. Поверхность орнаментирована.

Погребение № 290. Урновое (Рис. 71: 6). На глубине 0,45 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх на подстилке. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеженные человеческие кости, древесный уголь и следующие предметы: фрагмент железного ножа, бронзовая туалетная коробочка, железная туалетная ложечка, спекшиеся в массу стеклянные бусы, пара золотых сережек, две бронзовые коньковые шумящие подвески, два бронзовых перстня, бронзовый бубенчик, фрагмент бронзового проволочного браслета (Рис. 70: 36 - 44). Все вещи несут следы воздействия огня. Урной служил лепной горшок светло-коричневого цвета. Обжиг неравномерный, тесто с примесью крупного шамота. Венчик сосуда слегка отогнут наружу и украшен по краю пальцевыми вдавлениями. Тулово горшка орнаментировано горизонтальным рифлением, выполненным с помощью зубчатого штампа. В качестве подстилки был использован фрагмент стенки с венчиком салтовского пифоса темно-серого цвета. Обжиг качественный, в тесте примесь шамота.

Погребение № 291. Урновое (Рис. 71: 7). На глубине 0,5 м был обнаружен горшок-урна, стоящий устьем вверх и накрытый сверху крышкой. Со временем урна упала на бок. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеженные человеческие кости и древесный уголь. Погребальный инвентарь отсутствовал. Урной служил лепной горшок красно-коричневого цвета, подправленный на гончарном круге. Обжиг качественный, тесто с примесью шамота. Венчик сосуда плавно отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленного зубчатого штампа. Тулово горшка орнаментировано горизонтальным зональным рифлением, выполненным с помощью зубчатого штампа. В качестве крышки был использован фрагмент стенки средневековой амфоры.

Погребение № 292. Урновое (Рис. 71: 8). На глубине 0,57 м был обнаружен горшок-урна, установленный дном вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеженные человеческие кости и древесный уголь. Погребальный инвентарь отсутствовал. Урной служил лепной пифосообразный горшок светло-коричневого цвета. Обжиг качественный, тесто грубое, с примесью шамота. Венчик сосуда плавно отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленного зубчатого штампа. Тулово горшка орнаментировано горизонтальным зональным рифлением, выполненным с помощью тупой палочки.

Погребение № 293. Урновое (Рис. 71: 9). На глубине 0,47 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх на подстилке. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеженные человеческие кости и древесный уголь. Среди остатков кремации находились бронзовый перстень и изделие из рога (Рис. 77: 1, 2). Вещи повреждены огнем. Урной служил лепной горшок красно-

коричневого цвета. Обжиг качественный, тесто с примесью шамота. Венчик сосуда отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленного 3-х зубчатого штампа. Тулово горшка орнаментировано редким косым рифлением, выполненным с помощью зубчатого штампа.

Погребение № 294. Урновое (Рис. 71: 10). На глубине 0,3 м был обнаружен разрушенный вспашкой горшок-урна, установленный дном вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеванные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. Погребальный инвентарь отсутствовал. Урной служил лепной горшок серого цвета. Обжиг качественный, тесто с примесью шамота. Венчик сосуда плавно отогнут наружу и украшен по краю оттисками косо поставленного 3-х зубчатого штампа. Тулово горшка орнаментировано горизонтальным рифлением, выполненным с помощью зубчатого штампа.

Погребение № 295. Урновое (Рис. 71: 11). На глубине 0,35 м был обнаружен разрушенный вспашкой горшок-урна, установленный дном вверх на подстилке. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеванные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. Среди них обнаружены поврежденные огнем три бронзовые спиралевидные пронизи, бронзовая колоушка (Рис. 77: 3, 4), фрагмент салтовского кувшина серого цвета. Урной служил лепной горшок красно-коричневого цвета. Обжиг качественный, тесто с примесью шамота. Венчик сосуда плавно отогнут наружу и украшен по краю оттисками зубчатого штампа. Тулово горшка орнаментировано горизонтальным рифлением, выполненным с помощью зубчатого штампа.

В качестве подстилки был использован фрагмент стенки средневековой амфоры.

Погребение № 296. Урновое (Рис. 74: 1). На глубине 0,35 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх на подстилке. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережеванные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. Среди остатков кремации обнаружены бронзовая спиралевидная пронизь и железный складной серп с бронзовым кольцом (Рис. 77: 5). Под подстилкой были найдены железный нож и железное кресало-фибула (Рис. 77: 6, 7). Все предметы, за исключением пронизи, не подвергались воздействию огня. Урной служил гончарный горшок красно-коричневого цвета (Рис. 90: 3). Обжиг качественный, тесто с примесью шамота. Венчик сосуда плавно отогнут наружу и украшен оттисками косо поставленного зубчатого штампа. Тулово горшка орнаментировано горизонтальным и пересекающим его вертикальным рифлением, выполненным с помощью 4-х зубчатого штампа. Дно отсутствует. В качестве подстилки был использован фрагмент стенки лепного горшка красно-коричневого цвета. Обжиг неровный, в тесте примесь песка и шамота. Поверхность бугристая, со следами заглаживания. Венчик отогнут наружу и украшен по краю пальцевыми вдавлениями. Тулово сосуда не орнаментировано.

Погребение № 297. Безурновое (Рис. 74: 2). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,5 x 0,8 м и глубиной 0,45 м, ориентированной длинной осью по линии север - юг. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,35 м в виде древесного угля и пережеванных человеческих костей.

разбросанных по всей ее площади. Среди остатков кремации был найден поврежденный огнем железный пластинчатый пинцет (Рис. 77: 9).

Погребение № 298. Безурновое (Рис. 74: 3). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,4 x 0,75 м и глубиной 0,4 м ориентированной длинной осью по линии север - юг. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,3 м в виде древесного угля, золы и пережженных человеческих костей разбросанных по всей ее площади. Погребальный инвентарь отсутствует.

Погребение № 299. Урновое (Рис. 74: 4). На глубине 0,3 м был обнаружен разрушенный вспашкой горшок-урна, установленный устьем вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережженные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. Погребальный инвентарь отсутствует. Урной служил лепной горшок серого цвета. Обжиг плохой, тесто с примесью шамота и песка. Поверхность не орнаментирована. Глиняная фактура сосуда расслоилась и развалилась на мелкие фрагменты.

Погребение № 300. Безурновое (Рис. 74: 5). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,35 x 0,8 м и глубиной 0,4 м ориентированной длинной осью по линии восток - запад. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,35 м в виде древесного угля и пережженных человеческих костей, разбросанных по всей ее площади. Среди останков кремации находились фрагмент свинцового пряслица, две бусины из сердолика, фрагменты расплавившихся стеклянных бус (Рис. 77: 10 - 13).

Погребение № 301. Урновое (Рис. 74: 6). На глубине 0,4 м был обнаружен разрушенный вспашкой горшок-урна, установленный дном вверх на подстилке. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережженные человеческие кости, перемешанные с древесным углем. Под урной был обнаружен кусочек кварцита. Погребение безинвентарное. Крышкой служили фрагмент стенки средневековой амфоры и большой фрагмент стенки с венчиком салтовского кухонного горшка серого цвета. Обжиг горшка качественный, тесто с примесью шамота. Венчик сосуда плавно отогнут наружу и украшен по краю пальцевыми зацепками. Тулово горшка орнаментировано горизонтальным рифлением, выполненным с помощью зубчатого штампа.

Погребение № 302. Безурновое (Рис. 74: 7). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,45 x 0,8 м и глубиной 0,53 м ориентированной длинной осью по линии восток - запад. Стенки ямы преднамеренно обмазаны слоем глины толщиной 2 - 5 см и обожжены. Дно без следов подмазки, углублено в материковый суглинок. По дну ямы разбросаны пережженные человеческие кости, перемешанные с древесным углем. Здесь же бала найдена железная фибула (Рис. 77: 14). Сверху они были перекрыты слоем обожженной глины с вкраплениями древесных углей. Поверх этого слоя, в северной части ямы обнаружено тулово салтовского кувшина и лепной горшочек красно-коричневого цвета. Обжиг горшка неравномерный, тесто с примесью песка и шамота, проступающего на поверхность. Венчик слегка профилирован, снабжен сливом.

Погребение № 303. Урновое (Рис. 74: 8). На глубине 0,4 м был обнаружен разрушенный вспашкой горшок-урна, установленный устьем вверх и накрытый

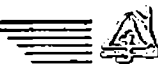
крышкой. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне содержались пережеванные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. Среди остатков кремации находились железные пластинчатое кресало, стеклянный разделитель для бус, стеклянная бусина, конгломерат из расплавленных стеклянных бус (Рис. 77: 15, 16, 18). Вещи повреждены огнем. В непосредственной близости от урны на глубине 0,2 м была обнаружена поврежденная огнем железная трибула (Рис. 77: 17), которая, вероятно, относится к данному захоронению. Крышкой служила придонная часть кухонного горшка серого цвета. Обжиг сосуда качественный, в тесте примесь мелкого шамота. Поверхность горшка не орнаментирована.

Погребение № 304. Безурновое (Рис. 74: 9). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,4 x 0,7 м и глубиной 0,5 м, ориентированной длинной осью по линии восток - запад. Контуры ее прослеживались с глубины 0,3 м. Стенки ямы преднамеренно обмазаны слоем глины толщиной 2 - 4 см и обожжены. Дно без следов подмазки. Яма была заполнена древесным углем и разбросанными по всей ее площади пережеванными человеческими костями. Кости и древесный уголь заполняли и два лепных горшочка, находившихся в заполнении могильной ямы на 0,12 - 0,15 см выше ее дна. Один из горшочков рассыпался при изъятии. Второй - лепной горшочек краснокоричневого цвета (Рис. 92: 7). Обжиг некачественный, тесто с примесью шамота. Венчик сосуда слегка отогнут наружу и украшен по краю оттисками круглой палочки. Тулово горшка орнаментировано беспорядочно направленным рифлением, выполненным зубчатым штампом. Среди остатков кремации находились фрагмент железной цепочки, железный браслет, железный пинцет, две оплавленные бронзовые пуговицы (Рис. 77: 19 - 23), а также фрагменты стенок средневековой амфоры.

Погребение № 305. Безурновое (Рис. 75: 1). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,15 x 0,19 м и глубиной 0,65 м, ориентированной длинной осью по линии северо-запад - юго-восток. Стенки ямки покатые, плавно переходящие в вогнутое, корытообразное дно. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,35 м. Ямку заполняли пережеванные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра, разбросанные по всей ее площади. Погребение безынвентарное.

Погребение № 306. Безурновое (Рис. 75: 2). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,33 x 0,35 м и глубиной 0,25 м, ориентированной длинной осью по линии северо-запад - юго-восток. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,1 м в виде древесного угля и пережеванных человеческих костей, разбросанных по всей ее площади. Среди останков кремации находились фрагмент неизвестного железного предмета и фрагмент ракушки (Рис. 77: 24). Вещи повреждены огнем.

Погребение № 307. Безурновое (Рис. 75: 3). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,18 x 0,4 м и глубиной 0,25 м, ориентированной длинной осью по линии северо-запад - юго-восток. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,2 м в виде древесного угля, золы и пережеванных человеческих костей, разбросанных по всей ее площади. Погребение

безынвентарное. В заполнении могильной ямы на 0,15 м выше ее дна были зафиксированы фрагменты лепного горшка ассиметричной формы светлого коричневого цвета (Рис. 92: 2). Обжиг слабый, в тесте примесь крупного шамота.

Поверхность сосуда бугристая, не орнаментированная. Венчик сосуда слегка отогнут наружу и закруглен.

Погребение № 308. Урновое (Рис. 75: 4). На глубине 0,43 м был обнаружен горшок-урна, стоящий дном вверх. Контуры могильной ямы не прослеживались, урне находились пережеженные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. Среди остатков кремации обнаружены комок спекшихся стеклянных бус (Рис. 77: 25) и сырое ребро животного. Урной служил лепной горшок красно-коричневого цвета, подправленный на гончарном круге. Обжиг неравномерный, тесто хорошо отмучено, с примесью мелкого шамота. Венчик сосуда плавно отогнут наружу и украшен оттисками косо поставленного 4-зубчатого штампа. Тулово горшка орнаментировано горизонтальным рифлением выполненным с помощью 4-х зубчатого штампа.

Погребение № 309. Безурновое (Рис. 75: 5). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,23 x 0,75 м и глубиной 0,5 м ориентированной длинной осью по линии северо-запад - юго-восток. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,2 м в виде разбросанных по всей ее площади пережеженных человеческих костей, очищенных от следов погребального костра. Среди останков кремации находились фрагменты поврежденного огнем костяного изделия, украшенного геометрическим орнаментом (Рис. 77: 30).

Погребение № 310. Безурновое (Рис. 75: 6). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,35 x 0,4 м и глубиной 0,45 м, ориентированной длинной осью по линии северо-восток - юго-запад. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,35 м в виде древесного угля, золы и разбросанных по всей ее площади пережеженных человеческих костей. Погребение безынвентарное.

Погребение № 311. Безурновое (Рис. 75: 8). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,4 x 0,8 м и глубиной 0,65 м, ориентированной длинной осью по линии северо-восток - юго-запад. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,2 м. Стенки ямы были преднамеренно обмазаны слоем глины толщиной 2 - 4 см и слегка обожжены. На дне глиняная подмазка отсутствовала. Яма была заполнена древесным углем, золой и разбросанными по всей ее площади пережеженными человеческими костями. Среди остатков кремации были обнаружены мелкие фрагменты лепного салтовского горшка. На дне ямы, у ее северной стенки находился лепной горшочек плохой сохранности, стоящий дном вверх. Захоронение безынвентарное.

Погребение № 312. Безурновое (Рис. 75: 7). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,35 x 0,45 м и глубиной 0,35 м, ориентированной длинной осью по линии северо-запад - юго-восток. Контуры ямы

прослеживались с глубины 0,3 м в виде разбросанных по всей ее площади пережженных человеческих костей, очищенных от следов погребального костра. Среди остатков кремации находились железный пластинчатый пинцет, железная фибула, фрагмент бронзового проволочного браслета (Рис. 77: 26 - 28) и мелкие фрагменты салтовского сосуда. Все вещи не имели следов воздействия огня.

Погребение № 313. Безурновое (Рис. 75: 9). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,4 x 0,6 м и глубиной 0,35 м, ориентированной длинной осью по линии север - юг. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,2 м в виде разбросанных по всей ее площади пережженных человеческих костей, очищенных от следов погребального костра. Среди остатков кремации была найдена не поврежденная огнем железная фибула (Рис. 77: 29).

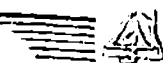
Погребение № 314. Безурновое (Рис. 75: 10). Захоронение совершено в прямоугольной в плане могильной яме размером 0,3 x 0,35 м и глубиной 0,35 м, ориентированной длинной осью по линии север - юг. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,3 м в виде разбросанных по всей ее площади пережженных человеческих костей, очищенных от следов погребального костра. Погребение безынвентарное.

Погребение № 315. Безурновое (Рис. 76: 1). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,28 x 0,5 м и глубиной 0,3 м, ориентированной длинной осью по линии восток - запад. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,2 м в виде древесного угля и разбросанных по всей ее площади пережженных человеческих костей. Среди остатков кремации находились поврежденные огнем бронзовый перстень и бронзовый проволочный браслет (Рис. 78: 1, 2).

Погребение № 316. Безурновое (Рис. 76: 2). Захоронение совершено в прямоугольной в плане могильной яме размером 0,3 x 0,72 м и глубиной 0,45 м, ориентированной длинной осью по линии восток - запад. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,4 м в виде зольного пятна. Пережженные человеческие кости образовывали компактную кучку в западной части могильной ямы. Погребение безынвентарное.

Погребение № 317. Безурновое (Рис. 76: 3). Захоронение совершено в овальной в плане могильной яме размером 0,35 x 0,65 м и глубиной 0,45 м, ориентированной длинной осью по линии северо-запад - юго-восток. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,4 м в виде разбросанных по всей ее площади пережженных человеческих костей, очищенных от следов погребального костра. Погребение безынвентарное.

В исследованной площади могильника было обнаружено 17 вещевых комплексов, которые в некоторых случаях, были связаны с конкретными захоронениями. В комплексах находились вещи - предметы вооружения и конского снаряжения, хозяйственно-бытовой инвентарь, которые должны были сопровождать

покойного в мир мертвых (Рис. 10, 11, 18 - 20, 54 - 57, 72, 73, 78: 6 - 14, 79 - 81).
 некоторых случаях вещи носили следы преднамеренной порчи. Данные действия
 указывают на веру сухогомольшан в то, что преднамеренно сломанные
 (умерщвленные) вещи, принадлежавшие покойнику, на том свете окажутся целыми
 и он ими сможет пользоваться в потусторонней жизни. Данные по поминальным
 комплексам представлены в таблицах 1 и 2.

Табл. 1. Поминальные комплексы могильника Сухая Гомольша.

№	Яма			Украшения и предметы одежды			Связан с погр. №
	форма (ориенти ровка)	размер (см)	глубина (см)	браслет	фибула	пряжка	
I			20				
II			60				№ 17
III	круг	35 x 35	40		1		№ 227
IV	круг	38 x 38	60				№ 48
V	овал (З - В)	100 x 55	46				№ 46
VI	прямо- уголь- ник (З - В)	35 x 30	20				№ 54
VII	овал (З - В)		20				№ 63
VIII	овал (З - В)		20			1	№ 111
IX	овал (З - В)		40				№ 122
X			65				№ 255
XI	овал (З - В)	28 x 25	35	1	1		№ 215
XII	круг	55 x 55	30				№ 228
XIII			50				№ 223
XIV	овал (З - В)		35				№ 230
XV	круг	55 x 55	35				
XVI	овал (З - В)	35 x 15	70		2		№ 286
XVII			45				

Табл. 2. Поминальные комплексы могильника Сухая Гомольша (продолжение).

№	Орудия труда и предметы быта								Предметы вооружения					Предметы конского снаряжения				
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
I									1					1				
II			2												2	1		
III			2							1	1			1	2	2	1	
IV			2		1										2	2		
V			1	1				1		1	1					1	5	
VI			1					1						1	1		1	1
VII			1								1					1		
VIII	1												1		1			
IX														1	2			
X															1	1	1	
XI			1															
XII			2	1	1	1								1			1	
XIII			1								1							
XIV			1									1						
XV					1					1				1	1	1	6	
XVI			10	1	1					2	1				2			
XVII		1	1	1	1		1			1	1			1	2	1	1	

Признаки: 1 - копоушка, 2 - пинцет, 3 - нож, 4 - тесло-мотыжка, 5 - серп, 6 - коса, 7 - хозяйственный топор, 8 - долото, 9 - сабля, 10 - наконечник копья, 11 - топорик-чекан, 12 - детали колчана, 13 - фрагменты кольчуги, 14 - удила, 15 - стремена, 16 - сбруйная пряжка, 17 - сбруйные кольца, 18 - чумбурный блок.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Могильник находится на окраине села Сухая Гомольша Змиевского района Харьковской области, расположен возле остатков каменной крепости и селища VIII-X вв. Крепость упоминается в географическом описании Московской Руси - "Книга Большому Чертежу", составленной в 1627 г. в Разрядном приказе. Вместе селищем (Михеев, Приходнюк 1986) и могильником памятник составляет единый историко-археологический комплекс салтовской культуры второй половины VIII-первой половины X вв. (Рис. 1; 2: 1). В площади крепости расположен курган срубной культуры (Буйнов, Михеев 1969).

Могильник у с. Сухая Гомольша был открыт В.К. Михеевым в 1973 г. после того, как сильный ливень вымыл три глиняных сосуда-урны, заполненные пережеванными человеческими костями, на верхней дороге из с. Нижний Бишкин к с. Сухая Гомольша. Урны и находившиеся в них вещи поступили в краеведческий музей с. Верхний Бишкин Первомайского района Харьковской области, где они находятся на хранении до настоящего времени. Стационарные раскопки на могильнике проводились Средневековой археологической экспедицией Харьковского университета под руководством В.К. Михеева в 1973 - 1982 годах. За этот период была вскрыта площадь равная 6508 кв. м, на которой обнаружено и исследовано 317 погребений по обряду трупосожжения и открыто 17 вещевых поминальных комплексов (Рис. 2: 2). Удалось также выявить и проследить границы некрополя. Раскопки могильника дали обширный материал для характеристики материальной и духовной культуры населения, хоронившего умерших людей на некрополе у с. Сухая Гомольша. Частично материалы раскопок нашли отражение в небольших публикациях (Михеев 1982; Михеев 1985; Михеев 1986). Могильник был отнесен первоисследователем к салтовской археологической культуре и датирован второй половиной VIII - началом X вв. Материалы раскопок хранятся в фондах Музея археологии и этнографии Слободской Украины Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина.

Поверхность могильника представляет собой слегка покатый правый склон глубокой балки "Панской", служившей в эпоху средневековья естественной границей могильника с запада и юго-запада. Сама балка "Панская" прорезает высокий правый берег речки Гомольши, являющейся левым притоком Северского Донца. Кроме упомянутой естественной границы, территория могильника была огорожена искусственным рвом (Рис. 2: 2). Его удалось достаточно хорошо проследить на восточной и юго-восточной окраине некрополя, где он изгибался в сторону балки. В древности ров имел вид траншеи с плоским дном, стенки которой сужались ко дну. На момент исследования глубина рва составляла 1,05 м от уровня современной поверхности почвы, при ширине 1,0 м в верхней части и 0,8 м у дна. Южная оконечность рва на момент исследования была размыта водой, отчего в месте соединения рва с балкой начался процесс оврагообразования. С севера территория могильника очерчена ложбинкой, образовавшейся в результате размыва водой рва. В месте соединения этой ложбинки с балкой также идет процесс

сварагообразования. По мнению В.К. Михеева, ров был сооружен не только с целью ограбить место захоронения умерших и таким образом изолировать их от живых, но и имел практическое значение - мог выполнять функцию дренажной системы, предохранявшей могильник от разрушения сточными водами.

Культурный слой, зафиксированный на могильнике, имел не везде одинаковую толщину. Так, максимальная его толщина - 0,5 м была представлена на склоне покатого склона балки, протянувшегося с северо-востока на юго-запад. Тогда как на северо-западном и юго-восточном участках могильника культурный слой был почти полностью смыт сточными водами. Предматериковый суглинок на этих участках начинался сразу же под дерновым слоем.

Все погребения, за исключением одного поминального вещевого комплекса, были обнаружены в пределах могильника, ограниченного рвом. Внешние признаки могил отсутствуют. Вероятно, в древности, в период функционирования могильника, захоронения все же были маркированы какими-то надмогильными сооружениями, о чем свидетельствует факт отсутствия перекрытия одних погребений другими.

Удалось обнаружить и место, где совершался обряд кремации покойников. Оно представлено серповидной формы "золянком", расположенным за пределами могильника, к востоку от него, за ограничительным рвом. "Золяник" был насыщен мелкими древесными угольками, кусочками сильно обожженной глины, специально изготовленными глиняными "пирожками", кусочками стекловидного шлака, оплавленными бусинами и отдельными металлическими предметами, носящими следы воздействия огня, аналогичные вещам, встречающимся в захоронениях могильника. Место кремирования покойников не подлежит удовлетворительной реконструкции, так как сожжение, по-видимому, совершалось прямо на земле, поверхность которой к моменту исследования были разрушена вспашкой.

Для могильника Сухая Гомольша установлен единый обряд захоронения - трупосожжение на стороне. Антропологический анализ костного материала показал, что наибольшее воздействие огня испытывали кости черепа и позвоночника, при слабом сожжении частей верхних и особенно нижних конечностей (Malinowski, Michejew 1981, 154). После того, как погребальный костер прогорал, а вероятнее всего его заливали водой, о чем свидетельствуют раздробленные, с острыми краями, хрупкие, спекшиеся человеческие кости, остатки кремации помещались в заранее приготовленную ямку или сосуд-урну. Количество пережженных человеческих костей, найденных в захоронениях могильника, указывает на не всегда тщательный сбор остатков сожжения для помещения в могилы: в одних случаях они обильны или их достаточно много, в других - они единичны. Личные вещи, принадлежавшие покойнику (бусы, украшения из цветных металлов, элементы одежды), зачастую несут следы пребывания в огне погребального костра. Ярko выраженные следы пребывания в пламени погребального костра имеют предметы вооружения и снаряжения коня. Они после нагрева подвергались искусственной деформации (сгибались, ломались). Однако, часть вещей следов воздействия огня не несет и, видимо, может рассматриваться в качестве посмертного дара покойному.

Кроме захоронений на могильнике были обнаружено 17 поминальных комплексов вещей, расположенных в так называемых "тайничках" (Табл. 1; 2) Вещи

находились в ямках глубиной до 0,7 м от уровня современной поверхности почвы. Точные размеры и форму ямок с вещами в большинстве случаев определить представлялось возможным из-за впущенности их в культурный слой могильника. В тех случаях, где это удалось, вещи находились в круглых или овальных в плане ямках небольших размеров (0,25 - 0,55 м), что объясняет компактное расположение положенных в них вещей. Исключением являются комплексы II и V. Вещи комплекса V находились в овальной в плане яме размером 0,55 x 1,0 м, а вещи комплекса занимали две ямки. В одной небольшой ямке, расположенной к юго-востоку от погребения № 17, были сложены вместе преднамеренно деформированное древности стремя, железная сбруйная пряжка, два ножа в ножнах. Во второй ямке находившейся у северо-западного края погребения № 17, лежало второе преднамеренно сломанное стремя. Элементы конского снаряжения (удила, железная сбруйная пряжка, еще одно стремя) находились и в самой могильной яме погребения № 17. Подобная ситуация наблюдалась в погребении № 214, расположенном рядом с ним комплексе X. Часть погребального инвентаря находилась в могильной яме среди остатков кремации, часть - в "тайничке". Так одно стремя, железный нож и бронзовая пластина находились среди остатков кремации, а удила, железное сбруйное кольцо лежали в отдельной ямке в 0,7 м к юго-востоку от погребения. Еще дальше, в 0,3 м от "тайничка", лежали вместе боевой топорик, железная пряжка, обломки железного котла, ножны от ножа.

Таким образом, поминальные комплексы расположены рядом с определенными погребениями, составляя единое целое. Это подтверждается территориальной близостью комплекса к определенному захоронению, а иногда и составом погребального инвентаря, как это было показано выше.

По способу захоронения останков сожжения все захоронения следует разделить на урновые и безурновые. Под безурновыми мы понимаем способ захоронения, когда пережженные костные останки помещены просто в земляную ямку или же были заключены в какую-то емкость из естественных материалов, которая не сохранилась. В количественном отношении безурновые погребения несколько преобладают над урновыми: первых - 179, вторых - 138 (соответственно 56,4 и 43,6 %). В площади могильника и те, и другие захоронения располагались вперемешку, не образуя особых территориальных групп. Если на каком-то участке могильника и отмечалось некоторое незначительное преобладание урновых захоронений над безурновыми или же наоборот, то такое положение, по-видимому, нельзя рассматривать как определенный порядок, связанный с системой родства погребенных. Это или случайность, или же как-то связано с неизвестными нам представлениями носителей данного погребального обряда. В целом, погребения по площади могильника распределены неравномерно, но средняя встречаемость захоронений составляет одну кремацию на 18 м кв.

Для безурновых захоронений могильника характерны три формы могильных ям: 1 - круглые; 2 - эллипсоидные; 3 - прямоугольные с закругленными углами. Исследования безурновых захоронений могильника позволили выделить ямы малой длины (0,15 - 0,6 м), средней (0,6 - 0,8 м) и большой (0,8 - 1,4 м). Наибольшее число ям безурновых захоронений имеет длину 0,6 - 0,75 м и 0,8 - 0,9 м. По ширине могильные ямы безурновых захоронений могут быть условно разделены на три

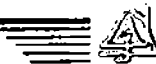
категории: малые - 0,12 - 0,3 м, средние - 0,3 - 0,65 м и большие - 0,65 - 1,2 м. Доминируют ямы, ширина которых находится в пределах 0,3 - 0,65 м. В отношении глубины ведущее место принадлежит ямам, дно которых фиксировалось на глубине 0,3 - 0,5 м от уровня современной поверхности почвы. Для могильных ям безурновых захоронений было зафиксировано четыре основных направления их ориентировки: север - юг, северо-запад - юго-восток, юго-запад - северо-восток и восток - запад (Михеев 1986, 162).

Безурновые захоронения (тип I) в зависимости от наличия в них следов погребального костра в виде пепла, древесных угольков, а также концентрации пережженных человеческих костей в площади могильной ямы, подразделяются на несколько видов (Табл. 3, 4).

I-1. Безурновые. Пережженные кости очищены от следов погребального костра и компактно расположены в пределах могильной ямы. На могильнике этот вид представлен 16-ю захоронениями (5,5% от общего числа захоронений могильника). Пережженные человеческие кости были помещены как в ямы, имеющие в плане круглую форму (8 захоронений), так и в ямы вытянутых очертаний - овальные (7 погребений) и прямоугольные (1 захоронение).

Диаметр круглых ям колеблется от 0,3 до 0,6 м. Глубина этих захоронений составляет 0,3 - 0,5 м от современной поверхности почвы. В засыпке трех захоронений, произведенных в круглых в плане ямах, встречены фрагменты салтовских сосудов (погр. № 255, 269) (Рис. 67: 4) и обломки железного котла (погр. № 231) (Рис. 51: 3), по всей видимости, связанные с проведением "тризн". В одном случае (погр. № 268) могильная яма захоронения имела специфическую особенность - ее дно было преднамеренно обмазано тонким слоем глины и обожжено (Рис. 67: 3). Половина захоронений (№ 53, 119, 268, 269) содержала немногочисленный инвентарь. В одном случае (погр. № 119) в захоронении находился сосуд-приставка, установленный вверх дном (Рис. 28: 1).

Средние размеры могильных ям вытянутых очертаний в захоронениях данного вида составляют 0,5 - 0,7 x 0,3 - 0,5 м, хотя пережженные человеческие останки были помещены как в ямы незначительных размеров - 0,25 x 0,15 м (погр. № 275) (Рис. 68: 1), так и в достаточно крупные ямы - 1,0 x 0,7 м (погр. № 252) (Рис. 59: 1). Преобладающей ориентировкой для захоронений в ямах вытянутых очертаний была широтная (по линии восток-запад) - 5 погребений (погр. № 184, 216, 252, 275, 282) (Рис. 39: 9). Еще две ямы были ориентированы по линии северо-запад - юго-восток (погр. № 250, 253) (Рис. 59: 2). По-видимому, здесь имеет место сезонное отклонение, так как в погр. № 253 кости черепа располагались в северо-западной части могильной ямы. В западной части зачастую находились кости черепа и в захоронениях с широтной ориентировкой могильных ям. Только одно захоронение (погр. № 251) имело меридианальную ориентировку (Рис. 58: 8). В 4-х из 8-ми захоронений в ямах вытянутых очертаний в засыпке были встречены фрагменты салтовских сосудов (погр. № 250, 251, 252, 282). Эти же захоронения содержали погребальный инвентарь со следами пребывания в огне. Из 4-х захоронений с инвентарем три имели широтную ориентировку могильных ям, и среди них самое богатое по составу инвентаря (погр. № 252) (Рис. 62 - 65; 66: 2 - 4).

находились в ямках глубиной до 0,7 м от уровня современной поверхности почвы. Точные размеры и форму ямок с вещами в большинстве случаев определить не представлялось возможным из-за впаденности их в культурный слой могильника. В тех случаях, где это удалось, вещи находились в круглых или овальных в плане ямках небольших размеров (0,25 - 0,55 м), что объясняет компактное расположение положенных в них вещей. Исключением являются комплексы II и V. Вещи комплекса V находились в овальной в плане яме размером 0,55 x 1,0 м, а вещи комплекса занимали две ямки. В одной небольшой ямке, расположенной к юго-востоку от погребения № 17, были сложены вместе преднамеренно деформированное древности стремя, железная сбруйная пряжка, два ножа в ножнах. Во второй ямке находившейся у северо-западного края погребения № 17, лежало второе преднамеренно сломанное стремя. Элементы конского снаряжения (удила, железная сбруйная пряжка, еще одно стремя) находились и в самой могильной яме погребения № 17. Подобная ситуация наблюдалась в погребении № 214, расположенном рядом с ним комплексе X. Часть погребального инвентаря находилась в могильной яме среди остатков кремации, часть - в "тайничке". Так одно стремя, железный нож и бронзовая пластина находились среди остатков кремации, а удила, железное сбруйное кольцо лежали в отдельной ямке в 0,7 м к юго-востоку от погребения. Еще дальше, в 0,3 м от "тайничка", лежали вместе боевой топорик, железная пряжка, обломки железного котла, ножны от ножа.

Таким образом, поминальные комплексы расположены рядом с определенными погребениями, составляя единое целое. Это подтверждается территориальной близостью комплекса к определенному захоронению, а иногда составом погребального инвентаря, как это было показано выше.

По способу захоронения останков сожжения все захоронения следует разделить на урновые и безурновые. Под безурновыми мы понимаем способ захоронения, когда пережженные костные останки помещены просто в земляную ямку или же были заключены в какую-то емкость из естественных материалов, которая не сохранилась. В количественном отношении безурновые погребения несколько преобладают над урновыми: первых - 179, вторых - 138 (соответственно 56,4 и 43,6 %). В площади могильника и те, и другие захоронения располагались вперемешку, не образуя особых территориальных групп. Если на каком-то участке могильника и отмечалось некоторое незначительное преобладание урновых захоронений над безурновыми или же наоборот, то такое положение, по-видимому, нельзя рассматривать как определенный порядок, связанный с системой родства погребенных. Это или случайность, или же как-то связано с неизвестными нам представлениями носителей данного погребального обряда. В целом, погребения по площади могильника распределены неравномерно, но средняя встречаемость захоронений составляет одну кремацию на 18 м кв.

Для безурновых захоронений могильника характерны три формы могильных ям: 1 - круглые; 2 - эллипсовидные; 3 - прямоугольные с закругленными углами. Исследования безурновых захоронений могильника позволили выделить ямы малой длины (0,15 - 0,6 м), средней (0,6 - 0,8 м) и большой (0,8 - 1,4 м). Наибольшее число ям безурновых захоронений имеет длину 0,6 - 0,75 м и 0,8 - 0,9 м. По ширине могильные ямы безурновых захоронений могут быть условно разделены на три

категории: малые - 0,12 - 0,3 м, средние - 0,3 - 0,65 м и большие - 0,65 - 1,2 м. Доминируют ямы, ширина которых находится в пределах 0,3 - 0,65 м. В отношении глубины ведущее место принадлежит ямам, дно которых фиксировалось на глубине 0,3 - 0,5 м от уровня современной поверхности почвы. Для могильных ям безурновых захоронений было зафиксировано четыре основных направления их ориентировки: север - юг, северо-запад - юго-восток, юго-запад - северо-восток и восток - запад (Михеев 1986, 162).

Безурновые захоронения (тип I) в зависимости от наличия в них следов погребального костра в виде пепла, древесных угольков, а также концентрации пережженных человеческих костей в площади могильной ямы, подразделяются на несколько видов (Табл. 3, 4).

I-1. Безурновые. Пережженные кости очищены от следов погребального костра и компактно расположены в пределах могильной ямы. На могильнике этот вид представлен 16-ю захоронениями (5,5% от общего числа захоронений могильника). Пережженные человеческие кости были помещены как в ямы, имеющие в плане круглую форму (8 захоронений), так и в ямы вытянутых очертаний - овальные (7 погребений) и прямоугольные (1 захоронение).

Диаметр круглых ям колеблется от 0,3 до 0,6 м. Глубина этих захоронений составляет 0,3 - 0,5 м от современной поверхности почвы. В засыпке трех захоронений, произведенных в круглых в плане ямах, встречены фрагменты салтовских сосудов (погр. № 255, 269) (Рис. 67: 4) и обломки железного котла (погр. № 231) (Рис. 51: 3), по всей видимости, связанные с проведением "тризы". В одном случае (погр. № 268) могильная яма захоронения имела специфическую особенность - ее дно было преднамеренно обмазано тонким слоем глины и обожжено (Рис. 67: 3). Половина захоронений (№ 53, 119, 268, 269) содержала немногочисленный инвентарь. В одном случае (погр. № 119) в захоронении находился сосуд-приставка, установленный вверх дном (Рис. 28: 1).

Средние размеры могильных ям вытянутых очертаний в захоронениях данного вида составляют 0,5 - 0,7 x 0,3 - 0,5 м, хотя пережженные человеческие останки были помещены как в ямы незначительных размеров - 0,25 x 0,15 м (погр. № 275) (Рис. 68: 1), так и в достаточно крупные ямы - 1,0 x 0,7 м (погр. № 252) (Рис. 59: 1). Преобладающей ориентировкой для захоронений в ямах вытянутых очертаний была широтная (по линии восток-запад) - 5 погребений (погр. № 184, 216, 252, 275, 282) (Рис. 39: 9). Еще две ямы были ориентированы по линии северо-запад - юго-восток (погр. № 250, 253) (Рис. 59: 2). По-видимому, здесь имеет место сезонное отклонение, так как в погр. № 253 кости черепа располагались в северо-западной части могильной ямы. В западной части зачастую находились кости черепа и в захоронениях с широтной ориентировкой могильных ям. Только одно захоронение (погр. № 251) имело меридианальную ориентировку (Рис. 58: 8). В 4-х из 8-ми захоронений в ямах вытянутых очертаний в засыпке были встречены фрагменты салтовских сосудов (погр. № 250, 251, 252, 282). Эти же захоронения содержали погребальный инвентарь со следами пребывания в огне. Из 4-х захоронений с инвентарем три имели широтную ориентировку могильных ям, и среди них самое богатое по составу инвентаря (погр. № 252) (Рис. 62 - 65; 66: 2 - 4).

1-2. Безурновые. Человеческие останки *очищены* от следов погребального костра и *рассеяны* по дну могильной ямы. Исследовано 36 захоронений (11,3%). Преобладают захоронения в ямах вытянутых очертаний.

Только в 4 случаях (погр. № 172, 240, 245, 264) пережженные кости находились в ямах круглой в плане формы (Рис. 36: 8), и лишь одно из этих захоронений (погр. № 245) оказалось безынвентарным. В трех погребениях кальцинированные кости помещены в ямы малого размера (диаметр - 0,35 - 0,45 м) и только яма погр. № 172 имела значительный диаметр - 1,05 м.

25 захоронений было совершено в овальных в плане ямах и 7 - прямоугольных ямах. Размеры могильных ям вытянутых в плане очертаний колеблются в очень значительных пределах, от очень маленьких - 0,19 x 0,15 м (погр. № 305) (Рис. 75: 1), до достаточно крупных - 1,9 x 1,1 м (погр. № 233) (Рис. 5: 2). Две трети захоронений были совершены в ямах, длина которых превышала 0,5 м, а в 6 случаях длина ям была больше 1,0 м. Глубина могильных ям колеблется от 0,35 до 0,65 м. Могильные ямы вытянутых очертаний имеют как широтную (12 захоронений), так и меридианальную (12 захоронений) ориентировку. В 12 случаях яма ориентирована по линии северо-запад - юго-восток. Для погребений совершенных в ямах с меридианальной ориентировкой и ориентированных по линии северо-запад - юго-восток, характерно равное количество захоронений, содержащих инвентарь, и захоронений, в которых он отсутствовал. Напротив, почти в каждом погребении с широтной ориентировкой могильной ямы находилось инвентарь, хотя и немногочисленный. В заполнении трех ям с широтной ориентировкой (погр. № 242, 247, 248) были обнаружены фрагменты салтовских сосудов, а в засыпке погр. № 183 - фрагменты преднамеренно сломанного железного котла. Фрагменты салтовских сосудов встречены в заполнении могильных ям, ориентированных по линии северо-запад - юго-восток (погр. № 209, 246, 312), и в захоронениях с меридианальной ориентировкой ям (погр. № 211, 232, 233, 267). Одно захоронение (погр. № 214) сопровождалось так называемым "тайничком" (комплекс VI), помещенным в специальную ямку. Показательно, что для захоронений, совершенных в ямах прямоугольной формы, больше характерна меридианальная ориентировка. В их инвентаре чаще присутствуют предметы вооружения, элементы конского снаряжения, вещи хозяйственно-бытового назначения (погр. № 183, 214/комплекс VI, 233).

1-3. Безурновые. Кальцинированные кости с *остатками* погребального костра (древесным углем, золой) *компактно* расположены в могильной яме. Данный вид представлен 38 захоронениями (11,9%). Для захоронений характерно помещение человеческих останков в могильные ямы круглой формы (32 из 38 погребений).

Диаметр круглых могильных ям колеблется от 0,2 до 0,5 м, а глубина составляет 0,2 - 0,5 м от современной поверхности почвы. Немногим более половины захоронений (17 погребений) были безынвентарными. Остальные содержали инвентарь, который только в 1/4 этих погребений прошел через огонь погребального костра. В остальных погребениях найденные вещи представляли посмертные дары покойнику. Фрагменты салтовских сосудов

встречены в засыпке всего двух захоронений (погр. № 23, 219). В погребении № 220 был обнаружен сосуд-приставка (Рис. 50: 1).

Только в шести случаях (погр. № 18, 20, 99, 122, 144, 316) человеческие останки вместе с углем и золой погребального костра были помещены в могильные ямы овальной (5 захоронений) (Рис. 8: 7) или прямоугольной (погр. № 316) формы (Рис. 76: 2). Размеры могильных ям составляют 0,2 - 0,7 x 0,25 - 0,45 м, а глубина не превышает 0,5 м. Среди данных захоронений преобладают погребения с широтной ориентировкой могильных ям (погр. № 20, 122, 144, 316). Погребения № 18 и 99 были ориентированы по линии север - юг. Инвентарь присутствовал в обоих захоронениях с меридианальной ориентировкой могильных ям и в одном погребении с широтной (погр. № 122). Рядом с захоронением № 122 находился номинальный комплекс IX.

1-4. Безурновые. Кальцинированные кости вместе с золой и углем погребального костра *рассеяны* по всей площади могильной ямы. Этот вид представлен 89-ю захоронениями (28,1%). Преобладают захоронения, совершенные в ямах вытянутых очертаний (70 погребений).

В 19 случаях остатки кремации были помещены в могильные ямы круглой формы. Ямы имеют диаметр от 0,2 до 0,8 м и глубину от 0,25 до 0,7 м. 10 из 19-ти захоронений в круглых ямах оказались безинвентарными. Весь инвентарь погр. № 112 находился в рядом расположенном "тайничке" (комплекс VIII). Одно захоронение (погр. № 263) сопровождалось сосудом-приставкой, лежащим на боку (Рис. 60: 4).

В 54-х захоронениях остатки кремации размещались в ямах овальной в плане формы и в 18 случаях - в ямах прямоугольной формы. Длина могильных ям вытянутых в плане очертаний колеблется от 0,35 до 1,3 м при ширине 0,17 - 0,75 м. Глубина могильных ям не превышает 0,75 м. Ориентировка ям отличается разнообразием. Меридианальную ориентировку имели 24 ямы, а еще 30 ям ориентированы по линии восток - запад. Могильные ямы остальных захоронений ориентированы с сезонными отклонениями: в 10 случаях по линии северо-запад - юго-восток, в 6 случаях - по линии юго-запад - северо-восток.

В 8-ми захоронениях (погр. № 109, 117, 205, 259, 260, 302, 304, 311) стенки могильных ям были преднамеренно обмазаны тонким слоем глины и обожжены (Рис. 27: 1, 7; 45: 11; 60: 1, 2; 74: 7, 9; 75: 8). Среди этих погребений преобладают совершенные в ямах овальной формы (5 из 8) и ориентированные в широтном направлении (4 из 8 - погр. № 109, 259, 302, 304). Два погребения (№ 205, 260) с обмазанными глиной стенками ямы были ориентированы меридианально, еще два - по линии северо-запад - юго-восток (погр. № 117) и северо-восток - юго-запад (погр. № 311). В 4-х захоронениях с обмазанными стенками было обнаружено по два сосуда-приставки (погр. № 117, 302, 304, 311), а в одном (погр. № 259) их было три. Для захоронений, помещенных в простые грунтовые ямы, характерно наличие одного сосуда-приставки (8 погребений) и только в погр. № 111 зафиксировано 2 таких сосуда. В большинстве случаев сосуда-приставки стояли устьем вверх и лишь как исключение покоились на боку. Показательно, что два и более сосуда-приставки зачастую встречаются в погребениях с широтной ориентировкой могильных ям, тогда как в ямах с меридианальной ориентировкой всегда находилось только по одному.

49 из 70-ти захоронений в могильных ямах вытянутых очертаний содержали погребальный инвентарь. Пять погребений сопровождалась "тайничками", предметами конского снаряжения и вооружения. Четыре таких захоронения были произведены в ямах ориентированных широтно (погр. № 17, 46, 63, 230), а одно (погр. № 218) совершено в яме, ориентированной по линии северо-запад – юго-восток. Погребения, сопровождавшиеся "тайничками", были совершены как в овальных (№ 63, 218, 230), так и прямоугольных (№ 17, 46) ямах.

В целом можно отметить, что остатки кремации помещали в могильные ямы различных форм: прямоугольной (25 безурновых захоронений), круглой (63 захоронения) и овальной (91 погребение). При этом население сухомольшанской общины отдавало предпочтение ямам овальной формы. Они составляют более половины всех безурновых захоронений (50,8 %).

Безурновые захоронения в ямах прямоугольной формы характеризуются преобладанием погребений, в которых пережеванные человеческие кости перемешаны с остатками погребального костра (17 из 25 захоронений). В большинстве захоронений кальцинированные кости рассеяны по всей площади могильных ям (23 из 25 захоронений). Количество захоронений с широтной и меридианальной ориентировкой почти одинаково - соответственно 9 и 8. Сопоставимо с ними и количество захоронений, имеющих сезонные отклонения в ориентировке могильных ям - 8 (5 ям ориентировано по линии северо-запад – юго-восток и 3 ямы - по линии юго-запад – северо-восток). Количество захоронений с инвентарем несколько превышает количество безинвентарных погребений в прямоугольных ямах (15 против 10). В 7-ми безурновых захоронениях в прямоугольных ямах были встречены сосуды-приставки. Сосуды-приставки характерны для всех представленных ориентировок могильных ям. В то же время для меридианально ориентированных захоронений в прямоугольных ямах не характерны вещевые поминальные комплексы и обмазка стенок глиной с последующим их обжигом. Данные черты отмечены в захоронениях, могильные ямы которых имели или ориентировку с сезонным отклонением, или четкую широтную ориентировку (по 3 случая). Фрагменты керамики встречены только в заполнении могильных ям, ориентированных строго по линии север – юг (2 погребения). Еще в заполнении одного погребения были найдены фрагменты железного котла, но могильная яма в этом случае имела широтную ориентировку.

Для безурновых захоронений в круглых ямах характерно преобладание кремации с остатками погребального костра (51 из 63 погребений) и компактное их размещение (40 из 63 погребений), что, по-видимому, обусловлено незначительными размерами самих могильных ям этой формы. Количество безинвентарных погребений в круглых ямах и погребений, содержащих какой-либо инвентарь, почти одинаково - 32 и 31 соответственно. Случаи наличия в захоронениях сосудов-приставок (3 захоронения), обмазки стенок могильной ямы глиной с последующим обжигом (1 захоронение), сопровождения погребения вещевым погребальным комплексом (1 захоронение) для кремаций в круглых ямах единичны, как и нахождение в заполнении могильных ям фрагментов керамики (5 случаев), сырых костей животных (2 случая), фрагментов железного котла (1 случай).

Из 91-ой кремации в овальных могильных ямах 60 содержали пережеванные человеческие кости, не очищенные от следов погребального костра, а в 79 погребениях кальцинированные кости были рассеяны по всей площади ям. Погребальный инвентарь был встречен в подавляющем большинстве захоронений (60 из 91). Широтная ориентировка захоронений несколько преобладала над меридианальной (39 против 30). Еще 19 захоронений были ориентированы по линии северо-запад – юго-восток, и 3 - по линии северо-восток – юго-запад. 6 захоронений сопровождалось сосудами-приставками (3 в погребениях с широтной ориентировкой могильных ям и 2 - с меридианальной ориентировкой). Стенки пяти могильных ям были преднамеренно обмазаны слоем глины и обожжены, при этом данный элемент конструкции был отмечен и в широтно ориентированных захоронениях (2 случая), и в ориентированных по линии север – юг (2 случая). Поминальные вещевые комплексы в 3-х из 4-х зафиксированных случаев сопровождали захоронения в овальных ямах, ориентированных по линии восток – запад. Для 6 захоронений в овальных ямах характерен высокий процент погребений, в заполнении которых были встречены фрагменты салтовских керамических сосудов (18 кремации). При этом керамика в засыпке могильных ям достаточно часто встречалась как в погребениях, ориентированных по линии восток - запад (6 случаев), так и в кремациях, имеющих меридианальную ориентировку ям (7 случаев). Керамика в засыпке была отмечена и в 5-ти захоронениях, имеющих ориентировку могильных ям по линии северо-запад – юго-восток.

Урновые (тип II) захоронения могильника в зависимости от очищенности пережеванных человеческих костей от остатков погребального костра, положения погребальной урны, наличия крышки и подстилки разделены на несколько видов. К урновым захоронениям отнесены и те погребения, в которых сосуды служили не вместившими пережеванных человеческих останков, а своеобразными крышками, прикрывавшими сверху кучку кальцинированных костей.

II-1. Очищенные от следов погребального костра человеческие останки находились в урне, установленной *вверх дном*. Исследовано 22 таких захоронений (6,9%).

Урны установлены на глубине 0,3 - 0,7 м. В 7 случаях удалось проследить контуры могильных ям. В плане они круглые (погр. № 24, 35, 51, 52, 58) (Рис. 12: 3) или имеют овальную (погр. № 28, 49) форму (Рис. 12: 7). Диаметр круглых ям составляет 0,35 - 0,5 м. Овальные ямы достигали в длину 0,6 и 0,7 м при ширине 0,45 м и были ориентированы по линии северо-восток – юго-запад. Лишь одна урна (погр. № 28) сопровождалась сосудом-приставкой, установленным *вверх дном* (Рис. 12: 7). Рядом с тремя урнами (погр. № 223, 227, 228) располагались поминальные комплексы XIII, III, XII, содержавшие предметы вооружения и конского снаряжения. Урна в погребении № 51 дополнительно сверху была накрыта еще одним сосудом большего размера (Рис. 14: 8). В трех погребениях среди остатков кремации отмечены мелкие фрагменты других салтовских сосудов (погр. № 210, 227), необожженные кости (ребра) животного (погр. № 308). Количество безынвентарных погребений и захоронений, содержавших личные вещи умерших, одинаково - по 11 погребений.

II-2. Очищенные от следов погребального костра человеческие останки помещены в урну, стоящую вверх дном на подстилке. Вид представлен 8-ю захоронениями (2,5%).

Глубина захоронений составляет 0,35 - 0,7 м. Половина урн была установлена на придонные части других сосудов (Рис. 39: 8; 44: 2), вторая половина - на крупные фрагменты стенок (Рис. 46: 5). Из 8 захоронений этого вида в 6 был встречен немногочисленный инвентарь. В погребении № 296 инвентарь находился внутри урны, и рядом с ней. В одном случае (погр. №286) весь инвентарь был помещен в расположенный в непосредственной близости "тайничок" (комплекс ХУ) (Рис. 71: 2).

II-3. Человеческие останки вместе с остатками погребального костра находились в урне, установленной вверх дном. Исследовано 44 захоронения (13,9%).

Глубина захоронений - 0,3 - 0,7 м. В двух случаях были прослежены контуры могильных ям. В погребении № 39 урна находилась в круглой яме диаметром 0,45 м (Рис. 13: 6). В захоронении № 265 урна помещена в овальную яму размером 0,8 x 0,5 м, ориентированную по линии север - юг (Рис. 60: 7). Эта яма имела конструктивные особенности. В южной части ямы располагалась ступенька, на которой и была установлена сама урна. Стенки и дно ямы были обмазаны тонким слоем глины и обожжены. В северной части ямы стоял сосуд-приставка установленный также как и урна - вверх дном. Урны захоронений № 61, 82, 261 также сопровождалась сосудами-приставками в развалах (Рис. 59: 8). В погребениях № 64 и 155 найдены фрагменты салтовских сосудов. 19 захоронений этого вида не содержали никакого другого инвентаря, кроме сосудов. В остальных погребениях инвентарь был представлен личными вещами умерших.

II-4. Пережженные человеческие кости вместе с золой и углем погребального костра находились в урне, установленной вверх дном на подстилке. Вид представлен 8-ю погребениями (2,5%).

Глубина установки сосудов колеблется от 0,4 до 0,97 м. В погребении № 207 в качестве подстилки использовалась придонная часть другого сосуда (Рис. 46: 2), в остальных случаях - крупные фрагменты сосудов (Рис. 46: 1). Погребения № 169 и 206, помимо кальцинированных человеческих костей, золы и угля, содержали мелкие фрагменты салтовских сосудов. Только два захоронения из восьми были безынвентарны (погр. № 206 и 301).

II-5. Очищенные от следов погребального костра пережженные человеческие кости помещены в урну, стоящую устьем вверх. Данный вид представлен 14-ю погребениями (4,4%).

К этому виду отнесено и два захоронения в лежащих на боку амфорах с преднамеренно отбитыми в древности горлом и ручками (погр. № 55, 182), ибо данные сосуды затруднительно установить в вертикальном положении (Рис. 14: 12; 39: 6), и погребение № 276, содержавшее локоившийся на бок салтовский горшок. В последнем случае урна, по-видимому, упала на бок при засыпке могильной ямы.

Урны стояли на глубине 0,3 - 0,65 м. В двух случаях (погр. № 37, 55) были прослежены контуры могильных ям, в которые были помещены урны. В обоих случаях урны находились в ямах овальной формы, ориентированных по линии

северо-восток – юго-запад (Рис. 13: 5; 14: 12), размером 0,4 x 0,3 м и 0,5 x 0,35 м соответственно. Семь из 14 захоронений данного вида были безынвентарными. В 3-х из 7-ми захоронений с инвентарем (погр. № 202, 208, 249) среди остатков кремации были обнаружены отдельные фрагменты салтовских сосудов.

II-6. Очищенные от следов погребального костра человеческие останки помещены в урну, установленную устьем вверх и накрытую крышкой. Вид представлен 6-ю захоронениями (1,9%).

В половине захоронений крышками служили крупные фрагменты стенок, в остальных – придонные части салтовских сосудов (в погр. № 235 – придонная часть бромской амфоры) (Рис. 51: 6). Четыре захоронения содержали инвентарь, помещенный в урны вместе с остатками кремации. В качестве крышек для урн, державших инвентарь, предпочтение отдавалось придонным частям сосудов (3 из 4 захоронений). Интерес представляет погр. № 235, где в урне полностью отсутствовали пережеванные человеческие кости, а инвентарь был представлен щами, носившими следы пребывания в огне.

II-7. Пережеванные человеческие кости вместе с углем и золой погребального костра помещены в урну, установленную устьем вверх. Обнаружено 29 погребений этого вида (9,1%).

Глубина установки урн составляет 0,2 – 0,55 м. Только в одном случае (погр. № 67) удалось проследить контуры могильной ямы, которая имела в плане подпрямоугольную форму и была ориентирована по линии север – юг (Рис. 21: 1). Ее размеры 0,9 x 0,5 м. Урна с прахом располагалась в южной части могильной ямы и покоилась на боку. Вероятно, она упала на бок при засыпке ямы землей. Количество безынвентарных захоронений и погребений, содержавших инвентарь, почти одинаково – 15 и 14 соответственно. Сосуды-приставки стояли в трех безынвентарных (погр. № 67, 138, 140) и трех погребениях с инвентарем (погр. № 103, 139, 288). В захоронениях находилось чаще всего по одному сосуду-приставке (Рис. 21: 1; 26: 4). Исключением является погребение № 140 с двумя сосудами-приставками. Из-за незначительной глубины залегания в трех случаях сосуда-приставки были представлены развалами горшков, а в одном случае (погр. № 67) сосуд-приставка покоился на боку. В двух погребениях (№ 103, 140) сосуда-приставки стояли устьем вверх. Интерес представляет погребение № 108, в котором остатки кремации находились в сосуде, от которого в древности была отбита нижняя часть (Рис. 26: 9). Таким образом, человеческие останки, с одной стороны, были только прикрыты верхней частью сосуда, а с другой, имитировались захоронение в целом сосуде.

II-8. Неочищенные от следов погребального костра человеческие останки помещены в урну, стоящую устьем вверх и накрытую крышкой. Захоронений этого вида обнаружено 7 (2,2%).

Глубина захоронений составляет 0,29-0,55 м. В погребении № 29 прослежены контуры могильной ямы. Урна была помещена в яму круглой формы диаметром 0,35 м (Рис. 12: 8). В 4-х из 7-ми захоронений крышкой служили придонные части салтовских сосудов, установленные дном вверх (Рис. 12: 8). В остальных погребениях (№ 126, 291) в качестве крышек использовались крупные фрагменты стенок сосудов, а в погр. № 70 – верхняя часть амфоры (Рис. 21: 4).

Именно эти погребения и были базинвентарными. Две урны (погр. № 70, 289) сопровождалась сосудами-приставками. В погребении № 70 сосуд-приставка находился в разрушенном состоянии; в погребении № 289 один сосуд-приставка был установлен устьем вверх, а второй найден лежащим на боку (Рис. 71: 5). Инвентарь погребений представлен в основном личными вещами умерших людей находившимися внутри урн, среди остатков кремации.

Табл. 3. Соотношение видов безурновых захоронений могильника Сухая Гомольша

Безурновые			
I-1	I-2	I-3	I-4
№ 53, 119, 184, 216, 231, 250, 251, 252, 253, 255, 268, 269, 271, 275, 280, 282	№ 170, 171, 172, 183, 187, 196, 197, 209, 211, 214/VI, 221, 222, 224, 226, 232, 233, 237, 240, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 254, 257, 264, 266, 267, 305, 309, 312, 313, 314, 317	№ 1, 2, 3, 4, 10, 12, 15, 16, 18, 20, 23, 25, 27, 30, 32, 33, 38, 40, 41, 44, 45, 47, 48, 50, 78, 99, 114, 115, 118, 122/IX, 124, 144, 153, 217, 219, 220, 270, 316	№ 5, 6, 7, 8, 9, 11, 13, 14, 17/II, 19, 21, 22, 31, 34, 36, 42, 43, 46/V, 54, 56, 57, 59, 60, 62, 63/VII, 65, 68, 71, 72, 73, 74, 75, 95, 97, 100, 109, 110, 111, 112/VIII, 113, 116, 117, 120, 121, 123, 125, 127, 142, 143, 145, 147, 148, 149, 151, 157, 158, 159, 162, 176, 177, 189, 198, 200, 203, 204, 205, 212, 213, 215, 218/XI, 230/XIV, 236, 259, 260, 262, 263, 274, 277, 278, 297, 298, 300, 302, 304, 306, 307, 310, 311, 315
16 (5%)	36 (11,3%)	38 (11,9%)	89 (28,1%)

Табл. 3. Соотношение видов урновых захоронений могильника Сухая Гомольша (продолжение)

Урновые			
II - 1	II - 2	II - 3	II - 4
№24, 28, 35, 49, 51, 52, 58, 173, 174, 190, 191, 192, 199, 210, 223/XIII, 227/III, 228/XII, 241, 279, 285, 294, 308	№167, 175, 181, 185, 239, 286/XVI, 295, 296	№26, 39, 61, 64, 66, 69, 77, 80, 82, 83, 86, 87, 88, 96, 104, 105, 106, 107, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 152, 155, 156, 160, 161, 163, 164, 165, 166, 168, 178, 179, 195, 261, 265, 283, 287, 292	№128, 150, 169, 206, 207, 290, 297, 301
22 (6,9%)	8 (2,5%)	44 (13,9%)	8 (2,5%)

Табл. 3. Продолжение

Урновые			
II - 5	II - 6	II - 7	II - 8
№37, 55, 182, 193, 194, 201, 202, 208, 229, 234, 249, 276, 284, 299	№102, 186, 225, 235, 238, 303	№67, 76, 79, 81, 84, 85, 90, 91, 92, 93, 94, 98, 101, 103, 108, 129, 138, 139, 140, 146, 154, 180, 188, 256, 258, 272, 273, 281, 288	№29, 70, 89, 126, 141, 289, 291
14 (4,4%)	6 (1,9%)	29 (9,1%)	7 (2,2%)

Табл. 4. Соотношение видов кремаций по могильнику Сухая Гомольша

безурновые				урновые							
I-1	I-2	I-3	I-4	II-1	II-2	II-3	II-4	II-5	II-6	II-7	II-8
16	36	38	89	22	8	44	8	14	6	29	7
5%	11,3%	11,9%	28,1%	6,9%	2,5%	13,9%	2,5%	4,4%	1,9%	9,1%	2,2%

В площади могильника безурновые и урновые захоронения располагались без определенного порядка. На могильнике удалось проследить участки с высокой плотностью захоронений и пустые пространства, не заполненные могилами. Это позволило одному из авторов книги выделить на могильнике шесть территориально обособленных групп захоронений: I - северную; II - западную; III - юго-западную; IV - центральную; V - восточную; VI - южную (Мухеев 1986, 159). Минимальное расстояние между I и II, IV, V группами составляло 6,5 м, 4 м и 5 м; между II и III, IV -

3,5 м и 5,5 м; между III и IV - 4,5 м; между IV и V - 5 м; между V и VI - 4,5 м (Рис. 2: 2). Как отмечалось, выделенные группы захоронений не всегда представлены в совершенно "чистом" виде, так как в некоторых случаях отдельные погребения занимают промежуточное положение на стыке участков (Мухомов 1986, 159).

В количественном отношении погребения в группах распределены не одинаково. Большая часть их находится в I группе - 106 захоронений, что составляет 33,3 % от всех погребений могильника. II и V группы по численности погребений почти равны и включают соответственно 56 и 66 захоронений, что составляет 17,7 % и 20,8 %. Группы III и VI представлены приблизительно равным количеством захоронений - 35 и 40 (11,0 % и 12,3 %). IV группа самая маленькая - 13 погребений (4,4 %).

Неодинаково количество урновых и безурновых погребений в каждой из групп могильника и соотношение в них разных типов кремаций (Табл. 5 - 10).

В I группе, как самой многочисленной, представлены захоронения всех выделенных нами типов. Из 106 захоронений данной группы 60 были безурновыми, в остальных 46-ти случаях остатки кремации находились в урнах.

Среди безурновых захоронений преобладают погребения с очищенными от следов погребального костра человеческими останками (типы I-1, I-2) - 34 погребения (Табл. 5). В большинстве этих погребений очищенные от следов погребального костра человеческие останки были разбросаны по всей площади могильной ямы (тип I-2) - 22 захоронения. Та же тенденция наблюдается среди захоронений, в которых останки кремации смешаны с древесным углем и пеплом (тип I-4) - 23 погребения. Таким образом, для I группы характерно полное преобладание захоронений с рассеянными останками по всей площади могильных ям. В этой группе преобладают погребения с ямами вытянутых очертаний (44 случая). Ямы вытянутых очертаний в равной степени имеют как широтную (16 захоронений), так и меридианальную (15 погребений) ориентировку. Численно с ними соотносятся ямы, ориентированные по линии северо-запад - юго-восток (10 случаев). Погребения с ориентировкой ям по линии юго-запад - северо-восток единичны (3 захоронения). Погребальные ямы вытянутых очертаний чаще всего имеют размеры, позволяющие отнести их к разряду средних. Обмазка стенок, дна могильной ямы с последующим обжигом характерна для погребений, содержащих неочищенные от следов погребального костра человеческие кости, рассеянные по всей площади могильной ямы (тип I-4) - 6 захоронений. Лишь в одном погребении типа I-1 была отмечена могильная яма круглой формы с обмазанными глиной и обожженными стенками и дном. Эти могильные ямы в равной мере ориентированы и по линии восток - запад (3 погребения), и по линии север - юг (2 захоронения). В одном случае обмазанная глиной могильная яма ориентирована по линии юго-запад - северо-восток. Погребальный инвентарь чаще встречался в захоронениях, содержащих человеческие останки, очищенные от следов погребального костра (типы I-1, I-2) - 22 случая, тогда как в погребениях с остатками костра инвентарь присутствовал только в трех. Характерно, что в большинстве своем инвентарь был встречен в захоронениях с рассеянными человеческими останками. Сосуды-приставки (6 случаев) ставили только в погребения с рассеянными остатками кремации, смешанными с древесным углем и золой (тип I-4). При этом в 4-х погребениях с сосудами-приставками могильные ямы были преднамеренно обмазаны глиной и обожжены, ориентировка трех из них широтная.

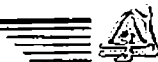

В 26 из 46 урновых захоронений I группы находились пережеванные человеческие кости, смешанные с остатками погребального костра (Табл. 5). При этом останки кремации чаще помещались в перевернутые вверх дном урны (29 случаев). Соответственно, в группе отмечено преобладание подстилок под урнами (11 случаев) над крышками (4 случая). Для группы урновых погребений характерно относительно равномерное распределение захоронений по типам: II – 1, II – 2, II – 4, II – 5, II – 7. Типы II – 6 и II – 8 (захоронения в урнах с крышками) представлены наименьшим количеством погребений – по 2. Один раз удалось проследить контуры могильной ямы (погр. №265), и это благодаря тому, что ее стенки были преднамеренно обмазаны глиной и обожжены. В этом случае яма имела меридианальную ориентировку. В ней фиксирована ступенька и урна, установленная дном вверх, сопровождаемая сосудом-приставкой. Сосуды-приставки были обнаружены еще в двух захоронениях (погр. № 288, 289). В отличие от погребения № 265, и урны с неочищенными от следов погребального костра человеческими останками, и сосуды-приставки стояли устьем вверх. В единственном захоронении I группы (погр. № 286), сопровождавшемся поминальным комплексом, урна была установлена вверх дном. Еще один комплекс XV, находившийся на границе группы, не был связан ни с каким погребением группы. В целом присутствие погребального инвентаря больше характерно для кремаций под перевернутыми вверх дном урнами (17 случаев против 9). Интересно, что именно в двух из этих погребений были обнаружены коньковые шумящие подвески (погр. № 167, 290).

Табл. 5. Погребения I группы

Тип захоронений	№ погребений	Кол-во
I - 1	№ 216, 250, 251, 252, 253, 255, 268, 269, 271, 275, 280, 282	12
I - 2	№ 170, 171, 172, 196, 197, 209, 226, 240, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 254, 257, 264, 266, 267, 312, 313	22
I - 3	№ 11, 217, 270	3
I - 4	№ 116, 176, 177, 189, 200, 203, 204, 205, 259, 260, 262, 263, 274, 277, 278, 297, 298, 300, 302, 304, 310, 311, 315	23
II - 1	№ 173, 199, 210, 241, 279, 285, 294	7
II - 2	№ 167, 239, 286/XVI, 295, 296	5
II - 3	№ 163, 166, 168, 178, 179, 195, 261, 265, 283, 287, 292	10
II - 4	№ 169, 206, 207, 261, 290, 293, 301	7
II - 5	№ 194, 202, 249, 276, 284, 299	6
II - 6	№ 238, 303	2
II - 7	№ 180, 256, 258, 272, 273, 281, 288	7
II - 8	№ 289, 291	2
Общее количество погребений в группе		106

В площади I группы захоронения разбросаны достаточно свободно и лишь изредка образуют компактные группы (Рис. 3).

В смысле планиграфии можно отметить, что западную границу участка формирует цепочка погребений: № 258, 275, 315, 244, 313, 202, 203, 204, 209, 216, 226, 116, 118 (Рис. 3). Сюда же входит и поминальный комплекс XV. Данные захоронения расположены вдоль по склону по линии север – юг. Расстояние между ближайшими из этих погребений колеблется от 3 до 8 м. В эту группу вошли только два урновых захоронения типа II – 7 (погр. № 258) и типа II – 5 (погр. № 202). Оба погребения содержали помимо остатков кремации и погребальный инвентарь. Самое крайнее северное захоронение этой своеобразной границы (погр. № 258) принадлежало женщине 40 – 49 лет. Остальные погребения, образующие западную границу I группы, были безурновые, в равной степени содержавшие очищенные (погр. № 257, 244, 313, 209, 216, 226), и не очищенные (погр. № 315, 203, 204, 116, 118) от следов погребального костра пережеженные человеческие останки. Из 11-ти безурновых захоронений, образующих западную границу I группы погребений могильника, только 3 погребения были совершены в могильных ямах круглой формы (погр. № 203, 116, 118). Погребения в ямах круглой формы содержали пережеженные человеческие кости, смешанные с древесным углем и золой из погребального костра. Погребение № 203 принадлежало ребенку в возрасте от 1 года до 6 лет, а погребение № 118 – женщине 20 – 29 лет. При этом погребения № 116, 118 как бы маркировали южный край этой западной границы участка. Показательно, что они, заполняя пространство между I и II группами могильника, типологические близки к захоронениям, преобладающим во II группе. Безурновые захоронения в ямах вытянутых очертаний в большинстве своем имеют широтную ориентировку, иногда с сезонным отклонением. Только одно захоронение из этой группы (№ 313) было ориентировано по линии север – юг.

К цепочке погребений, маркирующих западную границу участка, примыкают захоронения, образующие 6 самостоятельных групп (Рис. 3). В группах количество погребений колеблется от двух (№ 311, 312 и № 200, 310) до пяти (№ 273, 274, 275, 279, 284). Внутри групп расстояние между погребениями составляет 1,0 – 1,5 м, между группами колеблется от 2 до 5 м. Несколько обособленной является группа погребений у северной границы участка (Рис. 3). Расстояние от нее до ближайшей группы составляет 19 м.

Захоронения в группе зачастую представлены разными типами. Так, северную группу входили погребения, представленные типами I – 1, I – 4, II – 1, II – 5, II – 7. Два урновых захоронения, содержавшие очищенные человеческие останки (№ 279, 284), принадлежали женщинам 40 – 49 лет, еще одно урновое, вмещавшее кальцинированные кости, перемешанные с древесным углем, принадлежал ребенку 7 – 13 лет. Одно из безурновых захоронений (погр. № 274), входивших в эту группу, содержало останки молодой женщины 14 – 19 лет. Самая южная группа состояла из трех захоронений (погр. № 163, 168, 217), два из которых были урновыми (тип II – 3) и одно безурновым (тип I – 3). Безурновое захоронение содержало останки ребенка в возрасте от 1 года до 6 лет, а одно из урновых погребений (№ 163) – женщины 30 – 39 лет. Рядом расположенная группа состояла из четырех захоронений (погр. № 167, 169, 170, 171). Два погребения содержали урны, установленные дном вверх на подстилке (типы II – 2, II – 4), два были безурновыми (тип I – 2), а их ямы ориентированы по линии север – юг. Одно из эти

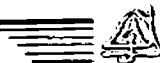
безурновых захоронений (№ 170) содержало останки ребенка в возрасте от 1 года до 6 лет. Расположенное рядом с ним захоронение № 167 под перевернутой вверх дном урной, установленной на подстилке (тип II – 2), содержало человеческие останки и богатый инвентарь, среди которого находились две коньковые шумящие обвески. Это указывает на то, что погребение принадлежит взрослой женщине.

Таким образом, компактные группы погребений, по-видимому, следует рассматривать как захоронения близких родственников, составляющих семью. На это указывает факт присутствия в таких группах захоронений разновозрастных и разнополых людей. Показательной в этом плане является группа, состоящая из 5-ти безурновых захоронений - № 266, 267, 270, 271, 280 (типы I – 1, I – 2, I – 3). По этнополитическим данным одно погребение принадлежало мужчине 30 – 39 лет (погр. № 267), три – женщинам 14 – 19, 20 – 29 и 40 – 49 лет (погр. № 280, 271, 266) и одно – ребенку 7 – 13 лет (погр. № 270). Размеры таких групп, вероятно, соответствуют размерам семей, которым они принадлежали. Группы из 2 – 4 захоронений, возможно, свидетельствуют о существовании парной семьи. В тех случаях, когда группы из 2 – 4-х погребений расположены относительно компактно, они образуют участок, принадлежавший большой семье.

II группа включает 56 захоронений, которые относятся к 8 типам (Табл. 6). Данная группа почти полностью состоит из безурновых захоронений в количестве 52. Только 4 погребения относятся к урновым. Два из них содержали пережеванные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра (погр. № 235, 308). В остальных двух урновых погребениях кальцинированные кости были смешаны с древесным углем и золой (погр. № 126, 140). Одна из этих урн сопровождалась сосудом-приставкой (№ 140). При этом урны установлены устьем вверх и две из них (№ 126, 235) были снабжены крышками. Урновые захоронения тяготеют к окраинам группы – западной и юго-западной (Рис. 4).

Среди безурновых захоронений группы преобладают погребения с неочищенными от следов погребального костра пережеванными человеческими костями (46 из 52 погребений). При этом остатки кремации были в большинстве случаев рассеяны по могильной яме (34 случая) (Табл. 6). Остатки кремации в 23 случаях помещены в могильные ямы круглой формы, но только одна из них с очищенными человеческими останками (погр. № 231) (Табл. 6). В одном случае (погр. № 122) рядом с погребением находился вещевой комплекс VIII. Достаточно часто погребения в круглых ямах содержали тот или иной инвентарь (10 захоронений из 23).

В 29-ти случаях остатки кремации помещены в могильные ямы вытянутых очертаний: прямоугольной формы (7 погребений), но преимущественно в овальных ямах (22 захоронения). Ямы вытянутых очертаний в равной степени имели и широтную (11 захоронений), и меридианальную (10 погребений) ориентировку. В 8-ми случаях ямы были ориентированы с сезонными отклонениями (северо-запад – юго-восток – 7 захоронений). Два захоронения в ямах вытянутых очертаний сопровождалась поминальными вещевыми комплексами (погр. № 17/комплекс II, 122/комплекс IX). В обоих случаях ямы имели широтную ориентировку. Еще в двух захоронениях стенки могильных ям прямоугольных очертаний были преднамеренно обмазаны и обожжены (погр. № 109, 117). Яма одного из этих погребений

ориентирована по линии восток – запад (погр. № 109), вторая – с сезонным отклонением, по линии юго-восток – северо-запад (погр. № 117). Погребальный инвентарь в захоронениях с могильными ямами вытянутых очертаний встречается достаточно часто (21 захоронение).

Табл. 6. Погребения II группы

Тип захоронений	№ погребений	Кол-во
I - 1	№ 231	1
I - 2	№ 232, 233, 237, 305, 309	5
I - 3	№ 1, 2, 3, 4, 12, 15, 16, 18, 20, 30, 32, 38, 45, 78, 115, 122/IX, 124	17
I - 4	№ 5, 6, 7, 8, 9, 11, 13, 14, 17/III, 19, 21, 71, 72, 73, 74, 109, 110, 111, 112/VIII, 113, 117, 120, 121, 123, 125, 127, 236, 306, 307	21
II - 1	№ 308	1
II - 2		-
II - 3		-
II - 4		-
II - 5		-
II - 6	№ 235	1
II - 7	№ 140	1
II - 8	№ 126	1
Общее количество погребений в группе		52

В границах группы захоронения размещаются неравномерно, но определенная закономерность все же прослеживается. Так, урновые и безурновые захоронения с очищенными от следов погребального костра пережженными человеческими останками расположены двумя группами на северо-западной (погр. № 235, 237, 305, 308, 309) и восточной (№ 231, 232, 233) границах участка (Рис. 4). При этом северо-западная группа была вытянута в линию, идущую с юга на север вдоль края мыса, на котором расположен могильник. Вторая образовывала компактную группу из трех погребений, два из которых были ориентированы по линии север – юг. Основная масса захоронений, состоящая из погребений с остатками погребального костра, располагалась в центральной части участка и представлена семью относительно компактными группами (Рис. 4). Количество захоронений в этих группах колеблется от 3 до 5. Плотность расположения захоронений на центральном участке данной группы достаточна высокая. Расстояние между погребениями составляет от 0,5 до 1,2 м. Именно здесь были сконцентрированы все погребения, сопровождаемые поминальными комплексами, и захоронения, могильные ямы которых были преднамеренно обмазаны глиной и обожжены. К границам участка плотность расположения захоронений уменьшается. Но и здесь захоронения образовывали достаточно компактные группы. Так, одна группа, состоящая из 4-х захоронений вытянутых по линии север – юг (погр. № 21, 19, 18, 30), располагалась на участке занимаемом основной массой погребений и группой погребений, маркирующих собой

восточную границу данной территориальной группы. Вторая группа, состоящая из 5-ти погребений (№ 73, 74, 71, 72, 45): фиксирует северную границу данного участка могильника. Все погребения вытянуты по линии северо-запад – юго-восток.

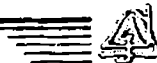
Юго-западная, III группа, насчитывает 25 безурновых и 10 урновых захоронений (Табл. 7). Для безурновых захоронений этой группы характерны очищенные от следов погребального костра пережеванные человеческие останки, которые одинаково часто располагались в могильной яме и компактно, и рассеянно (Табл. 7). Ведущей формой ям в безурновых захоронениях группы является круглая (18 захоронений). Из 7-ми могильных ям вытянутых очертаний 4 ямы имели овальную форму, 3 – прямоугольную. Среди ям вытянутых очертаний преобладающей является ориентировка по линии восток – запад (5 случаев). Единственный поминальный комплекс группы (комплекс V) сопровождает безурновое захоронение № 46 в яме прямоугольной формы, ориентированной широтно. Инвентарь присутствовал почти в половине (11 из 23) захоронений, содержавших не очищенные от золы и древесного угля кальцинированные человеческие кости.

Среди урновых захоронений группы преобладают погребения, содержащие очищенные от следов погребального костра человеческие останки. При этом урны в подавляющем большинстве захоронений группы были установлены дном вверх (Табл. 7). Одна из двух урн, установленных устьем вверх, была накрыта крышкой (погр. № 29). В 9 из 10 урновых кремаций удалось проследить контуры могильных ям, которые чаще всего имели круглую в плане форму, остальные овальную с ориентацией по линии восток – запад с сезонным отклонением. Интересным представляется захоронение № 51 в виде перевернутой вверх дном урны, накрытой сверху еще одним сосудом, т. е. пережеванные человеческие кости были прикрыты сразу двумя сосудами разного размера.

Табл. 7. Погребения III группы

Тип захоронений	№ погребений	Кол-во
I - 1	№ 53, 119	2
I - 2		-
I - 3	№ 10, 23, 25, 27, 33, 40, 41, 44, 47, 50, 114	11
I - 4	№ 22, 31, 34, 36, 42, 43, 46/V, 56, 57, 59, 60, 62	12
II - 1	№ 24, 28, 35, 49, 51, 52	6
II - 2		-
II - 3	№ 26, 39	2
II - 4		-
II - 5	№ 37	1
II - 6		-
II - 7		-
II - 8	№ 29	1
Общее количество погребений в группе		35

Группа в площади могильника была вытянута по линии восток – запад, но наибольшая концентрация захоронений отмечается в восточной части участка, где

располагалась основная масса кремаций, объединенная в 7 микро групп (Рис. 5). Последние, по-видимому, соответствуют семейным участкам. В западной части были сосредоточены всего 5 захоронений. Немногочисленные урновые кремации, вытянутые почти по линии север – юг, как бы образуют ось, вокруг которой концентрируются остальные захоронения.

IV группа самая немногочисленная (14 захоронений), отличается от других территориальных групп могильника высокой плотностью погребений (Рис. 5). Захоронений группы сопровождалась поминальными комплексами (комплексы III, IV, VI, XI, XII, XIII, XIV). В данной группе преобладают безурновые захоронения с пережженными человеческими костями, смешанными с остатками погребального костра. Останки кремации помещались чаще всего в могильные ямы вытянутых очертаний, ориентированных по линии восток – запад, иногда с сезонным отклонением. Погребальный инвентарь имелся в 8 из 9 безурновых захоронений группы. Захоронение № 220 отличалось наличием сосуда-приставки.

Все урновые захоронения группы содержали очищенные от следов погребального костра остатки кремации, которые в большинстве случаев находились под перевернутыми вверх дном урнами (Табл. 8). Три из этих погребений сопровождалась поминальными комплексами, при этом инвентарь в этих захоронениях располагался только в поминальных комплексах.

Табл. 8. Погребения IV группы

Тип захоронений	№ погребений	Кол-во
I - 1		-
I - 2	№ 214/VI, 221	2
I - 3	№ 48, 219, 220	3
I - 4	№ 54, 215, 218/XI, 230/XIV	4
II - 1	№ 58, 223/XIII, 227/III, 228/XII	4
II - 2		-
II - 3		-
II - 4		-
II - 5	№ 55	1
II - 6		-
II - 7		-
II - 8		-
Общее количество погребений в группе		14

V группа объединяет 24 безурновых и 42 урновых захоронений (Табл. 9).

Для обоих типов захоронений характерны кальцинированные кости, смешанные с древесным углем и золой погребального костра. В безурновых захоронениях остатки кремации чаще всего (20 случаев) были рассеяны по всей площади могильной ямы. В урновых погребениях остатки кремации в большинстве случаев (28 погребений) находились под перевернутыми вверх дном урнами. В погребениях с урнами, установленными вверх дном, погребальный инвентарь встречался чаще.

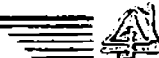
чем в захоронениях с урнами, стоящими устьем вверх (22 случая против 4). Ни одно захоронение группы не сопровождалось поминальным вещевым комплексом.

Табл. 9. Погребения V группы

Тип захоронений	№ погребений	Кол-во
I - 1	№ 184	1
I - 2	№ 183, 187, 211, 222, 224, 317	6
I - 3	№ 144, 153, 316	3
I - 4	№ 142, 143, 145, 147, 148, 149, 151, 157, 158, 159, 162, 198, 212, 213	14
II - 1	№ 174, 190, 191, 192	4
II - 2	№ 175, 181, 185	3
II - 3	№ 104, 105, 106, 107, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 152, 155, 156, 160, 161, 164, 165	19
II - 4	№ 128, 150	2
II - 5	№ 182, 193, 201, 229, 234	5
II - 6	№ 102, 186, 225	3
II - 7	№ 101, 129, 146, 154, 188	5
II - 8	№ 141	1
Общее количество погребений в группе		66

В размещении захоронений в площади участка можно проследить некоторую закономерность (Рис. 6). Так, погребения как урновые, так и безурновые с очищенными от следов погребального костра остатками кремации концентрируются на западном участке, тогда как погребения с неочищенными от следов погребального костра человеческими останками занимают восточный край участка. На северной и южной окраинах участка захоронения с очищенными и неочищенными пережеванными человеческими костями размещаются вперемешку, достаточно свободно.

Последняя VI группа насчитывает 40 захоронений, из которых 31 содержало остатки кремации в урнах (Табл. 10). В большинстве захоронений группы кальцинированные кости не очищены от следов погребального костра, и только 2 погребения (№ 208 и 314) содержали очищенные остатки кремации. Оба последних погребения занимали пограничное положение: одно из них (№ 208) было самым северным, второе (№ 314) – самым южным. Среди безурновых захоронений преобладали погребения в могильных ямах вытянутых очертаний, которые в большинстве случаев имели меридианальную ориентировку. Единственный в группе поминальный комплекс VII соотносился с погребением в яме, ориентированной по линии восток – запад. В двух погребениях в ямах, ориентированных по линии север – юг, были зафиксированы сосуды-приставки (№ 95, 97). Погребальный инвентарь обнаружен в 7 из 9 безурновых захоронений группы. Урновые захоронения также чаще всего содержали не очищенные от следов погребального костра человеческие останки. Для них больше характерна установка урн устьем вверх, чем вверх дном

(19 против 12 захоронений). Сосуды-приставки сопровождали кремации как под перевернутыми вверх дном урнами (погр. № 61, 64, 82), так и кремации в урнах установленных устьем вверх (погр. № 67, 70, 103, 138, 139), но во всех этих погребениях пережоженные человеческие кости не были очищены от следов погребального костра.

Табл. 10. Погребения VI группы

Тип захоронений	№ погребений	Кол-во
I - 1		-
I - 2	№ 314	1
I - 3	№ 99	1
I - 4	№ 63/VII, 65, 68, 75, 96, 97, 100	7
II - 1		-
II - 2		-
II - 3	№ 61, 64, 66, 69, 77, 80, 82, 83, 86, 87, 88, 96	12
II - 4		-
II - 5	№ 208	1
II - 6		-
II - 7	№ 67, 76, 79, 81, 84, 85, 90, 91, 92, 93, 94, 98, 103, 108, 138, 139	16
II - 8	№ 70, 89	2
Общее количество погребений в группе		40

В площади участка захоронения располагались достаточно свободно, образуя несколько микрогрупп, отделенных друг от друга свободным пространством (Рис. 5).

Таким образом, для могильника Сухая Гомольша характерно наличие нескольких видов кремационных погребений, которые, по-видимому, необходимо рассматривать как существование разных погребальных традиций у населения, оставившего данный могильник, что является свидетельством сложности этнокультурной структуры сухогомольшанской общины.

ИНВЕНТАРЬ МОГИЛЬНИКА

В состав погребального инвентаря Сухогомольшанского могильника входят разнообразные и многочисленные изделия из глины, черного, цветного и благородного металлов, кости и камня. Типологическая характеристика всего этого инвентаря призвана способствовать достижению двойной цели: уточнения датировки могильника, отдельных его групп и погребений; этнокультурной интерпретации грунтовых трупосохожений в бассейне Северского Донца.

Орудия труда и хозяйственно-бытовой инвентарь

Изделия этого назначения представлены относительно немногочисленным ассортиментом. В своем большинстве они изготовлены из железа и стали (ножи, серпы, тесла-мотыжки, кресала, деревообрабатывающий инструмент, крючки рыболовные, шашлычница, котлы, вилки для доставания мяса, иглы), реже – из камня и керамики (точильные бруски, пряслица), кости (игольники, кочедыки) и дерева.

Ножи – наиболее многочисленная категория изделий из черного металла в погребальном инвентаре могильника. Всего в захоронениях и в культурном слое обнаружено 89 ножей и их фрагментов. Они были найдены в 43 погребениях и 12 поминальных комплексах («тайничках») и характерны для всех групп захоронений могильника. В среднем ножи встречаются в 15% раскопанных погребений и распределены довольно равномерно по территориальным группам захоронений, выделенным на могильнике. Как исключение, можно отметить четвертую территориальную группу, где ножи и их фрагменты были встречены в 28,5% исследованных погребений.

Ножи имеют одну режущую сторону, короткий, плоско выкованный черенок, на который насаживалась деревянная рукоятка. Черенок составляет одно целое с лезвием, спинка которого всегда прямая. Длина найденных ножей колеблется от 5 до 15 см, ширина лезвия в среднем составляет 1,5 см. В сечении ножи клиновидные, черенки ножей примерно в два раза уже лезвия (в местах их соединения с рукоятью) и в 3 - 4 раза короче. Довольно часто ножи снабжены дополнительным напускным хомутиком у основания рукояти для лучшего закрепления ее на черенке. Некоторые из ножей имеют 1 - 2 узких (0,5 - 1 мм), неглубоких желобка, расположенных по лезвию ближе к спинке. Все найденные ножи – обычные хозяйственные орудия, с широким спектром применения. В качестве типобразующего признака для классификации ножей была выбрана форма перехода лезвия ножа к черенку (Михеев, Степанська, Фомін 1973, 90 – 98). На этом основании ножи Сухогомольшанского могильника представлены следующими типами:

Тип 1. Ножи с несколько прогнутой спинкой и незначительным уступом со стороны лезвия. Уступ при переходе спинки в черенок отсутствует. Единственный

нож этого типа происходит из культурного слоя могильника (Рис. 84: 5). Находки таких ножей на памятниках салтовского времени единичны (Майко 2004, рис. 122: 9).

Тип 2. Ножи с прямой спинкой и двумя уступами в месте перехода клинка в черенок, один уступ – со стороны спинки, второй – со стороны лезвия. Шесть ножей этого типа встречены в 5 захоронениях (№ 75, 102, 132, 267, 270) (Рис. 24: 9; 25: 30; 32; 69: 11, 20, 21). В погребении № 270 было обнаружено два однотипных ножа. Еще два ножа происходят из комплекса II (Рис. 11: 5, 6). Три экземпляра ножа данного типа были найдены в культурном слое могильника (Рис. 84: 2, 4, 6). Всего на могильнике обнаружено 11 экземпляров ножей.

Тип 3. Ножи с прямой спинкой и двумя уступами как у ножей типа 2, изделия этого типа дополнительно снабжены шиповидным выступом на спинке клинка в месте перехода его в черенок. Этот тип ножей представлен 11 экземплярами, найденными в 12-ти погребениях и 4-х комплексах (V, XI, XII, XIII) (Рис. 15: 6, 37; 19: 2). Чаще всего в захоронениях находилось по одному ножу, только в погребении № 242 их было два (Рис. 61: 1). Три однотипных ножа содержались в инвентаре погребения № 175 (Рис. 40: 2 - 4). При этом лезвия двух ножей из этого захоронения, как и лезвие ножа из комплекса V, были снабжены продольным желобком гибкости.

Тип 4. Ножи этого типа аналогичны ножам третьего типа, но дополнительно снабжены в месте перехода клинка в черенок прямым перекрестием, не выходящим за шиповидный выступ на спинке клинка с одной стороны, и за границу лезвия – с противоположной стороны. На могильнике встречено 48 экземпляров ножей этого типа. Пять из них происходят из культурного слоя могильника (Рис. 84: 1, 3, 11, 18), остальные найдены в 22-х захоронениях и в 6-ти поминальных комплексах некрополя (III, IV, VI, XII, XVI, XVII). При этом по два ножа одного типа было найдено в погребениях № 117, 136, 269, 252, комплексах III и IV. Три однотипных ножа содержало погребение № 175 (Рис. 41: 11 - 13). В комплексе XVI все 10 найденных ножей принадлежали к рассматриваемому типу (Рис. 72: 7, 8; 73: 5 - 12). Лезвия трех ножей из захоронения № 175 и 7 ножей из комплекса XVI были снабжены продольными желобками гибкости.

Еще из 7-ми захоронений и поминального комплекса XIV происходят девять фрагментов ножей, типологическую принадлежность которых определить не представляется возможным. Один такой фрагмент ножа происходит из культурного слоя.

Ножи второго типа появились в Северном Причерноморье в конце IV – начале III вв. до н. э. и получили широкое распространение с сарматской эпохи. Во второй половине I тысячелетия н. э. они известны на значительной территории от Урала до Венгрии в памятниках различных археологических культур (Михеев, Степаньска, Фомин 1973, 91; Въжарова 1976, обр. 5: 3, 6; 6: 2, 4). Как показали исследования, форма ножей 3 и 4 типа связана с методом их изготовления, использованием специального приемаковки (Михеев, Степаньска, Фомин 1973, 92). При этом исследователями было отмечено, что ножи этих типов появились позже относительно изделий первых двух типов. В основном они происходят из комплексов датируемых VIII – IX вв. (Михеев, Степаньска, Фомин 1973, 94). Так, подобные ножи встречены в погребениях третьей группы Борисовского могильника

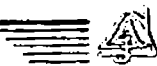

(Саханев 1914, 165), в погребениях праболгарского населения на Средней Волге (Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998, 128, рис. 31: 7 – 9; Генинг, Халиков 1964, 65), на памятниках VIII - IX вв. Болгарии (Станчев 1957, 117, рис. 5; Вьжарова 1976, обр. 93: 2, 3, 12), в Крыму (Майко 2004, рис. 122: 3, 12, 13), в алтайских (Киселев 1951, обр. табл. 48, рис. 2; Руденко, Глухов 1927, 25, рис. 12), северо-кавказских (Саханев 1914, табл. 1: 22; 3: 14, 15), финских (Ястребов 1893, 12, рис. 15, 16), славянских (Сухобоков 1975, 93, рис. 52: 7; 53: 4, 7 – 9) древностях. В большом количестве подобные ножи встречаются на памятниках салтовской культуры (Ляпушкин 1958, обр. табл. 12, рис. 55; Плетнева 1989, рис. 45).

По-видимому, в погребальный костер ножи помещались в деревянных ножнах, о чем свидетельствуют обнаруженные в некоторых захоронениях металлические скобки и скобы от них. В некоторых случаях (погр. № 54, 119, 167, 192, 208) были найдены только металлические детали ножен ножей, тогда как сами ножи отсутствовали. Металлические детали ножен ножей представлены следующими элементами: железными пластинчатыми скобами (погр. № 29, 111, 125, 208, 252, комплекс XVII); железными, реже бронзовыми обоймочками и наконечниками.

Пластинчатые скобы ножен состоят из двух симметрично расположенных округлых (комплекс XVII), листовидных (погр. № 208, 252), подпрямоугольных (погр. № 11, 29, 125) пластин, соединенных между собой перемычкой (Рис. 15: 23; 30: 12, 47: 45; 62: 13; 81: 3). Высота скоб незначительная и колеблется от 2,0 см (погр. № 208) до 3,2 см (погр. № 111, 252). Зачастую верхняя пластина по размеру несколько меньше нижней. По центру симметрично расположенные пластины имеют круглые отверстия, через которые скобы с помощью металлических заклепок крепились к деревянной основе ножен. Своей формой, способом крепления данные скобы повторяют колчанные петли, встречаемые как в раннесредневековых кочевнических древностях (Магамедов 1981, рис. 3: 13; 4: 4, 5; 11: 6, 9), так и в памятниках оседлого населения VIII - X вв. Поволжья (Иванов 1952, табл. XXV: 1; XXXVI: 3), Северного Кавказа (Виноградов, Мамаев 1985, рис. 4: 24; Савенко 1985, рис. 1: 11), Подонья (Криганов 1993, рис. 2: 5, 6; Плетнева 1989, рис. 33).

Обоймочки ножен ножей представляют овальное в плане кольцо, согнутое из бронзовой (погр. № 252) или железной (погр. № 9, 54, 252) пластины шириной 1,2 – 2,2 см (Рис. 9: 24; 17: 13; 62: 14 - 16). Размеры оковок колеблются от 1,7 x 1,5 (погр. № 252) до 2,6 x 1,3 (погр. № 54) см. Данные оковки предназначались, по-видимому, для скрепления ножен в их верхней части, в месте введения в них лезвия ножа. С противоположной стороны ножны были укреплены специальным железным наконечником. Он представляет собой невысокий, от 0,9 см (погр. № 29) до 3,5 см (погр. № 167), овальный, круглый или прямоугольный стаканчик, который соединялся с деревянной основой ножен с помощью горизонтального шпенька (погр. № 29, 192) (Рис. 15: 21; 47: 19) или при помощи вертикально забитого гвоздика (погр. № 54, 111, 119) (Рис. 17: 14; 29: 4, 39). Аналогичными оковками и наконечниками были снабжены ножны сабель хазарского времени. Реконструкция ножен ножей салтовской культуры была предложена одним из авторов данной работы (Михеев 1985, рис. 34). Им же был отмечен факт отсутствия в комплексах Сухой Гомольши сложных ножен для ножей, столь характерных для аланского компонента указанной культуры бассейна Северского Донца (Плетнева 1989, 91;

Шрамко 1962, 282, рис. 109: 4а, б, в, г). Ножны из погребений могильника Сухог Гомольша отличаются от ножен аланов по технике изготовления и способу ношения (*Михеев* 1985, 76).

Уникальной является металлическая оковка ножен ножа из погребения № 21 (Рис. 48: 8). По форме она повторяет очертания лезвия ножа, оканчиваясь закругленным носиком. Противоположный ее край прямо срезан. Оковка изготовлена из полоски железа, согнутой так, что в разрезе она имеет клиновидную форму с закругленным верхним краем. Верхний, закругленный край оковки дополнительно обернут еще одним листом металла, который скреплен с основой одно целое железными заклепками. В салтовских материалах находки подобных овок ножен нам неизвестны. В качестве очень отдаленных аналогии могут быть названы бронзовые оковки ножен ножей раннесредневекового финно-угорского населения лесной полосы Восточной Европы (*Седов* 1987, табл. X: 26, 27).

Из погребения № 81 происходит наконечник ножен размером 4,2 x 2,0 см, свернутый из бронзовой пластины (рис. 24: 20). В плане он имеет форму вытянутого прямоугольника с закругленным нижним краем. В сечении наконечник имеет форму, близкую к треугольной.

В исследованных захоронениях орудия, применяемые для сбора зерновых, также для заготовки кормов, представлены серпами и их фрагментами. Всего на могильнике найдено 17 серпов и их фрагментов, пять из которых происходят из культурного слоя. Серпы относятся к двум группам: 1 группа – столбиковые (погр. № 123, комплекс XV) (Рис. 30: 9; 79: 3); 2 группа – складные (погр. № 151, 214, 240, 252, 256, 296, комплексы IV, XII, XVI, XVII) (Рис. 18: 1; 37: 8; 48: 6; 53: 29; 57: 8; 61: 21; 65: 13; 72: 4; 77: 5). Еще три фрагмента серпа, найденные в культурном слое могильника, относятся к разряду столбиковых, и два фрагмента серпа – к разряду складных (Рис. 85: 1 - 3, 6).

Представление о столбиковых серпах сухогомольшанского населения дает хорошо сохранившийся серп из поминального комплекса XV (Рис. 79: 3), тогда как в остальных случаях они представлены фрагментами или деформированными экземплярами. Он имеет криволинейное лезвие. Клинок серпа плавно переходит в плоскую пятку. Конец пятки загнут в шип, который входил в деревянную рукоятку. Общая длина серпа 26,8 см. Данный серп относится к подгруппе симметричных серпов с вершиной дуги лезвия, проектирующейся на середину основания дуги лезвия (АВ – 22,2 см, СД – 8,5 см). По конструктивным особенностям он является переходным типом к современной форме серпа (*Михеев* 1985, 46). Широкое распространение столбиковые серпы получили со второй половины I тыс. н. э. в зоне лесостепи и прилегающей к ней южной части лесной полосы Восточной Европы от Поднепровья до Поволжья (*Березовец* 1963, рис. 20: 16; *Горюнова* 1961, рис. 33: 20, 21; *Дмитриев* 1979, рис. 2: 14; *Довженко* 1952, рис. 8: 4 - 7; *Калинин, Халиков* 1960, 224; *Михеев* 1984, 108 - 109). Известны подобные серпы на праболгарских памятниках Крыма (*Майко* 2004, 222, рис. 124: 2) и на памятниках древних славян (*Сухобоков, Горбаненко* 2001, 39, рис. 5). В начале II тыс. н. э. серпы этого типа постепенно исчезают.

Складные серпы в материалах сухогомольшанского могильника численно преобладают. По форме клинков лезвия относятся к типу симметричных. Они слабо

изогнуты и часто имеют зубчатое лезвие. По характеру оформления тыльной части клинка можно выделить два варианта складных серпов.

Вариант 1. Клинок плавно переходит в сплошной, фигурно оформленный хвостовик с отверстием в нем (погр. № 214, 256, 296, два серпа из культурного слоя могильника) (Рис. 48: 6; 61: 25; 77: 5; 85: 1, 2).

Вариант 2. Клинок плавно переходит в хвостовик, загнутый в кольцо (погр. № 40, 252, комплексы IV, XII, XVI) (Рис. 18: 1; 53: 29; 57: 8; 65: 13; 72: 4).

Длина основания дуги лезвия у складных серпов первого варианта равна 10 – 15 см, у серпов второго варианта – 16,5 – 19 см. Отверстие в хвостовике или кольцо на конце хвостовика у большинства складных серпов находилось в одной плоскости с клинком. Только у двух серпов (погр. № 214, 256) кольцо на конце хвостовика было перпендикулярно к плоскости клинка. Во всех случаях складной серп дополнительно был снабжен еще одним кольцом, вставленным в отверстие на конце хвостовика. Составным элементом конструкции складных серпов являлась деревянная или костяная рукоятка-обойма. Лезвие серпов закреплялось в подвижном положении между вырезом ручки-обоймы при помощи штыря.

Складные серпы, аналогичные сухогомошьанским, встречены, помимо Подонья (Михеев 1985, 135, рис. 126), в Верхнем и Среднем Поволжье в памятниках VIII – X вв. (Генинг, Халиков 1964, 44, табл. X: 9; Иванов 1952, 203, табл. XIX: 7; Третьяков 1941, рис. 39: 6) и на северо-западном Кавказе (Саханев 1914, 150, табл. III: 20). Датируются складные серпы достаточно широко – VII-X вв. (Левашова 1956, табл. 21).

Коса. Остатком такого орудия является массивный, слегка изогнутый обломок железной полосы длиной 10,0 см и шириной 2,5 см с тупой спинкой и острым режущим краем на вогнутой стороне. На конце железной полосы – остатки обломанного в древности шипа. Данный предмет входил в поминальный комплекс XII (Рис. 57: 7). Конструктивные особенности полосы металла позволяют говорить, что в данном случае мы имеем дело с косой группы I – с отогнутой пяткой и шипом на ней (Михеев 1985, 29, рис. 21: 1 – 6). К сожалению, из-за малых размеров сохранившегося изделия невозможно уточнить, к какой подгруппе относилась данная коса – с прямым или изогнутым клинком. Незначительный угол наклона пятки к лезвию указывает на то, что обнаруженный экземпляр представляет собой короткую косу (полукоосу или горбушу с короткой рукояткой). Именно такие косы характерны для салтовского населения бассейна Северского Донца (Михеев 1985, 30). Известны подобные косы на памятниках, близко расположенных к Подончью и хронологически им одновременны (Майко 2004, 222, рис. 124: 2; Сорокин 1958, 145, рис. 5: 5, 9; Сухобаков, Горбатенко 2001, 39, рис. 6).

Не совсем характерной находкой для неаланских могильников салтовской культуры бассейна Северского Донца являются мотыжки (тесла-мотыжки), которые, в нашем случае, находились среди вещей погребений по обряду трупосожжения (№ 175, 252) и в поминальных комплексах (V, XII, XVI, XVII) (Рис. 19: 6; 41: 10; 57: 9; 65: 9; 72: 9; 81: 6). Еще одно тесло-мотыжка происходит из культурного слоя могильника (Рис. 85: 7).

Все найденные в комплексах могильника мотыжки представляют собой железную “хельтовидную” попалочку, лезвие которой расширяется к низу. Углы

лезвия слегка закруглены. Внутренняя сторона мотыжки в верхней части имеет два загиба, которые образуют втулку для присоединения к деревянной рукоятке. Место перехода втулки в лезвие образует небольшие плечики. Рабочий конец лезвия с внутренней стороны откован под острый угол. Лезвие изогнуто во внутреннюю сторону под углом от 2 до 15°. У всех мотыжек из комплексов могильника втулки были незамкнутые, овальные в плане. Размеры мотыжек различны: общая длина их колеблется в пределах от 6,5 до 11 см при ширине лезвия от 4,5 до 6 см и длине втулки от 3 до 5 см.

Мотыжка из культурного слоя могильника отличается от вышеописанных изделий (Рис. 85, 7). Она имеет замкнутую, квадратную в плане втулку, плавный переход от нее к расширяющемуся лезвию. Ее длина – 9,8 см, размеры втулки – 4,0, 4,0 см, ширина лезвия – 4,7 см.

Оба типа мотыжек использовались как универсальный инструмент в различных отраслях хозяйственной деятельности салтовцев (Михеев 1985, 39). У тюркских кочевников Южной Сибири, Алтая, Тувы, как считает ряд исследователей, они могли служить также рубящим оружием ближнего боя – типа топорика (Грязнов 1956, 150, 153; Нестеров 1981, 172; Худяков 1984, 75; Худяков 1981, 120). Необходимо отметить, что в Сухогомольшанском могильнике находки тесел-мотыжек характерны только для мужских погребений.

Появились втульчатые тесла-мотыжки на территории Восточной Европы еще в раннем железном веке (Городцов 1928, табл. III - IV). В VIII - X вв. ареал распространения аналогичных орудий достаточно широк от Болгарии (Йовков 1978, 219) до Средней Волги, Прикамья, Волго-Окского междуречья (Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998, 132, рис. 33: 2 – 4; Горюнова 1961, рис. 46: 8). Известны они на Алтае, в Минусинской котловине, Туве, в Крыму (Майко 2004, 219, рис. 125: 3 - 5; Артамонов 1958, рис. 29; Ляпушкин 1940, 61, рис. 14; Михеев 1966, 98, рис. 3: 7; Плетнева 1989, рис. 46), в памятниках Волжской Булгарии (Культура Булгара 1985, табл. II: 8, 9). Аналогичные тесла-мотыжки по тюркским материалам Южной Сибири датируются VIII - X вв. (Нестеров 1981, 172), а по материалам салтовской культуры – второй половиной IX - началом X вв. (Плетнева 1981, рис. 36: 82). Представлены подобные мотыжки и в синхронных славянских памятниках (Сухобоков, Горбанко 2001, 38, рис. 4).

Другим универсальным инструментом, встреченным в комплексах могильника, являются хозяйственные топоры. Хозяйственные топоры (3 экз.) происходят из одного погребения (№ 42) и двух поминальных комплексов (V, XVII) (Рис. 17: 1; 19: 7; 81: 7). В обоих комплексах они находились вместе с предметами вооружения и конским снаряжением. Все найденные хозяйственные топоры клиновидного типа, имеют массивный короткий обух, прямоугольный в плане, непосредственно переходящий в лезвие. Высота топоров колеблется от 16,0 см (комплекс XVII) до 17,5 см (комплекс V), при ширине лезвия 4,5 см (комплекс XVII), 6,0 см (погр. № 42) и 8,8 см (комплекс V). Форма лезвия треугольная. Отверстие для рукоятки овальное (погр. № 42, комплекс V) или прямоугольное (комплекс XVII). Вес топоров колеблется от 0,45 кг (погр. № 42) до 0,78 кг (комплекс XVII). По весу и форме лезвия топор из комплекса XVII может быть отнесен к типу топоров-колунов, тогда как остальные два топора – к разряду плотницких. Данный вид топоров был широко распространен на

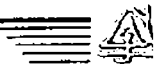
памятниках всей Восточной Европы во второй половине I – начале II тыс. н.э. (Березовец 1963, 183 - 184; Довженск 1961, 127; Михеев 1966, рис. 2: 7, 8, Смиленко, Юрвико 1990, рис. 65: 2, 3; Седов 1982, табл. V: 9, XXXIII: 6).

Кроме рассмотренных выше орудий труда, имеющих довольно широкий диапазон применения, в материалах могильника зафиксированы находки специализированных инструментов деревообрабатывающего ремесла, которые, к сожалению, имеют широкие территориальные и временные рамки бытования. Таким инструментом является долото, выявленное в комплексе VI (возле погр. № 54) (Рис. 20: 2). Долото имеет вид узкого и длинного (26,3 см) стержня. Его рабочая часть (16,5 см) в сечении прямоугольная. Часть долота, выполняющая роль ручки (9,8 см), восьмиугольная в сечении, немного расширяется к концу. Аналогичное орудие было найдено на поселении Маяки (Михеев 1985, рис. 4: 2). Встречены они также на памятках Дунайской Болгарии (Чангова 1972, рис. 78: 9; Чангова 1962, табл. IV), Волжской Булгарии (Савченкова 1996, рис. 7: 3 – 6), в слоях древнерусских городищ (Колчин 1959, рис. 20; Колчин 1953, рис. 70: 1).

К орудиям деревообработки относятся "ложкорезы" (погребения № 175, 256) (Рис. 41: 9; 61: 20). Они представляют собой прямоугольный в сечении стержень, один конец которого изогнут под прямым углом к телу изделия и образует своеобразный шип для скрепления с деревянной рукояткой. Противоположный конец стержня раскован в серповидно изогнутую листовидной формы рабочую часть с сечением в виде треугольника. Длина "ложкореза" из погр. № 175 составляет 9,5 см, при ширине рабочей части 1,6 см. Второй "ложкорез" сохранился на длину 6,4 см, ширина его рабочей части равняется 1,5 см. Данный инструмент достаточно широко использовался салтовским населением (Ляпушкин 1958, рис. 14; Михеев 1966, рис. 4: 7; Михеев 1985, рис. 31: 34), что свидетельствует о существовании среди салтовских ремесленников профессиональных резчиков по дереву (Михеев 1968, 18). Известны находки аналогичных изделий и на славянских памятниках VIII - X вв. (Седов 1982, табл. LXIII: 13, 14; Сухобоков 1975, рис. 51: 11). Обнаружение описанных инструментов из комплексов с предметами вооружения и конского снаряжения свидетельствует, что они были достаточно обычным элементом походной экипировки воинов.

К ручным резцам для обработки дерева относится, вероятно, и фрагмент изделия, найденного в погр. № 277 (Рис. 70: 13). Это металлический стержень, круглый в сечении, длиной 7,7 см, один край которого раскован в лопатковидную рабочую часть. Ширина лезвия составляет 1,0 см. Подобный резец для обработки внешней поверхности деревянных изделий был найден на салтовском поселении Жовтневое и на городище у с. Сидорова (Михеев 1985, 72, рис. 17: 8; 31: 1).

В культурном слое могильника был найден фрагмент струга (Рис. 82: 3). Найденное изделие относится к типу 1 – с прямым лезвием. Общая длина сохранившегося изделия составляет 16,8 см, при ширине лезвия – 1,5 см. Длина рукоятки равна 9,3 см. Струги данного типа в салтовских древностях получили наибольшее распространение. Они были найдены на Правобережном Цимлянском, Верхне-Салтовском городищах, на поселении Маяки (Михеев 1985, 70, рис. 32: 10, 11).

Для заточки инструмента использовались точильные бруски. Два точильных бруска обнаружены в культурном слое могильника (Рис. 85: 9; 86: 2), еще два погребения № 119, 233 (Рис. 29: 37; 53: 22). Точильный брусок из погребения № 119 имеет в плане трапецевидную форму. Его размеры: высота 8,3 см, толщина 1,0 см. В верхней части бруска имеется отверстие для подвешивания, сделанное с двух сторон. Трапецевидную в плане форму имеет один из точильных брусков обнаруженных в культурном слое могильника. Его высота 6,7 см, толщина 1,6 см. Точильный брусок из погребения № 233 в плане прямоугольной формы, высотой 9,0 см, толщина 1,0 см. Еще один точильный брусок из культурного слоя могильника представлял собой вытянутый параллелепипед высотой 5,7 см, с размерами сторон равными 2,2 - 2,3 см. Все точильные бруски изготовлены из мелкозернистого мягкого камня светло-серого цвета.

Одним из орудий, служащих для обработки дерева, являлись сверла найденные в двух захоронениях (погр. №175, 252). Сверла представлены двумя типами.

Тип 1. Перовидное сверло. Происходит из погребения № 175 (Рис. 41: 8). Длина инструмента 14,6 см, длина черенка для деревянной ручки 6,4 см, длина рабочей головки 1,6 см, ширина рабочей головки 0,6 см. Черенок имеет в сечении прямоугольную форму. Само сверло было выковано из круглого прутка диаметром 0,5 см. Подобные перовидные сверла встречаются в памятниках второй половины тыс. н. э. разных археологических культур (Баран 1964, рис. 4: 18; Колчин 1953, рис. 87: 5 - 7; Ляпушкин 1958, рис. 14; Михеев 1985, 71 - 72, рис. 32: 18, 19).

Тип 2. Перовидное сверло, приспособленное для работы с лучковым приводом. Обнаружено в погребении № 252 (Рис. 65: 12). Данный инструмент сочетает в себе функции сверла и ножа. Кончик ножа обломан. Общая длина инструмента равна 11,4 см, при сохранившейся длине ножа 2,7 см и длине сверла 5,5 см. Длина средней плоской части инструмента для насадки деревянной катушки составляет 3,2 см.

Железная пилочка найдена в погр. № 103 (Рис. 25: 23). Сохранилась на длину 5,5 см. Это полотно металла шириной 0,6 см и толщиной 0,3 см. Рабочая часть снабжена зубьями высотой 0,15 см с шагом, равным 0,6 см. Угол резания - 106°. На сохранившемся конце полотна имеется два небольших круглых в плане отверстия с заклепками в них. В данном случае мы имеем дело с фрагментом лучковой пилы для обработки кости или рога. Подобная пилочка была найдена в погребении VIII - IX вв. на территории Болгарии (Въжарова 1976, обр. 115: 5).

В трех захоронениях (№ 252, 293, 309) обнаружены фрагменты таких специфических орудий труда кочевого населения, как острия (Рис. 65: 10; 77: 1, 30). Все они изготовлены из отростков рогов диких животных (олена). Один конец у них заострен, на противоположном конце имеется отверстие для подвешивания. Подобные изделия хорошо представлены в раннесредневековых праболгарских памятниках юга Восточной Европы (Въжарова 1976, обр. 59: 4; Братченко, Швецов 1984, 216, рис. 4; Швецов, Санжаров, Прынъ 2001, табл. I: 2, II: 20), в материалах раскопок Саркела - Белой Вежи (Артамонов 1958, 42, рис. 28: 1, 2; Флерова 1996, рис. 1; 2), на памятниках боршевской культуры (Ефименко, Третьяков 1948, 46; Шрамко, Цепкин 1963, 75). Данный инструмент применялся для развязывания узлов

наряду с шилом, для расширения отверстий в ремнях (Флерова 1996, 279). Наиболее хорошо сохранился кочедык из погребения № 309 (Рис. 77: 30). Это фрагмент отростка рога длиной 11,2 см и диаметром 2,2 см. Поверхность кочедыка украшена процарапанным орнаментом. На нижнему краю изделия нанесен орнамент в виде сетки, несколько выше - два ряда треугольников, обращенные вершинами в противоположные стороны. В средней части кочедыка из погребения № 293 прочерчены два знака: один - вертикальная линия, перерезанная тремя горизонтальными линиями, и второй - в виде квадрата, разделенного длинной вертикальной линией пополам.

Орудие неизвестного назначения происходит из погр. № 256 (Рис. 61: 22). Оно преднамеренно деформировано в древности. Представляет собой металлическую пластину серповидной формы, один конец которой преобразован в стержневидную, овальную в сечении, рукоять, заканчивающуюся гвоздевидной шляпкой. Противоположный конец изделия заострен, здесь имеет место расслоение металла, из-за чего в сечении конец изделия имеет V-образную форму. Тело изделия в сечении эллипсовидное.

Из культурного слоя могильника происходит фрагмент крупных пружинных ножниц (Рис. 82: 2). Длина сохранившейся части - 23,8 см. Лезвие ножниц, клиновидное в разрезе, имеет слегка прогнутую спинку. Длина лезвия составляет 14,0 см. Лезвие переходит в пружинный механизм из раскованной пластиной шириной 2,4 см. Данный тип ножниц хорошо представлен на салтовских памятниках Подонечья (Михеев 1985, рис. 19: 11; Плетнева 1989, 93, рис. 47).

В погр. № 175 найдено два рыболовных крючка (Рис. 41: 4, 5). Данные вещи больше характерны для материалов раннесредневековых поселков и городищ, чем захоронений. Оба крючка относятся к типу бородчатых одногибных, средних размеров (6,0 - 6,5 см). Они имеют кольцевидные ушки, отогнутые вбок, и острые с коротким жалом головки (тип 4 по В.К. Михееву) (Михеев 1985, 54). Подобные крючки - довольно частая находка на славянских памятниках VI - XII вв. (Куза 1976, 134, рис. 1: 1 - 6; Ляпушкин 1958, рис. 11: 1 - 3; Мальм 1956, 119, рис. 4: 2, 4). Встречены они и на салтовских памятниках Подонья (Маяки, Саркел) (Михеев 1985, рис. 28: 4; Плетнева 1981, рис. 36: 66). Данные крючки относятся к типу сомовых, но на них можно было ловить любую крупную рыбу (Михеев 1985, 133), что было немаловажно в походных условиях.

К орудиям рыбной ловли относится и найденный в культурном слое могильника багорчик (Рис. 86: 3). Это крупный (14, 8 см) крючок без бородки, заканчивающийся заостренным и перпендикулярно отогнутым шипом, при помощи которого багорчик прикреплялся к деревянной рукоятке. Тело багорчика отковано из железного прута прямоугольного в сечении (0,7 x 0,6 см). И.И. Ляпушкин отмечал, что подобные крючки хорошо известны на Дону под названием "котич" (Ляпушкин 1958, 127 - 128).

С зимним рыбным промыслом связан педоходный шип (педоступ), обнаруженный в культурном слое могильника (Рис. 86: 4). Он представляет собой железную прорезную скобу овальной формы длиной 8,5 см и шириной 4,4 см с загнутыми концами в виде шипов высотой 1,3 см. Шип выкован из железного прута прямоугольного сечения (0,4 x 0,5 см).

В двух захоронениях обнаружены железные шилья. Шило из погребения № 111 имело длину 4,7 см и было изготовлено из металлического прутка квадратного сечения (0,3 x 0,3 см). Один конец шила заострен, второй - наоборот, притуплен (Рис. 29: 7). Шило из погребения № 233 изготовлено из железного прутка крупного сечения (0,5 x 0,5 см) (Рис. 53: 19). Общая длина шила 7,5 см. Черенок длиной 9 см заострен и в сечении имеет форму квадрата, тогда как тело колющей части сечении круглое.

В семи погребениях (№ 166, 197, 222, 251, 263, 265, 277) найдены железные иглы (Рис. 37: 32; 47: 30; 53: 9; 69: 3; 70: 12). Еще из шести захоронений (№ 34, 72, 75, 192, 263, 268) происходят фрагменты игл. В погребениях встречались как по одной игле (№ 166, 197, 265), так и по две (№ 222, 251), и даже три иглы (№ 277). Все иглы изготовлены из железной проволоки, круглой в сечении, толщиной немногим более 1 мм. Длина игл не превышает 5 см.

Иглы сохраняли в специальных игольниках (погр. № 111, 251, 277) (Рис. 29: 6; 61: 15; 70: 11). Игольники представлены несколькими типами.

Тип 1. Костяные изделия в виде полых прямоугольных (0,7 x 0,75 см) сечении трубочек. Все они изготовлены из трубчатых костей животных (погребения № 251, 268, 277) (Рис. 61: 15; 69: 14; 70: 11). Высота сохранившихся частей игольников не превышает 3,5 см. Из массы костных останков их удалось выделить благодаря имеющемуся на них орнаменту. Так, все четыре стороны игольника из погребения № 251 были украшены процарапанными соляными знаками в виде кружка с точкой по середине (Рис. 61: 15). Одна из сохранившихся сторон игольника найденного в погребении № 277, орнаментирована рядом треугольников, обращенных вершинами в одну сторону (Рис. 70: 11). Поле пяти из шести треугольников было дополнительно украшено рядом мелких черточек. Вторая сохранившаяся сторона игольника имела ряд насечек в виде косых крестов между двух поясов параллельных линий. Оба орнаментационных пояса представляли косые кресты, выполненные в той же манере, что и разделяющие их полосы. На трех сторонах игольника из погребения № 268 было процарапано по восемь сегментов, обращенных выпуклой стороной друг к другу. Поле сегментов заполнено косой штриховкой (Рис. 69: 14). На четвертой стороне игольника нанесены восемь треугольников (четыре группы по два треугольника), обращенные вершинами вниз. Они также заполнены косой решеткой. По верхнему и нижнему краю игольника нанесен орнамент из двух параллельных линий и косых крестов между ними. Костяные трубчатые игольники хорошо представлены в материалах раскопок Саркела - Белой Вежи хазарского периода (Флерова 1996, 298 - 299, рис. 16).

Тип 2. Игольники в виде бронзовой полой трубочки диаметром 0,8 - 1,1 см. Найдены в трех погребениях (№ 85, 136, 193) (Рис. 24: 27; 33: 2; 47: 26). Длина игольников колеблется от 4,7 см (погр. № 136) до 5,8 см (погр. № 193). Для изготовления игольников использовались заготовки из тонкого бронзового листа толщиной 0,05 см. Два из трех игольников данного типа не были орнаментированы. На игольнике из погребения № 193 присутствовал соляный орнамент в виде кружков с точкой в центре (Рис. 47: 26).

Тип 3. Железные игольники в виде полого параллелепипеда. Такие игольники представлены в двух захоронениях (№ 111, 136) (Рис. 29: 6; 33: 3). Размеры

игольника из погребения № 111 - 5,7 x 1,3 x 0,9 см., из второго погребения - 7,5 x 0,9 x 0,9 см. В верхней части игольник из погребения № 111 был снабжен петелькой, без которой он, вероятно, подвешивался на груди или к поясу.

Лоцило, найденное в погребении № 120, представляет собой гальку вытянутой овальной формы размером 8,7 x 4,3 см и толщиной 1,2 см (Рис. 29: 43). Обе длинные боковые стороны орудия отполированы. Такие лоцила применялись, вероятно, в кожевенном производстве.

С изготовлением тканей, прядением связаны прясла, обнаруженные в количестве 14 экземпляров. Все прясла условно можно разделить на несколько групп.

Группа 1. Прясла, изготовленные из черепков керамических сосудов (6 экз.): а) зонной формы - кольцеобразные, в виде очень низкого цилиндра с круглым осевым отверстием в центре (2 экз.); б) биконические (4 экз.). Оба зонных прясла изготовлены из стенок привозных крымских амфор. Оба они происходят из культурного слоя могильника (Рис. 85: 10, 14). Одно из них небольшого диаметра - 2,6 см, второе - имеет диаметр 5,0 см. Толщина прясел 1,0 и 1,1 см соответственно. Из четырех биконических прясел два выточены из стенки средневековой крымской амфоры (погр. № 50, культурный слой могильника) (Рис. 85, 11). Данные пряслица небольшого размера: высота 1,4 см и 0,7 см, диаметр 2,0 и 1,7 см соответственно. Два других биконических прясла (погребения № 81, 90) изготовлены из стенок салтовских серолощенных столовых сосудов (Рис. 24: 22, 42). Их высота составляет 1,5 см, а диаметр - 2,3 и 1,9 см соответственно. Диаметр отверстия у большинства прясел этой группы равен 0,7 - 0,8 см и только у миниатюрных биконических прясел из погребений № 50 и 90 он меньше - 0,4 см. Прясла этой группы, особенно зональной формы, широко распространены в поселениях на широких пространствах степей и лесостепи юго-востока Русской равнины (*Левенок 1959, 350*).

Группа 2. Шиферные прясла. Представлены только одним экземпляром в погребении № 274 (Рис. 70: 5). Это прясло зонной формы. Высота его 1,4 см, диаметр 4,3 см, диаметр отверстия 1,0 см. Качество изготовления изделия не очень высокое: по краю два значительных скола и незначительное углубление круглой в плане формы (след от сверла).

Группа 3. Прясла глиняные лепные (4 экз.). Три из них найдены в культурном слое могильника, одно - в захоронении № 104. По форме разделяются на: а) усеченно-конические (2 прясла из культурного слоя и прясло из погр. № 104) (Рис. 25: 18; 85: 8, 13); б) округло-бочковидные или лепешковидные (1 экземпляр из культурного слоя могильника) (Рис. 85: 15). Высота прясел усеченно-конической формы колеблется от 2,6 см до 3,5 см, а диаметр от 2,6 см до 3,5 см (погр. № 104). Единственное округло-бочковидное лепное глиняное прясло имеет высоту 2,3 см, диаметр 2,9 см. Диаметр отверстия у всех прясел этой группы составляет 0,7 см. Все они изготовлены из глиняного теста для салтовских кухонных сосудов.

Группа 4. Свинцовые прясла (6 экземпляров). Происходят их захоронений могильника и по форме подразделяются на: а) зональные (погребение № 181, 185) (Рис. 38: 46, 51); б) бочковидные (погребения № 79, 137) (Рис. 24: 10; 33: 7); в) лепешковидные (погребение № 300) (Рис. 77: 13); г) полусферические (погребение № 200) (Рис. 47: 35). Прясла зональной формы имели диаметр 1,7 и 1,9 см и малую

высоту, всего 0,3 и 0,5 см. Бочковидные прясла были почти идентичны по размерам. Их высота составляла 1,1 см, а диаметр равнялся 1,5 см. Высота лепешковидного свинцового прясла – 1,4 см при диаметре 2,6 см. Размеры свинцового полусферического прясла: высота 1,2 см, диаметр 2,2 см. Диаметр отверстия прясел данной группы равен 0,8 - 0,9 см.

Основную категорию изделий составляют железные накладки на деревянные сундуки или ларцы. Так, из комплекса III происходят две накладки прямоугольной формы (Рис. 55: 5, 6). Одна из них размером 10,5 x 4,0 см и толщиной 0,08 см снабжена шестью гвоздиками длиной 0,6 см по краю для крепления к деревянной основе. По центру пластина имеет отверстие прямоугольной формы размером 1,2 x 0,6 см. Вторая накладка 10,0 x 4,0 см снабжена тремя гвоздиками для скрепления твердой основой. По центру накладки отверстие Т-образной формы под ключ 1,2 x 1,3 см. Подобные накладки на замки происходят из раскопок салтовских горизонтов Кордон-Обы, Сугдеи, Тепсеня в Крыму (Баранов 1990, 83, рис. 27: 5; Баранов, Майко 2001, 102, рис. 4: 4; Майко 2004, 225, рис. 125: 1, 2) и материалов салтовского поселения Маяки (Михеев 1985, 142, рис. 33: 10), в погребении по обряду кремации № 189 биритуального могильника Красная Горка. Из погребения № 133 происходит фрагмент железной фигурной накладки-аппликации от деревянного ларца (Рис. 30: 37), представляющей собой два металлических кружка, соединенных перемычкой. Размеры накладки: длина - 4,7 см, ширина 0,7 - 1,5 см. Еще один фрагмент накладки-аппликации происходит из комплекса III. Это обломок бронзовой пластины толщиной 0,07 см в виде стилизованного трилистника на стебельке (Рис. 55: 4). В верхнем лепестке имеется соединительная заклепка в виде стерженька длиной 0,4 см и шайбочкой квадратной формы. Железные детали от деревянных сундуков обнаружены в двух из трех кремаций могильника Лысый Горб (Аксёнов 1999, рис. 11, 12: 2, 6, 7).

Редкой находкой в погребениях могильника являются железные гвозди. Они обнаружены всего в двух захоронениях (№ 175, 202) (Рис. 47: 39). Имеют небольшую длину (до 2 см), квадратное поперечное сечение и плоскую шляпку. Такими гвоздями, вероятно, скрепляли различные деревянные и металлические части, в том числе ножны сабель и ножей, детали колчанов и прочее. Такие же железные гвозди были встречены в материалах поминального комплекса могильника Лысый Горб (Аксёнов 1999, рис. 4: 12).

В погребениях и поминальных комплексах могильника найдены тринадцать железных кресал. Относятся они к нескольким типам. Тип 1. Металлические пластины прямоугольной формы (погр. № 127, 218, 232, 303), иногда с сильно закругленными углами (погр. № 233) (Рис. 30: 19; 47: 56; 53: 15, 24; 77: 18). Все они, предположительно, являются обломками сабельных клинков. Длина кресал данного типа колеблется от 6,3 см (погр. № 218) до 7,5 см (погр. № 233), в среднем же она составляет 7,0 - 7,2 см. Ширина кресал как минимум равна 2,1 см (погр. № 127), максимум 3,1 см (погр. № 218, 232, 303). Толщина металлических полос – 0,2 - 0,3 см. Тип 2. Кресала калачевидной формы (погр. № 7, 135, 151, 252) из металлических пластин, концы которых загнуты внутрь (Рис. 9: 12; 30: 39; 37: 10; 65: 14). В средней части пластины иногда имеется небольшой выступ в сторону сходящихся ушек. Два кресала небольших размеров - 5,6 x 2,3 см (погр. № 7) и 5,9 x 2,8 см (погр. № 135).

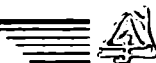
Два остальные кресала довольно крупные - 7,6 x 3,5 см (погр. № 151) и 8,3 x 3,5 см (погр. № 252). Данного типа кресала повсеместно встречаются на памятниках Восточной Европы VIII - XIII вв. (Въжарова 1976, обр. 19: 1; 37: 2; 83: 5; Колчин 1959, 99; Савченкова 1996, рис. 22. 1 - 11; Сухобоков 1975, рис. 53). Тип 3. Кресала-палочки" с завитком на конце приемника, угловато изогнутой вертикально-пластинчатой спинкой и щипковым прижимающим устройством. Ручка кресал помещена в приемник, как игла в фибулах. Это позволяет рассматривать данные изделия как фибулы-кресала. К ним мы обратимся позже, в разделе об элементах одежды.

В погребениях могильника Сухая Гомольша достаточно хорошо представлен комплекс вещей, связанных с приготавливанием пищи. В него входят металлические котлы, вилки для извлечения мяса из котла, шашлычница, крючки от надочажных плетей.

Котлы найдены в трех комплексах (погр. № 252, 286/XVI, 214/X) (Рис. 43: 1; 66: 4). Фрагмент железной ручки от котла был обнаружен в культурном слое могильника (Рис. 86: 5). По форме и технике изготовления котлы из погребений № 252, 214/X сходны между собой. Котлы были изготовлены из железных листов, соединенных заклепками в полосы, которые при соединении между собой образовывали сосуд подцилиндрической формы со слегка округлым дном. Диаметр котлов составляет 45 - 48 см, глубина 20 - 23 см. У всех котлов имелись железные ручки, согнутые из узкой (до 2 - 2,5 см) металлической полосы, концы которой оформлены в виде петель. Подобные металлические ручки, как и фрагменты котлов (железные пластины) встречены и на других памятниках салтовской культуры Подонья (Кухаренко 1951, рис. 30: 6; Ляпушкин 1961, рис. 17; Плетнева 1967, рис. 39: 15, 19). Два подобных котла было найдено на городище Битица волынской культуры (Смиленко, Юренко 1990, рис. 65: 15, 16).

Котел, точнее котелок, из комплекса XVI (возле погр. № 286) изготовлен цельнобронзовым. Он небольшого размера (диаметр 20 см, глубина 10 см), полусферической формы. Венчик котелка окован железной полосой. Ручка железная, аналогичная вышеупомянутым. Подобные бронзовые котлы (по размерам, форме и манере исполнения) встречаются в основном на памятниках V - VIII вв. Северного Кавказа (Рунич 1976, 258, рис. 2: 1; Рунич 1979, рис. 5: 9). Известны такие бронзовые котлы и в аварских древностях VIII в. (Титов, Эрделю 1980, 131, рис 1).

Вместе с котлом в погр. № 252 находилась железная вилка для извлечения мяса из котла (Рис. 66, 2). Она имеет длинную (50 см) витую ручку и двузубую рабочую часть. Преднамеренно деформирована в древности. Аналогичная вилка длиной 37,5 см, без следов преднамеренной деформации, находилась в погребении № 269 (Рис. 66: 1). Обломок такой же вилки, превращенный в древности в ключ для деревянного запора, был обнаружен в культурном слое могильника (Рис. 82: 4). Подобные вилки и их фрагменты были обнаружены в кремационных (№ 19, 101, 254) и ингумационных (№ 150/к-13) захоронениях биритуального могильника Красная Горка, в комплексе у с. Пятницкого (Аксенов 1999, 99, рис. 39: 2; Шрамко 1983, рис. 11: 19). Аналогичные вилки найдены в Маяках, на Правобережном Цимлянском городище (Михеев 1985, 146, рис. 37: 1, 5), в материалах могильника на

р. Дюрсо (Дмитриев 1979, рис. 9). Характерно, что у некоторых народов Северного Кавказа подобные вилки продолжали бытовать еще в начале XX в. (Калоев 1971: 167, рис. 6, в; Миллер 1910, 78).

С приготовлением пищи связан найденный в культурном слое могильника крючок от надочажной цепи для регулирования уровня подвешивания котлов над огнем (Рис. 86, 1). Крючок откован из прямоугольного в сечении (0,3 x 0,6 см) железного прута. Высота крючка 8,2 см. Подобными пластинчатыми крючками снабжены очажные цепи из Пятницкого и Тополей (Кухвренко 1951, рис. 31: 13; Шрамко 1983, рис. 11: 16).

Редчайшей находкой является шашлычница из погребения № 175 (Рис. 43, 2). Она состоит из трехногой подставки с ушком в верхней части для удержания шампура и самого шампура. Высота треноги 15,5 см, длина шампура 115 см. Шампур изготовлен из железного прута, который на разных участках имел разное сечение: у острия – подпрямоугольное, в центральной части – круглое, ближе рукоятке – квадратное. Рукоятка витая, с продетым в петлю витым кольцом диаметром 4,6 см. Подобные шампуры встречены в Маяках (Михеев 1985, рис. 37: 7 в).

Из погребения № 192 происходит фрагмент костяной горловины бурдюка размером 5,5 x 1,7 см (Рис. 78: 5). В верхней части горловины сохранилось одно отверстие диаметром 3 мм для крепления крышки бурдюка. Как и все известные горловины бурдюков, наше изделие, по-видимому, имело форму полого усеченного конуса, по большому краю которого расположено 6-10 мелких отверстий, служащих для прочного скрепления горлышка с кожаной основой бурдюка, на противоположном конце (меньшего диаметра) имеем всегда два отверстия, через которые к горлышку крепилась бурдючная пробка (Артамонов 1958, 40, рис. 27; Генинг, Халиков 1964, табл. XVIII: 18; Плетнева 1962, рис. 6; Швецов, Санжаров, Прынь 2001, табл. II: 21).

Предметы вооружения и конское снаряжение

Оружие – довольно частая находка в погребениях Сухогомольшанского могильника. Оно широко представлено оружием ближнего и дальнего боя, при полном отсутствии элементов защитного снаряжения.

Сабли. Клинковое оружие в виде сабель (4 экз.) обнаружено в захоронениях № 175, 252 и комплексах I, XV (Рис. 11: 1; 40: 10; 62: 1; 79: 1). Кроме того, в культурном слое могильника найден фрагмент сабельного клинка длиной 13,9 см и шириной 3,0 см (Рис. 84: 14). Все сабли прошли через огонь погребального костра и вследствие этого прекрасно сохранились. При этом сабли из захоронения № 252 и поминального комплекса XV были преднамеренно согнуты пополам. В погребении № 175 находилась сабля, согнутая втрое, в виде спирали. В состав инвентаря комплекса I входила только часть сабельного клинка длиной 23,2 см с перекрестием. Обойма, насаживаемая на клинок сабли для удержания перекрестья, обнаружена в погребении № 19 (Рис. 15: 1). Ее размеры: высота - 3,5 см, ширина - 1,3 см, толщина - 1,0 см. Она рассчитана на клинок шириной 2,5 см.

Все сабли представляют собой однолезвийные полосы с едва заметной привизной, которая не превышает 1,5 см. Длина клинка у сабель разная и составляет 82,0 см (погр. № 252), 85,5 см (погр. № 175) и 97,0 см (комп. XV). Длина режущей части клинка колеблется в пределах 71 - 75 см, длина рукояти соответственно составляет 10 - 12 см. Наибольшая ширина лезвия - 3,0 см (погр. № 175) - 3,8 см (погр. № 252). Стороны клинка почти на всем протяжении параллельные и сходятся лишь у острия. Конец клинков раскован в обоюдоострое лезвие на длину 16 см (погр. № 175) - 20 см (комп. XV). Основание рукоятей сабель брусковидное, выковано вместе с клинком. Рукоять сабли из комплекса I прямая, наклону в сторону режущего края не имеет. У экземпляров из погребений № 175, 252 и комплекса XV одна из сторон черенка, противоположная лезвию, имеет небольшой наклон в его сторону. Этим обеспечивалась конструкция, благодаря которой сабля получала необходимые рубяще-режущие свойства. Черенок у всех сабель снабжен 1 - 2 заклепками для крепления обкладок рукояти. Все сабли снабжены специальными обоями шириной 0,7 - 1,0 см, насаженными на верхнюю часть клинка для удержания в горизонтальном положении напускного брусковидного, слегка расширяющегося к середине перекрестия. В плане перекрестие имеет форму близкую к ромбу. По оформлению концов они делятся на два типа.

Тип 1. Перекрестия с овальными, лепестковыми плоскими расширениями на концах. Этого типа перекрестия имеют сабли из погр. № 175 и 252 (Рис. 40: 10; 62: 1).

Тип 2. Перекрестия с прямыми концами. Ими снабжены сабли из комплексов I и XV (Рис. 11: 1; 79: 1).

Перекрестия 2 типа широко представлены в памятниках кочевых народов второй половины VIII - X вв., тогда как перекрестия 1 типа больше характерны для древностей конца IX - начала X вв. (Крыганов 1987, 108). Однако, присутствие на концах перекрестий парадных палашей раннеаварского времени лепестковидных расширений, по-видимому, следует рассматривать как свидетельство несколько более раннего времени появления перекрестий 1 типа в салтовских древностях, чем это определяет А.В. Крыганов. Вероятное время появления на салтовских саблях перекрестий 1 типа - середина - вторая половина VIII века.

В погребениях № 175 и 252 вместе с саблями были встречены металлические остатки их рукоятей и ножен. Съёмное навершие рукояти сабли представлено невысоким, овальным в плане железным стаканчиком размером 2,9 x 1,5 см с 4-мя округлыми выступами по бортику (Рис. 62: 2). В выступе имеются отверстия, через которые навершие крепилось к рукояти сабли. Для более плотного скрепления с рукоятью навершие дополнительно прибавалось к ее деревянной основе двумя гвоздиками длиной 1,1 см через крышку навершия. От ножен сабель в погребениях № 175 и 252 сохранились железные, согнутые под углом или же полуovalом оковки боковых сторон ножен, с полукруглыми выступами, через которые оковки крепились к основе ножен (Рис. 40: 7, 8; 62: 6, 7). Оковки ножен сабли из погребения № 175 имели декоративный волнистый край. Аналогичные оковки ножен встречены в погребениях № 93/к-6, 150/к-13, 182, 219/к-20 могильника Красная Горка (Аксёнов 1999, 76, рис. 21: 5г, 66, 9г).

Вместе с ними были найдены железные фигурные портупейные скобы. Они железные, П - образные в сечении. Обе портупейные скобы из погребения № 175 имеют сегментовидную форму, по внутреннему краю которой присутствуют по три небольших подтреугольных выступа с каждой стороны для лучшего скрепления с деревянной основой (Рис. 40: 5, 6). Одна из портупейных скоб ножен сабли из погребения № 252 имеет пятиугольную форму (Рис. 62: 4), вторая - П-образную с внешним полукруглым выступом посередине ее длинной стороны (Рис. 62: 5). Фрагмент П-образной портупейной скобы с внешним полукруглым выступом обнаружен в культурном слое могильника (Рис. 87: 15). Железные и серебряные фигурные портупейные скобы, близкие по форме, найдены в комплексе у с. Тополи в кремационных захоронениях № 19 и 254 могильника Красная Горка (Аксенов 1999, 77, рис. 21: 2, 5в, 6а, 7, 9б, 9е). В погребении № 218 найдена портупейная скоба П-образной формы небольших размеров (5,2 x 1,2 см) (Рис. 47: 53). Небольшие размеры данного изделия позволяют рассматривать его как портупейную скобу от ножен кинжала или боевого ножа.

Найдены в этих погребениях и железные оковки торцевых ножен сабель. Они, как и навершия рукоятей, представляют собой неглубокие, овальные в плане стаманчики размером 3,7 x 1,1 см (погр. № 175) и 3,9 x 1,5 см (погр. № 252) с 4-мя округлыми выступами по бортику (Рис. 40: 9; 62: 6). На лицевом крае оковки из погребения № 175 имеются два выступа округлой формы для крепления к основе ножен, между которыми располагается фигурный орнаментационный элемент в виде трилистника (Рис. 38: 40). Подобные торцевые оковки ножен сабель из железа неоднократно встречались в аланских погребениях бассейна Северского Донца.

Рассматриваемые сабли по своим показателям относятся к слабоизогнутым клинкам так называемого хазарского или салтовского типа (Мерперт 1955, 124) и датируются VIII - X вв. (Крыганов 1987, 60). Аналогичные сабли найдены в аланских и болгарских древностях Подонья (Братченко, Швецов 1984, 214, рис. 2: 4; Каминский 1987, рис. 3: 20; Криганов 1993, 53, рис. 1: 2; Плетнева 1989, рис. 34). Встречены они в кремационных памятниках бассейна Северского Донца: могильник Красная Горка (№ 19, 101, 162, 254) (Аксенов 1998, табл. I; Аксенов 2005, 183, рис. 3: 1; Михеев 2004, 79, рис. 1: 1, 2), Ново-Покровский могильник, комплекс у с. Тополи (Кухаренко 1951, рис. 30 4; 34; 36), Пятницкое (Щрамко 1983, рис. 11: 15), могильник Лысый Горб (Аксенов, Воловик 1999, 35, рис. 1: 6). Встречаются они и за пределами распространения салтовской культуры в единовременных с ней памятниках (Генинг 1962, табл. XIII: 5, 6; Генинг, Халиков 1964, рис. 16; Измайлов 1989, 108; Казаков 1971, табл. VII: 19; Корзухина 1950, табл. 2, 3). Принимая во внимание незначительные размеры клинков данных сабель, а в особенности их слабую кривизну, едва ли их можно датировать X в., так как в X - XI вв. кривизна клинка достигает 3 - 4,5 см (Кирпичников 1966, 67), что значительно превышает кривизну наших изделий. Сабли, подобные нашим, И.Л. Измайлов датирует второй половиной VIII - серединой IX вв. (Измайлов 1989, 109).

В материалах могильника известно 11 топоров, которые относятся к категории боевых. Все найденные топоры проушные, имеют различной степени оттянутый обух-чекан, сравнительно небольшие размеры и малый вес. Основным

типобразующим признаком служит форма лезвия, что позволяет выделить следующие типы боевых топоров.

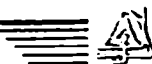
Тип 1. Топоры-чеканы с длинным трапецевидным лезвием (4 экз.). В литературе такая форма лезвия иногда определяется как треугольная. Высота топоров колеблется в пределах 15,5 - 17,4 см, ширина лезвия - 4,0 - 5,2 см, вес не превышает 0,3 - 0,33 кг. По форме и отчасти по пропорциям лезвия и обушной части среди топоров 1 типа можно выделить две разновидности.

Подтип 1А (вид 1,1 по С.А. Плетневой). Топоры, у которых прямоугольный в разрезе обушок своей формой и размерами приближается к форме и размерам лезвия (1 экз. - комплекс XVII) (Рис. 81: 9). Подобные топоры доминируют в аланских катакомбах Подончья (Винников, Афанасьев 1991, рис. 6: 10; 8: 2; Плетнева 1989, рис. 35).

Подтип 1Б. Топоры, у которых достаточно высокий обушок (круглый, четырехгранный), расширяющийся к концу или имеющий грибовидную шапку. Обнаружены в погребениях № 214, 252, в комплексе XVI (Рис. 48: 7; 63, 7; 72: 3).

Топоры 1 типа в раннем средневековье достаточно широко распространены от Башкирии до Паннонии (Алихова 1969, табл. 3: 9, 9: 13; Генинг 1962, табл. XII: 14, 16; Дмитриев 1979, рис. 2: 13; Иванов 1952, табл. XXXIX: 3; Кирпичников 1966, 33, 35; Савенко 1985, рис. 1: 9; Тарабанов 1983, рис. 1: 16). Известны подобные топоры в аварских (Kiss 1977, рб. XXX: 41, 2; LIX: 18, 3), венгерских (Ковач 1981, 11) древностях. Представлены топоры 1 типа и на биритуальном могильнике Красная Горка в Подончье (Аксенов 1999, рис. 27: 1; Михеев 2004, 79, рис. 3: 3). В Поволжье топоры-чеканы типа 1А встречаются в материалах второй половины VII - VIII вв., тогда как топоры типа 1Б характерны для комплексов конца VIII - первой половины IX вв. (Святкин 1998, 261).

Тип 2 Топоры с оттянутым в сторону ручки лезвием, образующим как бы уступ (6 экз.: погр. № 175, 203, 233, 246, комплексы III, XIII) (Рис. 41: 7; 47: 42; 53: 23; 55: 7; 61: 9; 78: 12). Этот тип топоров (вид II, 3 по С.А. Плетневой) превалирует над топорами других типов в погребениях Сухогомольшанского могильника, что характерно и для других салтовских памятников (Плетнева 1989, рис. 35). Топоры этого типа имеют высоту 14,0 см (погр. № 246) - 29 см (комплекс III), ширину лезвия 3,3 (комплекс III) - 5,5 см (погр. № 175), а также большое количество вариантов. Они получили в VIII - XI вв. на территории Восточной Европы довольно широкое распространение. Встречаются на Северном Кавказе (Виногардов, Мамеев 1985, рис. 5: 3; Пчелина 1929, рис. 43; Тарабанов 1983, рис. 1: 15; Уварова 1900, рис. 232, табл. LXXIV: 3), в Прикамье и в Поволжье (Алихова 1969, табл. 18: 19; Генинг, Голдина 1970, табл. 23: 11, 12; Генинг, Халиков 1964, табл. IX: 4 - 6), в Подонье (Винников, Афанасьев 1991, рис. 21: 11; Савченко 1986, рис. 7: 1; Флеров 1990, рис. 18: 1). Обнаружены топоры этого типа в ингумационных и кремационных погребениях могильника Красная Горка (Аксенов 1999, рис. 28: 4 - 7; Михеев 2004, 79, рис. 3: 4), в кремациях могильника Лысый Горб бассейна Северского Донца (Аксенов, Воловик 1999, рис. 2: 9; 4: 5). По мнению ряда исследователей, топоры данного типа с невысоким уступом на широком лезвии больше характерны для памятников, датируемых не ранее конца IX в. (Крыганов 1987, 86).

Тип 3 Для некоторых топоров-чеканов характерна двубородчатая форма лезвия. По другим признакам они близки к топорам 2 типа. Топор указанного типа обнаружен в комплексе V Сухогомольшанского могильника (Рис. 19: 4). Его размеры: высота 24,2 см, ширина лезвия 5,2 см. Вес топора - 0,35 кг. Этот тип топоров характерен, прежде всего, для раннесредневековых древностей Северного Кавказа (Бабенко 1910, рис. 135; Виноградов, Мамвеев 1985, рис. 2: 20; Минаева 1951, рис. 6: 1; Ковалевская 1981, рис. 94: 5, 44). В Подончье топоры данного типа представлены 2 экземплярами из могильника Красная Горка (Аксёнов 1999, 82, рис. 30: 2, 3), и 1 экземпляром из комплекса у с. Кочеток (Деятарь 1984, рис. 2: 2). Близкие по форме топоры изредка встречаются в древнерусских материалах IX - XI вв. (Кирпичников 1966, табл. XII: 4 - 6), в венгерских могилах IX - X вв. (Ковач 1981, 11), в памятниках Дунайской Болгарии (Въжарова 1976, обр. 176: 5). По материалам Подонья топоры этого типа принято датировать серединой IX в. (Крыганов 1987, 87).

Топоры-чеканы существовали на огромной территории и на протяжении длительного времени оставались одним из основных видов оружия ближнего боя, что объясняется их легкостью, простотой в обращении и эффективностью. Применение такого оружия является отличительной особенностью военного дела раннесредневековых кочевников юга Восточной Европы (Плетнева 1967, 158). В салтовских древностях Подонья топоры-чеканы чаще встречаются в аланских погребальных комплексах (Крыганов 1993, 56; Плетнева 1967, 168), тогда как в болгарских грунтовых могильниках они достаточно редки (Савченко 1986, 86). Редко находят топоры и в болгарских некрополях Подунавья и Поволжья (Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998, 11, рис. 24: 6; Казаков 1971, 104, табл. VII: 1 - 11; Станчев, Иванов 1958, табл. IX: 5).

Количество наконечников копий в Сухогомольшанском могильнике исчисляется 13 экземплярами, которые происходят из 10 погребальных комплексов. При этом в погребениях № 175, 252 и поминальном комплексе XVI находилось по два наконечника копья, а в остальных случаях - по одному. По форме рабочей части они разделяются на следующие типы.

Тип 1. Пики. Втульчатые наконечники с узким длинным пером ромбического или квадратного сечения. К этому типу относится 7 наконечников (погр. № 175, 252, комплексы III, V, XV, XVI, XVII) (Рис. 19: 3; 41: 6; 55: 8; 63: 17; 72: 1; 80: 1; 81: 8). Общая длина пик колеблется от 24,0 см (погр. № 175, комплекс XVI) до 31,0 см (погр. № 252), ширина пера - 1,5 - 2,0 см, диаметр втулки - 2,8 - 3,1 см. Все наконечники данного типа имеют в месте перехода насада в перо более или менее резко выраженные выступы. У большинства наконечников длина насада и пера приблизительно одинакова. Некоторые наконечники для закрепления на древке имеют специальные петли на ободке, обжимающем основу втулки (погр. № 252), в остальных случаях над ободком есть специальное отверстие под гвоздик. Наконечники этого типа найдены в кремационных и ингумационных погребениях Красногорского могильника (15 экз.) в ингумациях Нетайловского могильника (1 экз.) (Аксёнов 1999, 78, рис. 23, 24; Михеев 2004, 79, рис. 3: 7), в кремациях могильника Лысый Горб (2 экз.) (Аксёнов, Волосник 1999, рис. 1: 10; 2: 8;), в комплексе из с. Тополы (Кухаренко 1951, рис. 30: 1). Наконечник из поминального комплекса XVI

был декорирован по шейке насада врезным солярным орнаментом в виде кружков с точкой в середине и по перу в виде вертикальных полос, опирающихся на кружок с точкой в центре (Рис. 72: 1). Такой прием украшения оружия применялся и другими народами раннего средневековья Восточной Европы (Генинг 1962, табл. XII: 7; Ковалевская 1981, рис. 62: 110). Идентично орнаментированный наконечник копья известен в материалах второй половины VIII - начала IX вв. могильника на р. Дюрсо (Дмитриев 1979, рис. 2: 1). Декорированы по шейке насада и по перу врезным орнаментом и два наконечника из сожжений № 162, 254 могильника Красная Горка (Аксёнов 1999, 78, рис. 24: 4, 7; Аксёнов 2005, 183, рис. 3: 19; Михеев 2004, 79, рис. 3: 8). Н.Я. Мерперт датирует пиковидные наконечники из салтовских памятников серединой VIII в. (Мерперт 1951, 26).

Тип 2. Наконечники с относительно широким пером удлинненно-треугольной формы и ярко выраженными, немного скошенными плечиками. Поперечное сечение лезвия ромбическое, втулка расширяющаяся. В погребениях могильника найден только один такой наконечник (погр. № 267) (Рис. 69: 12). Длина его - 23,3 см, ширина пера - 3,0 см. Распространенность наконечников этого типа в средневековой Европе настолько велика (и именно для VIII - XI вв.), что трудно связать их происхождение с каким-либо одним районом (Кирпичников 1966, 12). Наконечники с широким треугольным пером принято считать славянскими. Так, в славянских памятниках IX - X вв. Дунайской Болгарии они преобладают. Особенно типичны такие наконечники копий для многочисленных деревянных курганов центральной и северной Руси XI в., так как они служили и охотничьим, и боевым оружием (Кирпичников 1966, 13). На салтовских памятниках Подонья подобные наконечники представлены единичными экземплярами (Ляпушкин 1958, 123, рис. 16).

Тип 3. Наконечники копий представляют собой конусообразную, во всю длину наконечника, втулку с двумя боковыми крыльями, образующими перо. Форма пера может иметь листовидное или пламевидное очертания. Наконечники этого типа встречены в погребениях № 175, 252 и поминальном комплексе XVI (Рис. 40: 1; 62: 8; 72: 2). Общая их длина колеблется в пределах 27,0 см (комплекс XVI) - 31,0 см (погр. № 175), наибольшее расширение лезвия составляет 5,5 см, диаметр втулки - 3,7 - 3,9 см. У двух из трех найденных наконечников для закрепления на древке имеются специальные петли на ободке, обжимающем основу втулки. Все экземпляры наконечников Сухогомольшанского могильника имеют по два отверстия в основе пера.

Пламевидная форма пера наконечников копий известна еще со предскифского времени (Мелюкова 1964, 12, табл. 2: 2). Наивысший пик их распространения приходится на VII - VI вв. до н.э. Известны они и в сарматских древностях (Хазанов 1971, 46, табл. XXIV: 1, 2). Для хазарского времени этот тип наконечников архаичен. В раннесредневековых памятниках Евразии он имеет аналогии в Пановском могильнике VIII - XI вв. из Мордовии (Алихова 1969, табл. 21: 9), в урновом трупосожжении IX - X вв. из Северо-Восточной Болгарии (Антонова 1959, обр. 68). Наконечники этого типа встречены в Подончье в погребениях могильника Красная Горка (2 экз.), Нетайловка (3 экз.), Лысый Горб (1 экз.) (Аксёнов 1999, 80, рис. 25: 3, 4; 26: 1; Аксёнов, Воловик 1999, рис. 1: 9; Аксёнов, Хоружая 2005, 207, рис. 7: 18). Отверстия в лопастях наконечников копий отмечены

у авар и дунайских болгар, при этом исследователи связывают их появление с необходимостью закрепления в них флажков и лент, служивших воинскими знаками (Бобчева 1957, 64, рис. VII: 12; VIII: 15). Для нас важно то, что в погребениях салтовской культуры бассейна Северского Донца наконечники копий 3 типа всегда находились в комплекте с наконечниками пик и входили в состав богатых предметами вооружения комплексов (Аксенов 1998, табл. I, II). Последнее позволило А.В. Крыганову связать подобные комплексы с вероятными захоронениями военачальников (Крыганов 1989, 109).

Тип 4. Наконечники копий с пером ромбической формы. По перу четко прослеживается грань. В сечении оно ромбическое. Наконечники данного типа найдены в погребениях № 60 и 233 (Рис. 17: 25; 53: 20). Длина наконечника из погр. № 60 равна 20,6 см, ширина пера - 3,5 см, диаметр втулки - 2,4 см. Второй наконечник крупнее. Его длина - 30,5 см, ширина лезвия - 4,8 см, диаметр втулки - 3,2 см. Для закрепления на древке оба наконечника имеют специальные отверстия в нижней части втулки. Наконечники данного типа (тип II по А.Н. Кирпичникову) для славянского вооружения не характерны (Кирпичников 1966, 12). Они более свойственны муро-мордовским древностям IX - XI вв. (Иванов 1952, табл. XXX: 1; Цыркин 1984, рис. 1: 7). В салтовских памятниках найдены в погребениях № 120 и № 265 Красногорского могильника (Аксенов 1999, 80 - 81, рис. 26: 5). В Восточной Европе наконечники этого типа встречаются, главным образом, в комплексах VI - VIII вв. (Бобчева 1957, 63, рис. V: 2), а для X в. они являются уже пережитком (Кирпичников 1966, 12).

На Сухогомольшанском могильнике найдены изготовленные из разных металлов обушки от кистеней. Один обушок обнаружен в культурном слое могильника, остальные 5 происходят из погребений № 54, 89, 122, 246, 274. Они представляют собой металлические гирьки и по типологии, разработанной А.В. Крыгановым (Крыганов 1987), относятся к следующим видам:

1) Железный биконический обушок с долевым каналом (тип II, вариант 1 по А.В. Крыганову). Происходит из культурного слоя могильника. Аналогичные гирьки от кистеней найдены в погребениях Нетайловского и Красногорского могильников. Как показали исследования А.В. Крыганова, обушки данного типа широко представлены в салтовской культуре Подонья и происходят в своем большинстве из памятников датируемых IX - X вв. (Крыганов 1987, 64). За пределами салтовской культуры обушки этого типа встречены в погребениях могильника на р. Дюро (Дмитриев 1979, рис. 2: 9) и болгарском Большетарханском могильнике (Генинг, Халиков 1964, табл. XI: 5).

2) Бронзовые обушки шаровидной или грушевидной формы с долевым каналом (тип IV, вариант 1). Обнаружены в погребениях № 89, 122, 274 (Рис. 24: 39; 30: 8; 70: 8). Высота обушков составляет 2,5 (погр. № 274) - 3,7 (погр. № 122) см, диаметр - 3,0 (погр. № 122) - 3,5 (погр. № 274) см. Обушки данного типа найдены только в салтовских памятниках лесостепной части Подонья, в верховьях Северского Донца (Крыганов 1987, 65).

3) Шарообразная гирька бронзового художественного литья с петлей, отделенной от корпуса перехватом (высота - 5,8 см, диаметр - 3,6 см), из погребения № 54 (Рис. 17: 11). Относятся по классификации А.В. Крыганова к типу

IV, вариант 2 (Крыганов 1987, 65). Более или менее близкая аналогия данному кистеню имеется среди материалов Волжской Болгарии (Кирпичников 1976, рис. 6: 2).

4) Половина свинцового обушка с долевым каналом (высота 2,0 см, диаметр 2,85 см) из погребения № 246 (Рис. 61: 11). Соответствует обушкам V типа по А.В. Крыганову (Крыганов 1987, 66). Подобные обушки найдены в катакомбах Верхне-Салтовского и Ютановского могильников (Крыганов 1993, 56, рис. 2: 22) и в грунтовом салтовском могильнике Красная Горка (Аксёнов 1999, 84).

Обушки от кистеня были встречены в погребениях, принадлежавших не только взрослым мужчинам (погр. № 54, 122) и женщинам (погр. № 89), но и детям в возрасте до года (погр. № 274), что может подтверждать тезис А.В. Крыганова о демократичности данного вида оружия у населения салтовской культуры бассейна Северского Донца.

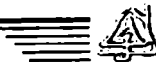
К оружию дистанционного боя, обнаруженному в погребениях и культурном слое Сухогомольшанского могильника, относятся лук и стрелы. Всего на могильнике было найдено 20 наконечников стрел. Все они железные, черешковые с порожком для упора между черешком и пером. Типологически наконечники стрел можно разделить по характеру поперечного сечения пера на отделы, по форме пера – на типы.

Отдел 1. Трехлопастные.

Тип 1. Треугольные (7 экз.). 3 экземпляра обнаружены в погребении № 252, по одному наконечнику в погребениях № 17 и 250 (Рис. 10: 4; 61: 14; 63: 3, 5). Еще 2 наконечника происходят из культурного слоя могильника. Подобные наконечники существовали на обширной территории в VIII - IX вв. и к началу X в. вышли из употребления (Медведев 1966, 53). Встречаются от Южной Сибири (Худяков 1986, рис. 96) до Болгарии (Въжарова 1976, обр. 112: 3) и Венгрии. Но наиболее характерны для аланских памятников Подонья (Крыганов 1993, 53, рис. 2: 1; Мерперт 1951, рис. 2: 83, 84; Шрамко 1962, 281, рис. 109: 5), хотя иногда встречаются и в степных памятниках салтовской культуры (Власкин, Ильюков 1990, рис. 5: 6; Крулов 1992, рис. 4: 12; Савченко 1986, рис. 7: 11; Сорокин 1959, 148, рис. 6: 15; Федоров-Давыдов 1984, рис. 6: 2). Наконечники данного типа в ингумационных и кремационных салтовских захоронениях бассейна Северского Донца численно преобладают над наконечниками всех остальных типов.

Тип 2. Килевидные широкие (6 экз.). Обнаружены в погребении № 252 (5 экз.) и в поминальном комплексе XVII (1 экз.) (Рис. 63: 1, 2). Экземпляр из поминального комплекса и один наконечник из погребения № 252 имеют отверстия в лопастях. Датируются наконечники VIII - IX вв. и имеют широкую территорию распространения от Южной Сибири (Худяков 1986, рис. 76: 3) до Болгарии (Бобчева 1957, обр. 4: 4).

Тип 3. Килевидные узкие (4 экз.). Один наконечник этого типа обнаружен в погребении № 17, один – в погребении № 6, еще два происходят из культурного слоя могильника (Рис. 9: 9; 10: 5; 87: 16 - 18). А.Ф. Медведев датирует их VIII - IX вв. (Медведев 1966, 59). Однако аналогичные наконечники были встречены и в памятниках рубежа VII - VIII вв. (Вознесенка, Ново-Санжарский комплекс). Единичные находки наконечников этого типа известны в памятниках VI - VII вв.

(Медведев 1966, 60), что позволило отодвинуть дату появления подобных наконечников во вторую половину VII в. (Крыганов 1987, 108). Использовались аналогичные наконечники кочевыми народами на всем пространстве Евразийских степей (Магомедов 1975, рис. 1: 8; Матвеева 1997, рис. 69: 2; Овчинникова 1981, рис. 1: 12; Худяков 1980, табл. XXIV: 3; Kalmar 1944-45, 2, кор. 6).

Тип 4. Остролистные (1 экз.). Наконечник происходит из погребения № 252. Он имеет отверстия в лопастях (Рис. 63: 4). Такие наконечники характерны для памятников второй половины VIII - X вв.; в кочевнических древностях встречаются нередко (Ковычев 1981, табл. 1: 6; Кызласов 1981, рис. 30: 90). Аналогичный наконечник с отверстиями в лопастях был обнаружен в материалах аварского времени из Словакии (Cilinska 1973, taf. CXXXIII, gr. 843: 19) и в кремационном погребении № 254 биритуального могильника Красная Горка (Аксенов 2005, 183, рис. 3: 11).

Отдел II. Плоские.

Тип 5. Килевидные (2 экз.). Оба наконечника этого типа найдены в культурном слое могильника. Подобные наконечники существовали на обширной территории в VIII - IX вв.

В целом можно отметить, что рассмотренные выше наконечники стрел встречены почти во всех известных кремационных захоронениях салтовского круга (Новая Покровка, комплекс у с. Тополи, Лысый Горб, могильник Красная горка, могильник на р. Дюрсо, Борисовский могильник и др.) (Аксенов 1999, рис. 4: 10, 11, 13 - 15; Аксенов 2005, 183, рис. 3: 4 - 6; Кухаренко 1951, 100, рис. 31: 6 - 8; Кухаренко 1952, 39, табл. II: 3 - 6; Дмитриев 1979, рис. 2; Саханов 1914, табл. III: 9 - 11).

Металлические детали колчанов немногочисленны. Железные петли, служащие для крепления колчана на перевязи, — колчалчанные скобы — происходят из погребений № 175, 214, 252 (Рис. 41: 1; 48: 5; 63: 11, 12). Фрагмент еще одной колчанной скобы найден в культурном слое могильника (Рис. 87: 12). Обнаруженные приспособления для колчанов железные, пластинчатые. Они состоят из двух симметрично расположенных листовидных (погр. № 252) или прямоугольных с округлым расширением на конце (погр. № 175) пластин, соединенных между собой двумя заклепками. Способ крепления к основе колчана с помощью двух заклепок характерен для колчаных петель VIII - IX вв. (Медведев 1966, 20). Колчанная скоба из погребения № 175 достигала в длину 12 см. Скобы из погребения № 252 меньшего размера: одна — длиной 5,9 см, вторая — 7,5 см. Колчанные скобы из погребения № 214 и из культурного слоя могильника снабжены фигурными в плане пластинами. Типологически близкие колчаные скобы найдены в погребениях биритуального могильника Красная Горка (Аксенов 1999, рис. 32: 6, 14; Аксенов 2005, 183, рис. 3: 14, 16). Колчанные петли встречаются в основном в кочевнических древностях (Магомедов 1981, рис. 3: 13; 4: 4, 5; 11: 6, 9). Известны также находки колчаных петель и в памятниках оседлого населения VIII - X вв. Поволжья (Иванов 1952, табл. XXV: 1, XXXVI: 3), Северного Кавказа (Виноградов, Мамаев 1985, рис. 4: 24; Савенко 1985, рис. 1: 11), Подонья (Крыганов 1993, рис. 2: 5, 6; Плетнева 1989, рис. 33).

С колчаном связаны железные колчаные крючки. Один из них обнаружен в культурном слое могильника, два крючка происходят из погребения № 252 и доминального комплекса XIV (Рис. 56: 4; 63: 9; 87: 13). Все колчаные крючки пластинчатые. Высота крючков колеблется от 4,1 см (культурный слой могильника) до 4,5 см (комплекс XIV), ширина - от 1,0 см (комплекс XIV) до 1,9 см (погр. № 252). Крючок из культурного слоя могильника имеет щиток шестиугольной формы, щиток крючка из погребения № 252 - овальной формы. К основе колчана крючки крепились с помощью двух заклепок. Колчаный крючок из комплекса XIV изготовлен из прута, один край которого образует петлю, в которую продето круглое металлическое кольцо, посредством которого крючок уже и присоединялся к основе, второй край - согнут в крючок. Наличие колчанного крючка - характерный признак принадлежности колчана конному воину (Медведев 1966, 20).

В погребениях № 175, 252 найдены фрагменты железных полосок, являющиеся остатками оковок, охватывающих тулово колчана (Рис. 41: 2, 3; 63: 13 - 16).

Луки представлены костяной накладкой (серединной боковой), обнаруженной в погребении № 252 (Рис. 63: 6). Это срединная накладка. Она имеет вид вытянутого, асимметрического по длинной оси полуovala с заостренными концами. Реконструированная длина накладки оставляла чуть более 10 см, ширина равнялась 1,6 см. Передний край накладки снабжен системой косых насечек, на одном из сохранившихся концов накладки, на длину до 2,0 см, сохранилась сетчатая система насечек. На тыльной стороне накладки присутствуют частые продольные насечки. Подобное технологическое оформление тыльной стороны накладок системой насечек, позволяющей повысить прочность скрепления накладок с деревянной кибитью, а также наличие системы насечек на лицевых краях срединных боковых пластин для более жесткой фиксации жильной обмоткой, является отличительной особенностью накладок "хазарского" лука (Круглов 2004, 64; Круглов 2005, 79 - 81). Подобные накладки в хазарское время применялись в конструкции луков практически всеми племенами и народами степей Евразии (Могильников 1981, рис. 19: 61; 20: 42, 27: 33; Кызласов 1981, рис. 30: 30, 48, 84; Плетнева 1981, 36: 6; 52: 29; Худяков 1986, рис. 62: 3, 5, 17, 12, 22; 74: 1; 80: 1, 6). Наиболее близкой аналогией нашей накладки является боковая срединная накладка из ингумационного погребения конца VIII - середины IX вв. № 293/к - 34 могильника Красная Горка (Аксенов 2005, 157, 158, рис. 1: 19).

Еще одна накладка - концевая фронтальная - была обнаружена в погр. № 192 (Рис. 78: 3). Как и аналогичные накладки, она представляет собой короткую пластину ланцетовидной формы, которая в разрезе имеет форму равнобедренного треугольника. Накладка сохранилась на длину около 7 см. Один из лицевых концов накладок на протяжении 2,0 см был покрыт системой косых насечек для более жесткой фиксации жильной обмоткой к деревянной кибите. Накладки этого типа найдены в погр. № 150/к-13, 216/к-19, 254, 293/к-34, 282 могильника Красная Горка (Аксенов 2005, 156 - 158). Подобные концевые накладки в лесостепном Подонье встречены в основном в аланских катакомбных захоронениях (Винников, Афанасьев 1991, рис. 22: 4, 5; Криганов 1993, рис. 1: 3; Флеров 1984, рис. 16: 4, 5; 19: 8).

Датируются подобные накладки по материалам салтовской культуры второй половины VIII - IX вв.

Защитное снаряжение в захоронениях могильника представлено небольшими фрагментами кольчуг. Они обнаружены в погребениях № 18 и 186 (Рис. 9: 43; 47: 3). Кольца кольчуг склепаны, что типично для кольчужной брони всего домонгольского периода (Кирпичников 1971, 9, рис. 2). Сами они изготовлены из железной проволоки. Диаметр колец кольчуги из погребения № 18 составляет около 1 см, толщина не превышает 0,2 см. Кольца кольчуги из погребения № 186 в поперечнике достигают 1,5 см и изготовлены из овальной в сечении проволоки 0,15 х 0,3 см. Своими размерами кольца кольчужной брони из захоронений Сухогомольши соответствуют кольцам этого назначения с территории Юго-Восточной Европы, датирующимся VIII – XIII вв. (Кирпичников 1971, 9).

Довольно частой находкой в погребениях Сухогомольшанского могильника являются элементы конской сбруи, представленные удилами, стремянами, пряжками, соединителями ремней и деталями седел.

Все найденные удила (11 экз.) состоят из двухчленного грызла и двух боковых подвижных прищечных ограничителей – псалиев. Окончания стержней грызел имеют восьмерковидную форму, при этом, в большинстве случаев, петли для псалиев и петли для поводного ремня повернуты в разных плоскостях перпендикулярно друг другу. Лишь в единичных захоронениях (погр. № 17/комплекс II, комплекс III) встречены грызла, в которых петли для псалиев и петли для поводного ремня находились в одной плоскости (Рис. 10: 7; 54: 1). По мнению исследователей, первый тип грызел возник несколько позднее второго (Крыганов 1989, 99), который вследствие одноплоскостного расположения петель характеризуется неустойчивым и более неравномерным действием удил на углы губ и рот коня, то есть хуже обеспечивает управление конем, чем при взаимоперпендикулярном расположении петель (Кирпичников 1973, 14). Второй тип грызел достаточно хорошо представлен в памятниках предсалтовского времени (Вознесенка, Арцибашево и другие) (Гринченко 1950, табл. 1; Монгайт 1951, рис. 43: 17), датируемых не позднее середины VIII в. В салтовских и древнерусских памятниках удила с подобным расположением петель встречаются несколько реже и полностью выходят из употребления к началу XI в. (Кирпичников 1973, 15). Грызла с перпендикулярным расположением петель, наоборот, преобладают в древностях хазарского времени (Генинг 1962, табл. XIII: 1; Генинг, Халиков 1964, табл. IX: 1, 3, 4, 6, 7, 9; Казаков 1971, 108, табл. X: 6; Плетнева 1989, рис. 38) и древнерусских древностей (Кирпичников 1973, 13 - 14).

Псалии для удил по форме делятся на два типа: тип 1 – прямые, так называемые гвоздевидные (погр. № 175, 214, 252, комплекс VI) (Рис. 20: 3; 42: 3; 48: 1; 64: 3); тип 2 – S-видные (погр. 17/комплекс II, I, III, IV, XII, XV, XVII) (Рис. 10: 7; 11: 2; 18: 6; 54: 1; 57: 11; 80: 3; 81: 11).

Псалии 2-го типа в рассматриваемых захоронениях численно преобладают над псалиями 1-го типа. Это подтверждает тенденцию, что удила с S-видными псалиями более характерны для салтовских кремационных захоронений, чем для ингумаций (Крыганов 1989, 100).

По форме стержня гвоздевидные псалии делятся на два варианта. Вариант 1 – псалии гладкие, без орнаментации. Они имеют округлое сечение стержня. Такие псалии численно преобладают. Вариант 2 – псалии, украшенные по стержню рядом перехватов, что придает им нарядный вид (погр. № 175).

Оформление стержня S-видных псалий одинаковое. Один конец псалий имеет вид стилизованных конских головок. Стержень псалий в сечении овальный. Подобные псалии встречены в погребениях биритуального могильника Красная Горка (к-2, 75/к-4, 150/к-13, 189), в комплексе из с. Тополи, обоих комплексах Ново-Даровского могильника, в отдельных захоронениях Нетайловского могильника (Аксёнов 1999, 59, рис. 10, 11; Аксёнов, Хоружая 2005, 204, рис. 4: 1).

Псалии обоих типов снабжены дополнительным боковым щитком прямоугольной или трапециевидной формы с двумя отверстиями (полукруглым – для пропуска петли грызла, прямоугольным – для скрепления с ремнем оголовья).

В хронологическом плане удила с S-видными псалиями характерны для древностей VIII - IX вв. степной зоны Евразии (Кирпичников 1973, 13). Некоторые исследователи указывают на более узкую дату: вторую половину VIII - первую половину IX вв. (Крыганов 1989, 100). Уже в конце IX в. их окончательно вытеснили удила с гвоздевидными псалиями (Плетнева 1967, 167). Что касается удил с гвоздевидными псалиями, то в памятниках юга Восточной Европы они встречаются с конца VII - начала VIII вв. (Вознесенка) – до начала-середины XI в., когда данный тип удил окончательно был вытеснен более совершенными – кольчатыми удилами. Последние стали господствующей формой как в древнерусских, так и в киевнических древностях XI - XIII вв. (Кирпичников 1973, 16, 18, 19; Плетнева 1958, 155, 166).

Элементами конской узда являются железные соединители ремней оголовья. Они представляют собой плоское кольцо диаметром 1,5 - 3,0 см с одним - тремя пластинчатыми зажимами, чаще всего, листовидной формы. Размер зажимов 2,7 x 2,1 см. Соединители ремней оголовья и их фрагменты обнаружены в погребениях № 6, 7, 219, в культурном слое могильника (Рис. 9: 11, 13; 53: 4; 86: 16, 18). Соединители этого типа широко распространены в раннесредневековых киевнических древностях, начиная с гуннского времени (Амброз 1981, 14). Такие изделия с тремя плоскими скрепами в небольшом количестве обнаружены только в Поволжье и Подончье (погр. № 70/к-5, 216/к-19, 254 могильника Красная Горка, могильник у с. Пятницкое, комплекс из Кочетка) (Аксёнов 1999, 64, рис. 12: 18; Десятьяр 1984, рис. 2: 4, 5), где они происходят из комплексов датируемых не ранее IX в. (Крыганов 1987, 163). Аналогичные нашим соединители ремней встречаются в памятниках VIII - X вв. Поволжья (Генинг, Халиков 1964, табл. 13: 4; Казаков 1971, табл. 15), Кавказа (Дмитриев 1979, рис. 2: 10), Дунайской Болгарии (Въжарова 1976, обр. 81: 3а, 3б).

В погребении № 252 были найдены фрагменты двух бронзовых литых односоставных овальнорамчатых пряжек с щитком в виде четырехугольной рамки (Рис. 64: 1, 2). Еще она такая пряжка происходит из культурного слоя могильника (Рис. 87: 8). Их размеры: ширина рамки – 2,6 см, длина рамки – 2,3 см, длина щитка – 1,0 см, ширина щитка 2,0 см. Полная длина – 3,2 см. Тот факт, что в погребении № 252 находились две одинаковых пряжки, исключает возможность соотнесения их с

пряжками от поясного ремня. Использование подобных пряжек на нащечных ремнях оголовья фиксируется на территории Восточной Европы с одной особенностью. Если на черепах коней в венгерских (погр. № 37 Hodmezovasarhely – Nagyszigei) скандинавских (погр. № 832 Birka) погребениях, как и в погребениях некоторых других народов, подобные пряжки находились по одной (на правом нащечном ремне), то в погребении коней у алан Подонечья пряжки имели место на обоих нащечных ремнях оголовья (Плетнева 1989, рис. 39; Аксенов 2005, рис. 3: 8). По две пряжки было зафиксировано и на конских оголовьях, найденных в захоронениях праболгарского Нетайловского грунтового могильника (Аксенов, Хоружая 2005, 205, рис. 6: 1). По этому показателю оголовье из погр. № 252 ближе к оголовьям коней из салтовских катакомбных могильников и погребений Нетайловского могильника. Датировка подобных пряжек неоднозначна. Так, пряжки, подобные пряжкам Сухогомольшанского могильника, в Карпатском бассейне датируются X - XI вв. (Reversz 1987, 270), по болгарским материалам – IX - XI вв. (Станчев 1960, 205, 206), по салтовским – VIII - X вв. (Генинг, Халиков 1964, 57; Плетнева 1967, 137, 142; Сорокин 1959, 141). На Каме такие пряжки встречаются в могилах VIII - X вв. (Генинг, Голдина 1970, табл. 25: 4; Голдина 1970, табл. 38: 10). Хорошо известны они и в памятниках кушнаренковского типа (Мажитов 1981, 37, 38, 45, 51). Аналогичные пряжки найдены в тюркских могилах VIII - IX вв. на Алтае и в Минусинской котловине (Амброз 1971, 127 - 129; Ковалевская 1979, 18 - 34). В могильнике Дюрсо подобные пряжки были найдены в погребениях коней и датируются автором раскопок V в. (Дмитриев 1979, рис. 3: 3). Известны такие пряжки в материалах могильника Мыдлань-Шай и Кударгз (Ковалевская 1979, 26, табл. IX: 19), где их датируют второй половиной VIII - началом IX вв. (Генинг, 102). Прообразом подобных металлических пряжек выступают костяные пряжки раннего железного века с памятников Западной Сибири и Алтая. Это позволяет предположить, что пряжки рассмотренной конструкции попали на юг Восточной Европы вместе с гуннами, и уже здесь стали изготавливаться из металла.

К конскому оголовью в погребениях могильника относятся фигурные подвески, которые в литературе получили название чумбурных блоков. Они найдены в погр. № 17/комплекс II, 54, 174, 262, в комплексе VI (Рис. 10: 6; 17: 12; 20: 5; 37: 37; 61: 33). То, что данные предметы в наших погребениях не являются подвесками на пояс, как это было отмечено у тюркских народов Сибири и аланского населения салтовской культуры (Ковалевская 1972, рис. 4: 21; Овчинникова 1990, рис. 8; Плетнева 1989, 111), указывает факт нахождения подобных изделий рядом с другими предметами конской сбруи или на скелетах коней, а не в составе поясных наборов. Так, фигурные подвески, аналогичные сухогомольшанским, были найдены на остатках седла в погр. № 264/к-24 могильника Красная Горка и в погр. № 221, 413 Нетайловского могильника (Аксенов 1999, 62; Жиронкина, Крыганов, Цитковская 1997, 167; Аксенов, Хоружая 2005, 205, 206, рис. 6: 22). Среди остатков кожаных ремней сбруи подобные подвески были найдены в катакомбе № 1 Подгоровского могильника (Плетнева 1962, 243), в погребении коня № 3 Верхнесалтовского могильника (Аксенов 2005, рис. 5: 3), в погребении кургана № 5 из урочища "Кривая Лука" (Федоров-Давыдов 1984, 88).

Чумбурные блоки представляют собой бронзовые составные изделия из прямоугольной рамочки, переходящей в выпуклый щиток с круглым отверстием по середине, и соединенного с ней подвижного кольца диаметром 2,7 - 3,0 см. Чумбурные блоки этого типа найдены в 5-ти захоронениях Нетайловского могильника, в 7-ми погребениях могильника Красная Горка (Аксенов 1999, табл. 1).

По типу соединения фигурного щитка с кольцом чумбурные блоки делятся на два вида. Вид 1 – фигурная рамка, скрепленная с кольцом при помощи шарнирного соединения. Чумбурные блоки этого вида встречены в погр. № 262 и комплексе VI (Рис. 20: 5; 61: 33). Этот вид подвесок имеет немногочисленные аналогии только в памятниках второй половины VII - первой половины VIII вв. (Каминский 1987, рис. 3: 23; Комар 1999, табл. 3: 75, 77, 78; Комар, Пioro 1999, табл. 3). Вид 2 – к нему относятся чумбурные блоки, в которых фигурная рамка соединяется с уже готовым кольцом в процессе ее литья (погр. № 17/комплекс II, погр. № 54, 174) (Рис. 10: 6; 17: 12; 37: 37). Блоки этого вида наиболее распространены в салтовских древностях и датируются второй половиной VIII - началом X вв. (Аксенов 2005, рис. 5: 3; Аксенов, Хоружая 2005, 205, 206, рис. 6: 22; Винников, Афанасьев 1991, рис. 35: 8; Генинг, Халиков 1964, табл. XVII: 24; Крыганов 1987, 161; Плетнева 1962, рис. 2: 7; Плетнева 1981, рис. 37: 42; Федоров-Давыдов 1984, рис. 7: 8).

Редкой находкой для не аланских памятников лесостепных районов бассейна Северского Донца является обнаруженный в погр. № 175 бронзовый рунский начельник (Рис. 42: 1, 2). Он представлен двумя крупными фрагментами, которые позволяют воссоздать его форму. Начельник представлял собой выпуклую бляху вытянутой формы с резным, волнистым краем и впаянной полой трубочкой. На одном из сохранившихся фрагментов начельника размером 12,4 x 8,5 см нанесен точечный чеканный орнамент в виде двух параллельных линий, по-видимому, идущих вдоль края изделия. Место соединения трубочки султана с пластиной начельника украшено двумя линиями точечной окантовки (Рис. 42: 2). Орнамент нанесен пробойником с оборотной стороны изделия так, что на ней образовывались луночки, а на лицевой стороне - небольшие круглые выпуклости.

Аналогичную по стилю и технике исполнения орнаментацию мы видим на двупластинчатых антропоморфных фибулах с Пастырского городища (Приходнюк 1994, 65, рис. 4; Приходнюк 1998, 95, рис. 3), на антропоморфных фибулах из кладов первой половины VIII в. из Самгородка, Зайцева, Харивки (Щеглова 1990, 200, рис. 9, 203, рис. 12, 204, рис. 13), на фибулах Иваницкого клада (Макаренко 1908, табл. II: 8) и фибулах из Песчанки и Салтова (Амброз 1993, 182, рис. 3: 37; Приходнюк 1998а, рис. 10: 29), датируемых концом VIII - началом IX вв. Таким же чеканным орнаментом украшены пластины круглой, прямоугольной или трапециевидной формы, входившие в состав Пастырского клада 1949 года, в клады из Новой Одессы, Козиевки и Суджи (Корзухина 1996, 617, табл. 27: 1 - 3; 635, табл. 45: 9; 643, табл. 53: 3, 4, 8 - 10; 657, табл. 67: 1 - 5). Подобный орнамент отмечен на бронзовой пластинчатой подвеске из захоронения № 59 первой половины VIII века могильника Мокрая Балка (Ковалевская 1996, рис. 6: 6).

Второй фрагмент начельника размером 9,4 x 5,8 см украшен сложным чеканным орнаментом в виде причудливо изогнутых линий (Рис. 42: 1). Отчетливо видна вертикальная линия, заканчивающаяся на одном конце воллютой, усложненной отростком. На втором конце вертикальная линия переходит в сложную остроконечную восьмеркоподобную фигуру, также усложненную двумя изогнутыми отростками. Орнамент выполнен оттиском поставленного под углом к пластине пуансона, из-за чего на металлической пластине остались следы в виде полукруга, образующие изогнутые линии орнамента. Стилистически узор на пластине начельника близок орнаменту, нанесенному на некоторые элементы поясного набора из Мартыновского клада второй половины VII века и Хацковского клада (Корзухина 1996, 603, табл. 13: 5, 609 19: 9, 10, 13 - 18, 612, табл. 22: 7 - 11), на пластине из Мощинского клада (Седов 1962, 81, табл. XV). Различия в технике нанесения орнамента на детали поясного набора из Мартыновки и Хацк, от начельника из Сухой Гомольши объясняется характером самих изделий. Детали пояса из Мартыновского и Хацковского кладов массивные, литые, поэтому орнамент на них нанесен врезными линиями, начельник же выполнен из тонкой бронзовой пластины, что и обусловило применение техники чеканки. В такой же технике выполнен тамгообразный знак и на пластине из Мощинского клада. В целом же сходство орнамента на этих разновременных вещах несомненно.

В «классических» салтовских древностях изделия украшенные точечным чеканным орнаментом встречаются редко и, в основном, происходят из комплексов второй половины VIII - начала IX вв. Это ложечка с пластинчатой ручкой и позолоченные наконечники пояса из Старо-Салтовского катакомбного могильника (Аксенов 1999, 141, 144, рис. 3: 21, 24, 25), двучастные туалетные коробочки, предшествующие по времени так называемым "самоварчикам" (Аксенов 1999, рис. 3: 18, 4: 33), щиток поясной пряжки из комплекса № 2 второй половины VIII века у с. Новая Покровка (Кухаренко 1951, рис. 34).

Подобные сухогомольшанскому бронзовые (иногда позолоченные) конские начельники достаточно хорошо репрезентованы в аланских памятниках Подонья (Аксенов 2005, 252 - 255, рис. 2: 1; 3: 1; 4: 1; 5: 1; Плетнева 1989, рис. 41, 42; Покровский 1905, табл. XXII: 91) и Северного Кавказа (Хайнрих 1995, 245). Встречаются конские начельники и в салтовских кремационных захоронениях Подонья (Аксенов 2005, 183, рис. 2: 1; 5: 1; Аксенов, Воловик 1999, 35, рис. 1: 4; Михеев 2004, 79, рис. 3: 18, 19). С.А. Плетнева датирует конские начельники из аланских катакомбных захоронений первой половиной IX века (Плетнева 1981, рис. 26: 15, 16а).

В двух поминальных комплексах могильника (V и XV) встречены сбруйные соединители, получившие в литературе название "кольчатых" (Рис. 19: 5; 80: 7). Они состоят из одного большого кольца (диаметр 7,7 и 8,7 см соответственно) с нанизанными на него 4-мя кольцами несколько меньшего размера (диаметр 4,4 - 6,6 см). Кольца бывают простыми гладкими, сделанными из круглого в сечении железного прутка (комплекс XV), и рельефными, витыми (комплекс V). Само приспособление и размеры колец указывают на возможность использования данного приспособления в качестве соединителя седельных ремней. Соединители такого типа довольно редки как для памятников салтовской культуры, так и для

памятников предшествующего и последующего времени. Подобный кольчатый соединитель обнаружен на салтовском могильнике у с. Пятницкое (Шрамко 1983, рис. 11: 11). Найдены они в Казазовском могильнике VIII - IX вв. (Тарабанов 1983, рис. 1: 22) и в Вознесенском комплексе (Гринченко 1950, табл. II: 12), датированном первой половиной VIII в.

Значительно чаще на могильнике встречаются отдельные железные соединительные кольца диаметром 2,5 - 5,0 см, изготовленные из круглого или квадратного в сечении железного прутка. Такие кольца обнаружены в погребениях № 92, 111, 214, 252 (2 экз.), 277, в поминальных комплексах VI, X, XII, XV, XVII, в культурном слое могильника (1 экз.) (Рис. 20: 4; 24: 43; 29: 10; 48: 4; 54: 4; 57: 3, 10; 78: 80: 2; 81: 13). В других памятках салтовской культуры отдельные железные кольца встречаются довольно часто (Бабенко 1910, 21, 29 - 30, 33 - 35). Некоторые исследователи считают их частью соединителей кольчатого типа (Крыганов 1989, рис. 107). Но вряд ли это так. Здесь мы, по-видимому, имеем дело с разными вариантами соединителей ремней, отражающих разную ремennую экипировку коней. При этом отдельные железные кольца диаметром 2,5 - 3,3 см, вероятнее всего, являются составной частью удила. В целом же подобные сбруйные кольца довольно часто находят в комплексах конского снаряжения из аланских и праболгарских могильников салтовской культуры Подонья (Аксенов 2005, 253 - 255, рис. 3: 25, 26; 4: 20; 5: 22; Аксенов, Хоружая 2005, 204, рис. 4: 6; 205, рис. 5: 5, 6, 12; Винников, Афанасьев 1991, рис. 19: 10; Плетнева 1989, 82, рис. 38).

К седлам на Сухогомольшанском могильнике имеют отношение железные оковки луки. Одна из них, прямоугольная размером 4,6 x 1,5 см, находилась в поминальном комплексе II (Рис. 11: 4). Фрагмент пластинчатой трапециевидной оковки размером 7,0 x 1,6 см был обнаружен в культурном слое могильника (Рис. 86: 8). Аналогичная оковка луки седла происходит из погребений № 221, 343, 413 Нетайловского могильника, из кремационного погребения № 254 могильника Красная Горка (Аксенов 1999, 69, рис. 14: 1; Аксенов, Хоружая 2005, 203, 204, рис. 4: 9; Михеев 2004, 79, рис. 3: 29). Аналогии нашим оковкам хорошо известны на могильниках VIII - IX вв. аланского варианта салтовской культуры (Крыганов 1999, рис. 1: 10; Плетнева 1989, рис. 43; Флеров 1984, рис. 16: 2).

Сбруйные пряжки, связанные с седлом, представлены в погребениях (№ 214, 252) и поминальных комплексах (II, III, X, XV, XVII) одним, реже двумя экземплярами (комплекс IV). Это дает основание утверждать, что население, оставившее могильник, использовало седла, в основном, с одним подбрюшным ремнем. Еще четыре подпружные пряжки обнаружены в культурном слое могильника (Рис. 87: 6). Все найденные подпружные пряжки четырехугольной формы и могут быть разделены на несколько вариантов.

Вариант 1 - трапециевидно-овальные. Представлен одной пряжкой из погребения № 214 (Рис. 48: 3). Ее размеры - 5,8 x 4,5 - 4,0 см. Вариант пряжек очень редкий для салтовских древностей. На древнерусских памятниках подобные пряжки встречаются в материалах XII - XIII вв. (Кирпичников 1973, рис. 43: 3).

Вариант 2 - трапециевидные. Составляют большинство среди найденных пряжек (12 экз.) (Рис. 11: 3; 18: 4, 5; 54: 2, 3; 57: 2; 64: 9; 78: 8; 80: 5; 81: 10). Высота пряжек колеблется от 4,0 см (комплекс X) до 6,1 см (комплекс IV). Минимальная

ширина рамки - 3,2 см (комплекс X), максимальная - 5,5 см (комплекс XV). В VII - IX вв. пряжки такой формы были характерны для всех европейских кочевников от Урала до Дуная (Кирпичников 1973, 76).

Из культурного слоя могильника происходит железная пряжка-обойма размером 3,0 x 2,5 x 1,8 см (Рис. 87: 11). Внутреннее пространство пряжки-обоймы таково, что по длине оно соответствует ширине ремней путлиц, а по ширине - двойной толщине тех же ремней. Данные пряжки входили в состав металлических частей ремней путлиц. Обнаружение подобных пряжек в спекшемся состоянии с петлями стремян делает данный вывод очевидным (Аксёнов 1999, 71). Аналогичные пряжки-обоймы, изготовленные из бронзы или железа, достаточно часто встречаются в комплексах конского снаряжения на салтовских памятниках бассейна Северского Донца: в Верхне-Салтовском (Аксёнов 2005, рис. 2: 11; 3: 19; 4: 15; Криганов 1993, 57, рис. 2: 29), Рубежанском (Аксёнов 2001, рис. 5: 44), Маяцком (Флеров 1984, рис. 15: 12) катакомбных могильниках, в грунтовом Нетайловском и биритуальном Красногорском могильниках (Аксёнов 1999, 71, рис. 14: 15, 16; Аксёнов, Хоружая 2005, рис. 5: 1).

На могильнике найдены 23 стремена (два из них в культурном слое могильника) (Рис. 82: 1, 6) и два фрагмента стремян (один фрагмент - в культурном слое могильника, второй - в погребении № 119) (Рис. 29: 40; 82: 5). Стремена были встречены как среди инвентаря погребений (№ 17, 175, 214, 252) (Рис. 10: 8; 42: 4; 48: 2; 64: 4), так и в инвентаре поминальных комплексов (II, III, IV, VI, X, XV, XVI, XVII) (Рис. 11: 7; 18: 7; 20: 6; 54: 5, 6; 56: 2; 57: 1; 73: 13; 78: 11; 79: 2; 80: 6; 81: 12). Иногда они помещались в погребения и комплексы в преднамеренно деформированном состоянии (погр. № 214, комплекс II, III, XVII, стремя из культурного слоя могильника).

Стремена представлены так называемым "салтовским" типом. Все они арковидные, относятся к одному типу и отличаются лишь в незначительных деталях конструкции. Это сложные стремена, представляющие собой плавно согнутую ромбическую в сечении арку, которая составляет одно целое с петлей - вытянутой вверх пластиной, с прямоугольной прорезью для крепления путлица. Размеры стремян колеблются в пределах 17,0 - 18,0 см (комплекс III, X, погребения № 17, 175) до 24,0 см (погребение № 252) в высоту и около 10,0 - 13,0 см в ширину. По форме петли стремена делятся на три типа: тип 1 - петля стремена имеет подпрямоугольную форму; тип 2 - петля стремена имеет прямоугольную форму и снабжена боковыми "щечками" (погр. № 214); тип 3 - пластинчатая петля имеет округлые очертания (погр. № 175). Подножка стремян представляет собой ровную пластину, слегка прогнутую внутрь. Ширина подножки колеблется от 3,0 см (комплекс II) до 4,5 см (погр. № 214, комплекс IV) - 4,7 см (комплекс VI).

Подножки стремян ленточного типа были снабжены одним (погр. № 17, 252, комплекс II, IV, VI, XVI) или тремя (стремя из культурного слоя, погр. № 119, 175, 214, комплекс II, III, X, XV, XVII) ребрами, выступающими над нижним краем. Ребра продолжают на загнутых, треугольной формы, краях подножки, которыми она соединяется с аркой. В некоторых случаях в треугольных краях подножек имеются круглые сквозные отверстия (комплекс II, III, XV, XVII, погр. № 17, 119, 175).

отдельных экземпляров стремян (погр. № 17, 214, комплекс II, XV, XVII) отверстия круглой и треугольной формы имеются и на самой подножке.

Согласно типологическим схемам А.Н. Кирпичникова, стремяна данного типа появились в VI - VII вв., а к IX веку ареал их распространения охватывал огромную территорию от Саяно-Алтая до Венгрии и Чехии (Кирпичников 1973, 49 - 50). Стремяна, аналогичные сухогомольшанским, известны в материалах Стирлитамакского (Ахмеров 1955, табл. III: 1, 2) и Больше-Тиганского (Халикова 1976, рис. 5: 19) могильников, в Хусаиновском и Бекешевских курганах на Южном Урале (Мажитов 1981, 28, рис. 5: 9, табл. I: 198), Саркела (Артамонов 1958, рис. 29: 5), Верхне-Салтовского (Аксенов 2005, рис. 2: 12, 13; 3: 23; 4: 16; 5: 20; Покровский 1905, табл. XXII: 101, 102), Нетайловского (Аксенов, Хоружая 2005, 204 - 205, рис. 4: 14; 5: 7, 10, 11), Красногорского (Аксенов 2005, 183, рис. 2: 7, 8; 185, рис. 5: 12; Михеев 2004, 79, рис. 3: 20), Новопокровского (Кухаренко 1952, табл. I: 5; II: 8), Петровского (Михеев 1974, 97 - 99, рис. 1: 2) могильников, комплекса у с. Тополи (Кухаренко 1951, рис. 32: 1 - 4), Борисовского могильника (Саханев 1914, табл. III: 19). Встречены они на древнерусских (Кирпичников 1973, табл. XIV: 11, 12), роменско-борщевских (Блифельд 1952, табл. II: 9) древностях и в памятниках речевников юга Восточной Европы (Федоров-Давыдов 1966, 11, рис. 1).

Всего лишь в двух захоронениях могильника были обнаружены укращения ремней конской сбруи. Так, в погребении № 252 все найденные бляшки от ремней конской сбруи (11 экз.) имеют круглую форму (Рис. 64: 6). 10 бляшек изготовлены из железа и снабжены тремя заклепками для крепления к мягкой основе. Диаметр бляшек составляет 2,8 - 2,9 см. Одна бляшка - бронзовая, двойная, диаметром 3,2 см, соединена четырьмя заклепками. Подобные фолары, зачастую изготовленные из бронзового листа, достаточно часто встречаются в салтовских комплексах бассейна Северского Донца (Аксенов 2005, рис. 5: 8 - 10). Железные бляшки входили в состав инвентаря кремационного захоронения № 254 могильника Красная Горка (Аксенов 1999, 67, рис. 13: 11).

К редкому для салтовских древностей типу бляшек относится круглая, слегка выпуклая (высота 0,8 см) бронзовая бляшка диаметром 3,0 см из захоронения № 143 (Рис. 33: 41). Поверхность ее украшена тисненым орнаментом в виде двойной восьмилепестковой розетки. Одна подобная бляшка была найдена в захоронении № 245/к-17 могильника Красная Горка (Аксенов, Крыганов, Михеев 1996, рис. 4: 35). Еще одна аналогичная бляшка обнаружена в культурном слое волынцевского поселения Вовки Зеньковского р-на Полтавской обл. (Щеглова 1987, 79). Бляшки, близкие по стилю и размерам к нашей, являются характерным украшением сбруйных ремней коней из захоронений раннеаварских могильников (Bona 1980, abb. 16). Известны они и в Глодоском захоронении конца VII - начала VIII вв. (Сміленко 1961, 32, рис. 29: 3; Комар 2006, рис. 37: 44).

Предметы одежды и украшения

В быту населения, оставившего Сухогомольшанский могильник, большое место занимали вещи, изготовленные из тканей, кожи и войлока. К сожалению, практически они до нас не дошли и в имеющихся материалах представлены лишь

фрагментами тканей из погребений № 29, 142, несколькими кусочками кожаных ремешков, сохранившихся случайно под накладными бляшками (погр. № 142, 152), и обрывками войлока. Немногочисленны и вещи, связанные с одеждой, но, вместе с тем, широко представлены украшения и предметы туалета.

С одеждой сухогомольшан связаны бронзовые пуговицы (16 экз.), обнаруженные в 10 погребениях (№ 40, 56, 107, 111, 128, 167, 176, 186, 304, 306). В большинстве захоронений найдено по одной пуговице и только в погребении № 58 их было две, а в захоронении № 167 - семь. По технике изготовления пуговицы делятся на отделы, а по общим контурам - на типы.

Отдел I. Штампованные (13 экз.).

Тип 1. Небольшие пуговицы шаровидной формы с проволочной петелькой (12 экз.: погр. № 40, 58, 117, 128, 167, 176, 186, 306) (Рис. 15: 35; 17: 19; 30: 23; 38: 12, 13; 47: 5). Состоят из двух полусфер, соединенных горизонтально. Диаметр пуговиц равен 1,1 - 1,2 см. Три пуговицы из захоронения № 167 орнаментированы горизонтальными врезными полосами на каждой из полусфер.

Тип 2. Пуговицы шаровидной формы, слегка сплюсненные с боков, и с пластинчатой петелькой (1 экз.: погр. № 107) (Рис. 25: 28). Пуговицы спаяны из двух полусфер, соединенных по вертикали. Диаметр пуговицы 2,1 см при толщине 1,9 см.

Отдел II. Литые (3 экз.).

Тип 1. Пуговицы шаровидной формы с плоской округлой в плане петелькой (2 экз.: погр. № 176, 304) (Рис. 38: 29; 77: 21). Диаметр пуговиц равен 0,7 см, общая высота - 1,0 - 1,1 см.

Тип 2. Пуговица пятигранно-биконическая (1 экз.: погр. № 111) (Рис. 29: 8). Ширина пуговицы 0,8 см, высота 0,9 см.

Бронзовые пуговицы рассмотренных видов встречены на всех салтовских памятниках Подонья (*Плетнева* 1981, рис. 37: 19, 20; *Плетнева* 1989, 107, рис. 56).

Костяная пуговица в виде простого стерженька с шаровидными утолщениями на концах с выемкой на середине длины была обнаружена в погребении № 29 (Рис. 15: 19). Один конец пуговицы обломан. Длина сохранившейся части - 3,8 см. Подобные пуговицы, но отлитые из бронзы (тип 4 "кормословидные" по С.А. Плетневой), встречены в катакомбах № 72, 74, 116, 125, 126 Дмитриевского могильника (*Плетнева* 1989, 107, рис. 56), в захоронении № 103/к-7 могильника Красная Горка (*Аксенов, Михеев* 2003, рис. 5: 16), в кремациях могильника Дюрсо (*Дмитриев* 2003, табл. 88: 49). Аналогичные пуговицы встречены в болгарских памятниках новинковского типа конца VII - первой половины VIII вв. Среднего Поволжья (*Багаутдинов, Богачев, Зубов* 1998, 100, рис. 19: 27, 28; *Матвеева* 1997, 167, рис. 69: 15; рис. 123: 7 - 10), в памятниках рубежа VII - VIII вв. (*Гавритухин, Обломский* 1996, 173, рис. 89: 15), в захоронении № 166 второй половины VIII - начала IX вв. Нетайловского могильника (*Аксенов* 1999, рис. 41: 18).

Возможно, в некоторых случаях роль пуговиц выполняли бронзовые бубенчики. Всего в 19 захоронениях могильника обнаружено 37 бубенчиков, еще один бубенчик происходит из культурного слоя могильника. Количество бубенчиков в одном захоронении различно. Оно колеблется от 1 до 8 (погр. № 289) экземпляров. Как и бронзовые пуговицы, бубенчики по технике изготовления делятся на отделы, а по оформлению поверхности - на типы.

Отдел I. Штампованные (10 экз. - погр. № 89, 107, 128, 185, 193, 289).

Тип 1. Бубенчики шаровидной формы составлены из двух поперечных половинок (Рис. 24: 34; 25: 27; 30: 22; 38: 49; 47: 21; 70: 30, 31, 35). На одной из них - продольная прорезь, на вершине второй - отверстие для закрепления проволоочной петельки. Диаметр бубенчиков достигает 2,5 - 2,7 см, общая высота - 2,8 - 3,0 см. Края половинок у большинства из них имеют небольшую закраину. В захоронениях находилось по одному (погр. № 107, 128, 185, 193) и по три бубенчика (погр. № 89, 289) данного типа.

Отдел II. Литые (28 экз.).

Тип 1. Бубенчики разной величины грушевидной формы с гладкой поверхностью (Рис. 9: 23, 33; 24: 26; 25: 29; 33: 17; 47: 27, 46; 69: 5; 70: 38). Найдены в количестве 16 экз. (погр. № 9, 13, 85, 107, 141, 196, 210, 265, 290). Все бубенчики этого типа слегка сплющены. Общая высота их колеблется от 1,5 см (погр. № 210) до 2,6 см (погр. № 196), а ширина - от 1,2 см (погр. № 210) до 2,3 см (погр. № 196). В шести захоронениях находилось по одному бубенчику этого типа, в двух (№ 107, 141) - по три, еще в одном (№ 210) - четыре бубенчика.

Тип 2. Бубенчики шаровидной формы с более или менее выраженными гранями по тулову. Найдены в количестве 10 экз. (погр. № 53, 81, 125, 165, 289) (Рис. 15: 44; 24: 23; 30: 10; 37: 29; 70: 32, 33). Высота бубенчиков составляет 1,9 (погр. № 165) - 2,5 (погр. № 53) см, при ширине от 1,3 см (погр. № 91) до 1,8 см (погр. № 53). В трех случаях в погребении находилось по одному бубенчику данного типа, в одном захоронении (№ 91) - два, еще в одном погребении (№ 289) их было пять.

Тип 3. Бубенчики шаровидной формы, нижняя треть тулова которых украшена продольными полосами-насечками (2 экз.: погр. № 259, культурный слой могильника) (Рис. 61: 30; 87: 4). Высота / ширина бубенчика из культурного слоя могильника равняется 2,1 / 1,8 см, из погребения № 259 - 2,4 / 2,1 см.

Бронзовые бубенчики данных типов в большом количестве встречены в погребальных памятниках салтовской культуры (Плетнева 1981, рис. 7: 18, 21; Плетнева 1989, 107, рис. 57).

Для скрепления верхней одежды сухогомольшане пользовались фибулами. Железные фибулы обнаружены в 25 захоронениях и пяти поминальных комплексах могильника. Еще шесть фибул происходят из культурного слоя некрополя и связаны с разрушенными погребениями (Рис. 83: 1 - 6). Всего на могильнике обнаружено 36 железных фибул. В погребении № 57 и комплексе XVI находилось по две фибулы, в остальных случаях - по одной. Фибулы могильника Сухая Гомольша относятся к двум типам.

Тип I представлен двухчленными фибулами. спинка которых плавно изогнута и заканчивается пружиной с нижней тетивой. Конец пятки загнут вверх, образуя завиток. Приемник низкий, пластинчатый. Длина корпуса фибул колеблется от 4,4 до 8,6 см, длина приемника составляет 1,4 - 3,4 см, при ширине - 0,6 - 1,1 см. Длина оси, к которой одним концом прикрепляется пружина иголки, достигает 1,2 - 2,6 см. Вершина спинки у большинства фибул припадает на середину дуги, реже - смещена к приемнику или к пружине. По форме, которую имеет спинка в сечении, все фибулы разделяются на отделы, по характеру спинки - на виды.

Отдел 1. Квадратные (8 экз.). Тело фибул изготовлено из металлического бруска квадратного в сечении со сторонами 0,3 - 0,8 см. При этом у 4-х фибул спинка создается одной из плоскостей бруска (вид А) (погр. № 40/комплекс V, 49, 57, 122/комплекс IX, 313) (Рис. 15: 34, 41; 17: 16; 30: 7; 77: 29). У двух фибул спинка ребристая, образована одной из граней бруска (вид Б) (погр. №57, комплекс XV) (Рис. 17: 17; 80: 4). Вид В представлен фибулой, происходящей из культурного слоя могильника (Рис. 83: 2). Она также изготовлена из квадратного в сечении бруска, однако спинка, образованная одной из граней, выпуклая.

Отдел 2. Двойные, витые (3 экз.). Фибулы (погр. № 89, 217, культурный слой могильника) изготовлены из двух брусков металла квадратных в сечении, размером 0,4 x 0,4, 0,5 x 0,5 см (Рис. 24: 31; 47: 52; 83: 4). После сварки концов брусков с одной стороны, каждый из них перекручивался вдоль продольной оси, и они снова сваривались с противоположной стороны, после чего совершалась дальнейшая обработка по формированию приемника и оформлению пружинной части.

Отдел 3. Прямоугольные (8 экз.). Такие фибулы найдены в погребениях № 9, 17/комплекс II, 303, 312, 48/комплекс III, в комплексе XVII, и две фибулы извлечены из культурного слоя могильника (Рис. 9: 17; 10: 1; 55: 3; 77: 17, 27; 81: 1; 83: 1, 3). В сечении спинка фибул имеет вид прямоугольника размером 0,8 - 1,5 x 0,2 - 0,3 см. Обе фибулы из культурного слоя могильника, фибулы из погребений № 9, 303, 312, и комплекса XVII имеют спинку, которая слегка сужается к приемнику.

Отдел 4. Треугольные (10 экз.). В этот отдел вошли фибулы, имеющие ребро по середине лицевой части спинки. В него включены и те фибулы, спинка которых в сечении приближается к треугольнику. У фибул этого отдела спинка по всей длине может иметь одинаковую ширину (погребения № 54/комплекс VI, 120, 143, комплекс XI, 270, 302) (Рис. 17: 4; 29: 41; 33: 30; 57: 6; 69: 23; 77: 14), слегка сужаться (погребения № 125, 252, 277) (Рис. 30: 16; 65: 8, 70: 7) или расширяться (погребение № 259) (Рис. 61: 28). Ширина спинки у фибул этого отдела колеблется от 1,0 см до 2,1 см.

Отдел 5. Овальные (3 экз.). Спинка фибул в разрезе имеет форму сегмента. Спинка фибул может как слегка сужаться к приемнику (погребение № 111) при ее наибольшей ширине 1,3 см (Рис. 29: 12), так и расширяться (две фибулы из культурного слоя могильника) (Рис. 83: 5, 6).

Фибулы I типа, подобные по форме и размерам изделиям могильника Сухая Гомольша, в Подонье найдены в нескольких катакомбных захоронениях Дмитриевского могильника (№ 36, 81, 116, 118, 143, 155) (*Плетнева* 1989, рис. 59), в комплексе воинов-всадников из Кочетка и Тополи на Харьковщине (*Дегтярь* 1984, рис. 1: 16; *Кухаренко* 1951, рис. 31: 1). Фрагменты подобной фибулы были обнаружены в катакомбе № 55 Верхне-Салтовского IV могильника (*Аксенов* 2001, 66, рис. 1: 26), в катакомбе № 1 Рубжанского могильника (*Аксенов* 2001, 69, рис. 4: 13). За пределами Подонья аналогичные фибулы встречены в материалах кремационных могильников Прикубанья: Дюрсо (*Дмитриев* 1979, рис. 2: 21; *Дмитриев* 1982, рис. 4: 1, 2, 4, 6 - 8), Молдавановского (*Тарабанов* 1992, рис. III: 4), Казазовского (*Тарабанов* 1999, рис. 2: 17; 3: 11), Борисовского (*Саханев* 1914, табл. V: 22 - 25). Фрагмент фибулы этого типа найден в погребении № 58 алано-

болгарского могильника около станицы Старокорсунской (Каминский 1987, рис. 8).

К типу II относятся фибулы-"кресала" с завитком на конце приемника, угловато выгнутой пластинчатой спинкой и щипковым прижимающим устройством. На могильнике фибулы этого типа (4 экз.) найдены в погребениях № 151, 296 и в одном поминальном комплексе (комплекс XVI) (Рис. 37: 9; 72: 5, 6; 77: 7). Еще одна фрагментированная фибула происходит из культурного слоя могильника (Рис. 86: 9). Комплекс XVI содержал две фибулы этого типа. Длина изделий колеблется от 13,5 до 21,0 см, высота достигает 3,0 - 6,0 см. Фибулы данного типа встречены в погребениях № 101, 103/к-7, 254 биритуального могильника Красная Горка (Ахсанов 1999, 105, рис. 42: 8, 9 11). Аналогичные сухогомольшанским фибулы II типа найдены в памятниках VIII - IX вв. Среднего Поволжья, где все они происходят из погребений по обряду труположения (Болшетархановский, Танкеевский могильники) (Генинг, Халиков 1964, табл. X: 3 - 5; Казаков 1971, табл. VIII: 7). Вторым районом, где данный вид фибул характерен для погребений с обрядом кремации, является Северо-Западный Кавказ (Дмитриев 1982, рис. 4: 10, 11).

На могильнике обнаружены две бронзовые фибулы. Обе относятся к различным группам по классификации А.К. Амброза. Одна из них длиной 8 см, найденная в разрушенном погребении (1973 г.), представляет лучковую двухчленную фибулу с относительно узкой овальной спинкой и слегка расширяющейся к концу ножкой (группа 15, серия VI, вариант 3 по А.К. Амброзу) (Амброс 1966, табл. 10: 8). На опубликованном ранее рисунке, где фибула представлена в реконструированном виде (Мухомов 1982, рис. 4: 10), тетива ошибочно изображена сверху спинки, а не под ней. Такие фибулы известны только по памятникам Кавказа (Северная Осетия) и предположительно относятся к III - IV вв. (Амброс 1966, 56 - 57). Для салтовских древностей данные фибулы-явный анахронизм.

Вторая бронзовая фибула обнаружена в погребении № 18 (Рис. 9: 44) Это шарнирная фибула с выпуклой, относительно узкой, треугольной в сечении, пологой спереди спинкой и небольшим пластинчатым приемником с завитком на его конце (группа 13 по А.К. Амброзу) (Амброс 1966, табл. 6: 6). Особенно много подобных фибул найдено на Кавказе (Амброс 1966, 45; Амброс 1979, 130, рис. 15: 5). Вместе с аланским переселенческим населением фибулы данного вида попадают к племенам салтовской культуры Северского Донца (катакомбы № 11, 92 Дмитриевского могильника) (Плетнева 1989, рис. 59).

По всей видимости, к завитку на конце приемника фибул подвешивались на цепочке различные предметы (пинцеты, бубенчики и т.п.). На это указывает присутствие железных колечек в завитках фибул из погребения № 252 и комплексов XI, XVI и обрывки железной цепочки на завитках приемника фибул из захоронений № 19, 143. Фрагменты цепочек обнаружены в 8 захоронениях с фибулами (№ 17, 54, 89, 111, 125, 259, 270, 277) (Рис. 9: 18; 17: 7; 29: 13, 30: 15; 61: 29; 69: 22; 70: 8). В 13 случаях в погребениях были найдены отдельные звенья или фрагменты цепочек (погр. № 21, 47, 117, 121, 172, 193, 219, 220, 222, 223, 263, 268, 304). Спекшаяся в комок цепочка извлечена из культурного слоя могильника. Цепочка из погребения № 268 была соединена с осью и остатками пружинного механизма бронзовой,

вероятно, шарнирной фибулы (Рис. 69: 15, 16). В большинстве своем звенья цепочек изготовлены из железной, круглой в сечении проволоки диаметром 0,1 - 0,2 см. Диаметр колечек колеблется от 0,6 до 1,2 см. В качестве звеньев цепочек могут выступать как одно, так и пара колечек (погребения № 9, 17, 121, 125, 210, 263, 304) (Рис. 9: 18; 10: 2; 30: 1, 15; 53: 3; 69: 2; 77: 20). В некоторых случаях звенья цепочек имеют восьмерковидную форму (погр. № 117, 143, 193, 222, 268, 304) (Рис. 29: 34; 33: 31, 32; 53: 19; 69: 15; 77: 19) и сделаны из железной или бронзовой проволоки. В этом случае длина звена цепочки составляет около 1,1 - 1,2 см, ширина - 0,5 см. Для изготовления используется круглая в сечении проволока диаметром около 0,2 см. Ближайшей аналогией сухогомольщанским цепочкам является цепочка из разрушенного захоронения Ново-Покровского могильника (Кухаренко 1951, рис. 33: 4). Цепочки, соединяющие фибулы, характерны для славянских захоронений второй половины V - VII вв. юга Восточной Европы (Гавритухин, Обломский 1996, рис. 59; Щеглова 1990, 175). Как элемент женского костюма цепочки встречены во многих кладах V - VIII вв. (Корзухина 1996, табл. 44: 7, 9; 53: 17 - 19; 57: 1 - 6; 69: 24 - 27; 70: 14 - 16; 75: 18; 78: 3). Цепочки, подвешенными к ним бубенчиками, амулетами и т. п. известны из северокавказских захоронений V - IX вв. (Гавритухин, Обломский 1996, рис. 82: 5; Кантемиров, Дзаттибаты 1995, табл. XIII: 4; XXV: 22; Хайнрих 1995, табл. II: 5; XIV: 1) и аланских захоронений второй половины VIII - IX вв. бассейна Северского Дона (катакомба № 67 Верхне-Салтовского IV могильника) (Аксенов 2002, табл. XX: 1 - 7; XXIII: 3 - 6).

Фрагмент бронзовой цепочки сложного плетения длиной около 13,0 см обнаружен в погребении № 111 (Рис. 29: 13). Каждое звено этой цепочки выгнуто в виде двух вертикальных петель, из-за чего создается впечатление, что она сплетена из двух "косичек". Цепочка подобного плетения, но золотая присутствовала в качестве нагрудного украшения в Глodosком захоронении (цепь № 3) (Смиланко 1965, 15, табл. II: 2). Известны аналогичные бронзовые цепочки в захоронениях джатыасарской археологической культуры восточного Прикаспия (Левина 1996, рис. 110).

В погребении № 103 была найдена пара булавок, которыми, вероятно, скалывалась верхняя одежда (Рис. 25: 20, 21). Булавки железные, представляют собой стилетовидные изделия с волнитообразным навершием. У одной из булавок пространство между отделами волноту орнаментировано тремя продольными полосами-насечками. Примыкающая к навершию часть изделий раскована и представляет плоскую пластину шириной 0,7 см и толщиной 0,3 см. Другая половина не раскована и имеет вид заостренного к концу круглого в сечении стержня. Высота булавок - 7,3 и 7,6 см, ширина булавок в районе волноту 1,7 и 2,0 см соответственно. Подобные булавки найдены в некоторых новинковских захоронениях, но они несколько длиннее сухогомольщанских (тип 2 по Г.И. Матвеевой) (Матвеева 1997, 70, рис. 120: 5, 6).

Редкой находкой для салтовских памятников Подонья является обнаруженная в погребении № 272 застежка-сюльгама (Рис. 69: 33). Она железная, откована из проволоки круглого сечения диаметром 0,35 см. Сама застежка в плане круглой формы, концы ее заострены и загнуты в виде петелек, расположенных в

плоскости с кольцом. Диаметр изделия 3,4 см. Язычок отсутствует. Подобные пряжки-скольгамы являются наиболее ярким атрибутом верхней одежды финно-угорского населения Волго-Окского междуречья. Аналогичные застёжки встречены, например, на памятниках дьяконовской культуры (Дубынин 1974, 230, табл. IX: 14).

Найдены в захоронениях могильника и элементы поясной гарнитуры в виде железных пряжек, которые обнаружены в 24 захоронениях и в двух поминальных комплексах (III, V). Еще шесть поясных пряжек происходят из культурного слоя могильника (Рис. 87: 5 - 7, 9, 10). По материалу пряжки разделяются на две группы: железные и бронзовые.

Группа железных пряжек представлена 29 экземплярами (целыми и в фрагментах). Данные железные пряжки использовались как поясные, о чем свидетельствуют их незначительные размеры.

Отдел I. Пряжки, не имеющие щитков, - рамчатые (24 экз.). Ремень крепился непосредственно к рамке. Язычок у всех пряжек пластинчатый с незначительным изгибом в средней части, в сечении он подпрямоугольный. Рамчатые пряжки делятся на четыре типа.

Тип 1. Прямоугольные (13 экз.). Обнаружены в погребениях № 9, 17, 43, 63, 117, 119, 143, 202, 252, 267 (Рис. 9: 25; 10: 3; 15: 38; 17: 30; 29: 35, 38; 33: 33; 47: 40; 64: 7; 69: 9, 10). Одна пряжка происходит из культурного слоя могильника (Рис. 87: 6). Как правило, в захоронении находилось по одной пряжке и только в погребениях № 252 и 267 их было по две. Длина пряжек данного типа колеблется от 1,8 см (погр. № 17) до 3,6 см (погр. № 267), а ширина - от 1,5 см (погр. № 17) до 2,5 см (погр. № 252).

Тип 2. Трапецевидные (9 экз.). Пряжки этого типа представлены в захоронениях № 60, 73, 111, 168, 270, 277 и в комплексе III (Рис. 17: 24; 24: 2; 29: 22; 37: 33; 69: 31; 70: 10). Две пряжки происходят из культурного слоя могильника (Рис. 87: 6). Длина пряжек данного типа колеблется от 3,0 см (погр. № 60) до 3,9 см (погр. № 111). Минимальная ширина пряжек составляет 2,0 см (погр. № 60) - 2,8 см (погр. № 111), максимальная ширина - от 2,4 см (погр. № 60) до 3,7 см (комплекс III).

Тип 3. U-образные (1 экз.). Единственная пряжка этого типа обнаружена в погребении № 176 (Рис. 38: 38). Ее длина составляла 3,0 см, ширина 2,6 см.

Тип 4. Овальные (1 экз.). Пряжка этого типа обнаружена в культурном слое могильника (Рис. 87: 9). Длина пряжки не превышала 2,5 см, ширина - 3,0 см.

Отдел II. Щитковые составные пряжки (5 экз.). Щиток представляет собой согнутую пополам железную пластину, внутрь которой вставлялся конец кожаного ремня. Соединение ремня с пряжкой осуществлялось при помощи заклепки. По форме рамки пряжки делятся на следующие типы:

Тип 1. Прямоугольные (3 экз.). Данный тип представлен пряжками из погребения № 6, комплекса V и из культурного слоя могильника (Рис. 9: 10; 19: 1; 87: 6). В двух случаях (погр. № 6 и комплекс V) щиток пряжек имеет прямоугольную форму. У пряжки из культурного слоя щиток пятиугольной формы. Общая длина пряжек - 4,2 см (погр. № 6), 5,2 см (комплекс V), 6,2 см (культурный слой могильника). Длина щитка составляет 2,7 - 3,5 см, ширина - 1,7 - 1,8 см. Щиток пряжки из погребения № 6 орнаментирован двумя вертикальными прочерченными линиями.

невидные (2 экз.). Одна пряжка найдена в культурном слое (рис. 7), вторая - в погребении № 233 (Рис. 53: 16). Общая ширина 7 см. Щиток пряжки из захоронения № 233 орнаментирован составными частями типа 1 из погребения № 6.
№ 167 найдены в комплексах могильника представлены 5 экземпляры.

Сама рамка массивная, с утолщением в передней части (Рис. 38: 23). Щиток для салтовских древностей не характерны. По-видимому, в сечении рамка круглая (максимальный диаметр 0,7 см). Пряжки из вторичным использованием данной пряжки более раннего вида и размера встречаются в памятниках Крыма. В комплексах VI - VII вв. н. э. они представлены бронзовыми пряжками с овальным щитком (отдел II, тип 6). Часто встречаются в памятниках Крыма (Ковалевская 1979, 19).
№ 273 бронзовая, литая, односоставная. Щиток с углубленным щитком пятиугольной формы (Рис. 69: 39). Украшен цветочными линиями, которые образуют растительный узор. Длина пряжки 3,7 см, ширина щитка 1,4 см. Язычок отсутствует. К ремню пряжка крепилась с помощью утолщения на внутренней стороне щитка. К этому же типу относится пряжка из погребения № 252 (Рис. 65: 1). От нее сохранился фрагмент бронзовой пластины ремня зажимался между щитком и язычком. Кончик ремня зажимался между щитком и язычком. Пряжка при направлении к краям щитка крепилась с помощью трех штифтов. Пряжка относится к достаточно хорошо представленному типу (Ковалевская 1979, 39).

Обнаружена в захоронении № 135 (Рис. 30: 40). Это ажурная пряжка с геральдической формы. Рамка отдельно и соединены с помощью шарнира. Язычок пряжки выступает за пределы рамки. Щиток украшен в сечении, имеет вид двух перекрещивающихся в основании изогнутых ветвей треугольной формы. Общая длина пряжки 4,5 см, ширина щитка 2,2 см. Размерами, пропорциями, орнаментацией рамка со щитком данная пряжка аналогична хронологического горизонта Столбище-Старокорсунская (Белик 2002, 15; Машкова, Максименко 1974, табл. 1).

Федоров-Давыдов 1984, рис. 7: 9; Иванов, Копылов, Науменко 2000, рис. 2: который датируется 700/720 - 740/760 гг. (Гверитухин 2005, 414) или 740 - Комар 1999, 132; Бєлік 2002, 18).

Еще одна бронзовая пряжка происходит из захоронения № 152 (Рис. 37: 11) литая литейная бесщитковая пряжка треугольной формы, снабженная слегка выпуклыми выступами-"рогами" по всем трем углам. Размеры пряжки 3,5 x 4,0 см. язычок отсутствует. В литературе такие пряжки получили название

Пряжки данного типа изредка встречаются при женских костяках в женских захоронениях аланского лесостепного варианта салтовской культуры (Салтовский, Старо-Салтовский и Рубежанский могильники) (Аксенов 1999, 17: 4: 38; 6: 13, 38; Аксенов 2001, рис. 2: 36; 3: 38; 6: 5, 44, 45; Покровский табл. XXI: 47; Плетнева 1967, рис. 44: 65, 66). В других катакомбных захоронениях региона: Подгоровском, Дмитриевском, Маяцком подобные "рогатые"

пряжки не найдены. В целом, в материалах Подонья "рогатые" пряжки встречаются главным образом в комплексах второй половины VIII – начала / середины IX вв. (Аксенов 1999, 17: 7: 7; Каминский 1987, 201, рис. 1: 50; 4: 50; Плетнева 1981, 151, табл. 37: 44).

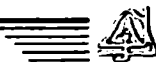
С ременной гарнитурой связаны обнаруженные на Сухогомольшанском могильнике поясные бляшки, наконечники поясов, поясные разделители.

Поясные бляшки (12 экз.) обнаружены в 9 захоронениях могильника (№ 29, 41, 143, 176, 186, 233, 252, 273), одна бляшка происходит из культурного слоя могильника. По материалу бляшки поясных ремней разделяются на железные (4 экз.) и бронзовые (8 экз.).

Все железные поясные бляшки (погр. № 233, 252, культурный слой могильника) относятся к одному типу (Рис. 53: 17; 65: 6, 7; 86: 17; 87: 2, 3). Это бляшки сердцевидной формы гладкие бляшки с подвижным колечком в нижней части. Петля под колечко образована длинным пластинчатым выступом в нижней части щитка. Образуя петлю, пластинчатый выступ загибается в сторону внутренней поверхности щитка бляшки, где и скрепляется с щитком при помощи железной заклепки. Все бляшки довольно крупные. Высота бляшек составляет 4,3 см, ширина щитка 2,1 см, диаметр подвесного кольца 2,0 см. Близкие по форме бляшки, но отлитые из бронзы и меньших размеров (вид 2, тип 1 по С.А. Плетневой) встречены на Дмитриевском могильнике (катакомба № 86) (Плетнева 1989, 78, рис. 36, 87), в катакомбе III с территории Маяцкого селища (Винников, Афанасьев 1991, рис. 10: 6, 7), в захоронениях могильника Мыдлань-Шай (Генинг 1962, табл. IV: 20).

Поясные бляшки, изготовленные из бронзы (8 экз.), типологически более разнообразны, чем железные.

Так, в захоронении № 54 была найдена литая бронзовая бляшка в виде простой прямоугольной "рамочки" (Рис. 17: 8). Размеры изделия 1,5 x 1,0 см. К литейной основе ремня данная бляшка крепилась при помощи двух штифтов длиной 0,3 см, один из которых обломан. Данный тип бляшек (вид 3, тип 1 по С.А. Плетневой; отдел 4, тип 4 по В.Б. Ковалевской) хорошо представлен в древностях салтовского времени с разных территорий Восточной Европы (Айбабин 1977, рис. 2: 14, 26; Аксенов 1999, рис. 1: 8, 6: 16; Ковалевская 2000, 148; Плетнева 1989, 78, рис. 79).

Из погребений № 29 и 273 происходят литые бронзовые бляшки с щитком сердцевидной формы и неподвижным колечком (3 экз.) (Рис. 15: 15; 69: 40). Поле щитка украшено трехлепестковой пальметкой - не раскрывшимся бутонотом лотоса. Размеры бляшек - 2,0 - 2,1 x 1,5 - 1,6 см. К ремню бляшки крепились с помощью двух штифтов длиной до 0,3 см с шайбочкой на конце. Бляшки данного типа (вид 2, тип 6 по С.А. Плетневой; отдел 29, тип 1 по В.Б. Ковалевской) широко представлены на памятниках салтовского времени (Айбабин 1977, рис. 2: 6, 7 31, 32; Аксенов 1999, рис. 1: 9; 6: 15 Генинг 1962, табл. IV: 17; Ковалевская 2000, 157, рис. XV: 61; Плетнева 1981, рис. 37: 24; Плетнева 1989, 78, рис. 36, 87).

В погребении № 186 обнаружена литая бронзовая бляшка со щитком сердцевидной формы и подвижным колечком в нижней части (Рис. 47: 6). Поле щитка украшено трехлепестковой пальметкой - не раскрывшимся бутонотом лотоса, как у двух выше описанных изделий. Подвижное колечко отсутствует. Размеры бляшки - 1,8 x 1,4 см. Подобные бляшки широко распространены в древностях салтовского времени (Айбабин 1977, рис. 2: 25, 39; Плетнева 1969, рис. 36, 87, 88; Ковалевская 2000, рис. XXI: 38).

В погребении № 141 найдена оплавленная в огне погребального костра литая бронзовая поясная бляшка (Рис. 33: 15), типологически близкая бляшкам из захоронений № 29, 186, 273. Точную типологическую принадлежность ее определить трудно из-за поврежденности нижней части. Размеры бляшки 2,1 x 19 см.

По одной однотипной бляшке было обнаружено в захоронениях № 143 и 176 (Рис. 33: 32; 38: 39) Обе бляшки литые, бронзовые, имеют щиток подпрямоугольной формы, вытянутый в вертикальной плоскости. В нижней части щитка расположена петелька с подвижным колечком. Щиток снабжен двумя штифтами для крепления на кожаную основу. Поле щитка орнаментировано стилизованным строенным лотосовидным узором. Высота бляшки из погребения № 143 равна 2,8 см, ширина 1,3 см. Бляшка из захоронения № 176 несколько больших размеров - 3,8 x 1,7 см. Данный тип бляшек не характерен для салтовских древностей. Типологически близкие бляшки были обнаружены в катакомбе № 3 Рубежанского могильника (Аксенов 2001, рис. 5: 14). По-видимому, при их изготовлении за образец брали бронзовые литые бляшки с прямоугольным / пятиугольным щитком и подвижным колечком на шарнирном соединении (Айбабин 1977, рис. 4: 2 - 6; Аксенов 1999, рис. 6: 30; Ковалевская 2000, рис. XXII: 14).

Среди инвентаря захоронения № 135 было обнаружено небольшое литое бронзовое колечко диаметром 1,1 см (Рис. 30: 38), вероятно, принадлежавшее бронзовой поясной бляшке одного из выше описанных типов.

Представленные в захоронениях бляшки от поясных наборов относятся к хронологическому горизонту II салтовского времени (по А.В. Комару) и следовательно, могут быть датированы концом VIII (после 790 г.) - началом IX вв. (Комар 1999, 132, табл. 4).

По-видимому, с ременной гарнитурой следует связывать две бронзовые рамки-обоймы прямоугольной формы, обнаруженные в погребении № 167 (Рис. 38: 24). Размеры найденных рамок-обойм следующие: длина 2,2 см, ширина 1,3 см, высота 0,5 см. Хотя данные изделия типологически близки пряжкам-обоймам от

ремней путалищ, их все же следует связывать с поясным ремнем. Просвет рамкообразной (1,6 - 1,7 см) вполне соотносится с размерами поясной пряжки из этого захоронения и, следовательно, с шириной поясного ремня.

Всего на могильнике обнаружено 6 наконечников от поясных ремней. Три из них происходят из культурного слоя могильника, три остальные найдены в захоронениях (№ 54, 233, 252). Пять из шести наконечников железные, и только наконечник поясного ремня из погребения № 54 бронзовый.

Наконечник из захоронения № 54 литой, имеет вид узкой прямоугольной пластины, нижний край которой закруглен, верхний край снабжен двумя полукруглыми выступами с отверстиями, через которые наконечник соединялся с кожаной основой пояса (Рис. 17: 9). По периметру наконечника проходит выпуклый бордюрик. Размеры изделия: длина 4,0 см, ширина 1,2 см, толщина 0,25 см.

Один из наконечников пояса, происходящих из культурного слоя могильника, имеет сходную с выше описанным наконечником форму (Рис. 84: 13). Он гладкий, лощеного типа. Изделие состоит из двух металлических пластин, припаянных к поставленной на ребро другой пластине. Размеры наконечника: длина 4,4 см, ширина 1,8 - 1,9 см, толщина 0,55 см. Подобный наконечник происходит из комплекса, найденного у с. Тополи (Кухаренко 1951, 101, рис. 31: 2).

Близок ему наконечник пояса из погребения № 233 (Рис. 53: 18), хотя, в отличие от вышеописанного, у него отсутствуют полукруглые выступы по верхнему краю, а сам он состоит из двух пластин, спаянных по краям. В верхней части наконечника, между пластинами – просвет, куда вставлялся ремень и закреплялся тремя заклепками. Наконечник имел следующие размеры: длина 5,3 см, ширина 1,8 см, толщина 0,5 см.

Остальные три наконечника (два из культурного слоя могильника и из захоронения № 252) однотипные (Рис. 65: 5; 84: 16, 17). Они представляют собой согнутую пополам прямоугольную пластину толщиной 0,2 см. Нижний край наконечника закруглен, верхний ровный. Кончик кожаного ремня зажимался между концами пластины и закреплялся двумя железными заклепками (погр. № 252). Наконечник из погребения № 252 и один наконечник из культурного слоя могильника имели близкие размеры: 5,0 x 1,4 - 1,5 см x 0,4 см. Размеры второго наконечника из культурного слоя 3,8 x 1,6 x 0,4 см.

С поясным ремнем связаны и бронзовые разделители (распределители) (2 экз.), один из которых найден в погребении № 191 (Рис. 47: 13), а фрагмент второго происходит из культурного слоя могильника (Рис. 87: 14). Бронзовый литой разделитель из захоронения № 191 представляет собой четыре невысоких (0,9 см) трубочки под кожаные ремешки, соединенные параллельно между собой перемычками. Концы разделителя оформлены шарообразными выступами. Длина разделителя 7,6 см. Фрагмент такого же разделителя из культурного слоя могильника имеет длину 3,3 см. Подобные разделители хорошо известны и широко распространены в салтовских и синхронных им степных древностях. Так, например, аналогичные разделители на три ремешка встречены в катакомбных захоронениях № 51, 57, 81 Дмитриевского могильника (Плетнева 1989, 111, рис. 56).

С поясом связана и обнаруженная в захоронении № 73 бронзовая подвеска (Рис. 24: 5). Это бронзовое цельнолитое изделие, состоящее из небольшой (0,9 x

0,9 см) прямоугольной рамочки и соединенного с ней круглого кольца (диаметр 2,3 см), по краям которого находятся два выступа в виде соединенных по три лепестка лотоса, а в нижней части кольца имеется фигурный выступ в виде нераскрывшегося бутона лотоса. Общие размеры изделия 4,6 x 3,4 см. Внешним видом и размерами данная подвеска подобна подвескам на пояс из тюркских памятников VIII - IX вв. (Могильников 1981, рис. 19: 115; 20: 59; 23: 13, 20, 21, 23) и салтовских могильников Красногорского (погр. № 77/к - 3) (Аксенов, Крайганов, Михеев 1996, рис. 4: 30), Нетайловского (погр. № 116, 124) (Пархоменко 1983, рис. 6: 5), Дмитриевского (катакомбы № 57, 107, 114) (Плетнева 1989, 111, рис. 56). В.Б. Овчинникова считает, что такая подвеска на поясном ремне служила распознавательным знаком социального статуса человека в тюркском обществе VI - IX вв. Она могла быть знаком принадлежности к воинской элите тюркского общества или служить знаком собственника большого табуна коней (Овчинникова 1990, 38).

В двух захоронениях (№ 29, 54) были найдены ворворки. Так, из ямной кремации № 54 происходит ворворка в виде полого усеченного конуса высотой 1,5 см при меньшем диаметре, равном 0,5 см, и большем - 2,6 см (Рис. 17: 5). По нижнему краю проходит ряд мелких вертикальных насечек. Аналогичные изделия представлены в памятниках предсалтовского времени: в Козиевском и Гапоновскомкладах, в погребении у с. Смородино (Корзухина 1996, табл. 46: 11 - 18; 54: 15 - 28; 60: 8 - 11; Гавритухин, Обломский 1996, рис. 33: 7 - 65).

Вторая ворворка (погр. № 29) представляет собой литую бронзовую усеченную четырехгранную пирамиду размером 1,8 x 1,8 x 0,8 см с двумя отверстиями в верхней части (Рис. 15: 17). Этот тип ворворок широко представлен в салтовских древностях (Айбабин 1977, рис. 2: 21; Плетнева 1981, рис. 37: 153; Плетнева 1989, 111, рис. 56; Савченко 1986, рис. 7: 20).

Достаточно многочисленными и разнообразными являются найденные в захоронениях могильника подвески-обереги. Подавляющее их большинство сделано из бронзы. В единичных экземплярах встречены подвески из кости и свинца. Носили подвески на кожаных шнурках или цепочках, прикрепленными к головному убору, поясу или одеяниям на шею.

Тип 1. Зооморфные подвески-обереги. Все они двуконьковые, в виде разносмотрящих конских голов, на круто изогнутых шеях (15 экз.) (погр. № 93, 107, 131, 141, 167, 185, 290) (Рис. 25: 2, 26; 30: 29; 33: 16; 38: 1, 2, 47; 70: 41). В пяти трупосожжениях подвески-амулеты найдены в двух экземплярах, в двух - по одному. Три подвески происходят из разрушенных в 1973 году кремаций (Михеев 1986, 156 - 167). Все подвески плоские (толщина 2,0 - 2,5 мм), имеют в верхней части сильно вытянутую петлю с отверстием для подшивания, в центре - трапециевидная прорезь, обведенная рельефной рамкой, в нижней части подвесок - шесть круглых отверстий для привесок-бубенчиков, расположенных в один ряд. Шеи коней и нижняя часть подвесок украшены вертикальными штрихами. Найденные подвески литые, изготовлены в жесткой двустворчатой разъемной форме с негативным изображением на одной или двух половинках. Коньковые подвески из захоронения № 141 отлиты в одной литейной форме. В погребении № 167 одна из подвесок сделана по оттиску с другой, найденной в этом же захоронении, что, очевидно, связано с утратой одной подвески из комплекта. В качестве материала для отливки

брались оловянистые бронзы и многокомпонентные сплавы на медной основе (Михеев 1986, 161, 163). Размеры подвесок 3,5 - 3,8 x 4,0 - 4,8 см.

Л.А. Голубева, исследовавшая генезис и развитие коньковых подвесок Верхнего Прикамья, выделила подвески идентичные сухогомольшанским, в один из вариантов типа I ("подвески с условно переданными конскими головками и сильно вытянутой петлей") (Голубева 1966, 87). Она же привела известные ей аналогии подвескам данного типа с памятников Прикамья и Северного Кавказа (Ахмеров 1955, 163, табл. I: 1; Голубева 1979, 44, табл. 17; Дмитриев 1979, рис. 2: 26).

В отдельной статье, посвященной данной категории находок, один из авторов этой книги выделил три района распространения подобных изделий на территории Восточной Европы в хазарское время, предложил датировку могильника и гипотезу этнической принадлежности населения, оставившего данный некрополь (Михеев 1986, 163 - 166). Археологические исследования последних лет расширили круг аналогий коньковым подвескам в отмеченных В.К. Михеевым регионах. Так, коньковые подвески были обнаружены на салтовских памятниках Подонья: в катакомбе № 15 Верхне-Салтовского могильника (Аксенов 1998, рис. 1: 28) и в ингумационном захоронении № 29 биритуального могильника Красная Горка (Аксенов 1998, рис. 2: 2). Новые находки коньковых подвесок отмечены и на памятниках второй половины VIII - начала IX вв. Северо-Западного Предкавказья (Каминская 1996, fig. 1: 1, 2, 4, 5; Дмитриев 2003, табл. 88: 42 - 44).

Тип 2. Соляные подвески-обереги (5 экз.) (отдел I, тип 5 по В.Б. Ковалевской) (Ковалевская 1995, 135, рис. 1: 10). Все подвески литые, бронзовые. Четыре из них найдены в захоронениях (№ 137, 145, 186, 289), одна подвеска происходит из культурного слоя могильника. Данные подвески-амулеты представлены несколькими видами.

Вид 1. Колесовидные подвески, состоящие из двух вписанных колец, соединенных четырьмя тяжами с ушком для подвешивания. Представлен 2 экземплярами (погр. № 186 и культурный слой могильника) (Рис. 47: 4; 85: 4). Диаметр подвесок равен 2,6 - 2,7 см, общая высота - 3,1 см. Подвески данного типа характерны для аланских захоронений VIII - IX вв. Северного Кавказа и лесостепного Подонья (Ковалевская 1995, 135; Плетнева 1981, рис. 37: 46; Плетнева 1989, 96, рис. 48).

Вид 2. Колесовидные подвески, внутреннее кольцо которых имеет форму ромба с выгнутыми сторонами, как по внешнему, так и по внутреннему контуру (2 экз. из погр. № 145, 289) (Рис. 33: 51; 70: 34). Диаметр подвесок составляет 3,1 см (погр. № 289) и 3,5 см (погр. № 145), а общая высота - 3,8 и 4,4 см соответственно. Подобные подвески представлены в аланских захоронениях VIII - IX вв. как Подонья, так и Северного Кавказа (Ковалевская 1995, 135; Плетнева 1981, рис. 37: 47).

Вид 3. Колесовидная подвеска, состоящая из двух вписанных колец, соединенных четырьмя тяжами, с тремя ушками округлых очертаний и одним ушком смягченной подквадратной формы (погр. № 137) (Рис. 33: 8). В отличие от амулетов выше описанных видов, тяжи расположены под углом по отношению к геометрическим вертикальной и горизонтальной осям подвески. Диаметр подвески 3,4 см, высота 4,6 см, ширина 3,9 см. Подобные амулеты, но с тремя полулунными выступами вместо трех округлых ушек (отдел I, тип 7 по В.Б. Ковалевской) известны

в аланских северокавказских и подонечских памятниках (Ковалевская 1995, 136, рис. 1: 15, 16; Плетнева 1989, рис. 48).

Вид 4. Колесовидная подвеска, состоящая из двух вписанных колец соединенных семью тяжами, обнаружена в культурном слое могильника (Рис. 87-19): Диаметр подвески 3,2 см. Аналогичные подвески-амулеты встречены в материалах VIII - IX вв. Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии Прикамья (отдел I, тип 9 по В.Б. Ковалевской) (Ковалевская 1995, 136, рис. 1: 19, 21). Подобные подвески, но с ушком для подвешивания, в большом количестве обнаружены на раннесредневековых памятниках в районе Кавминвод и Кабардино-Балкарии, на памятниках салтовского времени в Прикамье (Ковалевская, 1995, 136, рис. 1: 22). Встречены они и в аланских катакомбных захоронениях Подонья (Аксенов 1999, рис. 3: 28, 29; Аксенов 2001, рис. 2: 35; Плетнева 1981, рис. 37: 62).

Тип 3. Пластинчатые подвески круглой формы (3 экз.). Относятся к двум видам.

Вид 1. Круглая подвеска диаметром 5,0 см, вырезанная из бронзовой пластины вместе с ушком. Пластина на месте ушка загнута назад, образуя петлю для подвешивания (погр. № 29). Высота подвески вместе с петелькой 5,7 см. В центре подвески двенадцать тисненых полушариков, образующих ромб, внутри которого находится еще один тисненый полушарик, но несколько большего размера. По краю подвески идет широкая кайма из трех рядов тисненых мелких бусинок (Рис. 15: 26). Ближайшими аналогиями данной подвески являются подвески из низкопробной серебряной пластины Пастырского клада 1949 г. (Корзухина 1996, табл. 27: 1 - 3).

Вид 2. Круглая подвеска диаметром 4,2 см, вырезанная из бронзовой пластины вместе с ушком. Пластина на месте ушка загнута и образует прямоугольную в плане петлю для подвешивания (погр. № 29, фрагменты аналогичной подвески найдены в погр. № 141) (Рис. 15: 27; 33: 9). По всей поверхности бляшки бессистемно пробиты мелкие сквозные отверстия. Изредка они встречаются в древностях салтовского времени Подонечья и Северного Кавказа. Известны подобные подвески в памятниках новинковского типа на Средней Волге (Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998, 98, рис. 18: 19; Матвеева 1997, 74, рис. 123: 6) и в захоронениях Танкеевского могильника (Казаков 1971, табл. XVI: 17, 18).

В качестве подвески-оберега, вероятно, использовалась небольшая кость животного с просверленным отверстием, обнаруженная среди пережеванных человеческих костей в погр. № 192 (Рис. 78: 4)

В двух погребениях (№ 165, 288) были обнаружены так называемые подвески-печати. Поврежденная огнем подвеска из погребения № 165 имела крупную пластинчатую трапециевидной формы петлю для подвешивания, переходящую в гладкий щиток эллипсоидной формы (Рис. 37: 31). Высота подвески 2,1 см, размеры щитка 0,9 x 1,1 см. Вторая подвеска-печатка высотой 2,0 см из погр. № 288 имеет более сложную форму (Рис. 70: 24). На овальном в плане щитке размером 0,97 x 1,07 см – врезное изображение фантастического крылатого животного, по-видимому, крылатого пса Смаргла. Подобные подвески-печати с изображениями и без них хорошо известны по материалам салтовских памятников (Плетнева 1981, рис. 37: 117; Плетнева 1989, рис. 56).

Из погребения № 288 происходят обломки ушек от двух бронзовых подвесок, которые не сохранились (Рис. 70: 22, 23).

Своеобразными амулетами-оберегами служили обнаруженные в некоторых захоронениях такие предметы, как клык животного (погр. № 201) (Рис. 47: 37), створки раковин (погр. № 306) (Рис. 77: 24), овальная (1,4 x 2,0 см) подвеска из свинцовой пластины толщиной 0,2 см с отверстием в центре (погр. № 192) (Рис. 47: 18), две костяные каплевидные подвески высотой 2,0 см (погр. № 141) (Рис. 33: 10).

Вероятно, к поясу подвешивались и обнаруженные в погребениях могильника литые бронзовые так называемые "туалетные" коробочки, состоящие из двух половинок с петлями на противоположных концах. По-видимому, в данном случае мы имеем дело не с туалетными принадлежностями, а со своеобразными дарохранильницами. Коробочки по 1, 2 и 6 половинок обнаружены в 10 захоронениях (№ 8, 29, 90, 128, 156, 167, 176, 185, 289, 290). Всего найдено 19 половинок коробочек от 12 целых изделий. В захоронении № 167 присутствовало три целых коробочки, в остальных погребениях - по одной целой или по половинке. Изделия представлены двумя типами.

Тип 1. Коробочка состоит из двух выпуклых овальных в плане половинок с петлями на противоположных краях (11 экз.). Длина коробочек 4,1 - 6,1 см, ширина 2,1 - 2,5 см и толщина 1,1 - 1,8 см. По орнаменту поверхности они делятся на следующие подтипы.

Подтип 1. Гладкие, без орнамента (погр. № 290) (Рис. 70: 43). Представлен он одним целым изделием. На выпуклой поверхности коробочки, вдоль ее продольной оси между отверстиями проходит узкое углубление для более прочного соединения половинок шнуром.

Подтип 2. Гладкие, с выделенными в виде полусферы концами (погр. № 156, 167, 289) (Рис. 37: 15; 38: 26; 70: 25). Из погр. № 167 происходят два целых изделия. В погр. № 156, 289 коробочки представлены только одной половинкой.

Подтип 3. С двумя поперечными валиками, расположенными по центру коробочки. Остальная поверхность может быть как гладкой, так и слегка ребристой (погр. № 8, 29, 90, 128) (Рис. 9: 15; 15: 20; 24: 41; 30: 28). Данный тип представлен двумя целыми предметами (погр. № 29, 128) и двумя половинками (погр. № 8, 90).

Подтип 4. С тремя поперечными валиками и ребристой поверхностью. В погр. № 185 обнаружен целый экземпляр изделия (Рис. 38: 56).

Подтип 5. Поверхность коробочки украшена врезным орнаментом в виде ромбовидной фигуры с вогнутыми сторонами (погр. № 176) (Рис. 38: 31). В захоронении обнаружен фрагмент одной половинки изделия.

Тип 2. Коробочка состоит из двух половинок: одной выпуклой и второй плоской. В плане они имеют форму, близкую к кругу с двумя противостоящими пятиугольными петельками (погр. № 167). Обе половинки коробочки украшены геометрическим орнаментом из врезных линий в виде косой сетки (Рис. 38: 27). Тип представлен одним целым изделием.

Коробочки, идентичные сухогомольшанским, известны в материалах могильника у с. Дюрсо (Дмитриев 1979, рис. 2: 25; Дмитриев 2003, табл. 88: 36 - 38), в захоронениях Верхне-Салтовского и Дмитриевского катакомбных могильников (Аксенов 2001, 66, рис. 1: 2; Покровский 1905, табл. XXI: 50; Плетнева 1967, рис. 36;

Плетнева 1981, рис. 37: 64). Кроме того, аналогичные по назначению коробочки встречены в материалах Больше-Тарханского могильника (Генинг, Халиков 1964, табл. XV: 19).

Достаточно широко в кремациях могильника представлены комплексы украшений сухогомольшанского населения.

К украшениям головного убора относится бляшка из захоронения № 141 (Рис. 33: 14). Это бронзовая, штампованная из тонкого листа, гладкая круглая бляшка диаметром 2,1 см с двумя пробитыми по краю отверстиями.

Подобные бляшки, иногда украшенные точечным орнаментом, довольно часто встречаются в аланских катакомбных захоронениях Подонья (Плетнева 1989, рис. 58; Аксенов 1999, рис. 4: 5, 22; 5: 31, 32; 6: 36; Аксенов 2001, рис. 4: 26; 6: 13, 15; Аксенов 2003, рис. 1: 3). В салтовских древностях Подонечья аналогичные бляшки - украшения налобной повязки - лишь изредка встречаются в захоронениях представителей других этносов салтовской культуры (ингумационное погребение № 300 биритуального могильника Красная Горка). Как показали исследования памятников аланского населения Северного Кавказа, аналогичные и подобные им бляшки использовались в качестве украшения налобных повязок, являющихся отличительной особенностью аланских девочек-девушек, прошедших обряд инициации, но не достигших еще брачного возраста (Иерусалимская 1992, 7, 62). На налобную повязку в большинстве случаев пришивалось две - три бляшки. Тот факт, что в нашем случае бляшка была всего одна, по-видимому, объясняется как спецификой самого погребения, так и этнической принадлежностью погребенной.

Серьги и их фрагменты обнаружены в 16 захоронениях в количестве 26 экземпляров. В 8-ми случаях в погребении было найдено по одной серьге (№ 9, 58, 85, 132, 142, 158, 167, 274), в 7-ми - по две сережки (№ 89, 93, 99, 136, 193, 200, 290) и в одном - четыре серьги (№ 276). Все они представлены хорошо известными в салтовских древностях типами.

Тип 1. Простые калачевидные (6 экз.). Обнаружены в погребениях № 9, 167, 267 (Рис. 9: 20; 38: 3; 69: 7). Это - овальные колечки, изготовленные из круглой в сечении проволоки (диаметр 0,15 - 0,17 см) с незамкнутыми концами. Серьга из погребения № 9 - бронзовая, остальные - серебряные. Серьги этого типа встречены на всех памятниках салтовской культуры.

Тип 2. Литые бронзовые сережки с овальным кольцом, небольшим навершием-шариком и подвеской в виде пирамиды из четырех шариков различного диаметра (2 экз.). Высота сережек 2,3 см. Найдены в погребении № 193 (Рис. 47: 23).

Тип 3. Составные (сборные) золотые сережки (21 экз.). Входили в состав инвентаря погребений № 30 (2 экз.), 58 (1 экз.), 85 (1 экз.), 89 (2 экз.), 93 (2 экз.), 99 (2 экз.), 132 (1 экз.), 136 (2 экз.), 142 (1 экз.), 158 (1 экз.), 200 (2 экз.), 211 (1 экз.), 274 (1 экз.), 290 (2 экз.) (Рис. 15: 28; 17: 18; 24: 24, 30; 25: 1, 12; 30: 31; 33: 1, 19; 37: 17; 47: 36, 49; 70: 1, 36). Представлены целыми экземплярами и фрагментами (носили следы преднамеренной порчи и пребывания в огне погребального костра). Серьги в виде колечка овальной формы с небольшим навершием-шариком и полкой булавовидной подвеской, состоящей из цилиндра и шарика большого размера. Все составные детали сережек украшены зернью или ложной зернью, которая образует

более-менее сложные комбинационные узоры, чем собственно изделия из отдельных погребений различаются между собой. Высота сережек составляет 4,3 - 4,5 см. Серьги этого типа имеют весьма ограниченный круг аналогий. Подобные встречаются в погребениях Борисовского могильника (Саханев 1914, табл. V: 9), в погребении из разрушенного могильника у с. Залиман (Макаревич 1957, табл. I: 4). Однако в первом случае серьга была изготовлена из бронзы, а во втором - из серебра. Особое внимание привлекают к себе серьги из могильника Дюрсо, так как они и по форме, и по орнаменту, и по материалу, из которого изготовлены (золото) полностью идентичны серьгам из Сухогомольшанского могильника (Дмитриев 1979, рис. 2: 24). Одна золотая сережка данного типа была обнаружена в катакомбном захоронении на Верхне-Салтовском могильнике в 1920 г. (Тесленко 1927, 354, табл. рис. 2: 3). Серьги аналогичного типа, но более поздние по времени, дополненные двумя полыми бусинами на кольце, более крупные по размеру, известны в материалах средневековых памятников Прикамья (Смирнов 1957, II: 4; V: 3, 4; Халикова 1976, рис. 6: 3, 3а), где они использовались уже в качестве височных подвесок.

Из украшений груди в 24 захоронениях могильника найдены пронизы (погр. № 29, 54, 81, 85, 89, 105, 106, 107, 114, 128, 141, 142, 147, 165, 167, 176, 185, 192, 193, 211, 234, 273, 278, 295). Все они относятся к типу спиралевидных и изготовлены из тянутой бронзовой сегментовидной (16 случаев), треугольной (10 случаев) или прямоугольной (2 случая) в сечении проволоки. В одном захоронении могли находиться пронизы выполненные из проволоки всех трех указанных выше сечений (погр. № 29) (Рис. 15: 18). Диаметр пронизей составляет 0,3 - 0,5 см. Количество пронизей, происходящих из одного захоронения, колеблется от одного до 63 экземпляров (погр. № 141 - с двумя коньковыми подвесками). Спиралевидные пронизы достаточно часто встречаются как в материалах аланских (Плетнева 1989, 113), так и в материалах болгарских (Аксенов, Михеев 2003, рис. 2: 22, 33; 3: 27) захоронений Подонья.

К украшениям груди относятся разнообразные бусы, которые найдены в 71 захоронении могильника. Бусы, происходящие из захоронений могильника Сухая Гомольша, относятся к двум основным группам: 1) каменные бусы; 2) стеклянные бусы.

Каменные бусы в захоронениях могильника представлены бусами из сердолика (907 экз.). Они обнаружены в 54 захоронениях (Табл. 11). Количество сердоликовых бус, найденных в погребении, колеблется от одной (погр. № 11, 25, 29, 80, 120, 131, 148, 169, 170, 199, 202, 218, 267, 273, 282) до 146 (погр. № 142). Все сердоликовые бусы белого цвета, что свидетельствует о воздействии на них огня. Большинство из них отличает высокая техника обработки, тщательность шлифовки и лишь изредка (погр. № 13, 125) присутствуют сердоликовые бусины, обработанные небрежно.

В захоронениях бусы из сердолика представлены несколькими видами. Типология сердоликовых бус приводится по разработкам В.Б. Деопик (Ковалевской) (Деопик 1961; Деопик 1963).

Отдел 1. Круглые в поперечном сечении. Представлены они 885 экземплярами, обнаруженными в 53 захоронениях. Круглые бусы в погребениях

могильника численно преобладают над сердоликовыми бусами других отделов (968 против 21).

Тип а. Шарообразные бусы (840 экз., 52 захоронения). Диаметр бус колеблется от 0,5 - 0,6 см до 2,0 см. К этому типу нами отнесены и бусы, форма которых приближается к шаровидной. Форму данных бус при более строгом подходе можно описать как шарообразную, симметрично усеченную поперечно дважды (Жиронкина 1998, 53 - 55). Бусы этого типа широко представлены на памятниках салтовского времени Северного Кавказа, Закавказья, Крыма и Подонья (Деопик 1963, 138).

Тип б. Эллипсоидные бусы (9 экз., 6 погребений: № 3, 111, 142, 143, 167, 176) (Рис. 9: 8; 29: 14; 33: 24, 45; 38: 5, 32). Длина бус колеблется от 0,9 см (погр. № 143) до 1,8 см (погр. № 167), диаметр составляет в среднем 0,6 - 1,0 см, и только у одной бусины из погр. № 111 он равен 1,4 см.

Тип в. Цилиндрические бусы (36 экз.). Такие бусы встречены в материалах только погребения № 270. Диаметр бус колеблется от 0,6 до 1,2 см, а длина - от 0,4 до 0,7 см.

Отдел 2. Желобчатые (1 экз.).

Тип а. Эллипсоидные бусы. Единственная бусина этого типа обнаружена в захоронении № 111 (Рис. 29: 15). Ее длина 1,4 см, диаметр 1,0 см. На бусине имеется восемь желобков. Основное время бытования данных бус VI - IX вв., место распространения - Дагестан (Деопик 1963, 138).

Отдел 3. Четырехгранные (15 экз.; 8 захоронений).

Тип а. Четырнадцатигранные (9 экз.; погр. № 13, 111, 114, 143) (Рис. 9: 37; 29: 19, 29; 33: 44). Одна бусина (погр. № 13) имела форму близкую к кубу размером 0,9 x 0,9 см. Размер 5 бусин (погр. № 114, 143) - 0,9 - 1,0 x 0,7 - 0,9, при толщине 0,5 - 0,8 см. Две бусины из погр. № 111 были несколько большими по размеру. Их длина составляла 1,3 и 2,0 см, ширина 1,0 и 1,2 см, соответственно. Толщина обеих бусин составляла 0,7 см. В VIII - IX вв. находки бус данного типа локализуются в Дагестане и Чечено-Ингушетии (Деопик 1963, 139).

Тип б. Бипирамидальные (2 экз.; погр. № 50, 107) (Рис. 15: 43; 25: 33). Размеры бусины из погр. № 50 - 1,0 x 0,8 x 0,7 см, а бусины из погр. № 107 - 1,2 x 0,7 x 0,6 см.

Тип в. Параллелепипедные (4 экз.; 2 захоронения). Три бусины происходят из погр. № 1 (Рис. 9: 4). Длина бусин 0,8 см, поперечное сечение 0,5 - 0,8 см. Одна бусина найдена в погр. № 9 (Рис. 9: 28). Ее длина 1,0 см, поперечное сечение 0,6 x 0,6 см.

Отдел 4. Шестигранные (6 экз.).

Тип а. Бипирамидальные (6 экз.; 3 захоронения: № 111, 114, 300) (Рис. 29: 18, 30; 77: 11). Бусы из погребений № 111 и 114 хорошей обработки. Длина бус 1,3 - 2,0 см, поперечное сечение 0,7 - 1,2 см. Бусы из погр. № 300 усеченно-короткие. Их длина составляет 0,5 - 0,9 см, поперечное сечение 0,7 - 0,9 см. Этот тип бус в комплексах VI - VIII вв. встречен только в Дагестане (Деопик 1963, 139).

Табл. 11. Распределение сердоликовых бус по типам и погребениям

№ погребения	Сердоликовые бусы							
	Отдел 1			Отдел 2	Отдел 3			Отдел 4
	Тип а	Тип б	Тип в	Тип а	Тип а	Тип б	Тип в	Тип а
11	2						3	
12	1							
13	4	1						
19	17						1	
111	1							
113	3				1			
119	33							
23	2							
25	1							
29	1							
34	22							
50	4					1		
73	2							
80	1							
107	11					1		
111	81	2		1	2			2
112	3							
114	79				2			2
120	1							
125	11							
128	2							
131	1							
142	145	1						
143	109	2			4			
148	1							
162	55							
167	23	1						
169	1							
170	1							
176	102	2						
177	7							
185	2							
186	2							
192	2							
199	1							
202	1							
215	10							
218	1							

226	5							
234	3							
243	3							
251	4							
254	18							
264	18							
267	1							
270	23		36					
273	1							
274	2							
277	11							
282	1							
288	2							
289	2							
300								2
Итого	840	9	36	1	9	2	4	6
%	92,6	0,99	3,96	0,11	0,99	0,22	0,44	0,66

Металлические бусы представлены 2 экземплярами из погребения № 270 (Рис. 15: 25). Это бронзовые, овальные в плане (2,1 x 1,8 см) бусы, которые в сечении имеют форму собирающей оптической линзы толщиной 0,4 см. Диаметр отверстия под нитку равняется 0,3 мм. Обе бусины несут следы длительной эксплуатации. Аналогии данным металлическим бусам нам неизвестны.

Установить точное количество стеклянных бус, присутствовавших в захоронениях могильника, не представляется возможным из-за того, что зачастую они расплавились и образовали конкрецию или же спеклись в однородную силикатную массу. Поэтому мы будем говорить только о присутствии в захоронениях того или иного типа бус, но не указывать их точное количество. Стеклянные бусы присутствовали в 43 захоронениях могильника. Они разделены нами на группы в соответствии с типологией, предложенной В.Б. Деопик (Ковалевской): 1) одноцветные, 2) с металлической прокладкой; 3) глазчатые; 4) полосатые; 5) мозаичные (Деопик 1961, 215 - 231).

Группа 1. Одноцветные.

Отдел 1. Круглые.

Тип а. Шарообразные (9 погребений: № 14, 67, 142, 143, 176, 215, 222, 262, 270). Бусы имеют различный диаметр (в среднем 0,8 - 1,0 см) и цвет (синий, коричневый, светло-салатный, зеленый).

Тип б. Эллипсоидные (2 погребения: № 142, 176) (Рис. 33: 25; 38: 33). Цвет бус синий.

Тип в. Многочастные (15 погребений: № 8, 14, 18, 58, 96, 97, 104, 107, 121, 128, 142, 186, 199, 257, 303). Цвета бус - синий, зеленый, желтый. Этот тип бус очень распространен в памятниках VIII - IX вв. (Деопик 1961, 217).

Тип и. Бисер (17 захоронений: № 58, 81, 81, 85, 88, 96, 121, 145, 156, 167, 176, 178, 185, 186, 243, 273, 289). В погребениях могильника встречен бисер синего

еленого цветов. По-видимому, данный тип изделий наиболее многочисленный из глиняных бус.

Отдел 7. Плоские.

Тип г. Плитчатые (2 погребения: № 167, 303). Это так называемые делители на три нити (рис. 38: 10; 77: 15). Обе бусины насыщенно синего цвета. Особенно характерны они для комплексов VIII - IX вв. из Верхнего Салтова (*Деопик* 1961, 219).

Группа 2. Бусы с металлической прокладкой.

Присутствовали в 12 захоронениях могильника (погр. № 61, 81, 97, 107, 128, 167, 185, 186, 199, 289, 303). Бусы, представленные в данных захоронениях, имели серебристый или золотистый цвет. Они хорошо известны на памятниках салтовского времени Крыма, Предкавказья и Подонья (*Деопик* 1961, 221).

Группа 3. Глазчатые бусы.

Отдел 1. Круглые.

Тип а. Шарообразные.

Вариант а. Бусы с одноцветными глазками-крапинками. Единственная бусина происходит из захоронения № 121 (Рис. 30: 4). Она изготовлена из темно-синего непрозрачного стекла; желтые глазки расположены в шахматном порядке (подтип 2 по В.Б. Деопик (Ковалевской). Найдены только на памятниках VIII - IX вв. (*Деопик* 1961, 222).

Вариант б. Представлены в трех захоронениях: № 107, 111, 141 (Рис. 25: 37). Это крупные бусины из непрозрачного бирюзового стекла со слоистыми, не выступающими красно-желтыми глазками. В.Б. Деопик (Ковалевская) относит подобные бусы к подтипу 3, указывая, что это самый распространенный тип глазчатых бус в памятниках VI - IX вв. Северного Кавказа, но встречаются они также на памятниках Центрального Предкавказья, в Крыму и на Северском Донце (*Деопик* 1961, 222).

Группа 4. Полосатые.

Отдел 1. Круглые.

Тип а. Шарообразные. Две бусины обнаружены в погребении № 270 (Рис. 69: 25). Обе небольшого диаметра (0,95 см), украшенные продольными белыми, желтыми, коричневыми и зелеными полосами. Еще одна бусина найдена в погр. № 259. Диаметр ее 1,5 см. Желто-коричневые глазки сочетаются с сине-белыми поперечными полосами. Подобные бусы (подтип 4 по В.Б. Деопик (Ковалевской) типичны для погребений Крыма VIII - IX вв., но единичные экземпляры встречены на Северном Кавказе и в Полномском могильнике (*Деопик* 1961, 226).

Тип в. Эллипсоидные. Бусина этого типа найдена в погребении № 133: бело-бирюзовые поперечные полосы и сине-желто-коричневые глазки (Рис. 30: 36).

Тип г. Цилиндрические. Единственная бусина этого типа происходит из захоронения № 61 (Рис. 17: 27). Ее длина 1,2 см, диаметр 1,0 см. По телу бусины проходят продольные белые, синие, красные и желтые полосы.

Группа 5. Мозаичные.

Отдел 1. Круглые.

Тип в. Эллипсоидные. Тип представлен двумя бусинами из захоронений № 107 и 121 (Рис. 25: 38; 30: 5). Бусина из погр. № 107 сохранилась лучше. Она слегка

уплощена, ее длина составляет 1,4 см, поперечное сечение 0,8 - 0,9 см. Бусина из захоронения № 121 деформировалась под воздействием огня. Обе бусины имеют одинаково сложные глазки с желто-сине-коричневыми ресничками.

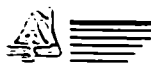
Таким образом, все бусы, обнаруженные в захоронениях Сухой Гомольши не выходят за рамки VIII - IX вв. и характерны для памятников салтовского времени Подонья и Северного Кавказа (*Девелик* 1961, 202 - 232).

Интересной находкой, связанной с нагрудными украшениями, является бронзовое звено цепи, обнаруженное в погребении № 274 (Рис. 70: 2). Длина звена равна 11,0 см, наибольшая ширина отмечена у его концов - 2,45 см, ширина звена в средней части - 1,85 см. Звено симметричное. Концы звена оформлены в виде прямоугольных рамок, верхние перекладины которых несут следы сработанности от трения с соединительными кольцами. В центре рамчатого корпуса звена расположен квадрат, разделенный на четыре части лучами-перемычками. Центральный квадрат соединен с концевыми рамками-петлями двумя прямыми (боковыми) и одной зигзагообразной (центральной) перемычками. Данное звено цепи типологически соотносится с кругом вещей с выемчатыми эмальями V - первой половины VI вв. (*Корзухина* 1978) хотя, прорези в сухогомольшанском звене эмалью не украшались. Наиболее близкими аналогиями звену цепи из погр. № 274 являются звенья цепей из Большой Салтановки, Радичева и Огубского городища, получившие название цепей "межигорского" типа (*Корзухина* 1978, 37, 39, табл. 3: 3; 11: 2; 15: 2). Как уже отмечалось, сухогомольшанское звено цепи не тождественно звеньям цепей "межигорского" типа, а является их упрощенным вариантом (*Мухомов* 1983, 214). Использование салтовцами вещей предшествующих хронологических периодов широко практиковалось (*Плетнева* 1989, 113), поэтому было высказано предположение, что средневековые жители Сухой Гомольши нашли данное звено цепи на каком-то более древнем памятнике и уже потом использовали его в качестве погребального атрибута, имеющего, вероятно, религиозно-символическое значение (*Мухомов* 1983, 214).

Достаточно многочисленны и разнообразны украшения рук, представленные в погребениях Сухой Гомольши кольцами, перстнями и браслетами.

В захоронениях могильника обнаружены четыре кольца. Все они бронзовые, но имеют индивидуальную форму. Кольцо из погр. № 167 сделано из проволоки овального сечения (0,1 x 0,2 см) (Рис. 38: 20). Концы сварены, диаметр кольца 1,5 см. Кольцо с заходящими друг за друга концами, найденное в погр. № 97, изготовлено из обломка проволочного браслета круглого сечения (Рис. 25: 10). Диаметр кольца 1,9 см. Другое кольцо (погр. № 242) сделано из фрагмента проволочного браслета овального сечения (0,43 x 0,3 см). Оно двувитковое (Рис. 61: 2). Диаметр кольца 1,7 см. Кольцо из погр. № 9 пластинчатое, с разомкнутыми концами (Рис. 9: 21). Внешняя поверхность кольца украшена орнаментом из насечек в виде "елочки". Диаметр кольца 1,7 см.

Перстни найдены в 18 захоронениях могильника (27 экз.). Зачастую в захоронении находилось по одному перстню. В четырех случаях (погр. № 29, 89, 143, 290) было обнаружено по два перстня. Еще в одном захоронении (№ 182) найдено три перстня, а в погребении № 167 - четыре. Перстни из погребений могильника представлены типами, хорошо известными по другим салтовским памятникам.

Тип 1. Литые со стеклянной или каменной вставкой, закрепленной крестообразно расположенными лапками (6 экз.: погр. № 29, 81, 162, 167) (Рис. 15: 13, 14; 24: 24; 37: 26; 38. 18, 19). В захоронениях № 29 и 167 содержалось по два перстня данного типа. Пять перстней изготовлены из бронзы, один (погр. № 167) – из серебра со вставкой из сердолика. В остальных перстнях вставки стеклянные – фиолетового или зеленого цвета. Из погребения № 142 происходит овальная стеклянная вставка светло-вишневого цвета. Аналогичные перстни С.А. Плетнева датирует второй половиной VIII - серединой IX вв. (Плетнева 1981, рис. 37: 6). Перстни данного типа встречаются в материалах раннесредневековых памятников Подонья, Поволжья, Прикамья и Северного Кавказа (Гадло 1969, 165; Генинг, Халиков 1964, табл. XIV: 14; Иванов 1952, табл. XI: 8; Покровский 1905, табл. XXI: 32; Плетнева 1967, рис. 38; Смирнов 1951, рис. 50: 13; Халикова 1976, рис. 3: 13).

Тип 2. Литые с бронзовой вставкой, закрепленной крестообразно расположенными лапками (2 экз.: погр. № 167) (Рис. 38: 16, 17). Оба перстня группные, бронзовые. На вставках обоих перстней имеются врезные изображения. На одной оно неясное (собака?), на второй изображены два симметрично расположенных оленя мордами друг к другу, между ними - мировое дерево. Перстни с металлической вставкой в жуковине являются редкой находкой. Нам известны три подобных изделия. Один бронзовый перстень (случайная находка, хранится в Харьковском историческом музее (вст. № 67205) имеет объемное изображение пальметки из трех цветов лотоса. Второй бронзовый перстень обнаружен в захоронении № 44 Верхне-Салтовского IV могильника (Аксенов 2001, 4, рис. 1: 4). На металлической вставке прорезное изображение человека с поднятыми вверх руками, а у его ног распростертое тело другого человека. Серебряный перстень со вставкой из серебра был найден в погр. № 397 Нетайловского могильника. На жуковине резное изображение крестообразно расположенных цветков лотоса на длинных стеблях (Крыжанов, Колода 2005, рис. 206: 5).

Тип 3. Литой с уступчатым переходом к прямоугольному металлическому щитку (1 экз.: погр. № 143) (Рис. 33: 39). Щиток бронзовый, массивный (1,3 x 1,0 x 0,4 см).

Тип 4. Литой с напаянным металлическим щитком овальной формы (1 экз.: погр. № 293) (Рис. 77: 2). На щитке перстня резное изображение конской головы с развевающейся гривой.

Тип 5. Литые с небольшим отлитым или расплюснутым щитком овальной или круглой формы (18 экз.: погр. № 1, 11, 54, 80, 89, 107, 122, 143, 162, 169, 177, 186, 207, 273, 290) (Рис. 9: 2, 30; 17: 6, 24; 13, 37, 38; 25: 30; 33: 40; 37: 27, 35; 38: 43; 47: 2, 43; 69: 34; 70: 39, 40). Большинство перстней бронзовые, только два перстня изготовлены из другого металла. Один перстень из погр. № 89 серебряный, второй из погр. № 207 свинцовый.

Перстни 4 и 5 типов достаточно часто встречаются на салтовских памятниках и датируются временем существования салтовской культуры (Плетнева 1981, рис. 37: 7, 143).

Браслеты в могильнике Сухая Гомольша являются наиболее частой находкой (105 экз.). Они обнаружены в 50 трупосожжениях, комплексе XI и культурном слое могильника (Рис. 83: 7 – 13). Их максимальный диаметр составляет

5,7 x 7,5 см, минимальный - 3,2 x 3,5 см. Основным материалом для изготовления браслетов были цветные сплавы на медной основе, значительно реже железо. По материалу браслеты из Сухой Гомольши разделены нами на две группы.

Группа I. Железные.

В данную группу входит 8 браслетов, происходящие из 7 захоронений, из погребения № 75 было найдено два железных браслета, в остальных погребениях (№ 107, 186, 220, 270, 277, 304) - по одному. Браслеты различаются между собой сечением прутка, из которого они изготовлены.

Тип 1. Браслеты выполнены из круглого в сечении прутка диаметром 0,35 - 0,4 см (5 экз.: погр. № 75 - 2 экз., 186, 270, 277). Диаметр браслетов составляет 4,4 - 6,2 см, концы обрублены.

Тип 2. Браслеты откованы из овального в сечении прутка (2 экз.: погр. № 220, 304). Оба браслета сломаны в древности. Ширина сечения 0,5 - 0,6 см, толщина - 0,15 - 0,25 см.

Тип 3. Браслеты изготовлены из железного прутка, который в сечении имеет форму сегмента. Фрагмент браслета такого сечения из пластины шириной 1,0 см и толщиной 0,1 см был найден в погр. № 107.

Группа II. Бронзовые (97 экз.). По поперечному сечению прута бронзовые браслеты делятся на отделы, а по форме концов - на типы. Только у 50 браслетов сохранились концы, что позволяет отнести их к тому или иному типу. В виду того, что изделия нередко специально ломались и частично деформировались пламенем погребального костра, для некоторых из них можно установить только отдел, к которому они относятся.

Отдел 1. Округло-овальные (53 экз.). К ним отнесены браслеты, поперечное сечение которых имеет одинаковый диаметр или же разница в диаметрах не превышает 0,1 - 0,15 см.

Тип 1. Оба конца браслета сужаются (10 экз.: погр. № 23, 29, 100, 176 - 2 экз., 207, 246, комплекс XI, культурный слой могильника - 2 экз.). Половина браслетов этого типа являются детскими (погр. № 29, 100, 207, 246 и 1 экз. из культурного слоя могильника). Они невелики по размерам и за исключением одного случая сделаны из тонкого бронзового прута диаметром 0,2 - 0,3 см.

Тип 2. Оба конца браслета обрублены, стержневидного типа (11 экз.: погр. № 108 - 2 экз., 114, 125 - 2 экз., 138 - 2 экз., 191 - 2 экз., 230, 1 экз. - культурный слой могильника). Концы браслетов данного типа бывают гладкими (погр. № 108, 114, 125, 230) и расточенными в виде двух кольцевых канавок (погр. № 138, 191, культурный слой могильника).

Тип 3. С равномерно расширяющимися, раструбовидными концами (18 экз.: погр. № 40, 58 - 2 экз., 75, 89, 90 - 2 экз., 121, 143, 152 - 2 экз., 158, 163, 185 - 2 экз., 242, 315, 1 экз. - культурный слой могильника). К этому типу относится и один серебряный браслет, происходящий из культурного слоя могильника. У большинства браслетов этого типа концы гладкие, и только у трех браслетов (погр. № 121, 185) концы расточены в виде двух кольцевых канавок. Концы еще двух браслетов (погр. № 152) снабжены резным орнаментом в виде трех параллельных колец.

Тип 4. С одним раструбообразным концом и другим концом, резко расширяющимся в виде шляпки гвоздя (1 экз.: погр. № 96). Данный браслет занимает промежуточное положение между браслетами типа 3 и типа 5, представляя переходную форму.

Тип 5. Оба конца браслета расширяются подобно шляпке гвоздя (12 экз.: погр. № 1, 8, 48, 111, 142 - 2 экз., 167 - 2 экз., 234, 257, 258, 270). У большинства браслетов этого типа концы браслетов гладкие, и только у браслетов из погребений № 1, 111 концы дополнительно украшены насечкой в виде "елочки".

Отдел 2. Браслеты овально-сегментированные в сечении, с хордой на одном боковых контурах изделия (12 экз.).

Тип 1. Оба конца браслета обрублены, стержневидного типа (3 экз.: погр. № 32). Концы одного браслета гладкие, без орнамента, концы двух других браслетов расточены в виде двух глубоких кольцевых канавок.

Тип 2. С равномерно расширяющимися, раструбовидными концами (7 экз.: погр. № 145, 156 - 4 экз., 274, 1 экз. - культурный слой могильника).

Тип 3. Концы браслетов расширяются подобно шляпке гвоздя (2 экз.: погр. № 95, 252). Концы браслета из погр. № 95 гладкие, на обоих концах браслета из погр. № 252 с трех сторон нанесен тисненый солярный орнамент в виде кружков с точкой в центре.

Все браслеты этого отдела являются производными от браслетов первого отдела соответствующих типов: 2, 3 и 5. Форма сечения отдела 2 образовалась от дополнительной односторонней проковки изделия после отливки.

Отдел 3. Овально-сегментированные, с хордами на боковых контурах браслета (4 экз.: погр. № 145, 158 - 2 экз., 167). Все браслеты этого отдела имеют равномерно расширяющиеся концы и следы плоскостных вмятин. Форма сечения браслетов образовалась в результате двусторонней проковки изделий после литья. Исходным был тип 3 браслетов отдела 1.

Отдел 4. Эллипсоидально-сегментированные, с хордой на внутреннем контуре изделия (2 экз.: культурный слой могильника). Один из браслетов преднамеренно разогнут в древности. Один конец этого браслета раструбовидный, второй - плавно сужался к концу.

Отдел 5. Граненые (1 экз.). Найденный в захоронении № 11 браслет, в сечении восьмигранный с равномерно расширяющимися концами.

Отдел 6. Витые (1 экз.). Браслет этого отдела обнаружен в погребении № 143.

Отдел 7. Пластинчатые, прямоугольно-вытянутые в сечении (2 экз.: погр. № 107, 290). С одного конца оба браслета обломаны в древности, а с другого сужены.

Браслеты встречаются в урновых и безурновых трупосожениях и характерны для погребений как взрослых (мужчин, женщин), так и детей, включая новорожденных. В большинстве случаев в погребениях находилось по одному браслету. В трех случаях (погр. № 75, 132, 270) в захоронениях находилось по три браслета, еще в одном (погр. № 167) их было четыре. В погр. № 90, 107, 108, 125, 141, 142, 145, 152, 158, 163, 185, 191, 252, 274 обнаружено по два браслета.

Браслеты, аналогичные сухогомольшанским, найдены на всех могильниках салтовской культуры (Каминский 1987, рис. 1: 34, рис. 4: 2; Плетнева 1989, рис. 60;

Предметы туалета

Предметы туалета в захоронениях Сухогомольшанского могильника немногочисленны и представлены всего лишь несколькими категориями: зеркалами, копоушками, туалетными ложечками, пинцетами.

В кремациях найдено всего два зеркала (погр. № 93, 107) (Рис. 25: 3, 2). Они имеют форму круглой, слегка выпуклой пластины диаметром около 10 см. Края зеркал местами уплощены с торцов, местами закруглены. Толщина пластины колеблется от 0,05 до 0,1 - 0,2 см. Орнамент отсутствует. Зеркала этого типа изготовлены из бронзовой пластины путем проковки с последующей обрезкой по краю для придания им круглой формы.

Зеркала этого типа получили наибольшее распространение на суловском этапе развития сарматской культуры. В более позднее время количество находок таких зеркал резко уменьшается (Хазанов 1963, 64). Простота формы данного предмета туалета обусловила длительное время существования его у разных народов и на огромной территории. Для салтовских древностей второй половины VIII - первой половины X вв. зеркала этого типа представляются анахронизмом. Ближайшими аналогиями нашим зеркалам является зеркало из разрушенного кремационного комплекса могильника VIII - IX вв. Казово 2 (Адыгея) (Пьянко 2004, 53, рис. 1: 1), фрагмент зеркала из погребения второй половины VII - VIII вв. Шелехметского могильника (Самарская Лука) (Матвеева 1997, 69, рис. 113) и зеркала из ингумационных и кремационных захоронений № 90, 97, 164, 311 биритуального могильника Красная Горка.

Фрагменты, вероятно, зеркал были обнаружены также в погребениях № 128, 158, 178, 247 (Рис. 30: 20; 37: 20; 38: 45; 61: 12).

Из кремаций происходит 8 экземпляров копоушек. Две из них были связаны с тремя разрушенными в 1973 году погребениями (Михеев 1982, 160, рис. 4: 16, 17). Остальные пять найдены в погребениях № 80, 143, 273, 295 и в поминальном комплексе VIII. Все они бронзовые и относятся к трем типам, которые хорошо известны по материалам салтовских памятников Подонья. В захоронении № 143 находилось две копоушки, относящиеся к двум разным типам.

Тип 1. Литые копоушки в виде стерженька с выделенной петлей на середине длины (тип 2 по С.А. Плетневой) (Плетнева 1989, 106, рис. 55). Один конец стерженька оформлен в виде маленькой лопаточки, противоположный же конец заканчивается либо шарообразным утолщением, либо уплощенным выступом в виде бутона лотоса. Копоушки этого типа обнаружены в кремациях № 80, 143, 273, 295, в комплексе VIII (Рис. 24: 14; 33: 35; 69: 36; 77: 3; 78: 9). У двух из них петельки имеют округлые очертания (погр. № 80, 143), у остальных трех - они прямоугольные (погр. № 273, 295, комплекс VIII). Длина копоушек колеблется от 3,8 см (погр. № 143) до 5,1 см (погр. № 80).

Тип 2. Цельнолитые копоушки с ручкой в виде овальной прорезной лопаточки, заканчивающейся круглой петлей для подвешивания (тип 3 по С.А. Плетневой) (Плетнева 1989, 106, рис. 55). Единственная копоушка этого типа

найдена в погр. № 143 (Рис. 33: 36). Ручка копоушки украшена прорезным симметрическим орнаментом в виде вытянутой по вертикали крестовидной фигуры. Общая высота копоушки 4,8 см, ширина ручки 1,0 см.

Тип 3. Литые копоушки с ручкой в виде головы барана с опущенными вниз глазами и ушами. В верхней части головы барана располагается петелька для подвешивания. 2 экземпляра копоушек этого типа происходят из разрушенных в 1973 году захоронений могильника (Мухомов 1982, 160, рис. 4: 16, 17). Общая высота копоушек колеблется от 2,8 см до 3,2 см, ширина ручки составляет 2,8 - 3,0 см. Подобные копоушки известны по салтовским материалам Подончья (катакомба № 311 могильника Красная Горка) (Аксенов 2002, 85, рис. 1: 19; Аксенов 2006, табл. VI: 9). Найдены они и в могильниках Северо-Западного Предкавказья (Дюрсо (Гавритухин, Пьянков 2003, табл. 78: 19; Дмитриев 2003, табл. 87: 20).

В погребениях, комплексах и культурном слое могильника были встречены пинцеты (14 экз.). Все они железные, пружинного типа. Длина их колеблется от 6,5 до 10,7 см, но встречаются и экземпляры меньших размеров. Так, один пинцет из культурного слоя могильника был длиной всего 4,0 см (Рис. 84: 12). Ширина губ пинцета составляет 1,2 - 2,6 см. Некоторые пинцеты (погр. № 11) дополнительно снабжены специальной подвижной обоймой-хомутиком рамчатого типа (Рис. 9: 31). Наличие на некоторых изделиях колечек и фрагментов металлических цепочек свидетельствует, что пинцеты носились подвешенными на поясе или прикреплялись к фибулам. По форме пинцеты могут быть разделены на несколько типов.

Тип 1. Пинцеты простой трапециевидной в плане формы (11 экз.: погр. № 11, 143, 151, 187, 233, 252, 297, 312, комплекс XVII, 2 экз. - культурный слой могильника) (Рис. 9: 31; 33: 31; 37: 5; 38: 22; 53: 21; 65: 11; 77: 9, 28; 84: 12, 15). Этот тип пинцетов хорошо представлен в памятниках салтовского времени Подонья, Крыма и Предкавказья. Подобные пинцеты найдены в погребениях № 3, 8 Волоконовского могильника (Плетнева, Николаевко 1976, рис. 8), в кремациях № 101, 254 и ингумациях 264/к-24, 288/к-30 могильника Красная Горка (Аксенов 1999, 97, рис. 42: 12, 13), в могиле № 6 некрополя Судак VI (Майко 2007, 164, рис. 107: 14), в материалах могильника Дюрсо (Дмитриев 2003, 87: 24 - 26), в катакомбе № 1 Рубжанского могильника (Аксенов 2001, рис. 4: 16). Аналогичные бронзовые пинцеты обнаружены в катакомбах № 81, 95 Дмитриевского могильника (Плетнева 1981, рис. 37: 146; Плетнева 1989, 106, рис. 55). Разновидностью пинцетов этого типа является изделие из погребения № 304 (Рис. 77: 23). Края его трапециевидных пластин дополнительно обработаны, из-за чего они имеют неровные очертания.

Тип 2. Пинцеты в виде узких прямоугольных пластин, заканчивающихся широкими лопаточками подтрапециевидной формы (2 экз.: погр. № 81, 96) (Рис. 24: 21; 25: 5). Пинцеты подобной формы встречены в захоронениях могильника Дюрсо (Дмитриев 2003, табл. 87: 21, 23) и в катакомбе № 98 Дмитриевского могильника (Плетнева 1989, рис. 55).

Пинцеты, но бронзовые, довольно часто встречаются в материалах салтовской культуры Подонья и зачастую принадлежали женщинам или девочкам. В наших же погребениях пинцеты входят в комплект вместе с предметами вооружения и конского снаряжения, что говорит о принадлежности данных предметов мужчинам.

Такая же ситуация характерна для могильника Дюрсо (Дмитриев 2003, 203). В этнографическим данным пинцеты были необходимым атрибутом мушкетерскоязычных народов и служили для удаления волос на лице (Плано Карли 1957, 42).

Туалетная ложечка в кремациях могильника представлена единственным экземпляром (№ 290) (Рис. 70: 44). Она железная, имеет стержневидную ручку, конец которой загнут и превращен в петлю для подвешивания. На противоположном конце ручки располагается слегка вогнутая лопаточка округлой формы диаметром 1,8 см. Общая длина ложечки 5,3 см. По форме и размерам она соответствует аналогичным бронзовым изделиям, найденным в аланских захоронениях Подонского катакомба № 154 Дмитриевского могильника (Плетнева 1989, рис. 55), катакомба № 16 Рубежанского могильника (Аксенов 2001, рис. 6: 37). Единственным отличием ложечки из Сухой Гомольши является отсутствие сквозных отверстий в лопаточке.

Керамическая посуда

В захоронениях могильника керамическая посуда представлена достаточно хорошо, хотя незначительная глубина захоронений не способствовала сохранности и не оберегала от разрушения. Часть сосудов дошла до нас в сильно поврежденном состоянии, другая часть в более или менее крупных фрагментах. Часть сосудов вообще не поддавалась восстановлению. Однако представление номенклатуре керамических изделий Сухогомольшанского могильника мы имеем.

Наиболее многочисленной группой сосудов в захоронениях могильника является кухонная керамика. Она представлена сосудами нескольких типов, прежде всего горшками, подправленными на гончарном круге.

Тип А. Горшки данного типа имеют яйцевидное тулово, небольшое плоское дно и слабо отогнутый наружу венчик. Наибольший диаметр приходится на верхнюю треть тулова сосуда (Рис. 88; 89: 1 – 5). Края венчика бывают как закругленными, так и плоскими, как бы срезанными. У большинства сосудов он украшен отщипками, косо поставленного зубчатого штампа или косо поставленной круглой палочкой. Единичные сосуды (погр. № 155, 286) орнаментированы пальцевыми защипами по венчику. Тесто, из которого вылеплены сосуды, пористое, с примесью шамота. Иногда, в тесте отмечается примесь песка или растительных добавок. В некоторых случаях шамот достаточно крупный по размеру и поэтому проступает на заглаженной поверхности горшков (погр. № 166, 179). Тулово сосудов орнаментировано сплошным (погр. № 39, 129, 137, 138, 150, 169, 163, 174, 186, 194, 199, 206, 210, 290, 291, 294, 295) или зональным (погр. № 66, 128, 139, 165, 286) врезным линейным орнаментом, выполненным зубчатым штампом (Рис. 88: 2 – 7, 9; 89: 2)). Тулово некоторых сосудов (погр. № 28, 132, 134, 160, 181, 188, 193, 279) украшено отдельными горизонтальными вдавленными полосами, выполненными круглой палочкой. На двух горшках (погр. № 227, 292) тулово было украшено орнаментальными поясами, состоящими из ряда горизонтальных вдавленных линий и ряда вертикальных или наклонных линий, выполненных той же круглой палочкой. В некоторых случаях (погр. № 49, 173, 175, 241, 293) секционный врезной орнамент,

полненный зубчатым штампом, сочетался с таким же наклонным секционным орнаментом (Рис. 88: 1; 89: 3, 5). Два сосуда (погр. № 155, 175) орнаментированы налепами, расположенными на шейке горшков. У горшка из погр. № 155 на шейке имеются два налеха в виде сосочков, у сосуда из погр. № 175 - S-образный налех, развернутый в горизонтальном плане (Рис. 88: 1). У части горшков этого типа тулово вообще не орнаментировано (погр. № 14, 166, 179, 180), либо оно орнаментировано бессистемно расположенными расчесами, выполненными зубчатым штампом (погр. № 82, 141, 294) (Рис. 89: 1, 4).

Тип Б. Лепные кухонные горшки, подправленные на медленно вращающемся гончарном круге с широким дном, из-за чего тулово сосудов по мере приближения к цилиндру. Наибольший диаметр сосуда приходится на нижнюю треть тулова (Рис. 89: 6 - 10). Венчик сосудов слабо отогнут наружу. Его край чаще всего плоский, как бы срезанный. Орнаментирован венчик оттисками косо поставленного зубчатого штампа (погр. № 35, 51, 58, 105, 131, 136, 146, 154, 191, 208, 285, 308) или косо поставленной палочки (погр. № 28, 128, 156, 161, 178, 228, 285). Венчик у отдельных горшков (погр. № 296, 301) орнаментирован пальцевыми расчесами. Тесто, из которого вылеплены сосуды, хорошо вымученное с примесью шамота, иногда песка или растительной примеси. В некоторых случаях шамот проступает на заглаженной поверхности сосудов (погр. № 77, 285, 296). Тулово горшков из погребений № 28, 51, 105, 128, 131, 146, 154, 182, 191, 208, 228, 301, 308 орнаментировано сплошным врезным линейным орнаментом, выполненным зубчатым штампом (Рис. 89: 6, 7, 9). Реже тулово сосудов орнаментировано зональным врезным линейным орнаментом, выполненным зубчатым штампом (погр. № 35, 178), иногда в сочетании с косо проведенными расчесами зубчатым штампом (погр. № 58, 136) (Рис. 89: 8) или же вдавленными линиями, выполненными круглой палочкой (погр. № 156). На одном сосуде (погр. № 182) горизонтальный врезной орнамент дополнен врезным волнистым по плечу горшка, выполненным тем же гребенчатым штампом. Тулово отдельных сосудов этого типа (погр. № 77, 88, 285, 286) не орнаментировано и носит следы вертикального заглаживания (Рис. 89: 10). Тулово горшка из погребения № 261 орнаментировано косыми, бессистемно расположенными расчесами, выполненными зубчатым штампом.

Тип В. Лепные кухонные сосуды, подправленные на медленно вращающемся гончарном круге с округлым, приземистым туловом, небольшим плоским дном и слабо отогнутым наружу венчиком. Наибольший диаметр приходится на середину высоты сосудов (Рис. 90). Край венчика у четырех сосудов закругленный, не орнаментированный (погр. № 80, 103, 108, 185) (Рис. 90: 1, 2, 5, 6). У двух (погр. № 61, 296) - плоский, как бы срезанный, украшенный оттиском косо поставленного зубчатого штампа (погр. № 296) (Рис. 90: 3) или пальцевыми вдавлениями (погр. № 61) (Рис. 90: 4). Тулово у четырех сосудов (погр. № 61, 80, 103, 185) имеет следы заглаживания бугристой поверхности из-за наличия в тесте примеси мелко и крупного шамота (Рис. 90: 1, 2, 4 - 6). Тулово сосуда из погр. № 296 покрыто сплошным горизонтальным врезным орнаментом, выполненным зубчатым штампом, с пересекающими его слегка наклонными врезными линиями, выполненными при помощи того же зубчатого штампа (Рис. 90: 3). Верхняя часть сосуда из погр. № 108 орнаментирована одним горизонтальным каннелюром.

Тип Г. Лепные кухонные сосуды, подправленные на медленно вращающемся гончарном круге с округлым, слегка вытянутым туловом, небольшим плоским дном и слабо отогнутым наружу венчиком. Наибольший диаметр приходится на середину высоты сосудов. Данный тип представлен двумя горшками из погр. № 29 и 223 (Рис. 91: 1, 2). В тесте, из которого изготовлены оба сосуда, присутствует мелкий шамот. Край венчика горшков плоский, орнаментирован оттиском косо поставленного зубчатого штампа. Горлышко, плечики и тулово горшка из погр. № 223 орнаментированы сплошным горизонтальным врезным орнаментом, выполненным зубчатым штампом (Рис. 91: 2), тогда как у сосуда из погр. № 29 тулово покрыто сетчатым орнаментом, образованным вертикальными и горизонтальными вдавленными линиями, выполненными круглой палочкой (Рис. 91: 1).

Тип Д. Лепные кухонные горшки, подправленные на медленно вращающемся гончарном круге, со слабо отогнутым наружу венчиком, округлым или яйцевидным туловом, переходящим в невысокую, подцилиндрическую придонную часть. Наибольший диаметр приходится на верхнюю треть тулова сосуда. Дно горшков небольшое, плоское (Рис. 91: 3 - 7). Форму сосуда условно можно назвать "тюльпановидной". Сосуды изготовлены из теста с примесью мелкого шамота, поверхность их тщательно заглажена. У сосуда из погр. № 70 поверхность бугристая из-за проступающих кусочков шамота (Рис. 91: 3). Край венчика у трех горшков (погр. № 51, 70, 235) закругленные, у сосудов из погр. № 104, 167 - плоские, как бы срезанные. Край венчика у последних двух сосудов украшен оттисками косо поставленного зубчатого штампа (погр. № 104) или косо поставленной круглой палочки (погр. № 167). Тулова этих же сосудов украшены врезным линейным горизонтальным (погр. № 104) или горизонтальным + наклонным (погр. № 167) орнаментом, выполненным зубчатым штампом (Рис. 91: 6, 7). По тулову горшка из погр. № 70 проходит ряд вертикальных вдавленных линий, выполненных палочкой (Рис. 91: 3).

Все представленные на могильнике типы кухонных горшков имеют самые широкие аналогии в салтовских памятниках Подонья (*Плетнева* 1967, 103 - 108, 110 - 113, рис. 25: 1, 7, 8; 26: 2, 4 - 6; *Красильников* 1999, 171 - 175, рис. 2, 4: 1; 6 - 8; *Krasil'nikov* 1990, taf. 1: 1; 2 - 6; *Parchomenko* 1990, taf. 1 - 6).

Лепные кухонные горшки, выполнявшие роль урн или сосудов-приставок, типологически могут быть соотнесены с ранее выделенными типами кухонных горшков, подправленных на медленно вращающемся гончарном круге. Все они небольшого размера, грубой выделки, поверхность их бугристая из-за присутствия в тесте примесей мелкого и крупного шамота. В тесте горшка из погр. № 102, помимо шамота, присутствовала примесь толченой ракушки и растительных веществ. Часть лепных горшков при изъятии развалились на мелкие фрагменты так, что сами сосуды не удалось реставрировать.

Горшки из погребений № 20, 67, 84, 111 имеют яйцевидное тулово, небольшое плоское дно и невысокий, слабо отогнутый наружу венчик. Наибольший диаметр приходится на верхнюю треть тулова сосуда (Рис. 92: 4, 5, 8, 10). Край венчика закругленный, в двух случаях (погр. № 20, 67) он украшен ногтевыми вдавлениями. У горшка из погребения № 67 отмечается небольшая закраина у дна (Рис. 92: 5). Данные горшки по форме соотносятся с горшками типа А.

Сосуды из захоронений № 26, 289 имеют широкое дно, которое по размеру лишь незначительно отличается от наибольшего диаметра тулова горшка, из-за чего само тулово сосудов по форме приближается к цилиндру. Наибольший диаметр приходится на верхнюю треть тулова горшка (Рис. 92: 3, 9). Венчик сосудов невысокий, слабо отогнутый наружу. Край венчика закруглен. У сосуда из погр. № 289 он преобразован в слив (Рис. 92: 3). В тесте обоих сосудов отмечена примесь шамота и песка. Эти сосуды типологически подобны горшкам, подправленным на гончарном круге, типа Б.

Сосудам типа В, подправленным на гончарном круге, подобны лепные сосуды из захоронений № 304, 307 (Рис. 92: 2, 7). Как и сосуды типа В, данные горшочки имеют округлое, приземистое тулово, относительно широкое плоское дно и слабо отогнутый наружу невысокий венчик. Наибольший диаметр приходится на середину высоты сосудов. Край венчиков закруглен и у сосуда из погребения № 304 орнаментирован оттиском косо поставленной круглой палочки. Оба сосуда имеют по дну небольшую закраину. Тулово одного сосуда (погр. № 304) орнаментировано бессистемно расположенными расчесами гребенчатого штампа (Рис. 92: 7).

Аналогии данным лепным сосудам встречены в основном в материалах салтовских памятников степного Подонцовья (*Плетнева* 1967, рис. 25: 3; *Красильников* 2001, рис. 7: 8, 10: 4; *Швецов, Санжаров, Прынь* 2001, табл. II: 1; III: 9; IV: 13).

Форма лепного горшочка из погр. № 259 не имеет себе аналогов в салтовской керамике (Рис. 92: 1). Данный сосудик имеет невысокий, почти вертикальный венчик, тулово биконической формы, широкое плоское дно с закраиной. Наибольший диаметр приходится на середину высоты горшка. Типологически горшочек сопоставим с сосудами пеньковской культуры (*Приходнюк* 1998, рис. 19: 5; 24: 9).

То же можно отметить и в отношении горшка-урны из погребения № 102 (Рис. 92: 6). Это лепной сосуд вытянутых пропорций, с округлобким туловом, широким дном и невысоким слегка отогнутым наружу венчиком. Край венчика несколько заострен, неорнаментирован. Тесто, из которого изготовлен данный сосуд, рыхлое с примесью крупного шамота, толченой ракушки и растительных веществ. Поверхность сосуда бугристая со следами заглаживания по мокрой глине пучком травы. Типологически близкие сосуды встречаются на памятниках пеньковской культуры Днепровского лесостепного Левобережья (*Приходнюк* 1998, рис. 32: 5; 37: 2).

В двух захоронениях (№ 136, 192) в качестве урн были использованы небольшие (высотой 35,6 и 35,9 см) двуручные пифосы (Рис. 91: 8, 9). Они имеют яйцевидное тулово, дно и горло небольшого диаметра. Диаметр венчика 18,8 и 20,3 см. Диаметр дна - 16,0 и 12,6 см. В наиболее широкой части сосуда прикреплены две довольно массивные петельчатые ручки. У пифоса из погр. № 136 венчик слегка отогнут наружу, его край закруглен. Венчик второго пифоса невысокий, прямой, уплощенный и горизонтальный, шириной 0,15 см. Сосуд из погр. № 136 орнаментирован в месте наибольшего расширения двумя горизонтальными каннелюрами. Второй пифос по плечикам украшен лощеным сетчатым орнаментом, ниже которого, в наиболее широкой части сосуда, проведен один горизонтальный

каннелюр. Нижняя часть сосуда украшена частыми вертикальными пролощенными линиями. Тесто, из которого изготовлены оба пифоса, хорошо отмучено, с примесью мелкой дресвы, песка (погр. № 192) и органических останков (погр. № 136). По своей форме, пропорциям, орнаментации и составу теста данные сосуды ничем не отличаются от двуручных пифосов из других памятников салтовской культуры: Верхнего и Старого Салтова, Маяков, Саркела (*Parchomenko* 1990, taf.10: 1-3, 5; *Flerov* 1990, taf. 12). Целые сосуды и фрагменты таких двуручных сотовых сосудов неоднократно встречались в засыпке дромоса катакомбных захоронений Верхнего Салтовского IV могильника (№ 37, 39, 53, 54, 58).

В качестве крышки урны в захоронении № 290 была использована верхняя часть еще одного аналогичного пифоса. Единственным его отличием был высокий (около 5 см) вертикальный венчик диаметром 20,0 см. Край венчика ровный, косо срезанный. Сам венчик орнаментирован частыми вертикальными пролощенными линиями. Тесто хорошо отмучено с примесью мелкого шамота. Сосуды с подобным венчиком характерны, в основном, для памятников волынцевской культуры (*Березовець* 1952, табл.1: 4; *Ляпушкин* 1959, рис. 1 - 3; *Сухобоков* 1975, рис. 24: 1, 2; 25; 26: 4 - 6). Как отмечает С.А. Плетнева, данная форма сосудов хотя и является типично славянской, однако техника изготовления, тесто, способ и мотивы орнаментации, обжиг - салтовские (*Плетнева* 1967, 121). Изредка сосуды подобной формы, но без боковых петлевидных ручек, встречаются в погребальных памятниках салтовской культуры. Так, сосуды волынцевских форм были представлены единичными экземплярами в катакомбах и тризнах Дмитриевского могильника (*Плетнева* 1967, рис. 31: 3, 4; *Плетнева* 1989, рис. 76), в кремационном захоронении № 299 биритуального могильника Красная Горка (*Мухеев* 1994). В незначительном количестве сосуды славянского (волынцевского) типа встречаются на салтовских памятниках славяно-хазарского пограничья (Жовтневое) (*Parchomenko* 1990, taf. 10: 9 - 11), городище Коробовы Хутора.

Столовая посуда представлена в захоронениях могильника кружками, кувшинчиком и кубышкой.

Кубышка из захоронения № 206 имеет шаровидное тулово, небольшое плоское дно и плавно отогнутый наружу, скругленный венчик (Рис. 93: 2). Высота сосуда 9,9 см, диаметр венчика 7,6 см, диаметр дна 7,8 см. Наиболее широкая часть сосуда приходится почти на середину высоты кубышки (5,0 см). Именно в этом месте кубышка украшена одним горизонтальным каннелюром. Плечики сосуда орнаментированы оттисками косо поставленного зубчатого штампа. Форма и пропорция данного сосуда соответствуют кубышкам с других салтовских памятников Подонечья (*Плетнева* 1967, 118).

Относительно целый кувшинчик происходит из погребения № 259 (Рис. 93: 1). Высота кувшина 17,2 см. Он имеет шаровидное тулово диаметром 11,6 см и слегка расширяющееся кверху, довольно высокое горло, составляющее чуть меньше половины высоты всего сосуда. Венчик изогнут в слив, вытянутый в небольшой носик. Ручка петельчатая, прикреплена к плечу и горлу. По плечикам кувшин орнаментирован четырьмя горизонтальными каннелюрами. Тесто сосуда хорошо отмучено, с примесью мелкого песка. Данный сосуд соответствует салтовским кувшинам второго вида (*Плетнева* 1967, 115, рис. 28: 6). В одном

погребении (№ 267) был встречен крупный фрагмент кувшина с шаровидным туловом, изготовленного из хорошо отмученного теста с примесью мелкого песка. Облик качественный, поверхность сосуда светло-коричневого цвета, не орнаментированная. В состав комплекса XIV входил небольшой салтовский ушницник (высотой 18,0 см) с шаровидным, несколько приплюснутым туловом и невысоким расширяющимся кверху горлом, венчик имеет слив (Рис. 56: 5).

Более многочисленны в захоронениях могильника кружки, представленные целыми экземплярами, так и фрагментами. Все они снабжены петельчатой ручкой, прикрепленной одним концом к средней части тулова, другим - к верхней или средней части горла. Выделяется несколько видов кружек.

К первому виду относится кружка с шаровидным, слегка приплюснутым туловом и высоким раструбовидным горлом (погр. № 117) (Рис. 93: 4). Высота сосуда 12,7 см, диаметр венчика 8,2 см, наибольшая ширина тулова 9,9 см, диаметр дна 7,2 см. Тесто хорошо отмучено с примесью песка.

Ко второму виду относятся кружки с приземистым, более или менее раздутым туловом и относительно невысоким раструбовидным или цилиндрическим горлом. Наибольший диаметр тулова приходится на середину (погр. № 111) или 1/3 его высоты. Дно у кружек широкое, лишь немного уступающее по размеру максимальному диаметру тулова. Сосуды этого вида встречены в погр. № 108, 111, 117, 119, 267 и в культурном слое могильника (Рис. 93: 3, 5 - 7). Некоторые кувшины этого вида орнаментированы горизонтальными каннелюрами в нижней части тулова (погр. № 117, 119, культурный слой могильника) и в месте перехода тулова в горло (погр. № 108, 117, культурный слой могильника). Тесто хорошо отмучено с примесью песка, иногда мелкого шамота (погр. № 111)

К третьему виду относится кружка из захоронения № 126 (Рис. 93: 8). Она имеет сильно сплюснутое, приземистое тулово и невысокий, слегка отогнутый наружу венчик. Высота сосуда не превышает 6,8 см, максимальный диаметр дулова равен 15,2 см, диаметр венчика - 11,2 см, диаметр дна - 12,6 см. В тесте примесь мелкого песка.

Кружки всех трех видов достаточно часто встречаются в погребальных памятниках салтовской культуры Подонья (Плетнева 1967, 116, 118).

Интерес вызывает кружечка из погребения № 67 (Рис. 93: 9). Она имеет биконическое тулово, небольшое дно и плавно отогнутый наружу закругленный венчик. Кружечка снабжена ручкой ленточного типа. Один ее край прикреплен в месте максимального диаметра тулова, другой - чуть ниже края венчика. По плечикам сосуд украшен горизонтальными каннелюрами. Высота сосуда 11,0 см, максимальный диаметр тулова 10,8 см, диаметр венчика 8,8 см, диаметр дна 5,4 см. Тесто хорошо отмучено с примесью большого количества песка. Цвет сосуда темно-серый, поверхность несколько шероховатая. Пропорциями и формой данная кружечка подобна кружкам, встречающимся на поселениях Юго-Западного Крыма в слоях VIII - IX вв. (Якобсон 1979, 62). Найдены подобные сосуды в захоронениях Красногорского биритуального могильника и в погребениях могильника Червоная Гусаровка в верхнем Подончье (Аксенов, Михеев 1998, 347, рис. 1: 5, 6; 2: 4). Отличает их от сухогомольшанской кружечки только невысокий прямой

вертикальный венчик. В целом же можно предположить, что данный сосуд является местным подражанием аналогичным крымским изделиям.

Необходимо отметить, что на дне трех сосудов из захоронений могильника были обнаружены гончарные клейма. Так, крышка урны кремационного захоронения № 185 имела клеймо в виде простого равноконечного креста. На дне урны из погр. № 210 фиксируется клеймо в виде косоугольного равноконечного креста, ограниченного с двух сторон прямыми линиями. Дно кружки из культурного слоя могильника отмечено клеймом в виде двузубца с перекладиной в нижней части (Рис. 93: 5). Клейма аналогичные сухогомольшанским достаточно часто встречаются на керамике с салтовских памятников Подонья (Ахсенова 2001 - 2002, рис. 1 - 8).

Тарная керамика в захоронениях могильника представлена амфорами причерноморского типа (погр. № 55, 182) и их фрагментами, иногда достаточно крупными (погр. № 70, 208) (Рис. 93: 10 - 12). К сожалению, у амфор из захоронений № 55 и 182 в древности преднамеренно была отбита верхняя часть, что несколько затрудняет их типологизацию. Амфора из погр. № 55 характеризуется яйцевидной формы туловом со слабо выраженной желобчатостью и округлым дном (Рис. 93: 10). Тулово сохранилось до перехода его в горло. Высота тулова составляет 35,0 см, диаметр корпуса - 27,0 см, толщина стенок - 0,8 см. Вторая амфора (захоронение № 182) имеет вытянутый яйцевидной формы корпус со слабо выраженной желобчатостью и с едва заметным "перехватом" у дна (Рис. 93: 12). Тулово сохранилось до перехода его в горло. Высота сохранившейся части амфоры равна 40,2 см, диаметр корпуса - 25,0 см, толщина стенок - 0,8 см. Цвет поверхности у обеих амфор светло-красный, в тесте примесь мелкой дресвы. Из погребения № 70 происходит верхняя часть аналогичной амфоры (горло с одной ручкой) (Рис. 93: 11). Горло амфоры узкое, длиной около 7,0 см, покрытое ровным и глубоким рифлением. Венчик в виде полукруглого валика. Диаметр венчика 7,6 см. В 2,0 см ниже венчика прикреплены массивные ручки с ребром на лицевой стороне. Поверхность амфоры покрыта светло-желтым ангобом, в тесте примесь мелкой дресвы. Фрагменты аналогичной амфоры (горла с ручкой, стенок и округлого дна) были обнаружены возле захоронения № 208. Наибольшие размеры найденных амфор, оформление их корпуса и горла, расположение и форма ручек, состав теста позволяют отнести найденную тарную керамику к типу I амфор по классификации И.А. Баранова или типу II, подтипу 1 по классификации В.В. Майко (Баранов 1990, 26 - 27, рис. 9: 2, 3; Майко 2004, 184 - 185, рис. 101 - 103). Датируются аналогичные амфоры по материалам Крыма и салтовским памятникам Подонья VIII - IX вв. (Айбабин 1999, 192; Якобсон 1951, 331 - 332).

Интересен факт присутствия на амфоре из погр. № 182 процарапанной по обожженной глине надписи из пяти знаков (Рис. 93: 13). Не будучи специалистами по руническому надписям, позволим себе все же сделать несколько замечаний относительно данной надписи. Начертание знаков позволяет предположить, что надпись следует читать со стороны не сохранившегося горла амфоры. В этом случае последний, первый справа знак соответствует знаку № 9 кубанского и донского рунического алфавитов. Второй справа знак легко отождествляется со знаком № 7 донского алфавита. Следующий за ним знак соответствует знаку № 3 все того же донского алфавита. Четвертый справа знак совпадает со знаком № 40 кубанского алфавита. Начертание последнего знака не позволяет его безоговорочно отождествить с тем или иным

определенным знаком донского или кубанского алфавитов. Предположительно его можно сопоставить со знаком № 37 кубанского рунического алфавита. Таким образом, надпись, процарапанная на амфоре из захоронения № 182, относится к комплексу надписей, выполненных доно-кубанским руническим письмом (Кызласов 1994, 32, табл. X).

Распространение выделенных типов керамических сосудов по территориальным группам Сухогомольшанского могильника представлено в таблице 12.

Табл. 12. Распределение типов сосудов по территориальным группам могильника

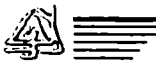
Группы	Тип А	Тип Б	Тип В	Тип Г	Тип Д
I	163, 166, 169, 173, 179, 180, 194, 199, 206, 210, 241, 274, 279, 281, 284, 286, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295,	178, 258, 261, 285, 296, 301	296	-	169, 249
II	111, 140, 126	308	-	-	235
III	28, 39, 49	28, 35, 51	-	29	51
IV	227	58, 228	-	223	-
V	128, 129, 130, 132, 134, 135, 137, 141, 150, 155, 160, 165, 174, 175, 181, 185, 186, 188, 193, 225	105, 128, 131, 146, 154, 156, 161, 182, 191,	185	-	104
VI	66, 76, 79, 82, 90, 138, 139	77, 88, 95, 208	61, 80, 103, 108	-	70

Группы	Лепные кухонные горшки	Пифос	Кувшин	Кубышка	Кружка	Амфора
I	259, 261, 265, 289, 302, 304	290	259, 267	206	-	-
II	20, 111, 117, 307	-	-	-	19, 111, 117, 126	-
III	26	-	-	-	119	-
IV	-	-	XIV	-	-	55
V	102	136, 192	-	-	-	182
VI	67, 84	-	-	-	67, 87	70, 208

Таким образом, из таблицы видно, что кухонные сосуды типов А и Б представлены во всех территориальных группах могильника, а количество сосудов напрямую зависит от числа захоронений, входящих в ту или иную территориальную группу. Данный факт объясняется тем, что кухонные горшки, изготовленные на медленно вращающемся гончарном круге, являются наиболее массовой категорией салтовской кухонной посуды. Соответственно кухонные горшки менее распространенных форм (типы В, Г и Д) представлены меньшим количеством и только в некоторых территориальных группах Сухогомольшанского могильника. Что же касается такой категории сосудов как пифосы, кувшины, кубышки, кружки и амфоры, то их малочисленность в захоронениях объяснима, по-видимому, их большей ценностью по сравнению с простыми кухонными горшками. К тому же кружки, кубышки и кувшины, вероятно, несли в погребальном обряде совершенно иную идеологическую нагрузку, выступая зачастую не как вместилище кремированных останков покойника, а как сосуд-приставка.

Лепные кухонные горшки кочевнического облика присутствуют во всех территориальных группах, за исключением IV, которую В.К. Михеев определил как "воинскую". При этом лепные горшки только в редких случаях являлись вместилищем пережженных человеческих останков (погр. № 26, 67, 84, 102) в III, V и VI территориальных группах. В большинстве же своем они служили сосудами-приставками. Так, во всех шести захоронениях первой территориальной группы могильника, содержавших 2 (погр. № 261, 265, 289, 302, 304) и 3 (погр. № 259) сосуда, лепные горшки кочевнического типа выполняли роль приставок. К тому же в захоронении № 259 два из трех сосудов, а в погребении № 304 - оба сосуда-приставки были лепными кочевнического типа. В двух (погр. № 111, 117) из трех захоронениях II территориальной группы роль сосудов-приставок играли горшки кочевнического типа. Однако в захоронениях могильника могли находиться и только сосуды салтовского типа. Так, погребения № 28, 51 (III территориальная группа), 138, 139 (VI территориальная группа) содержали по два салтовских кухонных горшка. В погр. № 67 урной выступал горшок кочевнического типа, а в качестве приставки был использован салтовский кухонный горшок.

ХРОНОЛОГИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ

Одной из важнейших задач внутреннего анализа могильника является выяснение динамики его функционирования. Для решения этого вопроса разработана хронологическая шкала памятника. Из признаков погребального обряда отобраны те, которые имеют достаточную информативность и могут быть использованы для операций статистического анализа. Количественные данные о признаках для каждой из локальных групп могильника, между которыми ведется сравнение, были введены в матрицы в виде таблиц распределения признаков погребального обряда. По процентному содержанию признаков определялось абсолютное сходство по признакам и абсолютное сходство по их совокупности (Генинг, Бунятян, Пустовалов, Рычков 1990, 71 - 84). Полученные данные корректировались хронологическим анализом археологического материала.

Таблица 13 иллюстрирует общие сведения о погребальном обряде могильника по ряду признаков.

Табл. 13 Характеристика погребального обряда по признакам

Группы	Всего	признаки										
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
I	106	60 56,6%	29 27,3%	17 16,0%	15 34,9%	17 38,5%	10 23,2%	1 2,3%	61 57,5%	45 42,5%	15 25%	45 75%
II	56	52 92,8%	1 1,8%	3 5,3%	10 34,5%	11 37,9%	7 24,1%	1 3,4%	22 39,3%	34 60,7%	18 34,6%	34 65,4%
III	35	25 71,4%	8 22,8%	2 5,7%	0	5 50%	0	5 50%	23 65,7%	12 34,3%	13 52%	12 48%
IV	14	9 64,2%	4 28,6%	1 7,1%	1 16,6%	3 50%	2 33,3%	0	8 57,1%	6 42,9%	3 33,3%	6 66,7%
V	66	24 36,3%	28 42,4%	14 21,2%	7 33,3%	9 42,8%	5 23,8%	0	46 69,7%	20 30,3%	4 16,7%	20 83,3%
VI	40	9 22,5%	12 30%	19 47,5%	9 90%	1 10%	0	0	32 80%	8 20%	1 11,1%	8 88,9%
Всего	317	179 56,4%	82 25,9%	56 17,7%	42 35,3%	46 38,6%	24 20,2%	7 5,8%	192 60,6%	125 39,4%	54 30,2%	125 69,8%

Признаки: 1 - безурновые захоронения; 2 - захоронения под перевернутой вверх дном урной; 3 - захоронение в урне устьем вверх; 4 - 7 - ориентировка захоронений (4 - север - юг, 5 - восток - запад; 6 - северо-запад - юго-восток, 7 - северо-восток - юго-запад); 8 - кости очищены от следов погребального костра; 9 - кости с остатками погребального костра; 10 - компактное расположение останков кремации; 11 - разбросанные остатки кремации.

По процентным долям указанных признаков видно, что безурновые и урновые захоронения распределены приблизительно одинаково только в I локальной группе могильника. В остальных группах значительно преобладают или безурновые, или урновые захоронения. Для II - IV локальных групп ведущими являются безурновые погребения, а для групп V и VI - урновые захоронения.

Интересно отметить тенденцию увеличения процентных долей урновых погребений в I, V и VI локальных группах и соответственного уменьшения в этих группах безурновых захоронений, при приблизительно одинаковых процентных долях захоронений с остатками кремации, помещенными под перевернутыми вверх дном сосудами. Несколько размытую картину дают показатели ориентировки ям захоронений. Здесь в каждой из групп большую долю занимают урновые захоронения и безурновые в круглых ямах, не имеющие ориентировки. Однако можно отметить, что в общем для могильника характерна западная с сезонными отклонениями ориентировка могильных ям. Менее характерна ориентировка могильных ям по линии север - юг, которая была преобладающей в VI группе. Видимо, нехарактерной для могильника нужно считать северо-восточную ориентировку, представленную незначительным количеством могильных ям и отсутствием так ориентированных могильных ям в трех (IV, V, VI) из шести локальных групп. Распределение пережеванных человеческих останков в безурновых захоронениях показывает преобладание разбросанных останков кремации как в целом по могильнику, так и в пяти из шести локальных групп. Только в III группе могильника захоронения с компактным размещением пережеванных останков в могильной яме несколько превышают количество захоронений с разбросанными кальцинированными костями человека. Прослеживается определенная тенденция и в составе кремационных останков, помещенных в захоронения. В более чем половине захоронений пережеванные человеческие останки были тщательно очищены от следов погребального костра. Такие останки преобладают в захоронениях пяти из шести локальных групп могильника. Исключением является только II группа. Наметившиеся различия отражаются как таковые в хронологическом плане.

Ниже, в таблицах 14 - 17, приводятся средние показатели парного сходства каждой локальной группы могильника по совокупности признаков.

Табл. 14. Средний показатель парного сходства групп по признаку 1 - 3 (безурновое - урновое).

группы	I	II	VI	V	III	IV
I	X	63,7%	65,8%	79,6%	85,1%	91%
II		X	29,6%	43,4%	78,5%	71,3%
VI			X	54,7%	51%	58,2%
V				X	64,8%	72%
III					X	92,4%
IV						X

Табл. 15. Средний показатель парного сходства групп по признаку 4 - 7 (ориентировка могильных ям).

группы	I	III	VI	IV	V	II
I	X	41,8%	44,9%	79,3%	96%	97,9%
III		X	10%	50%	42,8%	41,3%
VI			X	26,6%	43,3%	44,5%
IV				X	83,2%	78,6%
V					X	95%
II						X

Табл. 16. Средний показатель парного сходства групп по признаку 8 - 9 (очищенность остатков кремации от следов погребального костра).

группы	I	VI	II	V	III	IV
I	X	77,5%	81,8%	87,8%	91,8%	99,6%
VI		X	59,3%	89,7%	85,7%	77,1%
II			X	69,6%	73,6%	82,2%
V				X	96%	87,4%
III					X	91,4%
IV						X

Табл. 17. Средний показатель парного сходства групп по признаку 10 - 11 (расположение пережеванных человеческих костей в могиле: компактно или рассеянно).

группы	I	III	VI	II	IV	V
I	X	73%	86,1%	90,4%	91,7%	91,7%
III		X	59,1%	80,6%	81,3%	64,7%
VI			X	76,5%	77,8%	94,4%
II				X	98,7%	82,1%
IV					X	83,4%
V						X

Средний показатель парного сходства локальных групп могильника по всей совокупности признаков погребального обряда представлен в таблице 18. Слабые связи оцениваются коэффициентом до 70%, средние - от 70 до 79% и сильные - свыше 79%.

Табл. 18. Сходство групп могильника по всей совокупности признаков погребального оряда

группы	I	VI	III	II	V	IV
I	X	68,6%	72,9%	83,4%	88,8%	90,4%
VI		X	51,5%	52,5%	70,5%	59,9%
III			X	68,5%	67,1%	78,8%
II				X	72,5%	82,7%
V					X	81,5%
IV						X

Из приведенных данных видно, что I локальная группа могильника имеет высокий коэффициент связи со II, IV, V, средний - с III и слабый с VI группами. II группа связана с I, IV группами сильным коэффициентом связи, средним - с V и слабым - с III и VI группами. III группа с I и IV группами связана средним коэффициентом связи, а со всеми остальными - слабым. Группа VI только с V группой имеет средний коэффициент связи, тогда как со всеми остальными группами могильника - слабый. Все отмеченные связи можно представить виде графа, где они выступают более наглядно (Рис. 94: 1). Коэффициенты связи, полученные по наиболее общим признакам, имеют большое значение для понимания начала эволюции могильника.

Следующая стадия сравнения групп могильника была проведена на уровне сходства керамического комплекса памятника (Мухеев 1986, 167, табл. 8, 9). Коэффициент близости обнаружили сильные связи между керамическими комплексами I и IV, I и V, IV и VI групп могильника. С остальными группами I и IV группы объединены средними связями. Группа II объединена средними коэффициентами связи с группой III, но с V и VI группами она оказалась слабо связанной, как и III группа с VI группой. Все эти связи показаны в виде графа связи на рис. 94: 2.

Статистические подсчеты таких категорий погребального инвентаря как украшения, бусы и предметы одежды указывают на равномерное распределение этих категорий по локальным группам могильника. Сравнение локальных групп по этим признакам было представлено в работе 1986 года (Мухеев 1986, 168, табл. 10, 11). По всем этим признакам резко выделяется IV группа могильника. Она имеет повышенные показатели по орудиям труда, оружию и конской сбруе, но в ней отсутствуют предметы туалета. Это указывает на особое положение данной группы могильника и людей, погребенных в ней, по сравнению с остальными. По коэффициентам морфологической близости IV группа связана со всеми остальными, средними связями, а все остальные группы между собой - сильными. Наглядно все связи видны на графе, представленном на рис. 94: 3.

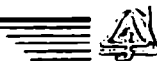
Данные статистического анализа позволяют наметить новую схему динамики функционирования Сухогомольшанского могильника, несколько отличающуюся от ранее предложенной (Мухеев 1986, 166 - 167). Могильник возник как кладбище двух общественных групп, одна из которых, очевидно, была крупнее другой. По этой причине могильник имел первоначально два неодинаковых ядра, выраженных в I и II

локальных группах. I локальная группа оставила, кроме ядра, IV и V группы. Группу IV можно условно назвать дружинной. По количеству погребений она самая малочисленная и хронологически, очевидно, самая узкая. Все эти группы (I, II, IV, V) имеют высокую степень сходства между собой и, вероятно, синхронны. Данное сходство можно назвать "салтовским", т.е. тем сходством, на котором держится весь "каркас" могильника. При этом, I группа как самая многочисленная, по-видимому, во временном отношении просуществовала достаточно долго. VI группа имеет наибольшую степень сходства с V группой. По-видимому, VI группу следует рассматривать как результат эволюции V группы (и ее начального ядра - I группы). Вероятно, начальное ядро (I локальная группа) как более "старое" со временем прекратило свое существование. III локальная группа сходна в рамках общего сходства по могильнику с I и IV группами и, видимо, одновременна им. Между III и II, V, VI группами сходство слабое. Возможно, III локальная группа возникла раньше V группы и прекратила свое существование с началом функционирования последней. В данную схему могут внести уточнения хронологические выкладки по группам могильника.

Большое значение для выяснения времени существования погребений и локальных групп могильника имеет хронология салтовских древностей, разработанная С.А. Плетневой, и хронология предсалтовской и раннесалтовской поясной гарнитуры, предложенная И.О. Гавритухиным и А.В. Комаром (*Гавритухин 2005, 378 - 426; Комар 1999, 111 - 136; Плетнева 1967, 135 - 143; Плетнева 1981, 150 - 151, рис. 37; Плетнева 1989, 146 - 172*). С учетом этих хронологических схем была выявлена датировка большинства трупосожжений, что в свою очередь позволило датировать локальные группы Сухогомольшанского могильника и представить его развитие во времени. Наиболее важными для этих целей оказались элементы поясной гарнитуры, а также многочисленные украшения, предметы быта и туалета. Для лучшего восприятия мы будем рассматривать хронологию могильника по локальным группам захоронений, выделенным в ходе исследования его площади при помощи раскопок.

Элементы поясной гарнитуры, обнаруженные в захоронениях I локальной группы, позволяют считать, что наиболее ранние погребения были произведены, по-видимому, в середине - третьей четверти VIII века. Так, одним из ранних захоронений данной группы, по нашему мнению, является погребение № 262. Чумбурный блок с шарнирным соединением подвижного кольца с фигурной рамкой (Рис. 61: 33) аналогичен чумбурным блокам, характерным для комплексов этапа 1а горизонта Столбище-Старокорсунская (740 - 750 гг.) (*Комар 1999, 129, табл. 3: 75, 77, 78*). Захоронение № 252 по бронзовым пряжкам с небольшим прямоугольным рамчатым щитком (Рис. 64: 1, 2) может быть датировано второй четвертью VIII (*Гавритухин 2005, рис. 1: 1, 121, 121а, 155*) - концом VIII - началом IX вв. (салтовские горизонты I и I/II) (*Гавритухин 2005, рис. 1: 138; Комар 1999, табл. 4: 9, 10*). Более точную дату данного захоронения указывает щиток бронзовой литой поясной пряжки (Рис. 65: 1). Пряжки, украшенные аналогичным растительным орнаментом, датируются третьей четвертью VIII века (*Гавритухин 2005, рис. 1: 115*) или же последней четвертью VIII века (*Комар 1999, табл. 4: 6*). Мы склонны датировать данное захоронение третьей четвертью VIII века. По нашему мнению, на

такую датировку данного захоронения указывают обнаруженные в нем железные поясные бляшки с подвижным кольцом и железный наконечник пояса из согнутой вдвое пластины (Рис. 65: 5 – 7), не характерные для "классических" салтовских древностей. Бронзовые литые пряжки и поясные бляшки из захоронений № 176 и 273 (Рис. 38: 39; 69: 39) отображают начальный этап освоения салтовскими мастерами лотосовидного орнамента (Фонякова 1986, рис. 4: 5), и, следовательно, данные погребения датируются последней четвертью VIII – началом IX вв. Золотые серьги с зернью (погр. № 200, 274, 290) (Рис. 70: 1, 36), вероятно, занимают как бы промежуточное место между сережками конца VII – начала VIII вв. (Глосоды) (Амброз 1971, 121, рис. 8: 8) и изделиями второй половины VIII – IX вв. (Амброз 1971, 121, рис. 8: 36). Более простая их форма, по сравнению с аналогичными, но более крупными по размеру височными подвесками Прикамья, позволяет отнести их к более раннему времени – середине VIII – началу IX вв.

Другие украшения, предметы туалета и быта, обнаруженные в захоронениях данной локальной группы, датируются более широкими хронологическими рамками. Это, в первую очередь, касается сережек простой эллипсоидной формы (погр. № 167, 267) (Рис. 38: 3; 69: 7), которые встречаются на всем протяжении существования салтовской культуры. То же можно сказать в отношении бронзовых перстней, представленных как простыми щитковыми перстнями (погр. № 169, 177, 207, 273, 290, 293), так и перстнями с четырьмя крестообразно распреложными лапками (погр. № 167). Наиболее информативными в этом плане являются копоушки из захоронений № 273, 295 (Рис. 69: 36; 77: 3). По материалам Крыма они характерны для комплексов второй половины VIII в. (Айбабин 1993, рис. 2: 29). Данные копоушки (тип 1, I по классификации С.А. Плетневой) с прямоугольной петлей посредине, встречаемые в памятниках Подонья, датируются второй половиной VIII – началом IX вв. Этим же временем датируются бронзовые коньковые подвески (погр. № 167, 290) и железные двухчленные фибулы с завитком на конце низкого пластинчатого приемника (погр. № 217, 259, 270, 277, 303, 312, 313, комплекс XV). Верхнюю хронологическую границу существования I локальной группы указывают железные фибулы-кресала (погр. № 296, комплекс XVI) (Рис. 72: 5, 6; 77: 7), датируемые серединой IX века.

На принадлежность основной массы захоронений данной локальной группы ко времени формирования "классических" салтовских древностей (вторая половина VIII – начало IX вв.) указывает, с одной стороны, малое количество собственно классических салтовских вещей в погребениях: подвеска-печатка (погр. № 288), солярный амулет (погр. № 289), бронзовая туалетная ложечка (погр. № 290) (Рис. 70: 24, 34, 44), а с другой стороны – присутствие вещей более раннего хронологического периода: звена цепи мощинского типа (погр. № 274), железной сюлгамы (погр. № 272), бронзовой пряжки (погр. № 167) (Рис. 38: 23; 69: 33; 70: 2).

IV локальная группа в целом датируется достаточно узко – серединой – второй половиной VIII века. На такую датировку указывает присутствие в инвентаре захоронений железных двухчленных фибул с завитком на конце приемника (погр. № 54, комплексы III, XI), золотых сережек с зернью (погр. № 58), чумбурного блока (комплекс VI), характерного для этапа 1а горизонта Столбище-Старокорсунская (Комар 1999, 129, табл. 3: 75, 77, 78) и элементов поясной гарнитуры (погр. № 54)

(Рис. 17: 4, 8, 9, 12), характерных для поясных наборов второй половины VIII века (Комар 1999, табл. 3: 9, 119). Не противоречит предложенной датировке данной группы захоронений облик чумбурного блока, ворворки и перстня из погребения № 54 (Рис. 17: 5, 6). Так, расплющенный щиток бронзового перстня украшен тремя горизонтальными гребнями, что сближает его с подобным образом украшенными звеньями нагрудной цепи из погребения VI - VII вв. у с. Мохнач (Аксенов, Бабенко 1998, 114, рис. 3: 3). Ворворка из погребения № 54 также не характерна для собственно салтовских древностей. Подобные ей изделия характерны для комплексов предсалтовского времени (Козиевский и Гапоновский клады, погребение у с. Смородино (Корзухина 1996, табл. 46: 11 - 18; 54: 15 - 28; 60: 8 - 11; Гавритухин, Обломский 1996, рис. 33: 7 - 65). Достаточно показателен и бронзовый чумбурный блок из погребения № 54 (Рис. 17: 12). Несмотря на близость к собственно салтовским чумбурным блокам, его отличает от них орнаментация фигурного щитка. Близкий орнамент представлен на бронзовом обушке кистеня из кургана 1, погр. 1 могильника Брусяны III (Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998, рис. 24: 7), на бляшках из катакомбы 6 могильника Чир-Юрт и погребения № 245/к-17 биритуального могильника Красная Горка (Комар 1999, табл. 1: 137, 142), относящихся к VIII веку.

Довольно большое число захоронений в V локальной группе могильника указывает на относительно длительный период ее существования. Элементы поясной гарнитуры, найденные в погребениях № 141, 143, 186 (Рис. 33: 15, 32; 47: 6), аналогичны бронзовым поясным бляшкам из погребений № 176, 273 первой локальной группы и отражают тот же начальный этап освоения салтовскими мастерами лотосовидного орнамента. Следовательно, они также датируются последней четвертью VIII - началом IX вв. Более ранней является бронзовая пряжка с "вытянутыми губами" из погребения № 135 (Рис. 30: 40). Пряжки данного типа характерны для раннесалтовского времени и датируются 740 - 790 гг. (горизонт Столбище-Старокорсунская) (Комар 1999, 129, табл. 2: 11, 12, 37). Таким образом, V локальная группа возникает в середине или в третьей четверти VIII века. Это косвенно подтверждает и обнаруженный в погребении № 175 конский начальник (Рис. 42. 1, 2), орнамент которого и стилистически, и технологически повторяет орнаментацию двупластинчатых фибул постпеньковского периода (Песчанка, Салтов), датируемых концом VII - первой половиной VIII вв. (Родинкова 2006, рис. 1: 58, 62). В данном случае можно говорить об оформлении типично салтовской вещи - конского начальника - в манере, характерной для предшествующего хронологического этапа. В не характерном для классических салтовских древностей стиле оформлена и бронзовая бляшка из захоронения № 143 (Рис. 33: 32). Бляшки данного типа характерны для раннесалтовских древностей (первая половина VIII века) (Гавритухин 2005, рис. 1: 3; Комар 1999, табл. 1: 137, 142). По-видимому, бляшки данного типа доживают и продолжают существовать еще некоторое время в комплексах второй половины VIII в. Бронзовые "рогатые" пряжки, аналогичные пряжке из погр. № 152 (Рис. 37: 11), хотя и встречаются в комплексах горизонта Столбище-Старокорсунская (погр. № 1, 36, 61 Старокорсунский могильник) (Комар 1999, 125, табл. 2: 83), и в более ранних погребениях (№ 13, 40) из Чир-Юрта (Ковалевская 1981, рис. 1: 8, 9), но есть они и в более поздних захоронениях

Верхне-Салтовского могильника (*Плетнева* 1967, рис. 44: 65, 66). Наши наблюдения позволяют утверждать, что подобные "рогатые" пряжки встречаются в основном в салтовских памятниках верхнего Подонечья, датируемых второй половиной VIII - началом IX вв. (*Аксенов* 1999, рис. 3: 17; 4: 38; 6: 13, 38; *Аксенов* 2001, рис. 2: 36; 3: 38; 6: 5, 44, 45).

Остальные вещи и украшения из захоронений данной локальной группы свидетельствуют о ее существовании еще на протяжении почти всей первой половины IX века. Об этом свидетельствуют типично салтовские сережки (погр. № 193) (Рис. 47: 23), железная фибула-кресало (погр. № 151) (Рис. 37: 9), бронзовые копоушки двух разных типов (погр. № 143) (Рис. 33: 35, 36), бронзовые солярные амулеты (погр. № 137, 145, 186) (Рис. 33: 8, 51; 47: 4), бронзовая подвеска-ситичко (погр. № 141) (Рис. 33: 9), бронзовая подвеска-печатка (погр. № 165) (Рис. 37: 31), характерный для классических салтовских древностей бронзовый фигурный чумбурный блок (погр. № 174) (Рис. 37: 37), бронзовый разделитель от пояса (погр. № 191) (Рис. 47: 13). Наличие же в данной группе захоронений, содержавших золотые серьги, украшенные зернью (№ 132, 136, 142, 145, 158, 211), бронзовые коньковые подвески (№ 107, 131, 141, 185), железные фибулы с завитком на конце приемника (№ 143), бронзовые туалетные коробочки (№ 128, 156, 185), следует рассматривать как свидетельство одновременности существования V и I локальных групп могильника.

VI локальная группа, судя по вещам, обнаруженным в погребениях, представляет заключительный этап существования могильника. В данной группе, к сожалению, полностью отсутствуют элементы поясной гарнитуры, а остальные датирующие вещи представлены единичными экземплярами. Уменьшается количество вещей классических салтовских типов. Так, в инвентаре захоронений встречена всего одна бронзовая копоушка коромысловидного типа с петелькой округлых очертаний посередине (погр. № 80) (Рис. 24: 14) и три бронзовых перстня (погр. № 81, 89) (Рис. 24: 24, 37, 38). На временную связь погребений данной группы с захоронениями рассмотренных выше локальных групп указывает присутствие в их инвентаре золотых серег, украшенных зернью (№ 85, 89, 93, 99), коньковых подвесок (№ 93), железной фибулы с завитком на конце приемника (№ 89), бронзовой туалетной коробочки (№ 90). По-видимому, данная группа погребений может быть датирована второй - третьей четвертью IX века.

По элементам поясной гарнитуры, обнаруженным в захоронениях № 6 и 233 (Рис. 9: 10; 53: 16 - 18), время возникновения II локальной группы совпадает со временем возникновения I группы. На это указывает присутствие в погребении № 233 железной поясной бляшки с подвижным кольцом (Рис. 53: 17), аналогичной бляшке из погр. № 252 I локальной группы могильника. Железные пряжки (погр. № 6, 233) (Рис. 9: 10; 53: 16) по пропорциям, форме рамки и щитка, профилировке язычка, способу крепления к ремню подобны пряжкам из склепов № 291, 321, 575 Скалистинского могильника, где они датируются концом VII - первой половиной VIII вв. (*Айбабин* 1993, рис. 2: 5; *Веймарн, Айбабин* 1993, рис. 37: 14; 47: 21; 97: 18). Железный наконечник ремня из захоронения № 233 (Рис. 53: 18) аналогичен "коробчатому" наконечнику из грунтового погребения № 291 того же Скалистинского могильника, датируемого первой половиной VIII в. (*Веймарн, Айбабин* 1999, рис. 38:

1, 178). Присутствуют в захоронениях II группы и вещи архаичного облика. Так, достаточно показательны в хронологическом плане подвески к поясу, происходящие из захоронений № 17 и 73 (Рис. 10: 6; 24: 5). Бронзовая литая фигурная подвеска из погребения № 17 (Рис. 10: 6) находит себе аналоги в подвесках характерных для комплексов этапа 16 горизонта Столбище-Старокорсунская (745 - 770 гг.) (Комар 1999, табл. 3: 65, 66 - 68). Вторая подвеска лировидной формы (погр. № 73) с фигурным выступом, выполненным в виде цветка лотоса (Рис. 24: 5), соответствует начальному этапу освоения салтовцами лотосовидного орнамента (Фонякова 1986, рис. 4: 5). Это позволяет датировать данную вещь концом VIII - началом IX вв. Таким образом, группа погребений, образующих II локальную группу Сухогомольшанского могильника, может быть датирована второй половиной VIII в. Не противоречит такой датировке данной группы присутствие в инвентаре захоронений только фибул с завитком на конце приемника, спинка которых имела самое разное сечение, при полном отсутствии так называемых фибул-кресал.

III локальная группа могильника возникла несколько позднее II группы и некоторое время сосуществовала с частью захоронений I и V групп. На это указывает присутствие в захоронениях группы элементов поясной гарнитуры, находящей себе аналогии в погребениях всех выше упомянутых групп. Так, железная поясная пряжка из комплекса V (Рис. 19: 1) типологически и конструктивно схожа с пряжками из погребений № 6 и 233 второй группы могильника, а бронзовые литые поясные бляшки (погр. № 29) (Рис. 15: 15) выполнены в том же самом стиле, что и бляшки из захоронения № 273 (I группа) и захоронений № 141 и 186 (V группа). Это однозначно указывает, что рассматриваемая группа возникла и существовала в конце VIII - начале IX вв. Данный вывод подтверждается присутствием в инвентаре захоронений группы как вещей, относящихся к салтовской классике (бронзовая подвеска-ситичко из погр. № 29) (Рис. 15: 27), ворворка в виде усеченной четырехгранной пирамиды из того же погребения (Рис. 15: 17), так и вещей архаических. Имеется в виду, во-первых, бронзовая подвеска из захоронения № 29, украшенная "жемчужным" орнаментом (Рис. 15: 26). Она находит себе прямые аналогии в подвесках пеньковского времени, на что мы уже указывали. Технология нанесения орнамента и сам орнамент сближает данное изделие с двупластинчатыми фибулами второй половины VII - первой половины VIII вв. (Песчанка, Салтов) (Родинкова 2006, рис. 1: 58, 62) и с изделиями из салтовских памятников второй половины VIII в. (Аксенов 1999, рис. 3: 21, 24, 25). Во-вторых, это костяная стерженьковая пуговица (погр. № 29) (Рис. 15: 19). Типологически близкие изделия, выполненные из дерева или бронзы, достаточно часто встречаются в комплексах новинковского типа второй половины VII - первой половины VIII вв. (Матвеева 1997, 72, рис. 123. 7 - 10). В классических салтовских древностях подобные пуговицы встречаются тоже довольно часто (Плетнева 1989, рис. 59), однако в основном они происходят из комплексов второй половины VIII - начала IX вв. (Аксенов 1999, рис. 4: 32; 6: 27, 40; Аксенов 2001, рис. 3: 32; Плетнева 1981, рис. 37: 22). Все это позволяет предположить, что захоронения в III локальной группе совершались в конце VIII - начале IX вв. Данная датировка косвенно подтверждается присутствием в захоронениях железных фибул с завитком на конце приемника (погр. № 40, 57) и бронзовой литой туалетной коробочки (погр. № 29).

Исходя из всего вышесказанного, отсутствие в захоронениях II и III локальных групп золотых сережек, украшенных зернью, по всей видимости, следует рассматривать не как хронологический, а как этноопределяющий признак.

Датировка комплексов, а по ним и локальных групп, подтвердила анализ динамики функционирования Сухогомольшанского могильника, проведенный по коэффициентам морфологической близости и наметившуюся генеральную линию развития памятника. Установлено, что локальные группы могильника датируются следующим образом: I – серединой VIII - серединой IX вв.; II – второй половиной VIII в.; III – концом VIII - началом IX вв.; IV – второй половиной VIII в.; V – концом VIII - серединой IX вв.; VI – серединой - третьей четвертью IX в.

Данные выводы подтверждаются датировкой отдельных видов предметов вооружения, элементов конского снаряжения и предметов хозяйственно-бытового назначения. В целом материалы могильника свидетельствуют о его принадлежности к одному из ранних памятников салтовской культуры в бассейне Северского Донца. На это указывает присутствие в инвентаре захоронений вещей достаточно архаичных для салтовского времени. Так, широколопастные наконечники копий (погр. № 60, 175, 233, 252, комплекс XVI) (Рис. 17: 25; 40: 1; 53: 20; 63: 8; 72: 2), иногда с небольшими отверстиями в лопастях, нехарактерны для классических памятников салтовской культуры. Основным временем их распространения следует, очевидно, считать V - первую половину VIII в. (*Мерлорт* 1951, 24, 28, рис. 2: 23, 51; *Первахо* 1979, 49 - 50, рис. 5: 3; 7: 3). Первой половиной VIII века можно датировать железные, соединенные вместе сбруйные кольца (Рис. 19: 5; 80: 7), входившие в состав поминальных комплексов V и XV вместе с набором предметов вооружения, конского снаряжения и орудий труда. Аналогичные кольчатые соединители ремней сбруи входили в состав известного Вознесенского комплекса первой трети VIII века (*Гринченко* 1950, табл. III). К хронологическому горизонту Столбище-Старокорсунская (740 - 790 гг.) относятся удила с S-видными псалями, концы которых украшены стилизованными конскими головками, обнаруженные в погребении № 17, комплексах I, III, IV, XII, XV, XVII могильника (*Комар* 1999, 128). Сабли из комплексов I и XV (Рис. 11: 1; 79: 1), благодаря незначительной кривизне клинка и оформлению перекрестия, сближаются с клинками раннесалтовского горизонта Столбище-Старокорсунская (*Комар* 1999, 128), тогда как сабли из захоронений № 175 и 252 (Рис. 40: 10; 62: 1) более поздние и относятся уже к следующему хронологическому горизонту (конец VIII - начало IX вв.) (*Комар* 1999, 129).

Показательна ситуация с кресалами. Простые пластинчатые кресала, изготовленные из прямоугольного куска стали или обломков сабель, характерны для ранних захоронениях "материнских" локальных групп могильника - I (погр. № 303) (Рис. 77: 18) и II (погр. № 127, 232, 233) (Рис. 30: 19; 53: 15, 24). Происходит одно такое кресало и из захоронения IV "воинской" группы (погр. № 218) (Рис. 47: 56). Кресала калачевидной формы, являющиеся характерными для классических салтовских древностей, в большинстве своем представлены в более поздних захоронениях, входящих в I (погр. № 252) (Рис. 65: 14) и V (погр. № 135, 151) (Рис. 30: 39; 37: 10) локальные группы.

В свете полученных данных подтвердилось предположение о двух первоначальных ядрах могильника, которые составили ранние погребения I и II локальных групп. В совокупности с ранее полученными результатами видна последовательность выделения IV, V и VI групп из I группы могильника. На разных хронологических этапах они образуют свою линию развития. Вторую линию развития показывает II группа, являющаяся "материнской" для III группы.

Планиграфический анализ узко датируемых вещей, обнаруженных в захоронениях могильника, позволяет утверждать, что некрополь рос по правому склону балки "Панской" от его возвышенной части к обрыву.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Антропологический анализ материалов могильника Сухая Гомольша показал, что применялся такой способ сожжения трупов, при котором сильному сгоранию подвергались череп и кости позвоночника, и отмечается слабая степень сгорания костей верхних и нижних конечностей умерших людей. Состояние, сохранность и количество фрагментов человеческих костей, находящихся в безурновых и урновых погребениях могильника, указывает на необычайно аккуратное соби́рание пережеженных останков перед их захоронением (Malinowski, Michejew 1981, 154).

Антропологическому анализу подверглись 80 захоронений могильника, что составляет 25,2% всех раскопанных погребений. В 80 захоронениях оказался погребенным 81 индивид. Одно погребение (№ 122) было парным. В нем содержались кости мужчины в возрасте 20 - 29 лет и кости ребенка 1 - 6 лет. В каждом из остальных захоронений находились кости одного человека. Очевидно, население, оставившее могильник, придерживалось правила погребения по одному умершему как в урнах, так и в ямках. Определение возраста умерших оказалось возможным в отношении 70-ти индивидов (86,4%). О 10 индивидах можно сказать только, что они умерли в одной из категорий выше десятилетнего возраста (погр. № 73, 75, 126, 143, 158, 228, 247, 248, 262, 283). Не установлено наличие умерших пожилого возраста категории "senilis". Независимо от возраста, умерших хоронили в урнах и ямках, однако останки младенцев зафиксированы только в безурновых захоронениях (погр. № 246, 255, 264, 268), что, может быть, объясняется недостаточностью выборки. Очень многочисленна группа индивидов, умерших в детском возрасте (infans I и infans II) - 28 человек (40,0%). Во взрослом возрасте умерло 42 индивида (60%): в юношеском (juvenis) - 3, во взрослом (adultus) - 30 и в зрелом (maturus) - 9 индивидов (табл. 19).

Табл. 19. Данные о возрастном составе погребенных людей

Возраст	Количество	Урновые погребения	Безурновые погребения
Дети	28	29, 52, 67, 80, 128, 181, 201, 207, 210, 273, 281	111, 122, 170, 203, 217, 220, 221, 246, 252, 253, 254, 255, 257, 263, 264, 268, 270
		11	17

Взрослые	42	55, 79, 82, 83, 90, 93, 152, 156, 160, 161, 163, 174, 175, 182, 185, 191, 238, 239, 241, 258, 261, 265, 272, 279, 284	3, 114, 118, 121, 122, 143, 148, 159, 221, 240, 250, 251, 266, 267, 271, 274, 280
		25	17

Отношение количества детей к количеству взрослых 28 : 42 указывает на большую частоту детской смертности.

Сохранившаяся лицевая часть черепа мужчины из погребения № 122 позволила установить показатели глазных впадин - 68,1 (низкая глазница) и носа - 56,0 (широконосый индивид), значения которых показывают, что черты черепа приближены к лапоноидному типу, тем более, что индивид был низкого роста. В 16 случаях определены категории роста: 2 низких индивида, 10 среднего роста и 4 высоких (*Malinowski, Michejew 1981, 155*).

Определение пола индивидов данной выборки было сделано независимо друг от друга как антропологами, так и археологами на основе анализа погребального инвентаря. В целом к женскому полу было отнесено 33 индивида, к мужскому - 21 (*Malinowski, Michejew 1981, taf. 1*). Антропологическим методом к женскому полу причислено 15 индивидов, к мужскому - 9. Определение пола на основе состава погребального инвентаря, за исключением погребения № 251, совпало с его определением антропологическими методами. Это показало, что различий в способе захоронения не было: как мужчин, так и женщин хоронили и в урнах, и в ямках (табл. 20).

Табл. 20. Данные о составе погребенных людей по полу

Пол погребенных	Количество	Урновые погребения	Безурновые погребения
Мужчины	9	152, 160, 175, 238, 239, 279	122, 250, 267
		6	3
Женщины	15	55, 90, 93, 121, 161, 163, 174, 182, 191, 265, 272, 284	143, 251, 271
		12	3

На основе морфологического анализа предпринята попытка дать биолого-демографическую характеристику населению, оставившему Сухогомольшанский могильник с учетом всех данных о половой принадлежности (антропологических и археологических), а также поправки на взрослых индивидов, повысившей таким образом пропорциональную численность групп взрослого возраста, рассчитана таблица смертности для всех индивидов, а также для мужчин и женщин (табл. 21 - 23).

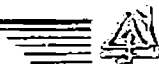

Табл. 21. Таблица смертности для индивидов обоого пола

возраст (лет)	dx	lx	qx	Lx	Tx	ex
0	0,1053	1,0000	0,1053	0,95	17,74	17,74
1 - 6	0,2105	0,8947	0,2353	3,95	16,79	18,77
7 - 13	0,0526	0,6842	0,0769	4,61	12,85	18,77
14 - 19	0,0451	0,6316	0,0714	3,65	8,24	13,05
20 - 29	0,4511	0,5865	0,7692	3,61	4,59	7,82
30 - 39	0,1053	0,1353	0,7778	0,83	0,98	7,22
40 - 49	0,0301	0,0301	1,0000	0,15	0,15	5,00

Табл. 22. Таблица смертности для мужчин

возраст (лет)	dx	lx	qx	Lx	Tx	ex
0	0,0994	1,0000	0,0994	0,95	18,74	18,74
1 - 6	0,1989	0,9006	0,2209	4,01	17,79	19,75
7 - 13	0,1492	0,7017	0,2126	4,39	13,78	19,64
14 - 19	0,0000	0,5525	0,0000	3,31	9,39	17,00
20 - 29	0,2762	0,5525	0,5000	4,14	6,08	11,00
30 - 39	0,2210	0,2762	0,8000	1,66	1,93	7,00
40 - 49	0,0552	0,0552	1,0000	0,28	0,28	5,00

Табл. 23. Таблица смертности для женщин

возраст (лет)	dx	lx	qx	Lx	Tx	ex
0	0,1250	1,0000	0,1250	0,94	17,53	17,53
1 - 6	0,1546	0,8750	0,1767	3,99	16,59	18,96
7 - 13	0,0296	0,7204	0,0411	4,94	12,60	17,50
14 - 19	0,0329	0,6908	0,0476	4,05	7,66	11,10
20 - 29	0,6250	0,6579	0,9500	3,45	3,62	5,50
30 - 39	0,0329	0,0329	1,0000	0,16	0,16	5,00
40 - 49	0,0000	0,0000	1,0000	0,00	0,00	0,00

Для исследуемой популяции характерна высокая детская смертность и очень низкое значение e_x , что свидетельствует о недостаточной способности популяции к приросту. Кроме того, рассчитан коэффициент потенциального воспроизводства R_{pot} который измеряет потенциальную, воспроизводящую способность группы. Значение R_{pot} в анализируемой группе составляет 0,4390 и

сравнении с многочисленными группами древнего и раннесредневекового населения низким.

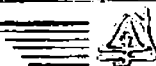
С целью определения влияния общего биологического состояния группы на структуру смертности рассчитано значение lbs , которое показывает, какая часть одного поколения будет участвовать в воспроизведении последующего поколения. Значение $lbs = 0,2773$ также очень низкое. Полную информацию о способности исследуемой группы к численному приросту дает коэффициент воспроизведения нетто R_0 , при условии, что средняя по популяции женщина рожала в среднем семеро детей. Значение $R_0 = 0,97$ очень низкое.

В целом исследуемую группу можно охарактеризовать как застойную популяцию с недостаточным численным приростом. Данные исследования могильника указывают на сравнительно низкий уровень адаптации оставившей его группы людей по сравнению с уровнем, установленным для групп людей, населявших территорию Центральной Европы в этот хронологический период (Malinowski, Michejew 1981, 157).

Данные таблицы 24 показывают, что типологически детские захоронения ничем не отличаются от захоронений взрослых индивидов. Это же касается захоронений взрослых мужчин и женщин. Отсутствие среди захоронений детей погребений с остатками кремации, помещенными в урну, установленную устьем вверх и накрытую крышкой (тип II-6), а среди захоронений взрослых индивидов погребений с пережженными останками, помещенными на подстилку под перевернутую вверх дном урну (тип II-4), может быть объяснено малочисленность самой выборки антропологически определенных погребений. Исходя из данных той же таблицы, можно предположить, что для захоронения останков детей в возрасте до 12-13 лет чаще применяли безурновый способ погребения, тогда как пережженные останки взрослых индивидов предпочитали помещать в урны, накрывать перевернутым вверх дном сосудом.

Табл. 24. Антропологический состав погребенных и типы захоронений

Возраст	Тип погребения											
	I-1	I-2	I-3	I-4	II-1	II-2	II-3	II-4	II-5	II-6	II-7	II-8
до 1 года	255	246				181	80					29
	268	254										
		264										
1-6 лет	263	170	122	111	52			128	201		67	
		221	217	203	210			207			281	
			220	263								
7-13 лет	252	257	270								273	

14-19 лет	280			274						93	
10 лет (взрослые)		247 248		73 75 142 158 262	228		283				126
20-35 лет	250 251 271	211 266	3 114 118	121 143 159	174 191 241 279	185	152 156 160 161 163 261 265		55 182 284	79 90 258 272	
35-55 лет		240 267	122	148		175 239	82 83			238	

Достаточно показательным, по нашему мнению, является погребальный инвентарь захоронений, для которых определен пол и возраст погребенных в них людей.

Почти во всех захоронениях грудных детей до 1 года и детей 1 – 6 лет погребальный инвентарь присутствовал. При этом безынвентарное захоронение № 255 сопровождалось поминальным комплексом X, содержащим одно стремя, сброуное кольцо и сброуную пряжку. Количество вещей в данных захоронениях колеблется от одной до двух десятков. В целом захоронения грудных детей достаточно богаты вещами. В основном это украшения (бусы, пронизи, перстни, браслеты, бубенчики) и элементы одежды (фибулы, цепочки, пугоицы, поясные бляшки, пряжки, подвески на пояс). Предметы хозяйственно-бытового назначения (нож, иглы, игольник, пряслице), очевидно, не были личными вещами умерших детей, а скорее всего, выступали в роли оберегов или же своеобразных индикаторов, указывающих на принадлежность детей к той или иной половой группе общества (мальчик или девочка). Это же, вероятно, касается и предметов захоронения (боевые топорики-чеканы, половина обушка кистеня), оказавшихся в захоронениях № 203 и 246. Возможно, данные предметы были переданы живыми родственниками вместе с умершим ребенком кому-то из ранее умерших взрослых членов семьи. В столь юном возрасте детям еще не поручалась серьезная хозяйственная работа, до 3–4 летнего возраста детей воспитывали сообща, и

только с этого возраста мальчиков и девочек начинают приобщать к труду, свойственному взрослым мужчинам и женщинам

Это достаточно хорошо прослеживается по инвентарю захоронений детей 7–13 лет. Так, из четырех погребений детей этого возраста только одно (№ 257) составом своего инвентаря было подобно захоронениям детей младшего возраста. Погребальный инвентарь остальных трех захоронений вполне сопоставим с инвентарем захоронений взрослых членов общины. Особенно показательным в этом отношении является инвентарь захоронения № 252, в состав которого входил полный набор вооружения и конского снаряжения, предметы хозяйственно-бытового назначения, поясной набор. Данное захоронение по составу инвентаря может быть сравнимо только с погребением № 175 мужчины зрелого возраста (35–55 лет). Отличие в составе инвентаря данных захоронений обусловлено, по-видимому, разницей в возрасте погребенных. В захоронении ребенка 7–13 лет присутствовали элементы поясного набора, что можно рассматривать как факт приобщения его к воинскому делу. Именно в возрасте 9–13 лет у многих народов раннего средневековья мальчики становились воинами. Присутствие в захоронении зрелого мужчины бронзового конского начальника указывает на принадлежность его к верхушке воинской прослойки сухогомольшанской общины (Аксенов 1998, 43, табл. 1).

Сравнение инвентаря захоронений юных (14–19 лет) и взрослых (20–55 лет) индивидов показывает, что наибольшая близость в количественном и номенклатурном плане отмечается для захоронений индивидов в возрасте 14–19 лет и 20–35 лет. Инвентарь захоронений индивидов зрелого возраста (35–55 лет), по сравнению с инвентарем мужчин и женщин юного и возмужалого возраста, выглядит более бедным. Так, в захоронениях женщин зрелого возраста почти отсутствуют личные украшения (бусы, серьги, браслеты), предметы туалетного набора, амулеты. Данная тенденция характерна и для представителей других этнических составляющих салтовской культуры бассейна Северского Донца, что связано с уменьшением роли представителей старшего поколения в производственно-хозяйственной жизни общества

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ЭТНИЧЕСКОЙ
ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПОГРЕБЕННЫХ В
МОГИЛЬНИКЕ СУХАЯ ГОМОЛЬША

Вопрос этнической принадлежности погребений по обряду трупосожжения с территории бассейна Северского Донца, при наличии основных четырех гипотез: славянской (Кухаренко 1952, 49; Плетнева 1962, 64; Седов 2002, 266), тюркской (Плетнева 1967, 100 - 101), угорской (Михеев 1986, 166), иранской (Шрамко 1983, 48 - 50), все еще далек от своего окончательного решения. Наибольшее количество приверженцев имеет, в силу ряда субъективных причин, славянская теория. При этом наиболее весомым аргументом является сам обряд кремации покойников, который применялся славянскими племенами начиная с рубежа нашей эры и до времени полного утверждения христианства в среде славянского населения. Пеньковская культура в этом случае считается наиболее возможной подосновой салтовских кремационных погребений, а позднепеньковское население – единым носителем этого обряда в салтовской среде бассейна Северского Донца (Афанасьев 1987, 153; Михеев 1991, 44). Подтверждением этого выступает единство территории распространения салтовских кремаций в бассейне Северского Донца и территории, которая была занята в предсалтовское время памятниками пеньковского типа в данном районе. При этом игнорируется тот факт, что на данной территории не зафиксировано ни одного собственно пеньковского кремационного погребения, за исключением семи безынвентарных погребений на Дмитриевском катакомбном могильнике (Любичев 1994, 51; Плетнева 1972, 108 - 118). Однако в бассейне Северского Донца, севернее Сухогомольшанского могильника, известны ингумационные (сармато-аланского типа) погребения с вещами классического пеньковского облика (Аксенов, Бабенко 1998, 111 - 120, Данилевич 1905, 428).

В целом же для пеньковского населения характерны небольшие, редко насчитывающие несколько десятков погребений могильники, даже для центральных районов распространения культуры (Березовец 1969, 58 - 71; Приходнюк 2000, 147), не говоря уже об окраинных районах где пеньковские погребения единичны (Яблоневое, Приосколье, Антоновка) (Археологические памятники ..., 1992, 24, 39, 47). При этом славянские кремационные погребения даже в Подунавье, откуда в VI в осуществлялись набеги славян на пограничные области Византии, не содержат оружия, тогда как именно оружие является визитной карточкой салтовских кремаций. Находки оружия (наконечники копий и стрел) на пеньковских памятниках Днепр-Донецкого междуречья (Любичев 1994, 74 - 76; Приходнюк 1998, 37; Приходнюк 2000, 148) подтверждают сообщения Маврикия о том, что "любой (среди славян и антов) вооружен двумя небольшими копьями" (Жебелев 1939, 37). Таким образом, славянские воины VI - VII вв. – это пехотинцы. Поэтому трудно предположить, что,

войдя в состав Хазарского каганата в качестве данников хазар, славяне вдруг стали воинственными воинами, мастерски владеющими саблями и топорами-чеканами. Тем более, что "Повесть временных лет" прямо говорит, что поляне выдали дань хазарам мечами (не кочевническим видом оружия) (*Повесть ...*, 1950, 16). На славянских памятниках VIII - IX вв. в пограничных с Хазарским каганатом районах (волынцевская и роменская культуры) кремационные погребения с оружием неизвестны (*Винников 1984; Сухобоков 1975, 53 - 55, 71 - 75*), хотя находки предметов вооружения на поселениях и городищах (Битица, Ницаха, Донецкое городище) имеются (*Смиленко, Юренко 1990, 301 - 302*).

В то же время было отмечено, что захоронения могильника Сухая Гомольша в общих чертах и особенно по инвентарю схожи с погребениями по обряду группосожжения из Прикубанских могильников типа Дюрсо (*Пьянков, Тарабанов 1996, 61 - 64; Гаверитухин, Пьянков 2003, 196, 198; Дмитриев 2003, 203 - 205*, табл. 87 - 92). Их роднит преобладание ямных погребений над урновыми, форма и размеры могильных ям, состав погребального инвентаря, в котором значительное место занимают предметы вооружения (сабли, боевые топоры-чеканы, пиковидные наконечники копий) и конского снаряжения (удила, стремена, кольчатые соединители ремней сбруи), наличие в погребениях складных серпов, больших железных пинцетов, фибул с завитком на конце приемника и фибул-кресал, принадлежностей для костра (котлов, шампуров, вилка для доставания мяса из котла). При этом инвентарь обеих групп погребений имеет типологическую близость. Так, однотипными в обеих группах являются: пламевидные наконечники копий, некоторые типы наконечников стрел, коньковые шумящие подвески, сережки булавовидной формы, украшенные зернью, железные фибулы. Для обеих групп погребений характерен обряд преднамеренного повреждения оружия, наличие на вещах следов пребывания их в огне погребального костра. Такая близость погребального обряда, инвентаря, направленность этнокультурных контактов (прикамские коньковые подвески) рассматривается рядом исследователей как свидетельство этнического родства населения, которое оставило погребения донецкой и кубано-черноморской групп, что подтверждается общей материальной культурой и одинаковым способом хозяйствования. Все это позволило Г.Е.Афанасьеву предложить искать носителей кремационного обряда салтовского времени Подонья в адыго-абхазской среде (*Афанасьев 2001, 53*).

Эти данные заставляют рассмотреть кремации крупного и хорошо исследованного могильника Сухая Гомольша более детально, на предмет их тождественности кремационным захоронениям Юго-Восточной Европы второй половины I тыс. н. э.

В разнообразии погребальных традиций, представленных на могильнике (табл. 25), по всей видимости, следует видеть отражение сложной этнокультурной структуры сухогомольшанской общины.

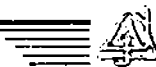

Табл. 25. Соотношение видов кремаций по могильнику Сухая Гомольша

безурновые				урновые							
I-1	I-2	I-3	I-4	II-1	II-2	II-3	II-4	II-5	II-6	II-7	II-8
16	36	38	89	14	6	29	7	22	8	44	8
5%	11,3%	11,9%	28,1%	6,9%	2,5%	13,9%	2,5%	4,4%	1,9%	9,1%	2,2%

Подобное многообразие видов захоронений отмечено лишь в кремациях черняховской культуры (Кравченко 1983, 51), полиэтничность которой в настоящее время ни у кого не вызывает сомнения. Более однородными по сравнению с сухогомельшанскими представляются сожжения славян юга Восточной Европы второй половины I тыс. н. э. (пражской, корчакской, колочинской, пеньковской, волынцевской культур) (Приходнюк 1990, 228; Смиленко, Юренко 1990, 276 - 278). То же можно сказать и в отношении славянских кремаций VIII - IX вв. с территории Подунавья (Въжарова 1976, 9 - 82; Димитров 1974, 55 - 66). Это же касается и кремаций четвертого периода могильника Дюрсо (Дмитриев 2003, 203). Более сложная ситуация наблюдается в третьей группе Борисовского могильника, что объясняется синтезом местных традиций и погребальных традиций пришлого населения (Гавритухин, Пьянков 2003, 196).

Сравнение погребений могильника Сухая Гомольша с захоронениями ряда славянских археологических культур середины - второй половины I тысячелетия н.э. юга Восточной Европы показывает, что при общей схожести, между ними имеется и ряд различий (Табл. 26).

Табл. 26. Характерные черты погребального обряда некоторых культур юга Восточной Европы второй - третьей четверти I тыс. н. э.*

археологические культуры	кости прикрыты урной	кости и в яме, и в урне	кости в урне	остатки погр. костра	инвентарь отсутствует	фрагменты сосудов	Кости животных
киевская	1,3%	1,3%	6,1%	88,8%	73%	50,4%	29%
черняховская	3,7%	0,5%	32,3%	21,2%	62%	70%	3,5%
колочинская	1,2%	2,9%	37%	36,5%	58,3%	40,8%	6,7%
пеньковская	-	-	25%	100%	100%	+	-
волынцевская	-	3%	67,6%	58,8%	64,8%	22,2%	11%
Сухая Гомольша	25,5%	-	17,6%	66,8%	57,3%	9,1%	0,3%

- данные приведены по: Зиньковская И.В. Население лесостепного Днепро-Донского междуречья во второй - третьей четверти I тыс. н.э. (по материалам погребальных комплексов с кремациями). Автореферат дис. ... канд. историч. наук. Воронеж, 1997.

Для славянских кремаций больше характерны неглубокие погребальные ямы круглой формы диаметром 0,3 - 0,4 м (Приходнюк 1998, 28), тогда как на

Сухогомольшанском могильнике преобладают захоронения в ямах вытянутых очертаний. Для немногочисленных безурновых захоронений VIII - X вв. некрополей Болгарии характерно также помещение остатков кремации в ямы круглой формы незначительных размеров (8 - 30 см) и лишь иногда овальной (Въжарова 1976, 26, 31, 32, 36, 60).

В ориентировке могильных ям захоронений могильника Сухая Гомольша прослеживаются две тенденции: меридианальная и широтная. В тех случаях, когда пережоженные человеческие кости были сложены в кучку или сохранились достаточно крупные фрагменты костей черепа, они концентрировались в западной или южной частях ям, в зависимости от того, какую ориентировку, широтную или меридианальную, имели могильные ямы. В небольшом количестве захоронения как с широтной, так и с меридианальной ориентировкой могильных ям с аналогичным сухогомольшанскому размещением останков погребенного встречены на могильниках колочинской культуры (Липкинг 1974, 148, 149, 150; Гадин 1974, 134; Поболь 1974, 168, 174; Третьяков 1974, 71, 72). Однако такая же ориентировка могильных ям отмечена и на могильниках типа Дюрсо а Прикубанье (Дмитриев 2003, табл. 87: 1 - 4).

Для кремаций Сухогомольшанского могильника все же в большей мере характерна широтная ориентировка могильных ям. Именно для кремаций с такой ориентировкой могильных ям больше свойственно наличие рядом поминальных комплексов, содержащих предметы вооружения и элементы конского снаряжения. Инвентарь из захоронений с меридианальной ориентировкой могильных ям беднее и, зачастую, не содержит предметов экипировки воинов-всадников. Урны в захоронениях волынцевской культуры так же устанавливались в линию, ориентированную с востока на запад, но для волынцевских захоронений не характерны находки предметов вооружения и конского снаряжения (Смиленко, Юрэнко 1990, 276). Погребения с широтной ориентировкой могильных ям, содержащие снаряжение воина-всадника, достаточно хорошо представлены на могильнике Дюрсо (Дмитриев 2003, табл. 87: 1, 2).

Ориентировка могильных ям по линии север - юг характерна и для немногочисленных безурновых захоронений однообрядовых могильников VIII - X вв. Болгарии (Въжарова 1976, 426; Димитров 1974, 66). В то же время, могильные ямы вытянутых очертаний (прямоугольные и овальные) преобладают на могильниках именковской культуры. Наиболее характерной для именковских кремаций ориентировкой могильных ям является меридианальная (44%), хотя известна и ориентировка по линии восток - запад (13%) (Генинг, Стоянов, Хлебникова, Вайнер, Казаков, Валеев 1962, 39, табл. Д; Казаков 1998, 99). Однако какой-либо устойчивой традиции в размещении пережоженных человеческих костей, в отличие от сухогомольшанских кремаций, в именковских погребениях не наблюдается (Генинг, Стоянов, Хлебникова, Вайнер, Казаков, Валеев 1962, 39, табл. Е).

В пеньковских, колочинских, волынцевских захоронениях зачастую присутствуют неочищенные от следов погребального костра пережоженные человеческие кости (Березовец 1952, 248; Приходнюк 1998, 28; Смиленко, Юрэнко 1990, 277). Напротив, процент захоронений, содержащих очищенные от золы и углей погребального костра останки погребенных, на могильнике Сухая Гомольша

достаточно высок - 32%. Этим кремации Сухой Гомольши отличаются и от славянских сожжений Подунавья. В славянских кремациях VIII - X вв. Болгарии древесные угольки встречаются лишь изредка и в небольшом количестве (Въжарова 1976, 9; Димитров 1974, 58).

Наличие в кремациях фрагментов керамики представляет характерную черту погребального обряда славянских культур I тыс. н.э. Фрагменты преднамеренно разбитых сосудов встречаются в 40,8% захоронений колочинской и не менее чем в 22,2% погребений волынцевской культур (Зиньковская 1997, 13, 14). Присутствие в погребении фрагментов керамических сосудов для захоронения могильника Сухая Гомольша явление достаточно редкое (9,1%). Данный элемент погребального обряда не был зафиксирован в кремациях VIII - IX вв. из Кубано-Черноморского района. Для кремационных могильников VIII - X вв. Болгарии наличие фрагментов керамики в захоронениях также не характерно, они встречаются изредка, в основном только в кремациях биритуальных некрополей Подунавья (Димитров 1974, 63). Кремации с биритуальных могильников Болгарии существенно отличаются от славянских погребений по обряду трупосожжений и связываются исследователями со степными (тюркскими) народами (Въжарова 1976, 427).

Для могильника Сухая Гомольша характерен высокий процент кремаций под перевернутыми вверх дном сосудами (25,5%). Такие захоронения изредка встречаются в памятниках киевской, черняховской, пеньковской, корчакской колочинской культур (Приходнюк 1990, 228), но там их доля не превышает 4% (Зиньковская 1997, 11 - 14). В славянских погребальных памятниках середины второй половины I тыс. н.э. неизвестна установка перевернутых вверх дном сосудов-урн на подстилку из фрагментов сосудов, тогда как количество таких захоронений на Сухогомольшанском могильнике составляет 5% от общего количества погребений.

4,1% урновых захоронений Сухой Гомольши (II-6; II-8) были накрыты крышками. В небольшом количестве подобные захоронения встречены только на памятниках колочинской культуры (Липкинз 1974, 144). На некоторых кремационных некрополях Болгарии (Долгопол 1, Блесково, Бабово, Разделна) отмечены единичные сожжения, в которых остатки кремации были прикрыты крышкой (Въжарова 1976, 10). На других некрополях Болгарии (Гарван-1, Попина-2, Юпер) такие захоронения вовсе отсутствуют. В небольшом количестве захоронения, содержащие сосуды-урны накрытые крышкой, сосуды-урны перевернутые вверх дном и, иногда, еще стоящие на «подстилке» (каменная плитка, крупный фрагмент сосуда, донная часть сосуда), встречаются на кремационных могильниках VIII - IX вв. Прикубанья (Тарабанов 1992).

Кремационные погребения Кубано-Черноморского района отличает от захоронений Сухогомольшанского могильника то, что погребальный инвентарь присутствует в большинстве кремаций кубано-черноморского района второй половины VIII - первой половины X вв. (Дмитриев 2003, 203 - 205; Саханев 1914; Тарабанов 1992; Тарабанов 1999). Процент же безынвентарных захоронений Сухогомольшанского некрополя достаточно высок. На нем к разряду безынвентарных относится 36,1% безурновых и 41% урновых захоронений. При

этом данный показатель могильника Сухая Гомольша ниже аналогичного среднего показателя для кремационных могильников пеньковской, колочинской, волинцевской культур. Их отличительной чертой является безынвентарность (Приходнюк 1990, 228; Смиленко, Юренко 1990, 277). В славянских кремационных захоронениях VIII - X вв. Болгарии инвентарь встречается также исключительно редко (Въжарова 1976, 11; Димитров 1974, 64).

Отличает захоронения могильника Сухая Гомольша от славянских кремаций и наличие в погребениях предметов вооружения, элементов конского снаряжения, которые находились как среди пережженных человеческих костей, так и в расположенных рядом с погребениями "тайничках" (6,6% - 21 погребение). Так называемые "тайнички" неизвестны на славянских погребальных памятниках, зато они характерны для погребальных памятников тюркских народов (Плетнева 1967, 101). К тому же, в 14 погребениях (4,7%) Сухой Гомольши предметы вооружения и элементы конской сбруи составляли единый комплекс (Аксенов 1998, 43). В целом же могильник Сухая Гомольша, по сравнению с кремациями VIII - IX вв. Прикубанья, дает достаточно низкий процент захоронений военных-всадников, тогда как предметы вооружения и конского снаряжения встречены почти в трети кремаций могильников типа Дюрсо. Отличает могильник Сухая Гомольша от кремационных некрополей Прикубанья отсутствие отдельных конских захоронений, тогда как захоронения коней обнаружены на некоторых кремационных могильниках Кубано-Черноморского региона (Гаверитухин, Пьянков 2003, 195). В Подончье отдельные конские захоронения встречены на биритуальных могильниках Красная Горка и Пятницкое

Помещение в кремационные захоронения сосудов-приставок считается специфической чертой погребального обряда славянских культур Восточной Европы I тыс. н. э. Сосуды-приставки особенно характерны для волинцевских захоронений (Смиленко, Юренко 1990, 276). Однако наличие сосудов-приставок известно и в неславянских погребениях второй половины I тыс. н. э. юга Восточной Европы. Они были неоднократно встречены в кремациях второй половины VIII - IX вв. Прикубанья (Дмитриев 1979, 54; Дмитриев 2003, 203). Сосуды-приставки были обнаружены только в 22 захоронениях (11 безурновых и 11 урновых) Сухогомольшанского могильника, что составляет 6,9% от общего числа захоронений. Урнами и сосудами-приставками в захоронениях могильника служили только типично салтовские лепные (20 экз.) и гончарные (91 экз.) кухонные горшки, кувшины (21 экз.), кружки (2 экз.), кубышки (3 экз.), крымские амфоры (8 экз.) (Михеев 1986, 160 - 162, рис. 2, Брехач 1999, 140 - 141). Керамические сосуды, игравшие роль погребальных даров, изредка встречаются в захоронениях кремационных могильников VIII - X вв. Болгарии (Разделна, Гарван-1, Бабово) (Въжарова 1976, 11, табл. II; Димитров 1974, 62). В то же время, сосуды-приставки встречены почти в 30% кремационных захоронений биритуальных могильников Подунавья (Димитров, 1974, 62).

Нехарактерно для кремаций могильника Сухая Гомольша и наличие в захоронениях остатков мясной жертвенной пищи в виде сырых или обожженных костей животных (0,3% погребений), тогда как в погребениях киевской, колочинской, волинцевской культур процент захоронений с такими остатками колеблется от 7 до 30%. По этому показателю сожжения Сухой Гомольши сравнимы лишь с

захоронениями пеньковской культуры (Зиньковская 1997, 11 - 14). Необоженные кости животных встречены от 37% до 50% кремаций биритуальных, т.е. болгаро-славянских могильников Подунавья (Варна, Девня-1, Девня-3), тогда как на могильниках, где сожжение является единственным обрядом, остатки мясной жертвенной пищи встречаются исключительно редко (Димитров 1974, 64).

Изучение химического состава изделий из цветных металлов, которые были найдены в погребениях Сухогомольшанского могильника, показало преимущество вещей из оловянисто-свинцовых и свинцово-оловянистых бронз (40,9%), при довольно большом количестве билиновых предметов (17%) и вещей из многокомпонентного сплава (Cu + Zn + Sn + Pb) (28,2%) (Мухеев 1984, 263, табл. 10). При этом отмечается близость данных вещей по металлургическим рецептам к вещам из Верхне-Салтовского катакомбного некрополя и к изделиям из цветного металла позднесарматского времени (Мухеев 1984, 286). Сравнение сухогомольшанских изделий из цветных металлов с подобными вещами пеньковской культуры показало существенные различия их металлургических рецептов, ибо в пеньковских древностях Днепро-Донецкого междуречья преобладают вещи, изготовленные на основе латунных сплавов (43%) (Любичев 1994, 103). Однако последние исследования показывают широкое использование пеньковским населением Подунавья и Поднепровья для отливки всевозможных украшений свинцово-оловянистых бронзовых сплавов (Егорьев, Щеглова 2000). Присутствие в салтовских древностях изделий пеньковского типа, изготовленных к тому же из свинцово-оловянистых сплавов (Аксенов 2006, 12), возможно, следует рассматривать как факт симбиоза в бассейне Северского Донца пеньковского и пришлого (алано-болгарского) компонентов, вместе создавших такое яркое явление, как салтовская культура.

Таким образом, можно с определенной долей вероятности констатировать, что в кремациях Сухой Гомольши присутствуют черты погребального обряда ряда археологических культур степных и лесостепных районов Восточной Европы середины - второй половины I тыс. н. э. (пеньковской, колочинской, волынцевской, тюркской). Сожжения могильника демонстрируют переплетение нескольких погребальных традиций в рамках одной салтовской общины на северо-западном пограничье Хазарского государства.

Наличие среди кремаций могильника безынварных урновых и безурновых захоронений, содержащих неочищенные от следов погребального костра переженные человеческие кости; погребений с сосудами-приставками; захоронений, в которых встречены фрагменты битой посуды; урн, установленных дном вверх, - все это, по-видимому, можно рассматривать как тот факт, что часть захоронений могильника принадлежит потомкам пеньковского и колочинского (смешанного славяно-иранского и славяно-балтского) населения.

Один из авторов данной монографии считал возможным в свое время использовать коньковые шумящие подвески для определения этнической принадлежности населения, оставившего могильник. В связи с тем, что, как часть сакрализованного комплекса личных украшений и оберегов женского костюма, шумящие коньковые подвески вряд ли могли служить предметом торговли или обмена, они свидетельствуют о возможном присутствии в составе

сухогомольшанской общины представительниц угорского этноса (Мухеев 1986, 166). Отчасти это подтверждают и данные антропологии (Malinowski, Michejew 1981, 155). Вероятно, с угорским этносом следует связывать не только кремации, содержащие коньковые шумящие подвески, а и захоронения в ямах, ориентированных по линии север - юг. Именно такая ориентировка могильных ям характерна для финно-угорского населения Поволжья. Для этого же населения свойственно использование и таких специфических изделий как сюлгамы, одна из которых обнаружена в погребении № 272 могильника Сухая Гомольша.

Ряд исследователей считает, что полностью одинаковый набор вооружения, конского и походного снаряжения мог быть только у дружинников одной определенной народности (Березовец 1999, 326). Полная идентичность инвентаря кремационных захоронений из бассейна Северского Донца и погребений типа Борисово-Дюрсо отмечается большинством исследователей. Показательно, что конские начельники на территории Предкавказья встречены только в аланских катакомбных захоронениях (Хайнрих 1995, 245) и в кремациях Борисовского, Молдовановского могильников, могильника Дюрсо (Гавритухин, Пьянков 2003, табл. 73: 12; Дмитриев 2003, табл. 91: 27; Саханев 1914, 118; Тарабанов 1992, 77, рис. 2, 7). Ни в захоронениях, совершенных в так называемых "курганах с ровиками" и связываемых с хазарами, ни в грунтовых труположениях юга Восточной Европы, оставленных болгарами, конские начельники не были найдены ни разу (Иванов 2000, в - 9; Красильников 1991, 62 - 81; Швецов 1991, 109 - 123). На донецких землях конские начельники также были обнаружены только в катакомбных захоронениях аланского лесостепного варианта салтовской культуры (Плетнева 1989, рис. 41; 42; Покровский 1905, табл. XX: 91) и кремациях Сухой Гомольши (погр. № 175), могильников Красная Горка (погр. № 101, 216/к-19) и Лысый Горб (погр. № 1) (Аксенов 1998, табл. I; II; Аксенов 1999, рис. 1: 4). Это позволяет предположить, что какая-то часть кремаций Сухогомольшанского могильника оставлена представителями населения этнически родственного аланам - носителям катакомбного обряда. Такая возможность предпологалась исследователем Ново-Покровского кремационного могильника Ю.В. Кухаренко (Кухаренко 1951, 107). Из абхазско-адыгских племен Западного Кавказа выводил носителей обряда кремации в Придонечье Д.Т. Березовец (Березовец 1970, 60; Березовец 1999, 330).

Возможно, в пользу такого предположения следует рассматривать и присутствие в захоронениях могильника Сухая Гомольша железных прогнутых фибул с завитком на конце приемника, ибо в захоронениях могильника, зачастую, встречалось по одному экземпляру данного изделия. В то же время в наряде леньковских, колочинских женщин и женщин Крыма V - первой половины VIII вв. входила пара фибул (Гавритухин, Обломский 1996, рис. 57, 59, 61; Щеглова 1990, 178, 198, рис. 7). Налицо разница в таком важном этнокультурном элементе как повседневная одежда, которую вряд ли можно объяснить только сменой моды. Находки одиночных фибул в захоронениях типичны и для сармато-аланского населения юга Восточной Европы первых веков н. э. (Скрипкин 1977, 100 - 120), и для аланского населения VIII - IX вв. Центрального Предкавказья (Кантемиров. Дзаттиаты 1995, 269, табл. XXXV: 3), а также Подонья (Аксенов 2001, 75, рис. 4, 13, Плетнева 1989, рис. 59). По-видимому, одиночные фибулы отвечали условиям

ношение одежды определенного вида. Появление у населения бассейна Северского Донца моды на одежду, скрепленную одной, а не двумя фибулами, как это было в предшествующее время (Аксенов, Бабенко 1998, рис. 5), вероятно, связано с приходом сюда в первой половине VIII века нового населения из степных районов. Об этом свидетельствует присутствие одиночных фибул в кремационных комплексах, обнаруженных у с. Тополи и Кочеток (Кухаренко 1951, рис. 31: 1; Дегтярь 1984, рис. 1: 16).

Часть погребений могильника Сухая Гомольша оставлена выходцами из тюркской этнической среды, которым принадлежат захоронения с "тайничками" и, возможно, кремации в ямах вытянутых очертаний, ориентированных по линии восток-запад. На их присутствие в сухогомольшанской общине указывает состав инвентаря, в котором значительное место отводится предметам вооружения, конскому снаряжению, а также наличие складных серпов, железных пинцетов, железных котлов, вилок для доставания мяса из котла, шампуров (Михеев 1985, рис. 8 - 11; Михеев 1986, рис. 7). Присутствие всех названных вещей в погребениях могильника Сухая Гомольша может свидетельствовать о полукочевом или полуседлом образе жизни населения, в зависимости от доли скотоводства в хозяйстве. Последнее подтверждается необходимостью периодически проводить заготовку корма (находки складных серпов) и присутствием в инвентаре пинцетов, с помощью которых пастухи извлекали из ран у овец грязь и червяков (Зеленин 1991, 91), что не исключает использования пинцетов в качестве щипчиков для удаления растительности на лице, как это практиковалось тюркоязычными кочевниками. К тому же тюркам по археологическим данным был известен обряд сжигания своих покойников вместе с конем и вещами (Амброз 1981, 19). Обычай сжигать покойников бьговал у тюрков-тюгу с гуннского времени до VII в. (Алексеев 1980, 224). Тюркским обычаем считается и создание тайников с вещами возле кремационных погребений (Плетнева 1967, 100). В отдалении размещенные ямки, содержащие оружие и конское снаряжение (своеобразные "жертвенные" комплексы), присущи многим кочевым народам VII - VIII вв., тюркоязычным в своей основе, на всем пространстве степей от Монголии до Среднего Подунавья (Амброз 1982, 214 - 217). Косвенным подтверждением тюркской принадлежности отдельных кремаций могильника Сухая Гомольша может служить состав погребального инвентаря захоронений и его нерядовой характер (сабли, котлы, конский начельник). В VIII - IX вв. обряд кремации стал атрибутом социальной верхушки у тюркоязычного населения степных районов Евразии (Нестеров 1980, 12, 13). Урянхайцы Тарбагатай еще в конце XIX в. сжигали людей "белой кости" (представителей социальной верхушки общества) (Катанов 1894, 159), тогда как простых людей просто бросали в степи.

Таким образом, можно предположить, что в составе населения, оставившего захоронения II-й и III-й локальных групп могильника, численно преобладали представители местного, этнически неоднородного элемента. Это потомки земледельческого населения лесостепи (славяно-иранцы и славяно-балты) и выходцев из праболгарской (тюрко-угорско-иранской) среды. Пропорциональный состав этих же этнических компонентов в общественной группе населения, оставившей I, IV, V, VI локальные группы захоронений, был несколько иным. В ней, по-видимому, численность пришлого, степного (праболгарского) компонента была

несколько выше. Представители данной родоплеменной единицы в этническом плане наиболее близки к носителям кремационного погребального обряда из Прикубанья. Интересно, что у данной общественной группы, как и у носителей кремационного обряда из Прикубанья, наблюдаются и довольно тесные связи с населением Прикамья (буртасами). На это указывает присутствие в погребальном инвентаре отмеченных групп двуконьковых шумящих подвесок, золотых сережек "булавовидной" формы, украшенных зернью, и отсутствие этих изделий в одновременных с ними захоронениях II и III локальных групп. Данное обстоятельство следует рассматривать как возможность того, что мужчины данной общественной группы брали в жены не только женщин из соседней, родственной общественной группы, но и представительниц каких-то этносов лесной зоны. При этом погребальный инвентарь из захоронений женщин свидетельствует об их высоком социальном положении в обществе, что было бы невозможно, если бы этих женщин брали в жены насильственно. В традиционных обществах замкнутого типа, сохраняющих племенные формы организации, браки с иноплеменниками служили индикатором военно-политического статуса этноса. У преобладающих в военном, политическом или социальном плане этносов насильственно захваченные женщины становились рабынями, наложницами, младшими женами (Тортика 2006, 339 - 340). Последнее не касается женщин с шумящими коньковыми подвесками и золотыми серьгами, погребенных на могильнике Сухая Гомольша. Их высокий социальный статус свидетельствует скорее о добровольном замужестве. А это является одной из отличительных черт буртасских девушек, которые по письменным источникам сами избирали себе мужей (Известия Ал-Бекри ... 1878, 61 - 62).

В целом же вторая общественная группа могильника Сухая Гомольша (локальные группы I, IV, V и VI) показывает большую включенность в экономическую и политическую структуру Хазарского каганата, чем первая, явно занимающая подчиненное положение, группа. Это подтверждается присутствием в инвентаре захоронений I, V, VI групп большого количества вещей салтовского типа, чем это имеет место в погребениях II и III групп.

Наличие в захоронениях могильника Сухая Гомольша вещей, датированных первой половиной - третьей четвертью VIII в., однозначно указывает на время появления в бассейне Северского Донца населения, оставившего данный некрополь. Показательным, как нам представляется, является факт появления кремаций, близких сухогомольшанским, в Кубано-Черноморском регионе несколько ранее, а именно: во второй половине VII - начале VIII вв. (Гавритухин, Пьянков 2003, 198; Тарабанов 1992, рис. 3: 4, 8), что отражает последовательность проникновения и освоения носителями кремационного обряда из возглавляемого хазарами объединения сначала земель в Прикубанье, а спустя некоторое время и в бассейне Северского Донца. Такая последовательность освоения территорий носителями кремационного обряда объясняет присутствие среди пришельцев из степных районов представителей адыго-абхазского населения из Кубано-Черноморского региона, попавших в бассейн Северского Донца с переселенческой волной второй четверти VIII в.

Начало сложения смешанной родоплеменной единицы, потомки которой оставили Сухогомольшанский могильник, связано с разгромом хазарами Великой

Болгарии и завоеванием ими господства в степных районах между Доном и Днпром (конец VII в.). Победенные роды и семьи при этом вынуждены оставлять свои земли и бежать на окраины освоенных территорий. Так они оказываются на южной границе Днепровского лесостепного Левобережья и в приморской полосе Северо-Западного Предкавказья. Все это происходит во время аридизации причерноморских степей (Баранов 1990, 18, 19; Комар 2005, 212). В этих экстремальных условиях старые родоплеменные объединения ослабевают или же совершенно исчезают, а на их месте, на основе слияния выживших и сохранившихся отдельных групп и семей, возникают новые этнокультурные единицы (Аксанов, Тортика 2001, 198 - 199). Происходит смешение различных традиций, в том числе и погребальных, возникают новые варианты погребальной обрядности.

В Днепровском лесостепном Левобережье это находит свое отражение в появлении на памятниках земледельческого населения юртообразных жилищ, а на могильниках - захоронений с элементами погребального обряда и инвентарем, типичным для оседлого и кочевого населения (Приходнюк 2000, 155 - 156). Таким образом, обедневшие и лишившиеся скота и пастбищ кочевники оседают на землю, селятся среди земледельческого населения, вступают с ним в экономические и родственные связи. Уровень общественного развития, хозяйственно-культурный тип и местного, и пришлого населения оказались достаточно близки. Это способствовало достаточно быстрому вхождению пришельцев в новый этнокультурный контекст и ассимиляции их в преобладающем этническом массиве.

Расселившись компактной группой среди земледельческого населения, также вынужденного сопротивляться хазарской экспансии, они стали своего рода консолидирующим элементом населения волынцевской культуры (Сухобоков 1998, 42). Наиболее ярко это подтверждают материалы раскопок Битицкого городища в бассейне р. Псел (Сухобоков 1999, 25 - 39). Однако менталитет кочевника приводит к тому, что как только появляется возможность, осевшие на землю кочевники обзаводятся скотом и возвращаются к своему первоначальному кочевому или полукочевому состоянию. При этом они увлекают с собой вступивших с ними в кровнородственные отношения представителей земледельческого населения. Арабо-хазарские войны, когда все внимание каганата было сосредоточено на своих южных границах, способствовали оттоку части полукочевому населения из лесостепи в степные районы между Днпром и Доном.

Новая переселенческая волна из степных районов на север в лесостепь связана с окончанием арабо-хазарских войн на Кавказе и переключением внимания хазар с районов Закавказья на лесостепные районы Днепро-Донецкого междуречья (после 737 г.). Именно в это время в бассейне Северского Донца появляются носители салтовского катакомбного погребального обряда - аланы. Вместе с аланами в бассейне Северского Донца оказываются и носители кремационного обряда - оседлые или полuosедлые потомки того населения, которое фиксируется в лесостепи в конце VII - начале VIII вв. и которому принадлежат ингумации с восточной ориентировкой (Нетайповский могильник) и кремации у с. Тополи, Ново-Покровского и Сухогомольшанского могильников (Комар 2005, 213). Вместе с алано-болгарами население, оставившее могильник Сухая Гомольша, составляет

своеобразную буферную зону полузависимого даннического населения между территориальным ядром Хазарского каганата и основным массивом обитателей севера и северо-запада лесной зоны Восточной Европы (Новосельцев 1990, 202 - 203; Тортика 2006, 368 - 371). Проводя политику Хазарского каганата, воины сухогомольшанской общины, вместе с воинами алано-болгарских общин бассейна Северского Донца, совершают походы за данью к покоренным соседним земледельческим племенам (полям, северянам, вятичам), участвуют в товарообмене с народами Прикамья (буртасами), земли которых были богаты разнообразными мехами (Известия о хазарах ... 1869, 19 - 24; Караулов 1908, 49). При этом мужчины сухогомольшанской общины обзаводились женами, наложницами и рабынями, как из числа покоренного местного земледельческого населения, так и из среды союзных алано-болгарских и буртасских общин. По сравнению с женами и наложницами из числа покоренных племен, последние имели более высокий социальный статус в семье. Вероятно, именно им и их детям принадлежат более богатые захоронения могильника, в состав инвентаря которых входят коньковые шумящие подвески, золотые серьги, наборы сердоликовых бус и т.п.

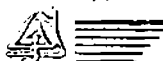
С женщинами из других родоплеменных групп в среду пришлого степного населения проникают элементы и иноэтничной культуры, что находит подтверждение в сложной погребальной обрядности могильника Сухая Гомольша. Так, захоронения женщин и девушек из числа подчиненного местного населения, а также части их детей, совершены в полном соответствии с погребальной обрядностью местного («пеньковского» и «колочинского») земледельческого населения. Им принадлежит, по-видимому, большая часть безурновых и урновых безынвентарных захоронений могильника Сухая Гомольша. Выходцами из северных лесных районов оставлены урновые захоронения с коньковыми шумящими подвесками, скулгамой, двойными зонками с волутообразными навершиями и безурновые погребения с меридианальной ориентировкой могильных ям. Погребения, содержащие солярные амулеты, одиночные железные фибулы, крупные пластинчатые пинцеты, фибулы-кресала, предметы конского снаряжения и предметы вооружения, а также безурновые захоронения с широтной ориентировкой могильных ям принадлежат представителям тюркского и алано-болгарского степного компонента салтовской культуры. Вместе с тем, проживание представителей разных родоплеменных групп одним коллективом способствовало нивелировке отличий в погребальной обрядности и даже некоторой его стандартизации, что привело к невозможности четкого определения этнической принадлежности захоронений того или иного типа Сухогомольшанского могильника.

Таким образом, в среднем течении Северского Донца, на границе лесостепи и степи, в первой половине VIII в. сложились условия для широких контактов разноэтничного (пришлого и местного) населения, приведших к созданию нового родоплеменного образования, представители которого и составляли сухогомольшанскую общину. Демонстрируя наибольшую близость в погребальном обряде и инвентаре к захоронениям с кремацией из Кубано-Черноморского региона, сухогомольшанские захоронения все же существенно отличаются от них. Это было обусловлено разным этноплеменным составом тех групп населения, которые приняли участие в сложении новых родоплеменных коллективов, оставивших могильники в Подонечье и в Прикубанье, что и придавало, в свою очередь, материальной и погребальной культуре населения данных регионов своеобразную окраску.

Литература

- Айбабин А.И. 1977. Салтовские поясные наборы из Крыма // СА. № 1.
- Айбабин А.И. 1993. Могильники VIII - начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. Вып. III Симферополь.
- Айбабин А.И. 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь.
- Аксенов В.С. 1998. К вопросу об уровне вооруженности населения салтовской культуры (по материалам погребений с сожжениями Сухогомольшанского и Красногорского могильников) // Вісник ХДУ. № 413. Вип. 30.
- Аксенов В.С. 1998. Новые находки коньковых подвесок в салтовских захоронениях на Харьковщине // Fipno-Ugrica. №1 (2). Казань.
- Аксенов В.С. 1999. Новый салтовский могильник в верхнем Подонечье // Донская археология. № 3-4. Ростов-на Дону.
- Аксенов В.С. 1999. Старосалтовский катакомбный могильник // Vita antiqua. № 2. Київ.
- Аксенов В.С. 2001. Исследование Верхне-Салтовского катакомбного могильника // Археологічні відкриття в Україні 1999 - 2000 рр. Київ.
- Аксенов В.С. 2001. Исследование Верхнесалтовского IV катакомбного могильника // Археологічні відкриття в Україні 1999 - 2000 рр. Київ
- Аксенов В.С. 2001. Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце // Донская археология. № 1 - 2. Ростов-на-Дону.
- Аксенов В.С. 2002. Отчет об археологических исследованиях Верхне-Салтовского IV катакомбного могильника в 2001 г. Харьков // Архив Харьковского исторического музея.
- Аксенов В.С. 2002. Раскопки Верхнесалтовского IV катакомбного могильника и могильника Красная Горка салтовской культуры // Археологічні відкриття в Україні 1999-2000 рр. Київ.
- Аксенов В.С. 2005. Комплексы конского снаряжения салтовского времени с конскими начальниками (по материалам Верхнесалтовского катакомбного могильника) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Донецк.
- Аксенов В.С. 2005. Салтовские кремационные комплексы с конскими начальниками из бассейна Северского Донца // Хазарский альманах. Т. 4. Киев - Харьков.
- Аксенов В.С. 2005. Новые поминальные комплексы воинов-всадников салтовского времени с территории Верхнего Подонечья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Донецк.
- Аксенов В.С. 2005. Луки из погребений салтовского могильника Красная Горка // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ.
- Аксенов В.С. 2006. Вещи славянского облика с салтовских памятников верхнего Подонечья // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Санкт-Петербург.
- Аксенов В.С. 2006. Отчет об археологических исследованиях Верхне-Салтовского IV могильника и селища салтовской культуры Нетайловка-2 в 2005 г. Харьков // Архив Харьковского исторического музея.
- Аксенов В.С., Бабенко Л.И. 1998. Погребение VII в. у с. Мохнач // РА. № 3.
- Аксенов В.С., Воловик С.И. 1999. Новый салтовский могильник в верхнем Подонечье // Донская археология. №3-4. Ростов-на-Дону.

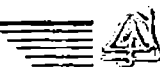
- Аксенов В.С., Крыганов А.В., Михеев В.К. 1996. Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры (по материалам Красногорского могильника) // Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев.
- Аксенов В.С., Михеев В.К. 1998. Крымский импорт и хронология некоторых памятников верховий Северского Донца // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара.
- Аксенов В.С., Михеев В.К. 2003. Погребения с крымской посудой могильника салтовской культуры Красная Горка // Vita antīqua. № 5 - 6. Київ.
- Аксенов В.С., Тортика А.А. 2001. Протоболгарские погребения Подонья и Придонечья VIII-X вв.: проблема этноисторической интерпретации и поливариантности обряда // Степи Европы в эпоху раннего средневековья. Т. 2. Донецк.
- Аксенов В.С., Хоружая М.В. 2005. Новые раннесредневековые захоронения Нетайловского могильника (раскопки 2002 - 2004 гг.) // Хазарский альманах. Т. 4. Киев - Харьков.
- Аксенов В.С. 1999. Поховання з конем другої половини VIII - IX ст. верхньої течії р. Сіверський Донець (за матеріалами салтівських ґрунтових могильників). Дис. ... канд. іст. наук. Харків.
- Аксенов В.С. 2003. Сидяче поховання з аланського катакомбного могильника біля с. Верхній Салтів // АЛЛУ. № 2. Полтава.
- Аксенова Н.В. 2001 - 2002. Назначение и символика гончарных клейм средневековья (по материалам салтовской культуры) // Stratum +. № 5. Кишинев - Санкт-Петербург.
- Алексеев Н.А. 1980. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск.
- Алихова А.Е. 1969. Материальная культура среднецнинской мордвы VIII - IX вв. Саранск.
- Амброз А.К. 1966. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н.э. - IV в. н.э.) // САИ. Вып. Д.1 - 30. Москва.
- Амброз А.К. 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. № 2 - 3.
- Амброз А.К. 1979. Хронология древностей Северного Кавказа. Москва.
- Амброз А.К. 1981. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V - первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Москва.
- Амброз А.К. 1982. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре - вопрос интерпретации // Древности эпохи Великого переселения народов. Москва.
- Амброз А.К. 1993. К происхождению днепровских антропо-зооморфных фибул // РА. № 2.
- Антонова В. 1959. Средневековни погребения от Коларовградско // Археология БАН. № 1-2. София.
- Артамонов М.И. 1958. Саркел - Белая Вежа // МИА. № 62.
- Артамонов М.И. 1962. История хазар. Москва - Ленинград.
- Археологические памятники Белгородской области. Вып. 1. Белгород. 1993.
- Афанасьев Г.Е. 1987. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // АОН. Вып. 2. Москва.

- Афанасьев Г.Е. 1993. Система социально-маркирующих предметов в мужских погребальных комплексах донских алан // РА. № 4.
- Афанасьев Г.Е. 1993. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения Среднего Дона. Москва.
- Афанасьев Г.Е. 2001. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства // РА. № 2.
- Ахмеров Р.Б. 1955. Могильник близ г. Стирлитамака // СА. Т. XXII.
- Бабенко В.А. 1910. Новые систематические исследования Верхнесалтовского катакомбного могильника 1908 г. Москва.
- Багалец Д.И. 1905. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губернии // Труды XII АС. Т. 1. Москва.
- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. 1998. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара.
- Баран В.Д. 1964. Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга // МИА. № 116.
- Баранов И.А. 1990. Таврика в Эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев.
- Баранов И.А., Майко В.В. 2001. Тюркское святилище Сугдеи // РА. № 3.
- Березовец Д.Т. 1952. Дослідження на території Путівльського району Сумської області // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. III. Київ.
- Березовец Д.Т. 1963. Поселение улицей на р. Тясмине // МИА. № 108.
- Березовец Д.Т. 1969. Могильники улицей в долине р. Тясмину // Слов'яно-руські старожитності. Київ.
- Березовец Д.Т. 1970. Про ім'я носіїв салтівської культури // Археологія. Т. 24.
- Березовец Д.Т. 1999. Русы в Поднепров'є (доклад на XIV конференції Інститута археології АН УРСР) // Полтавський археологічний збірник 1999 р. До 1100-ліття м. Полтави за результатами археологічних досліджень. Полтава.
- Бєлік О.О. 2002. Поясні набори горизонту Столбіще-Старокорсунська з поховань лісостепоного донського варіанту салтівської культури (до проблеми хронології) // Історична наука: проблеми розвитку. Матеріали Міжнародної наукової конференції 17 - 18 травня 2002 р. Секція "Археологія". Луганськ.
- Бліфельд Д.І. 1952. Дослідження в с. Шестовицях // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. III. Київ.
- Бобчева Л. 1957. Въоружението на славени и първобългари // ВИС. № 3. София.
- Богуславський Г.С. 2001. До питання про етнічну приналежність поховань за обрядом кремації салтово-маяцької культури // Археологія. № 2.
- Братченко С.Н., Швецов М.П. 1984. Средневековый могильник у станицы Багаевской // СА. № 3.
- Брехач М.Г. 1999. Керамический комплекс могильника салтовской культуры Сухая Гомольша // Матеріали Міжнародної археологічної конференції "Етнічна історія та культура населення степу Свразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя). Дніпропетровськ.
- Бубенок О.Б. 1993. Етнічна належність ямних поховань Верхньосалтівського могильника // Археологія. № 4.

- Буйнов Ю.В., Дьяченко А.Г., Шрамко Б.А. 1978. Работы на новостройках Харьковской области // АО 1977 г. Москва.
- Буйнов Ю.В., Михеев В.К. 1989. Курган срубной культуры у с. Сухая Гомольша на Харьковщине // Вісник ХДУ. № 343.
- Веймарн Е.Н., Айбабин А.И. 1993. Скалистинский могильник. Киев.
- Винников А.З. 1984. Славянские курганы Лесостепного Дона. Воронеж.
- Винников А.З., Афанасьев Г.Е. 1991. Культовые комплексы Маяцкого селища. Воронеж.
- Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. 1985. Мартан-Чуйский I-й могильник в Чечне // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный.
- Власкин М.В., Ильюхов Л.С. 1990. Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маныча // СА. № 1.
- Въжарова Ж.Н. 1976. Славяни и прабългари (по данни на некрополите от VI -XI в. на територията на България). София.
- Гавритухин И.О. 2005. Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы ремешковой гарнитуры) // Хазары, евреи и славяне. Т. 16. Москва – Иерусалим.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М. 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Москва.
- Гавритухин И.О., Пьянков О.В. 2003. Раннесредневековые древности побережья (IV – IX вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV – XIII вв. Москва.
- Гадло А.В. 1969. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки 1964 г. // СА. № 1.
- Генинг В.Ф. 1962. Мыдлань-Шай – удмурдский могильник VIII - IX вв // ВАУ. Вып. 3.
- Генинг В.Ф. 1979. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н. э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. Вып. 158.
- Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. 1990. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев.
- Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. 1970. Позднеломоватовские могильники в Коми-Пермяцком округе // ВАУ. Вып. 9.
- Генинг В.Ф., Халикова А.Х. 1964. Ранние болгары на Волге: Больше-Тарханский могильник. Москва.
- Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К. 1962. Археологические памятники у села Рождественно. Казань.
- Голдина Р.Д. 1970. Могильники VII - IX вв. на Верхней Каме // ВАУ. Вып. 9.
- Голубева Л.А. 1966. Коньковые подвески Верхнего Прикамья // СА. № 3.
- Голубева Л.А. 1979. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. Вып. Е1 - 59. Москва.
- Горюнова Е.Н. 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94.
- Гринченко В.А. 1950. Памятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі // Археологія. Т. 3.
- Грязнов М.П. 1956. История древнейших племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. № 48.

- Данилевич Е.А. 1905. Раскопки курганов около с. Буди и х. Березовки Ахтырского уезда Харьковской губернии // Труды ХП АС. Т.1. Москва.
- Джиованни дель ПIANO Карпини 1957. История монголов // Путешествия в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. Москва.
- Дегтярь А.К. 1981. Некоторые вопросы истории населения верхнего течения Северского Донца в раннем средневековье // Вестник ХГУ. № 214.
- Дегтярь А.К. 1984. Комплекс из погребения воина у с. Кочеток на Северском Донце // СА. № 2.
- Деопик В.Б. 1961. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI -IX вв. // СА. № 3.
- Деопик В.Б. 1963. Классификация и хронология аланских украшений VI - IX вв. // МИА. № 114.
- Димитров Д.И. 1974. Погребальный обряд при раннобългарските некрополи във Варненско (VIII - X в) // ИАИ. Т. 34. София.
- Дмитриев А.В. 1979. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо // КСИА. Вып. 158.
- Дмитриев А.В. 1982. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов. Москва.
- Дмитриев А.В. 2003. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V – IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV – XIII вв. Москва.
- Доуженок В.И. 1952. К истории земледелия у восточных славян в I тысячелетии н.э. и в эпоху Киевской Руси // Материалы по истории земледелия СССР. Москва.
- Доуженок В.И. 1961. Землеробство Давньої Русі. Київ.
- Дубынин А.Ф. 1974. Щербинское городище // Дьяковская культура. Москва.
- Ефименко П.А., Третьяков П.Н. 1948. Древнерусские поселения на Дону // МИА. № 8.
- Жебелев С.А. 1939. Маврикий (Стратег). Известия о славянах VI-VII вв. // Исторический архив. № 2.
- Жиронкина О.Ю. 1998. Лингвистическое обеспечение систематизации ранне-средневековых бус Юго-Восточной Европы // Приложение 1 в книге: Ковалевская В.Б. Хронология Восточно-Европейских древностей V - IX веков. Вып. 1. Каменные бусы Кавказа и Крыма. Москва.
- Жиронкина О.Ю., Крыганов А.В., Цитковская Ю.И. 1997. Об одном комплексе погребений Нетайловского могильника // Древности 1996. Харьков.
- Зеленин Д.К. 1991. Восточнославянская этнография. Москва.
- Зиньковская И.В. 1997. Население лесостепного Днепро-Донского междуречья во второй – третьей четверти I тыс. н. э. (по материалам погребальных комплексов с кремациями) / Автореф. дис. кандидата историч. наук. Воронеж.
- Иванов П.П. 1952. Крюковско-Кужовский могильник. Моршанск.
- Иванов А.А. 2000. Раннесредневековые подкурганые кочевнических захоронения второй половины VII – первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья / Автореф. дис. ... кандидата историч. наук. Волгоград.

- Иванов А.А., Копылов В.П., Науменко С.А. 2000. Поясные наборы из курганов хазарского времени в междуречье Дона и Сала // Донецкая археология. № 1. Ростов-на-Дону.
- Иерусалимская А.А. 1992. Кавказ на шелковом пути. Санкт-Петербург.
- Известия Ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. Ч. 1. / Статьи и разыскания А. Куника и барона Розена. Санкт-Петербург. 1878.
- Известия о хазарах, бургасах, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмада Бен Омара Ибн-Даста / Д.А. Хвольсон. Санкт-Петербург. 1869.
- Измайлов И.П. 1989. Оружие ближнего боя болгар VIII - X вв. // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань.
- Иченская О.В. 1981. Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нетайловского могильника // Древности Среднего Поднепровья. Киев.
- Йовков С.М. 1978. Ручные почвообрабатывающие орудия Волжской Болгарии // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. Москва.
- Казаков Е.П. 1971. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань.
- Казаков Е. П. 1998. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Самара.
- Кадеева Е.М., Михеев В.К. 1972. Роботи на Балаклійському могильнику // Археологічні дослідження України 1969 року. Київ.
- Капнин И.Ф., Халиков А.Х. 1960. Именьевское городище // МИА. № 80.
- Капов Е.А. 1971. Осетины. Москва.
- Каминский В.Н. 1987. Алано-болгарский могильник близ станицы Старокорсунской на Кубани // СА. № 4.
- Кантемиров Э.С., Дзаттиаты З.Г. 1995. Тарский катакомбный могильник VIII - IX вв. // Аланы: история и культура. Владикавказ.
- Караулов Н.А. 1908. Сведения арабских географов IX - X веков по Р.Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМПК. - Вып. 38.
- Катанов Н.Ф. 1894. О погребальных обрядах тюркских племен с древнейших времен до наших дней // ИОАИЭ. Т. 12. Вып. 2.
- Кирпичников А.Н. 1966. Древнерусское оружие. Вып.1. Мечи и сабли IX-XIII вв. Москва - Ленинград.
- Кирпичников А.Н. 1966. Древнерусское оружие. Вып.2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX-XIII вв. Москва - Ленинград.
- Кирпичников А.Н. 1971. Древнерусское оружие. Вып.3. Доспех, комплекс боевых средств IX-XIII вв. Ленинград.
- Кирпичников А.Н. 1973. снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX - XIII вв. Ленинград.
- Кирпичников А.Н. 1976. Военное дело на Руси в XIII - XV вв. Ленинград.
- Киселев С.В. 1951. Древняя история Южной Сибири. Москва.
- Ковалевская В.Б. 1972. Башкирия и евразийские степи IV-IX вв. (по материалам поясных наборов) // Проблемы археологии и древней истории угров. Москва.

- Ковалевская В.Б. 1979. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. // САИ. Вып.Е.1-2. Москва.
- Ковалевская В.Б. 1981. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. Москва.
- Ковалевская В.Б. 1995. Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура. Владикавказ.
- Ковалевская В.Б. 1996. Проблемы математической обработки археологического материала VI - IX вв. (по материалам Кавказа) // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара.
- Ковалевская В.Б. 2000. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. Москва.
- Ковач Л. 1981. Вооружение венгров-обретателей родины: сабли, боевые топоры, копья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва.
- Ковычев Е.В. 1981. Лук и стрелы восточнозбайкальских племен I тысячелетия н. э. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.
- Колода В.В., Крыганов А.В. 2005. Исследования 2004 г. на Нетайловском могильнике // Археологічні дослідження в Україні 2003 - 2004 рр. Запоріжжя.
- Колчин Б.А. 1953. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период) // МИА. № 32.
- Колчин Б.А. 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65.
- Комар А.В. 1999. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita antiqua. № 2.
- Комар А.В. 2005. Исторические предпосылки возникновения легенды о полянской дани хазарам по археологическим данным // Хазары. евреи и славяне. Т. 16. Москва - Иерусалим.
- Комар А.В. 2006. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII - нач. VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Донецк.
- Комар О.В., Гюро В.І. 1999. Курганы хозарського часу на Луганщині // Vita antiqua. № 2. Київ.
- Корзухина Г.Ф. 1950. Из истории древнерусского оружия XI в. // СА. Т. 13.
- Корзухина Г.Ф. 1978. Предметы убора с выемчатыми эмальями V - первой половины VI вв. н. э. в Среднем Поднепровье // САИ. Вып. Е.1 - 43. Ленинград.
- Корзухина Г.Ф., 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье // МАИЭТ. Т. V. Симферополь.
- Кравченко Н.М. 1983. Погребения с сожжениями на черняховских могильниках // Погребальный обряд племен черняховской культуры. Москва.
- Красильников К.И. 1991. Могильник древних болгар у с. Желтое на Северском Донце // Проблеми на прабългарската история и култура. Вип. 2. София.
- Красильников К.І. 1999. Кухонна керамика та керамічні вироби спеціального призначення салтово-маяцької культури Середньодонеччя // Vita antiqua. № 2. Київ.
- Красильников В.И. 2001. Новые данные об этническом составе населения степного Подонцовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк.

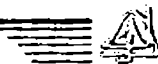
- Криганов А.В. 1993. Військова справа ранньосередньовічних аланів Подоння // Археологія. № 2.
- Крыганов А.В. 1987. Вооружение и конское снаряжение кочевников юга Восточной Европы VIII - X вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Харьков.
- Крыганов А.В. 1987. Кистени салтово-маяцкой культуры Подонья // СА. №2.
- Крыганов А.В. 1989. Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.
- Крыганов А.В. 1989. Восточноевропейские кочевнические удила VII - X вв. // Вестник ХГУ. № 342.
- Круглов Е.В. 1992. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли // СА. № 4.
- Круглов Е.В. 2004. Сложносоставные луки раннехазарского времени // Хазарский альманах. Т. 3. Киев – Харьков.
- Круглов Е.В. 2005. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Донецк.
- Куза А.В. 1970. Рыболовство у восточных славян во второй половине I тысячелетия н. э. // МИА. № 176.
- Культура Биляра. *Булгарские орудия труда и оружие X-XIII вв.* Москва, 1985.
- Кухаренко Ю.В. 1951. О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК. Т. XLI.
- Кухаренко Ю.В. 1952. Новопокровський могильник і поселення // Археологія. Т. 6.
- Кызласов Л.Р. 1981. Культура древних уйгур (VIII - IX вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. Москва.
- Кызласов Л.Р. 1994. Рунические письменности Евразийских степей. Москва.
- Левашова В.П. 1956. Сельское хозяйство. Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. // Труды ГИМ. Вып. 32.
- Левенок В.П. 1959. Пряслица городища Саркел – Белая Вежа // МИА. № 75.
- Левина Л.М. 1996. Этнокультурная история Восточного Приазовья. Москва.
- Липкин Ю.А. 1974. Могильники третьей четверти I тыс. н. э. в Курском Посемье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Ленинград.
- Любичев М.В. 1994. Пеньківська культура Дніпро-Донецького межиріччя. Дис. ... канд. іст. наук. Харків.
- Ляпушкин И.И. 1940. Раскопки правобережного Цимлянского городища // КСИИМК. Вып. 4.
- Ляпушкин И.И. 1958. Карнауховское поселение // МИА. № 62.
- Ляпушкин И.И. 1958. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дон // МИА. № 62.
- Ляпушкин И.И. 1959. К вопросу о памятниках вольнцевского типа // СА. Т. XXIX - XXX.
- Ляпушкин И.И. 1961. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА. № 104.
- Магомедов М.Г. 1975. Костяные накладки седла из Верхнечирюртовского могильника // СА. № 1.
- Магомедов М.Г. 1981. Население приморского Дагестана в VII -VIII вв. // Плиска-Преслав. Т. 2. София.

- Мажитов Н.А.* 1981. Курганы Южного Урала VIII -XIII вв. Москва.
- Майко В.В.* 2004. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. Киев.
- Майко В.В.* 2007. Средневековые некрополи Судакской долины. Киев.
- Макаревич М.П.* 1957. Поховання сарматського та салтівського типів на Сіверському Дінці // Археологія. Т. 10.
- Макаренко Н.Е.*, 1908. Материалы по археологии Полтавской губернии // Труды ПУАК. Полтава.
- Мальм В.А.* 1956. Промыслы древнерусской деревни // Труды ГИМ. Вып. 32.
- Матвеева Г.И.* 1997. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара.
- Машкова М.Г., Максименко В.Е.* 1974. Работы Богаевской экспедиции в 1971 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. 2. Москва.
- Медведев А.Ф.* 1966. Ручное метательное оружие (пук, стрелы, самострел). Москва.
- Мелюкова А.И.* 1964. Вооружение скифов. Москва.
- Мерперт Н.Я.* 1951. О генезисе салтовской культуры // КСИИМК. Вып. 36.
- Мерперт Н.Я.* 1955. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // СА. Т. 23.
- Миллер А.А.* 1910. Из поездки по Абхазии в 1907 году // МЭР. Т. 10.
- Минаева Т.М.* 1951. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани // МИА. № 23.
- Михеев В.К.* 1968. Достижения ремесленников салтовской культуры. Харьков.
- Михеев В.К.* 1979. Работы средневековой экспедиции Харьковского университета // АО 1978 года. Москва.
- Михеев В.К.* 1982. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша // СА. № 2.
- Михеев В.К.* 1983. Две раннесредневековые находки на Харьковщине // СА. № 3.
- Михеев В.К.* 1984. Экономика и социальные отношения у населения Хазарского каганата (вторая половина VIII - середина X вв.): Дис. ... докт. ист. наук. Харьков.
- Михеев В.К.* 1985. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков.
- Михеев В.К.* 1986. Сухогомольшанский могильник // СА. № 3.
- Михеев В.К.* 1990. Погребальный обряд Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань.
- Михеев В.К.* 1991. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья - Приазовья в VIII - X вв. (Ч. 1) // Археология славянского Юго-Востока: Материалы к межвузовской научной конференции. Воронеж.
- Михеев В.К.* 1994. Новый грунтовый могильник салтовской культуры в с.Червоная Гусаровка // Древности 1994. Харьков.
- Михеев В.К.* 2004. Северо-Западная окраина Хазарии в свете новых археологических отк. чтий // Хазарский альманах. Т. 3. Киев - Харьков.
- Михеев В.К., Дегтярь А.К.* 1974. Раскопки Сухогомольшанского могильника // АО 1973 года. Москва.
- Михеев В.К., Дегтярь А.К.* 1975. Продолжение раскопок Сухогомольшанского комплекса // АО 1974 года. Москва.
- Михеев В.К., Дегтярь А.К.* 1976. Раскопки Сухогомольшанского могильника // АО 1975 года. Москва.

- Міхесє В.К. 1966. До питання про ремісничє виробництво салтівської культури // Вісник ХДУ. № 17. Вип. 1.
- Міхесє В.К. 1974. Нові пам'ятки салтівської культури в басейні Сіверського Дінця // Вісник ХДУ. № 104. Вип. 8.
- Міхесє В.К., Приходнюк О.М. 1986. Пеньківське поселення на Сіверському Дінці // Археологія. № 54.
- Міхесє В.К., Степанська Р.Б., Фомін Л.Д. 1973. Ножі салтівської культури та їх виробництво // Археологія. Вип. 9.
- Могильников В.А. 1981. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Москва.
- Монгайт А.П. 1951. Могила всадника у с. Арцибашева // КСИИМК. Вип. 41.
- Нестеров С.П. 1980. Этническая принадлежность носителей обряда погребений с конем // Материалы XVIII Всесоюзной научной конференции "Студент и научно-технический прогресс". Новосибирск.
- Нестеров С.П. 1981. Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.
- Новосельцев А.П. 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. Москва.
- ОАК зв 1890 г. Санкт-Петербург, 1893.
- Овчинникова Б.Б. 1981. К вопросу о вооружении кочевников средневековой Тувы (по материалам раскопок могильника Аймырлыг) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.
- Овчинникова Б.Б. 1990. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI-X вв. Свердловск.
- Падин В.А. 1974. Древности VI – VII вв. н. э. в окрестностях Трубчевска // Раннесредневековые восточнославянские древности. Ленинград.
- Пархоменко О.В. 1983. Поховальний інвентар Нетайлівського могильника VIII-IX ст. // Археологія. № 43.
- Перхавко В.Б. 1979. Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана // СА. № 4.
- Плетнева С.А. 1958. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях // МИА. № 62.
- Плетнева С.А. 1960. Средневековое население верховьев Северского Донца // КСИИМК. Вип. 79.
- Плетнева С.А. 1962. Подгоровский могильник // СА. № 3.
- Плетнева С.А. 1962. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII-IX вв. // СА. № 1.
- Плетнева С.А. 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. № 146.
- Плетнева С.А. 1972. Об этнической неоднородности населения Северо-Западного Хазарского пограничья // Новое в археологии. Москва.
- Плетнева С.А. 1981. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. Москва.
- Плетнева С.А. 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. Москва.
- Плетнева С.А. 1990. Хазарские проблемы в археологии // СА. № 2.
- Плетнева С.А. 1999. Очерки хазарской археологии. Москва.

- Плетнева С.А., Николаенко А.Г. 1976. Волоконовский древнеболгарский могильник // СА. № 3.
- Поболь Л.Д. 1974. Древности середины и третьей четверти I тыс. н. э. в Белорусском Поднепровье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Ленинград.
- Повесть временных лет. Москва – Ленинград, 1950.
- Покровский А.М. 1905. Верхне-Салтовский могильник // Труды ХП АС. Т.1. Москва.
- Приходнюк О.М. 1990. Раннеславянские культуры V – VII вв. и этнополитическая консолидация славян // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев.
- Приходнюк О.М. 1994. Технология виробництва та витоків ювелірного стилю металевих прикрас Пастирського городища // Археологія. № 3.
- Приходнюк О.М. 1998. Пеньковская культура. Воронеж.
- Приходнюк О.М. 1998. Пастирський скарб 1992 року // Археологічний літопис Лівобережної України. № 1 – 2.
- Приходнюк О.М. 1998. Основні підсумки та завдання вивчення Пастирського городища // Археологія № 3
- Приходнюк О.М. 2000. Военно-политический союз антов и тюркский мир (по данным исторических и археологических источников) // МАИЭТ. Т. VII. Симферополь.
- Пчелина Е.Г. 1929. Два погребения времени алано-хазарской культуры из селения Лац // Труды САРАНИОН. Т. 4.
- Пьянков А.В. 2001. Касоги / касахи / кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар.
- Пьянков А.В., Тарабанов В.А. 1996. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство // Проблемы археологии и истории Боспора. К 170-летию Керченского музея древностей. Керчь.
- Родинкова В.Е. 2006. К вопросу о типологическом развитии антропозооморфных фибул (сложные и двуластинчатые формы) // РА. № 4
- Руденко С.И., Глухов А.Н. 1927. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. Т. III. Вып. 2.
- Рунич А.П. 1976. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из кисловодской котловины // СА. № 3.
- Рунич А.П. 1979. Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. № 4.
- Рыбаков Б.А. 1950. Уличи // КСИИМК. Вып. 35.
- Рыбаков Б.А. 1953. Древние русы // СА. Т.17.
- Савенко С.Н. 1985. Раскопки Мартан-Чуйского I-го могильника в 1980 г. // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный.
- Савченко Е.И. 1986. Крымский могильник // АОН. Вып. 1. Москва.
- Савченкова Л.Л. 1996. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.
- Саханев В.В. 1914. Раскопки на Северном Кавказе в 1911-1912 гг. // ИАК. Вып. 56.

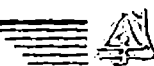
- Святкин С. В. 1998. Относительная хронология мордовских боевых топоров-чеканов VIII - XI вв. // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Самара.
- Седов В. В. 1982. Восточные славяне в VI-XIII вв. Москва.
- Седов В. В. 1987. Водь // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Москва.
- Седов В. В. 2002. Славяне: историко-археологическое исследование. Москва.
- Семенов-Зусер С. А. 1949. Розкопки коло с. Верхнього Салтова 1946 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 1.
- Семенов-Зусер С. А. 1952. Дослідження Салтівського могильника // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 3.
- Скрипкин А. С. 1977. Фибулы Нижнего Поволжья // СА. № 2.
- Сміленко А. Т. 1965. Глодоські скарби. Київ.
- Сміленко А. Т., Юренко С. П. 1990. Восточные славяне в VIII - IX вв. // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев.
- Смирнов А. П. 1957. Железный век Башкирии // МИА. № 58.
- Смирнов А. П. 1958. Вопросы об истоках Приазовской Руси // СА. № 2.
- Сорокин С. С. 1959. Железные изделия Саркела - Белой Вежи // МИА. № 75.
- Станчев С. Р. 1957. Новый памятник ранней болгарской культуры // СА. Т. 27.
- Станчев С. Р. 1960. Материалы от дворцового центра в Плиски // ИАИ. № 23.
- Станчев С., Иванов С. 1958. Некропольт до Нови Пазар. София.
- Сухобоков О. В. 1975. Славяне Днепровского Левобережья. Киев.
- Сухобоков О. В. 1998. Этнокультурная история Левобережной Украины I - начала II тыс. // Археологія. № 2.
- Сухобоков О. В. 1999. До походження та інтерпретації пам'яток волинцеаського етапу культури літописних сіверян // Археологія. № 2.
- Сухобоков О. В., Горбаненко С. О. 2001. Комплекс землеробських знарядь з городища Битиця - 1 // АЛЛУ. № 2. Полтава.
- Тарабанов В. А. 1983. Средневековый могильник у аула Казазово // Проблемы археологии и этнографии Вып. II. Ленинград.
- Тарабанов В. А. 1992. Раскопки средневекового кремационного могильника у с. Молдовановское Крымского района в 1989 г. // Археологические раскопки на Кубани в 1989 - 1990 годах. Ейск.
- Тарабанов В. А. 1999. Исследование раннесредневековых памятников в Адыгее в 1986 году // Древности Кубани. Вып. 14. Краснодар.
- Тесленко Г. І. 1927. Розкопки Верхньо-Салтівського могильника 1920 року // Наукові записки / Наукові дослідження кафедри історії української культури. № 6.
- Титов В. С., Эрдели И. 1980. Первые итоги раскопок венгеро-советской экспедиции на территории ВНР // СА. № 1.
- Тортика А. А. 2006. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. Харьков.
- Третьяков П. Н. 1941. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. // МИА. № 5.
- Третьяков П. Н. 1970. У истоков древнерусской народности. Москва.
- Третьяков П. Н. 1971. Что такое "пастырская культура"? // СА. № 4.

- Третьяков П.Н. 1974. Древности второй и третьей четвертей I тыс. н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Ленинград.
- Уварова П.С. 1900. Могильники Северного Кавказа // МАК. Т. VIII.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Москва.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1984. Погребения хазарского времени из урочища "Кривая Лука" в Нижнем Поволжье // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово.
- Флеров В.С. 1984. Маяцкий могильник // Маяцкое городище. Москва.
- Флеров В.С. 1990. Маяцкий могильник (раскопки 1979) // Маяцкий археологический комплекс. Москва.
- Флеров В.С. 1993. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата (Маяцкий могильник). Волгоград.
- Флерова В.Е. 1996. Домашние промыслы в Саркеле - Белой Веже (по материалам коллекций костяных изделий) // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара.
- Фонякова Н.А. 1986. Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтово-маяцкой культуры VIII-IX вв. // СА. № 3.
- Хайнрих А. 1995. Раннесредневековые катакомбные могильники из селений Чми и Кубан // Аланы: история и культура. Владикавказ.
- Хазанов А.М. 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. №4.
- Хазанов А.М. 1971. Очерки военного дела сарматов. Москва.
- Халикова Е.А. 1976. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. № 3.
- Худяков Ю.С. 1980. Вооружение енисейских киргизов VI-XII вв. Новосибирск.
- Худяков Ю.С. 1981. Вооружение кочевников приалтайских степей в IX - X вв. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.
- Худяков Ю.С. 1984. Вооружение древних тюрок Центральной Азии // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово.
- Худяков Ю.С. 1986. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.
- Цыркин А.В. 1984. Древковое оружие мордвы и его хронология // СА. № 1.
- Чангова Й. 1962. Средневековни оръдия на труда в България // ИАИ БАН. Кн. 25. София.
- Чангова Й. 1972. Средневековното селище над тракийский град Светополис VI - XIV век. София.
- Швецов М.Л. 1991. Могильник "Зливки" // Проблеми на прабългарската история и култура. Вип. 2. София.
- Швецов М.Л., Санжаров С.Н., Прынь А.В. 2001. Два новых сельских могильника в Подонцовье // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк. Т. 2.
- Шрамко Б.А. 1962. Древности Северского Донца. Харьков.
- Шрамко Б.А. 1983. Погребения VIII - X вв. у с. Пятницкое в Харьковской области // Древнерусское государство и славяне. Минск.
- Шрамко Б.А., Целкин Е.А. 1963. Рыболовство у жителей Донецкого городища в VIII - XIII вв. // СА. № 2.

- Щеглова О.А. 1987. Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
- Щеглова О.А. 1990. О двух группах "древностей антов" в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск.
- Якобсон А.Л. 1951. Средневековые амфоры северного Причерноморья (Опыт хронологической классификации) // СА. Т. XV.
- Якобсон А.Л. 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Ленинград.
- Ястребов В.Н. 1893. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии // МАР. Т. X.
- Bona I. 1980. Studien zum fruhawarischen Reitergrab von Szegvar // ААН. № 3.
- Cilinska Z. 1973. Fruhmittelaterlisches Graberfeld in Zelovee. Bratislava.
- Flerov V.S. 1990. Einige Arten der polierten Keramik der Saltovo-Majaki-Kultur // Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten / Varia Archaeologica Hungarica. III. Budapest.
- Kalmar I. 1944-45. Az avar hgilhedye // AE. Vol. V - VI.
- Kaminsky V.N. 1996. Early medieval weapons in the North Caucasus - a preliminary review // Oxford journal of archaeology. V. 15. № 1.
- Kiss A. 1977. Avar cemeteries in country Baranya. Budapest.
- Krasil'nikov K.I. 1990. Die Keramik der Saltovo-Majaki-Kultur am nordlichen Mittelauf des Donec // Die Keramik der Saltovo-Majaki kultur und ihrer Varianten / Varia Archaeologica Hungarica. III. Budapest.
- Malinowski A., Michejew W. 1981. Suchogomolszanski zespok osadniczy w swietle danych archeologii i antropologii // Zrodla do badan Biologii i historii populacji slowianskich. Poznan.
- Parchomenko O.V. 1990. Die der Keramik der Variante der Saltovo-Kultur am oberen Lauf des Flusses Don // Die der Keramik Saltovo-Majaki kultur und ihrer Varianten / Varia Archaeologica Hungarica. III. Budapest.
- Reversz L. 1987. Lykaforige schnallen in dem Karpatenbecken // ААН. V. 39.

Список сокращений

- АЛУ – Археологічний літопис Лівобережної України
АС – Археологический съезд
АО – Археологические открытия
БАН – Болгарская Академия наук
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВИС – Военно-исторический сборник
ГИМ – Государственный исторический музей
ИАИ – Известия Археологический институт Българската Академия на наукита
ИАК – Известия археологической комиссии
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАК – Материалы по археологии Кавказа
МАР – Материалы по археологии России
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МЭР – Материалы по этнографии России
ОАК – Отчеты Археологической комиссии
ПУАК – Полтавская Ученая Архивная комиссия
РА – Российская археология
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
САРАНИОН – Секция археологии Российской ассоциации научных институтов общественных наук
СМОМПК - Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
ХГУ – Харьковский государственный университет
ХДУ – Харківський державний університет
ААН – Acta Archeologica Hungaricae
АЕ – Archeologia Ertesito
АН - Archeologia Hungarica

Рис 1. Аэрофотосъемка Сухогомольшанского археологического комплекса.

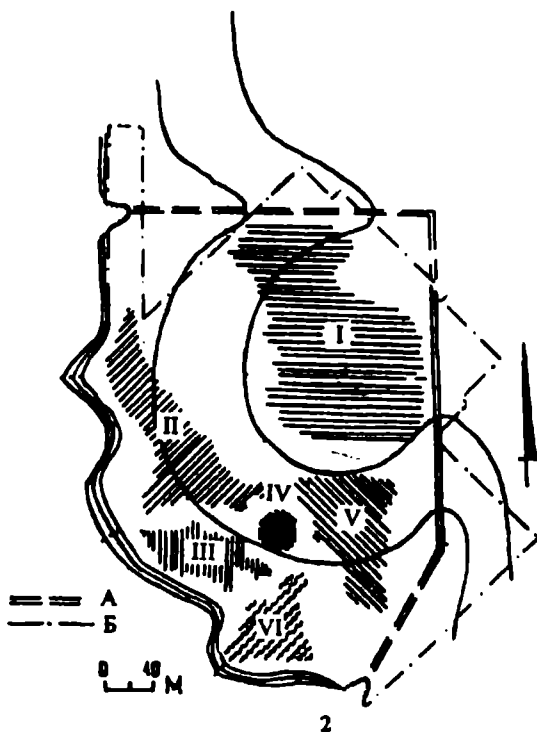
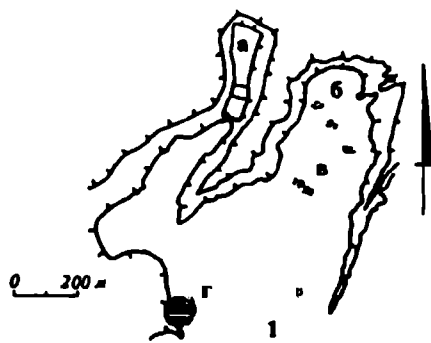

Рис. 2. План Сухогомольщанского археологического комплекса.

1 – план комплекса, 2 – план могильника у с. Сухая Гомольша. а – городище; б – селище; в – могильник; А – ровик; Б – границы вскрытой площади.

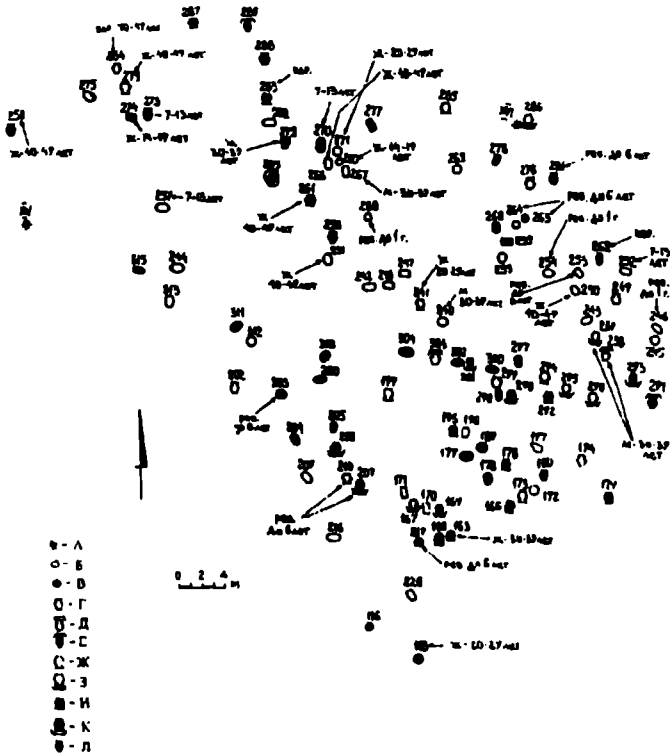

Рис. 3. Локальная группа I могильника Сухая Гомольша.

А - комплекс; Б - безурновое трупосожжение с костями очищенными от следов погребального костра; В - безурновое трупосожжение с костями и остатками погребального костра; Г - урновое трупосожжение с костями очищенными от следов погребального костра; Д - урновое трупосожжение под крышкой с костями очищенными от следов погребального костра; Е - урновое трупосожжение под крышкой с костями и остатками погребального костра; Ж - урновое трупосожжение под перевернутой вверх дном урной с костями очищенными от следов погребального костра; З - урновое трупосожжение под перевернутой вверх дном урной на подстилке с костями очищенными от следов погребального костра; И - урновое трупосожжение под перевернутой вверх дном урной с костями и остатками погребального костра; К - урновое трупосожжение под перевернутой вверх дном урной на подстилке с костями и остатками погребального костра; Л - урновое трупосожжение с костями и остатками погребального костра.

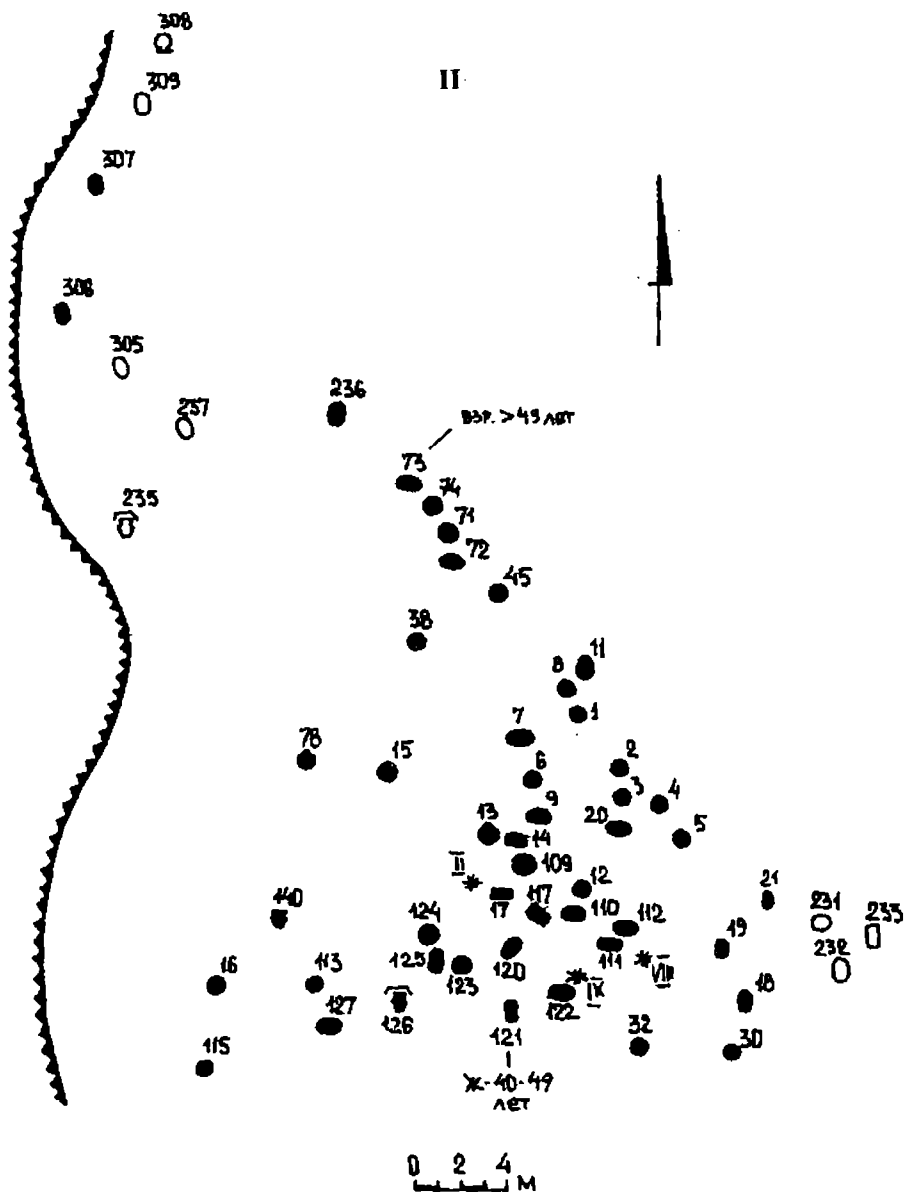

Рис. 4. Локальная группа II могильника Сухая Гомольша.

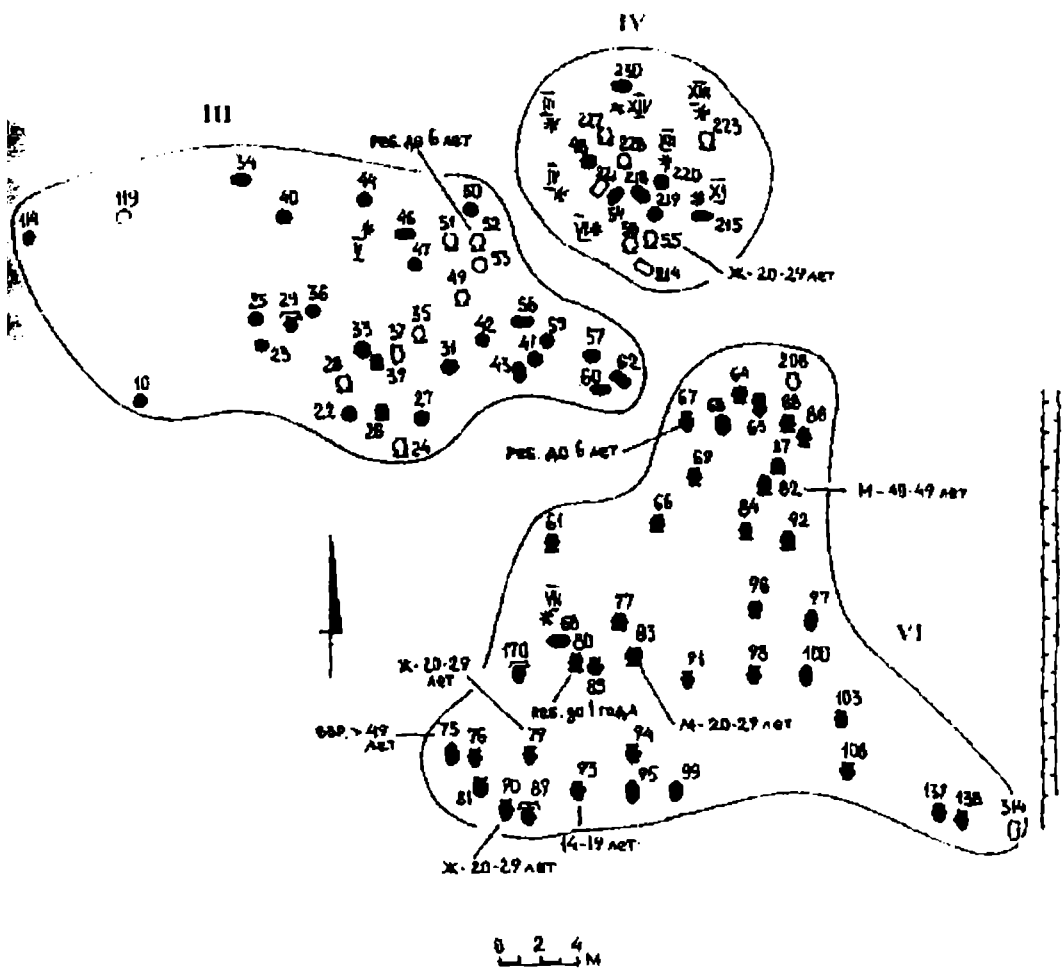

Рис. 5. Локальные группы III, IV, VI могильника Сухая Гомыша

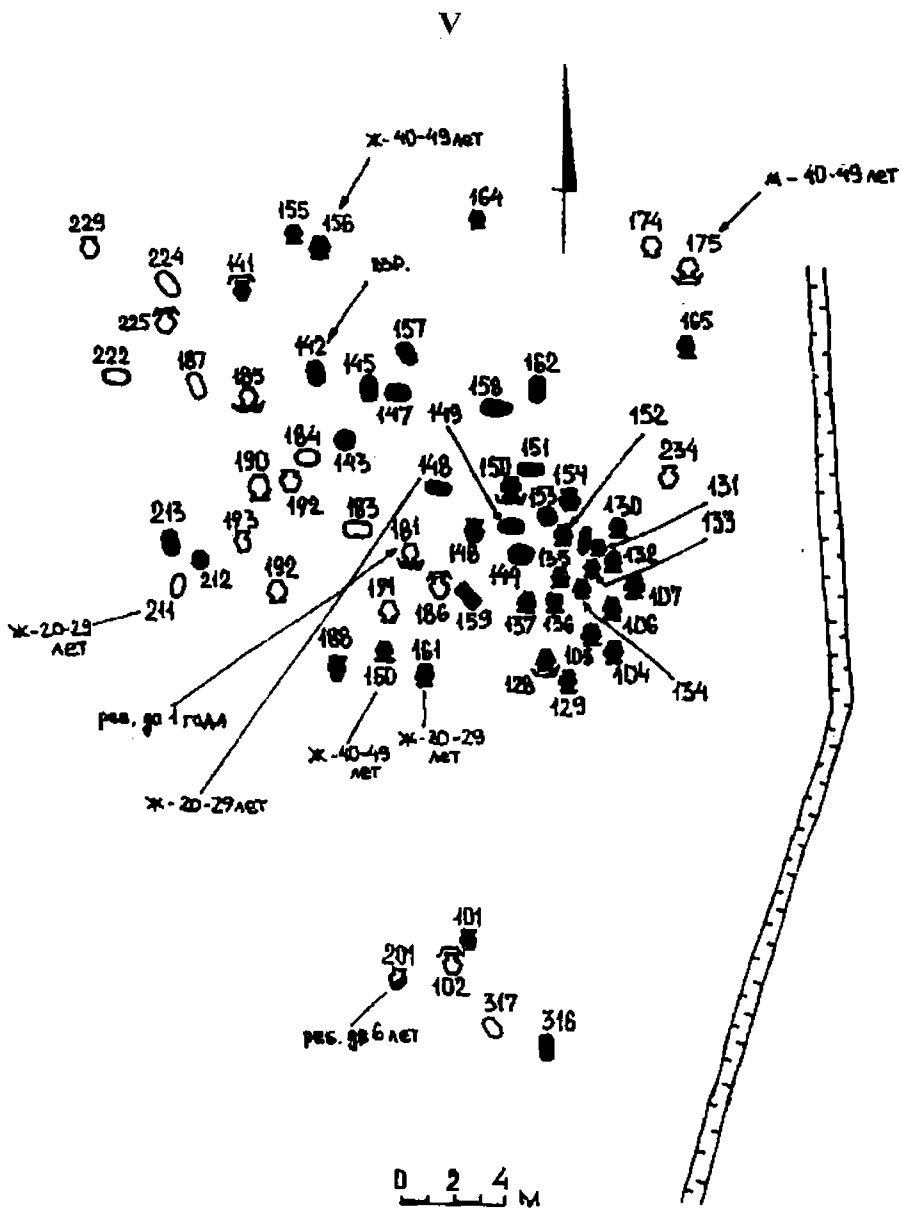

Рис. 6. Локальная группа V могильника Сухая Гомольша

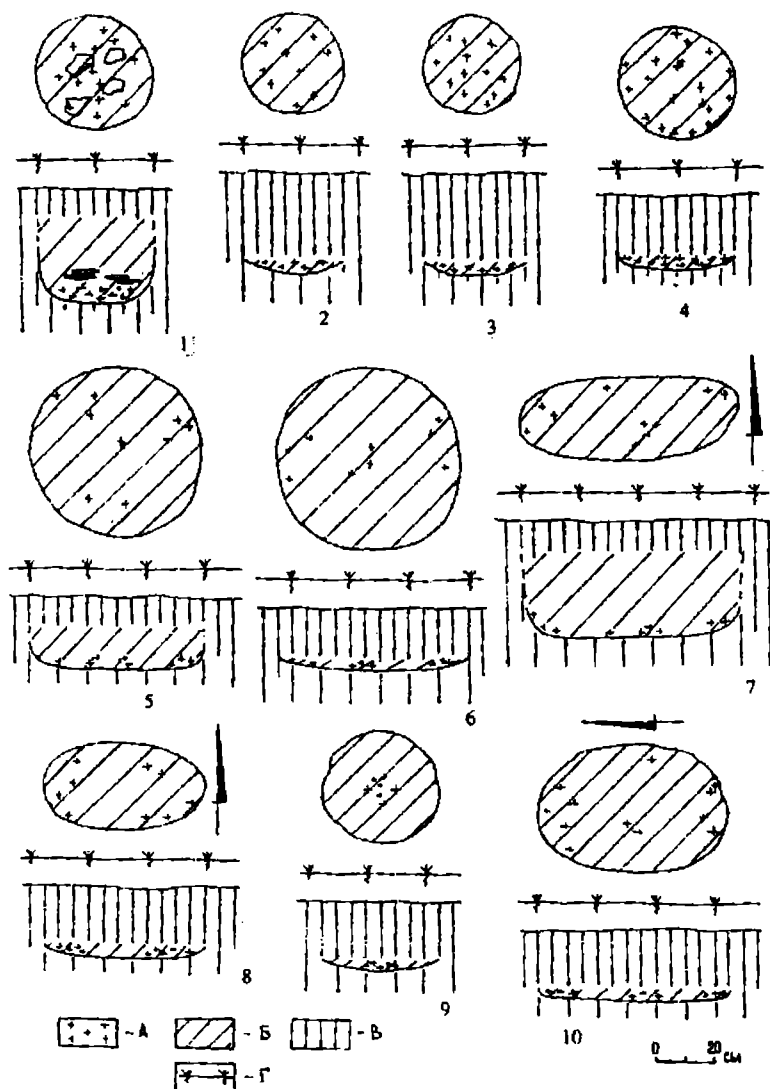

Рис. 7. Планы погребений № 1 – 7, 9 – 11.

1 - погр. № 31; 2 - погр. № 2, 3 - погр. № 3; 4 - погр. № 4; 5 - погр. № 5; 6 - погр. № 6; 7 - погр. № 7; 8 - погр. № 9; 9 - погр. № 10; 10 - погр. № 11. А - кальцинированные кости; Б - зола и древесный уголь от погребального костра; В - чернозем; Г - дерновой слой.

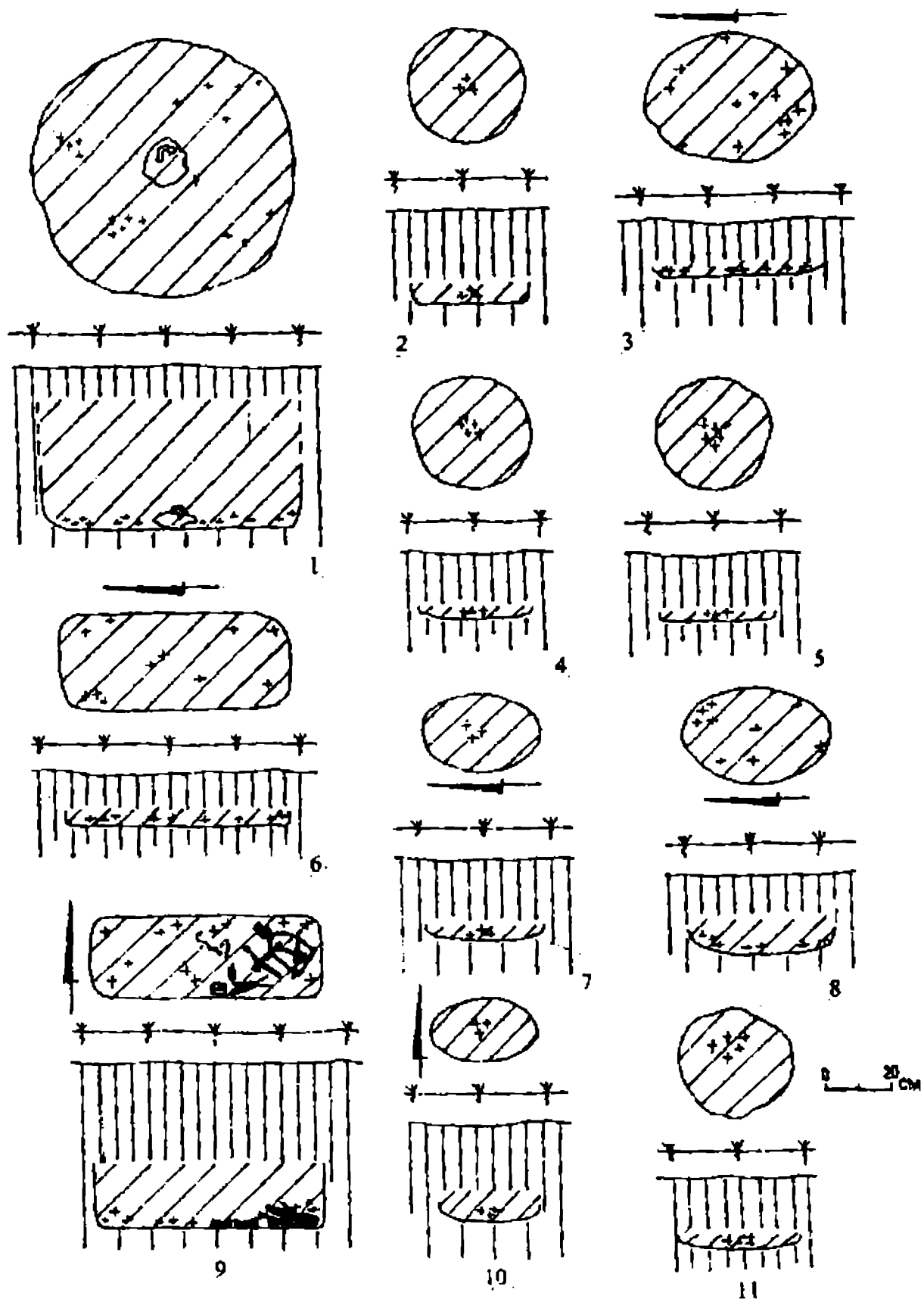
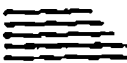

Рис. 8. Планы погребений № 8, 12 – 20, 23.

1 - погр. № 8; 2 - погр. № 12; 3 - погр. № 13; 4 - погр. № 15; 5 - погр. № 16; 6 - погр. № 14; 7 - погр. № 18; 8 - погр. № 19; 9 - погр. № 17; 10 - погр. № 20; 11 - погр. № 23.

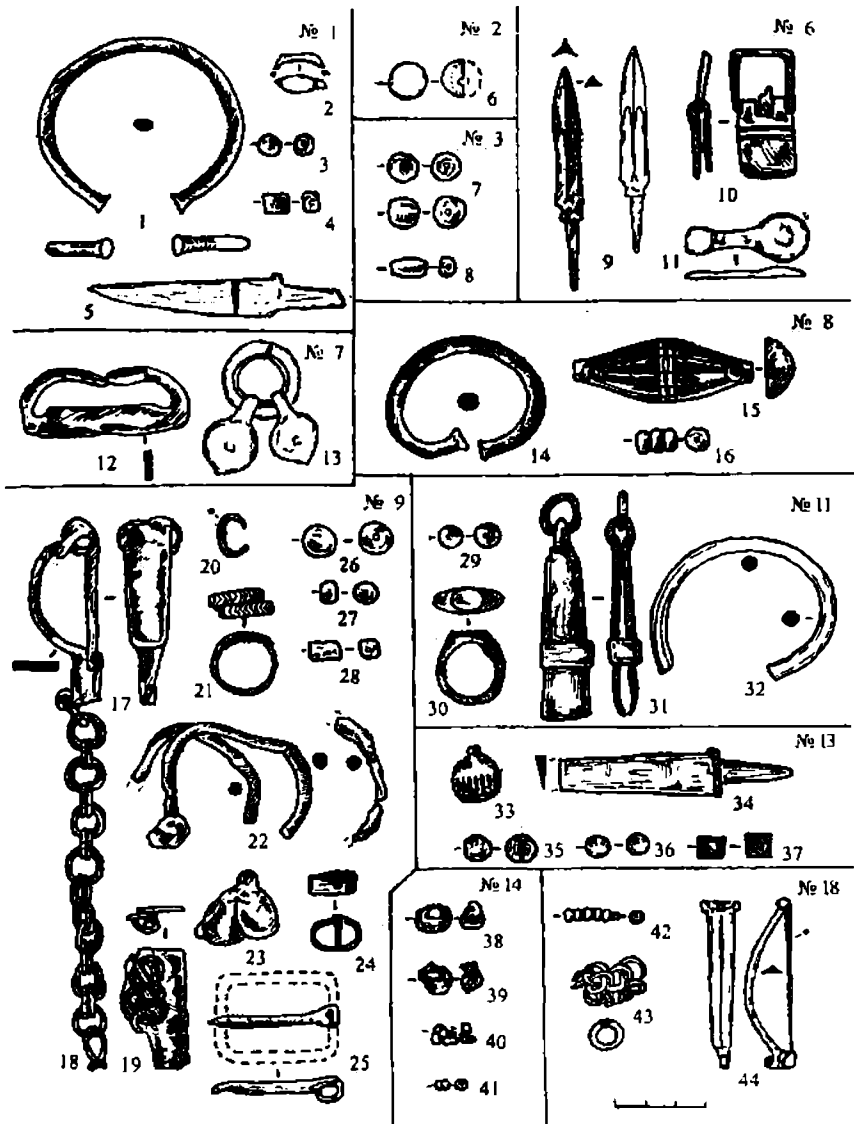

Рис. 9. Инвентарь погребений № 1 – 3, 6 – 9, 11, 13, 14, 18.

1 – 5 – погр. № 1; 6 – погр. № 2; 7, 8 – погр. № 3; 9 – 11 – погр. № 6; 12, 13 – погр. № 7; 14 – 16 – погр. № 8; 17 – 28 – погр. № 9; 29 – 32 – погр. № 11; 33 – 37 – погр. № 13; 38 – 41 – погр. № 14; 42 – 44 – погр. № 18.

№ 17/II

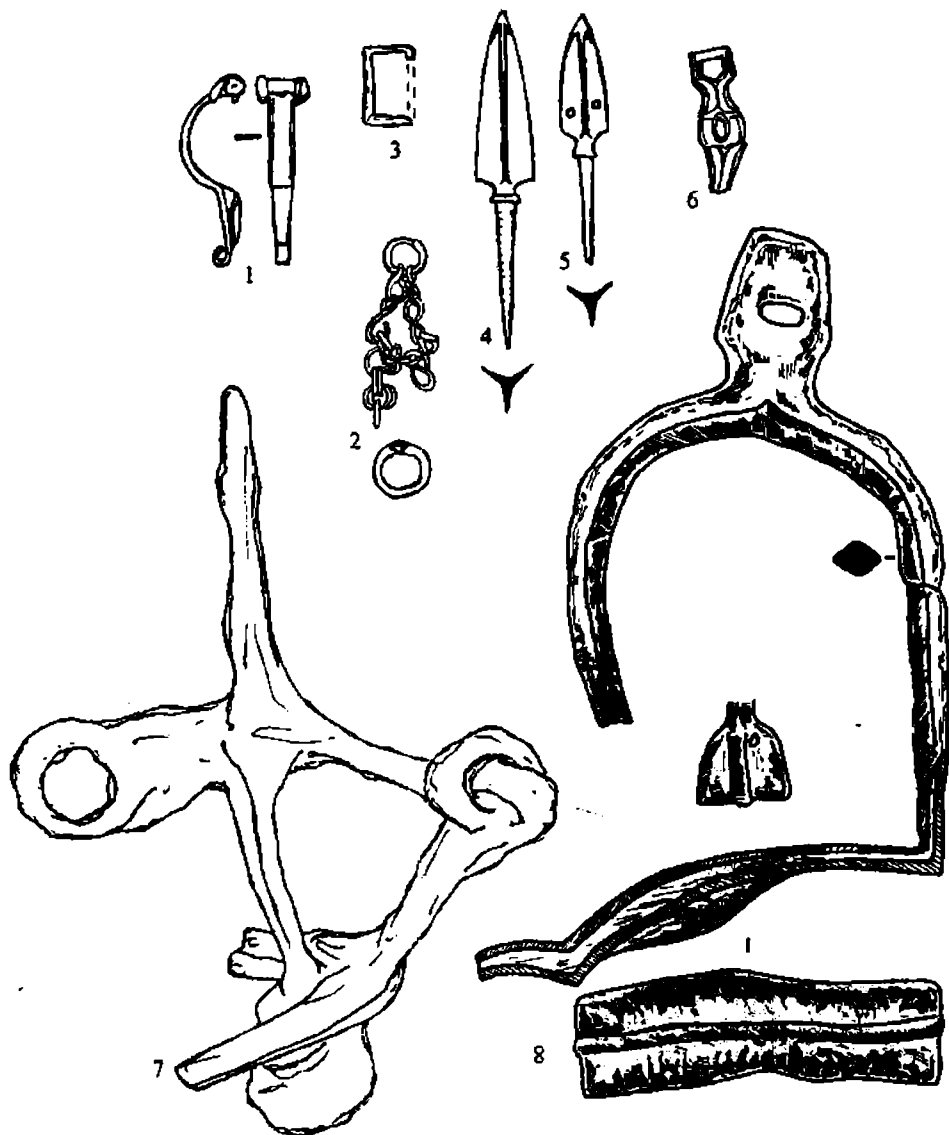

Рис. 10. Инвентарь погребения 17/комплекса II.

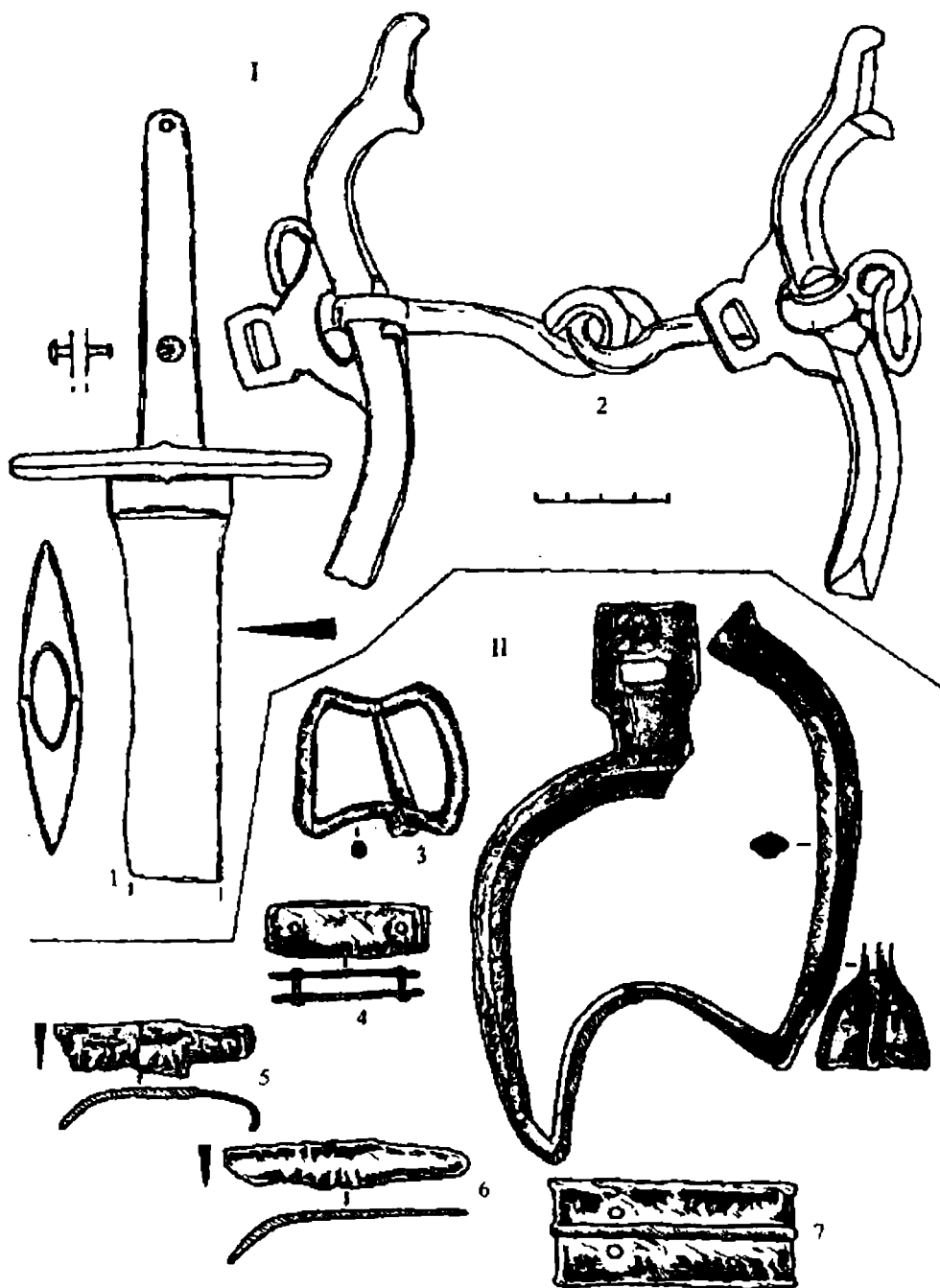

Рис. 11. Инвентарь комплексов I, II.
1, 2 – комплекс I; 3 – 7 – комплекс II.

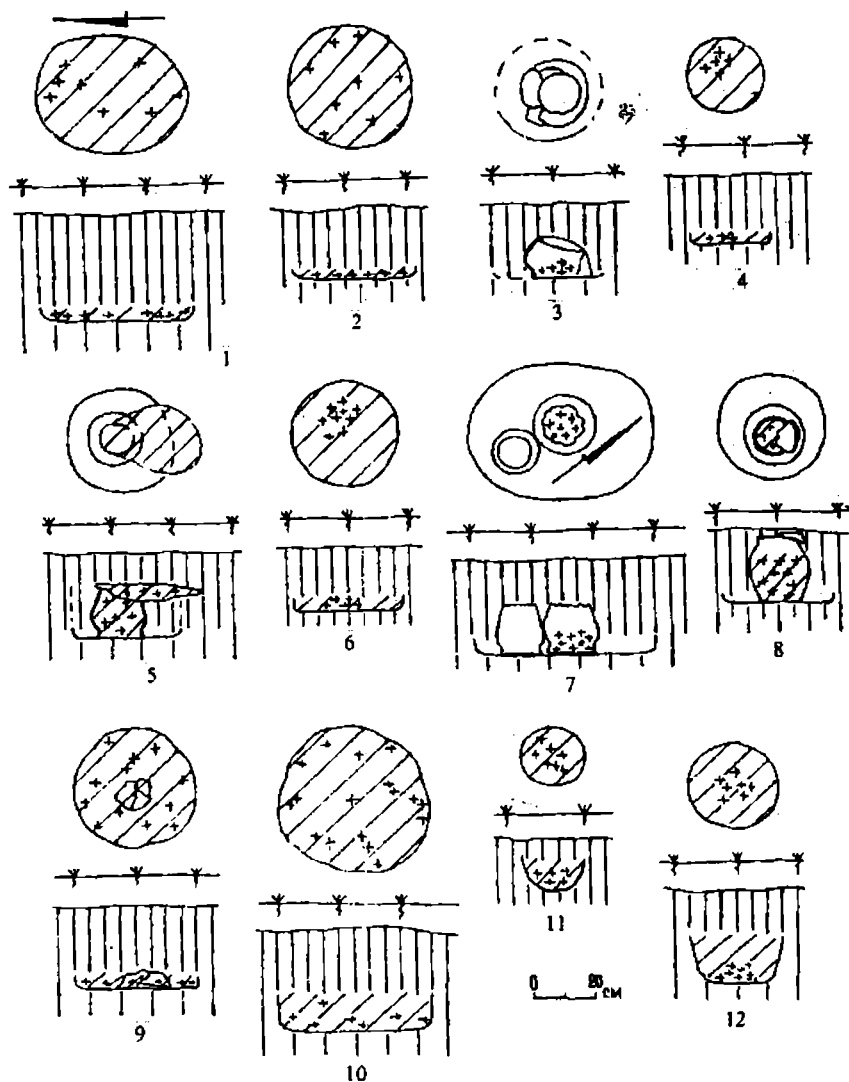

Рис. 12. Планы погребений № 21, 22, 24 – 33.

1 - погр. № 21; 2 - погр. № 22; 3 - погр. № 24; 4 - погр. № 25; 5 - погр. № 26; 6 - погр. № 27; 7 - погр. № 28; 8 - погр. № 29; 9 - погр. № 30; 10 - погр. № 31; 11 - погр. № 32; 12 - погр. № 33.

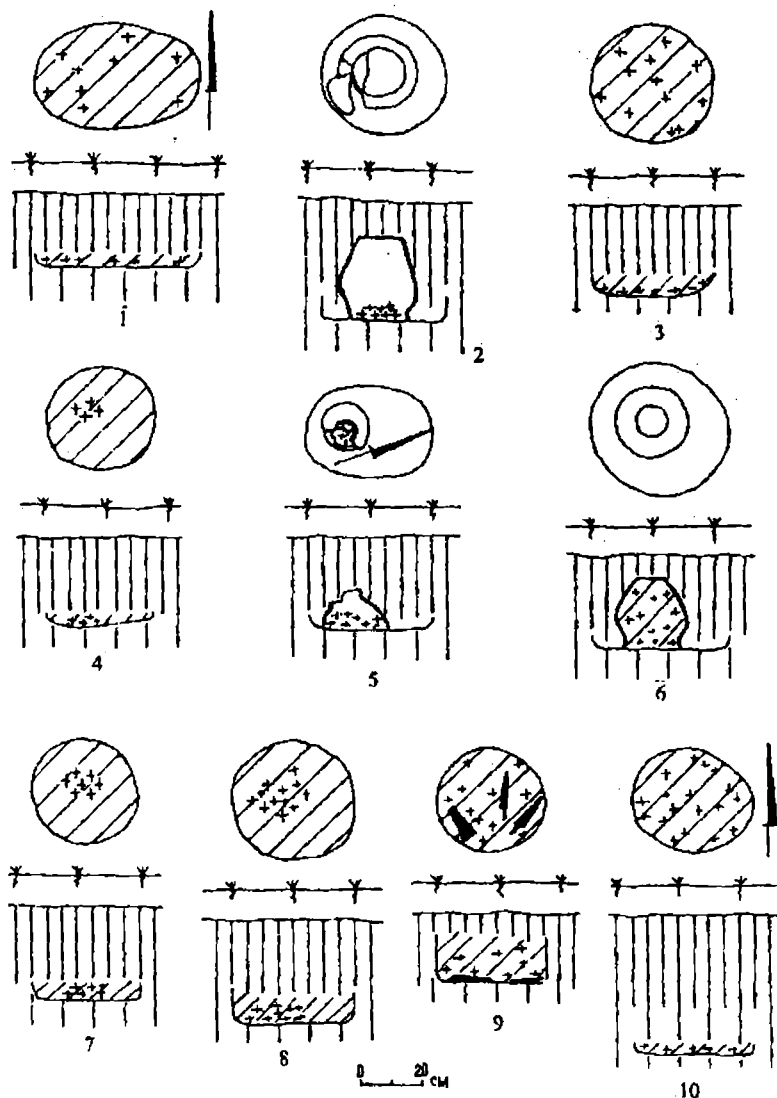

Рис. 13. Планы погребений № 34 – 43.

1 - погр. № 34; 2 - погр. № 35; 3 - погр. № 36; 4 - погр. № 38; 5 - погр. № 37; 6 - погр. № 39; 7 - погр. № 40; 8 - погр. № 41; 9 - погр. № 42; 10 - погр. № 43.

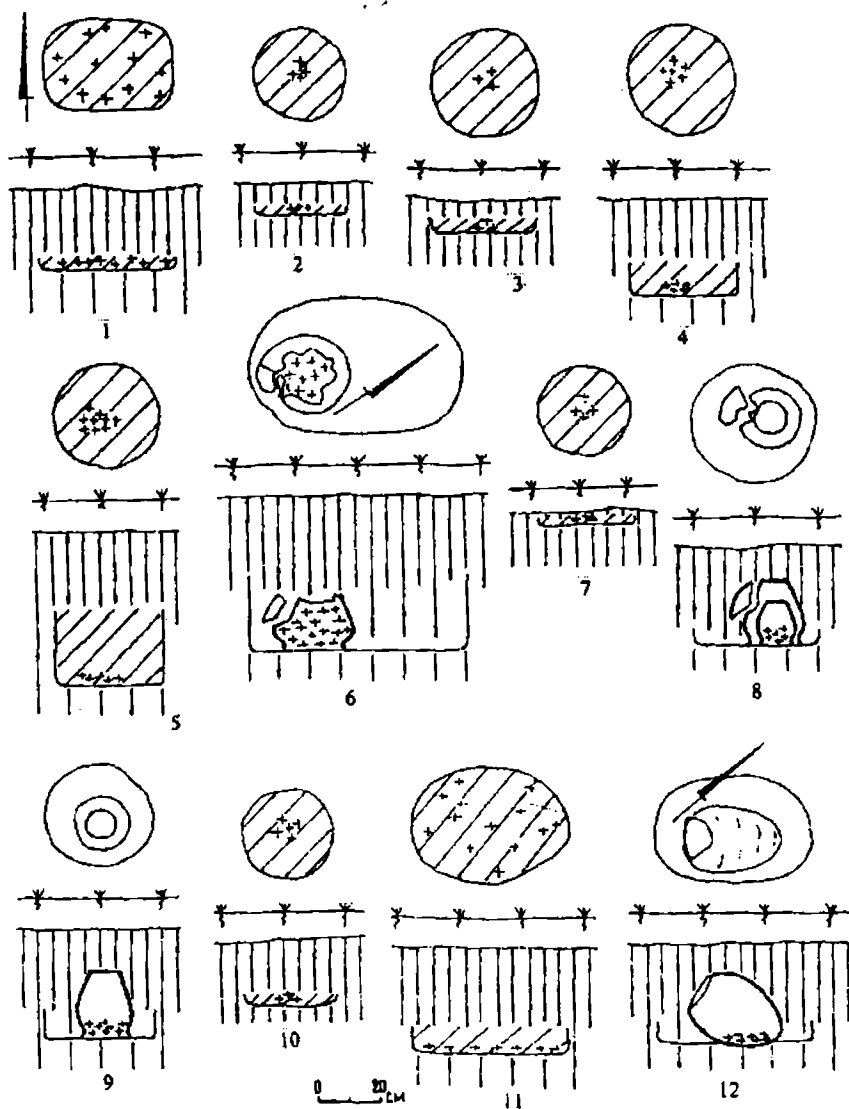

Рис. 14. Планы погребений № 44 – 55.

1 - погр. № 46; 2 - погр. № 44; 3 - погр. № 45; 4 - погр. № 47; 5 - погр. № 48; 6 - погр. № 49; 7 - погр. № 50; 8 - погр. № 51; 9 - погр. № 52; 10 - погр. № 53; 11 - погр. № 54; 12 - погр. № 55.

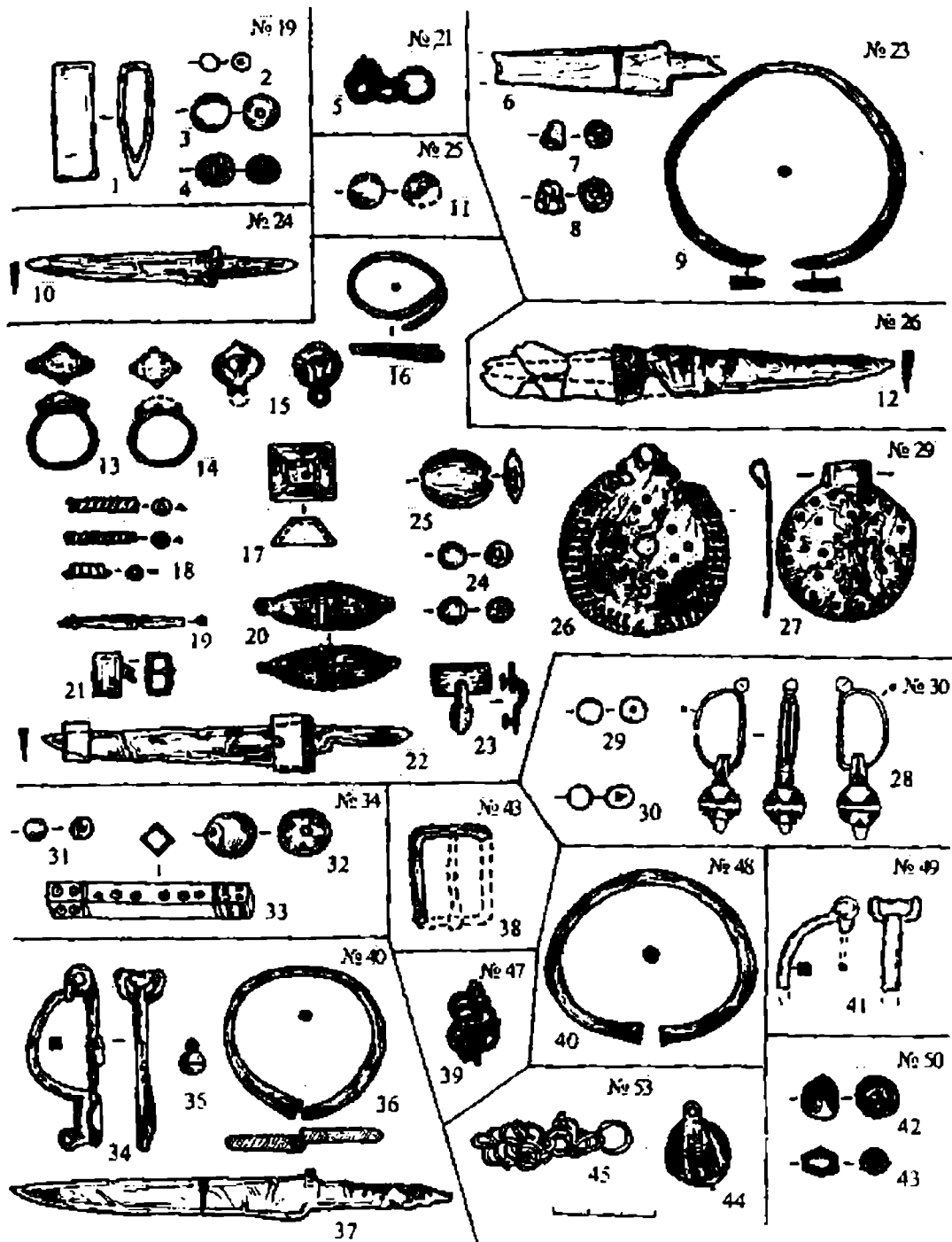

Рис. 15. Инвентарь погребений № 19, 21, 23 – 26, 29, 30, 34, 40, 43, 47 – 50, 53.
 1 – 4 – погр. № 19; 5 – погр. № 21; 6 – 9 – погр. № 23; 10 – погр. № 24; 11 –
 погр. № 25; 12 – погр. № 26; 13 – 27 – погр. № 29; 28– 30 – погр. № 30; 31 – 33
 – погр. № 34; 34 – 37 – погр. № 40; 38 – погр. № 43; 39 – погр. № 47; 40 –
 погр. № 48; 41 – погр. № 49; 42, 43 – погр. № 50; 44, 45 – погр. № 53.

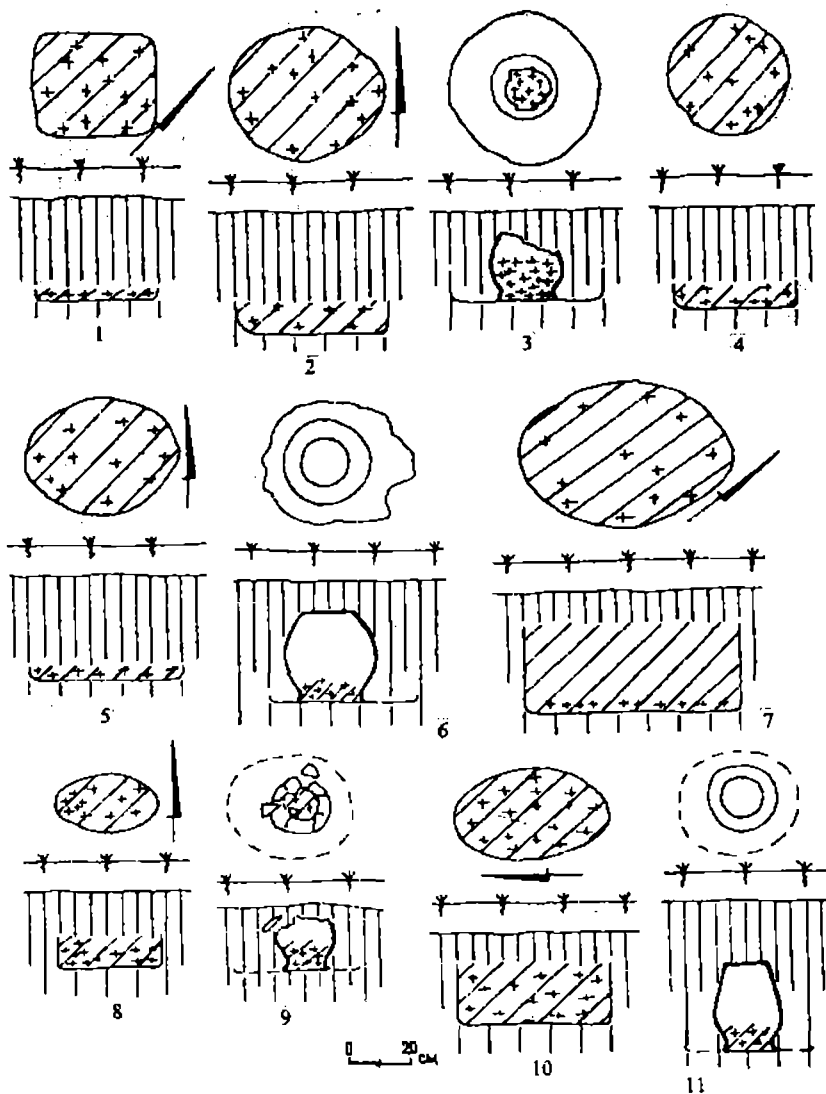

Рис. 16. Планы погребений № 56 – 66.

1 - погр. № 56; 2 - погр. № 57; 3 - погр. № 58; 4 - погр. № 59; 5 - погр. № 60; 6 - погр. № 61; 7 - погр. № 62; 8 - погр. № 63; 9 - погр. № 64; 10 - погр. № 65; 11 - погр. № 66.

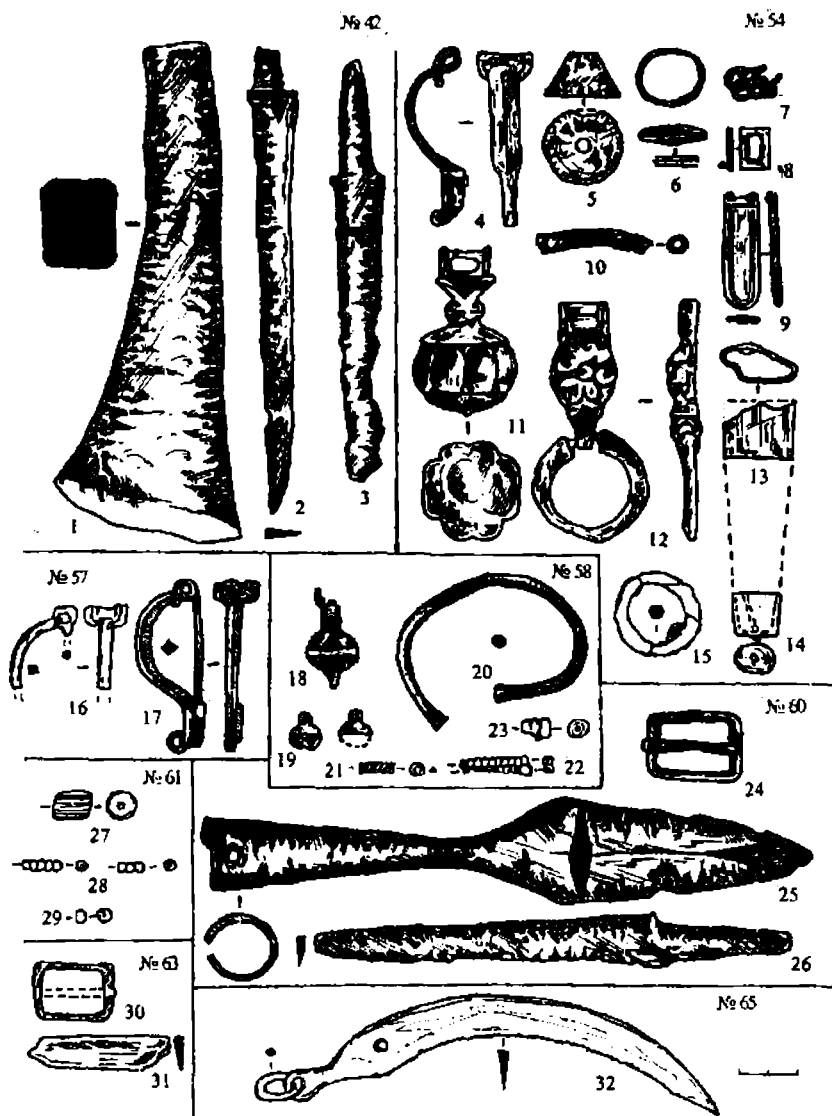
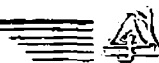

Рис. 17. Инвентарь погребений № 42, 54, 57, 58, 60, 61, 63, 65.

1 – 3 – погр. № 42, 4 – 15 – погр. № 54; 16, 17 – погр. № 57; 18 – 23 – погр. № 58; 24 – 26 – погр. № 60, 27 – 29 – погр. № 61; 30, 31 – погр. № 63; 32 – погр. № 65.

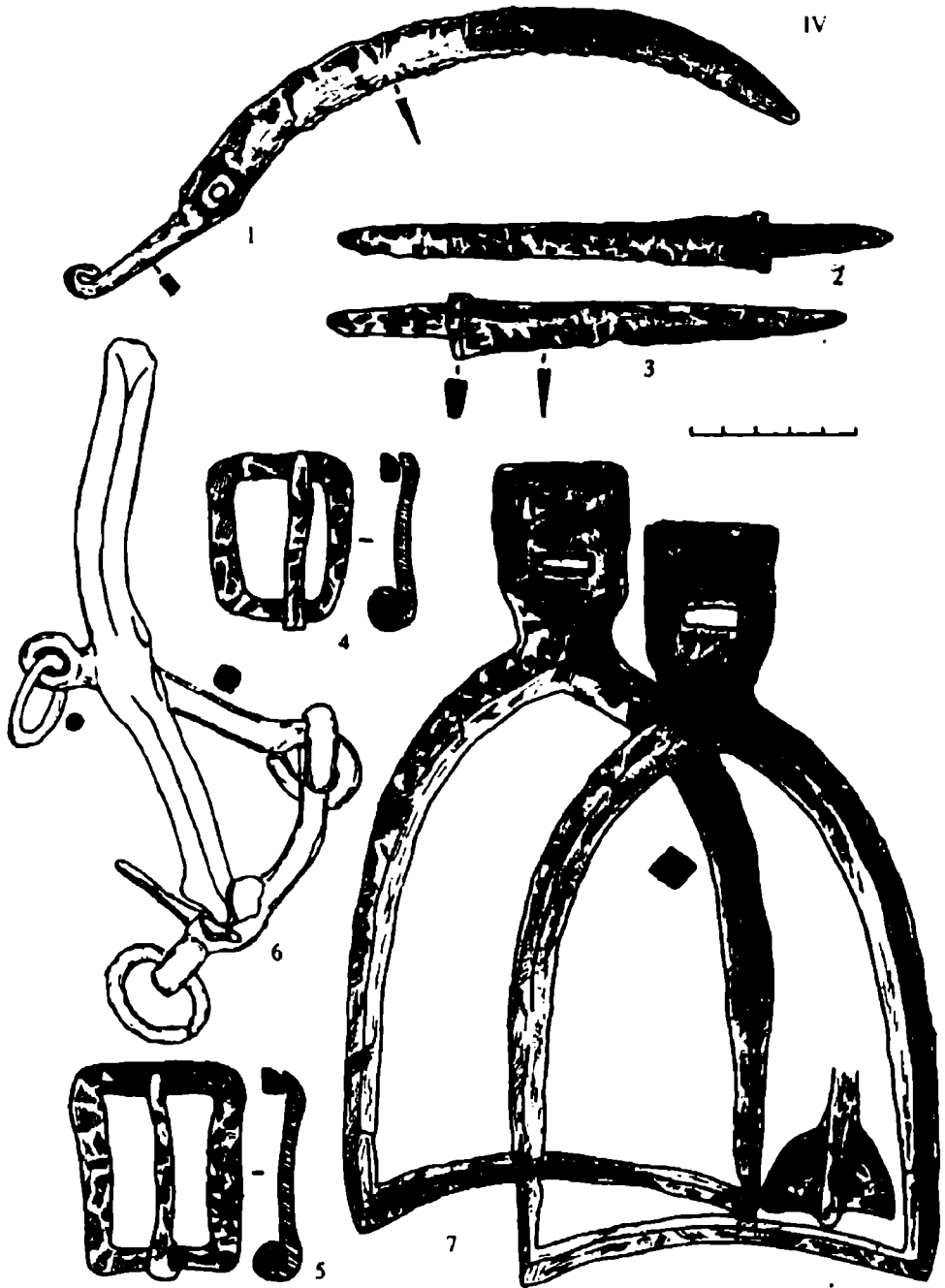
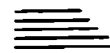
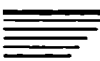
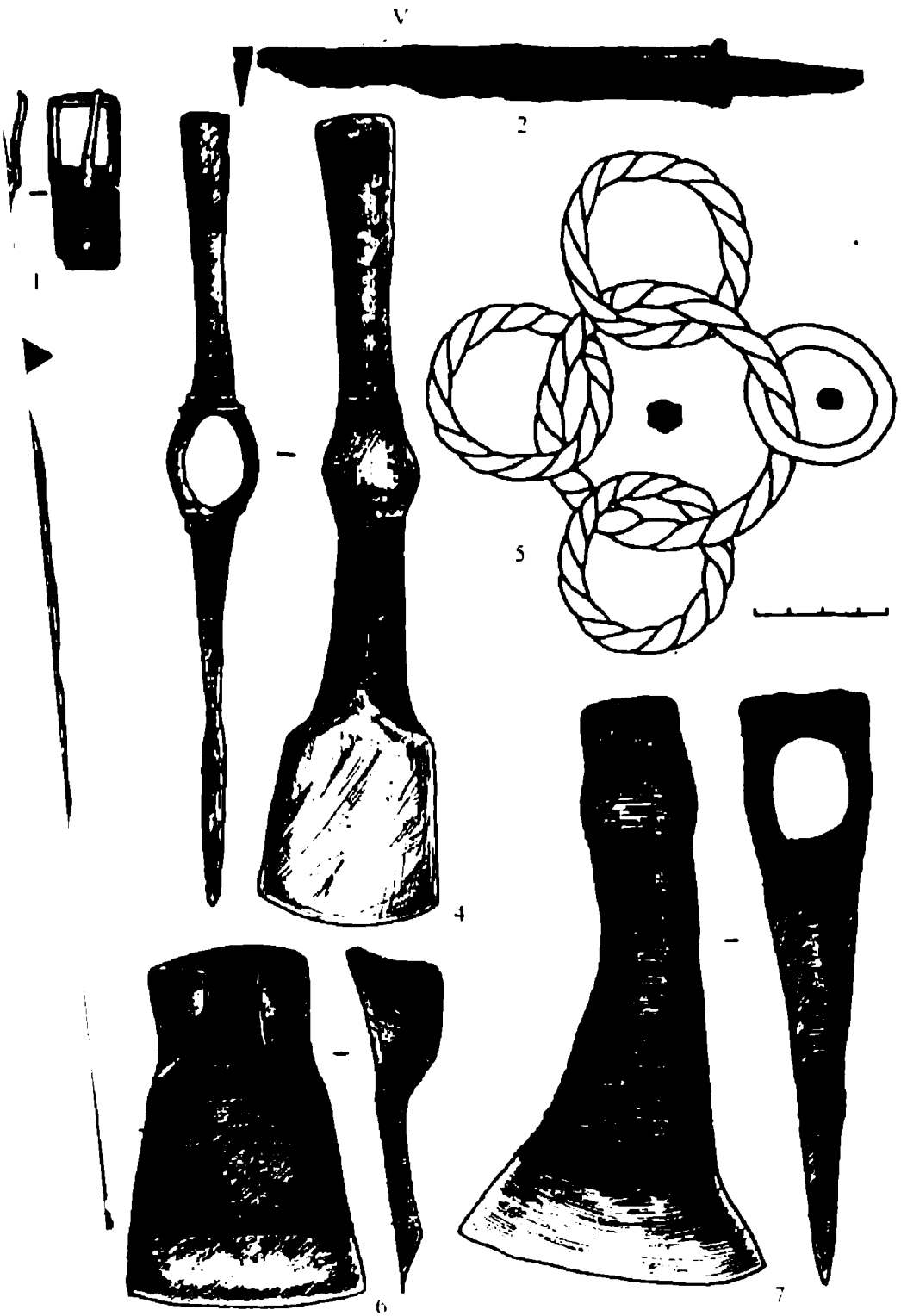

Рис. 18. Инвентарь комплекса IV.

арь комплекса V.

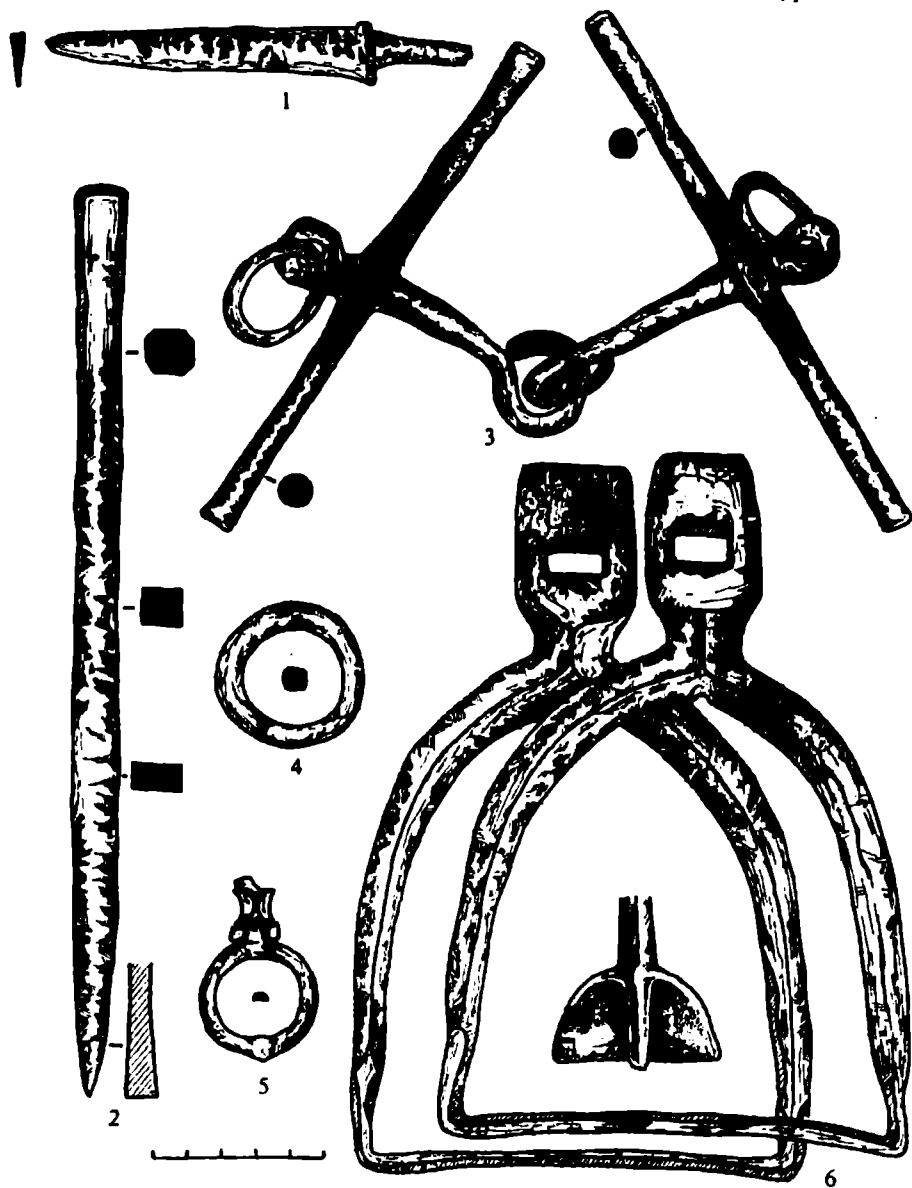

Рис. 20. Инвентарь комплекса VI.

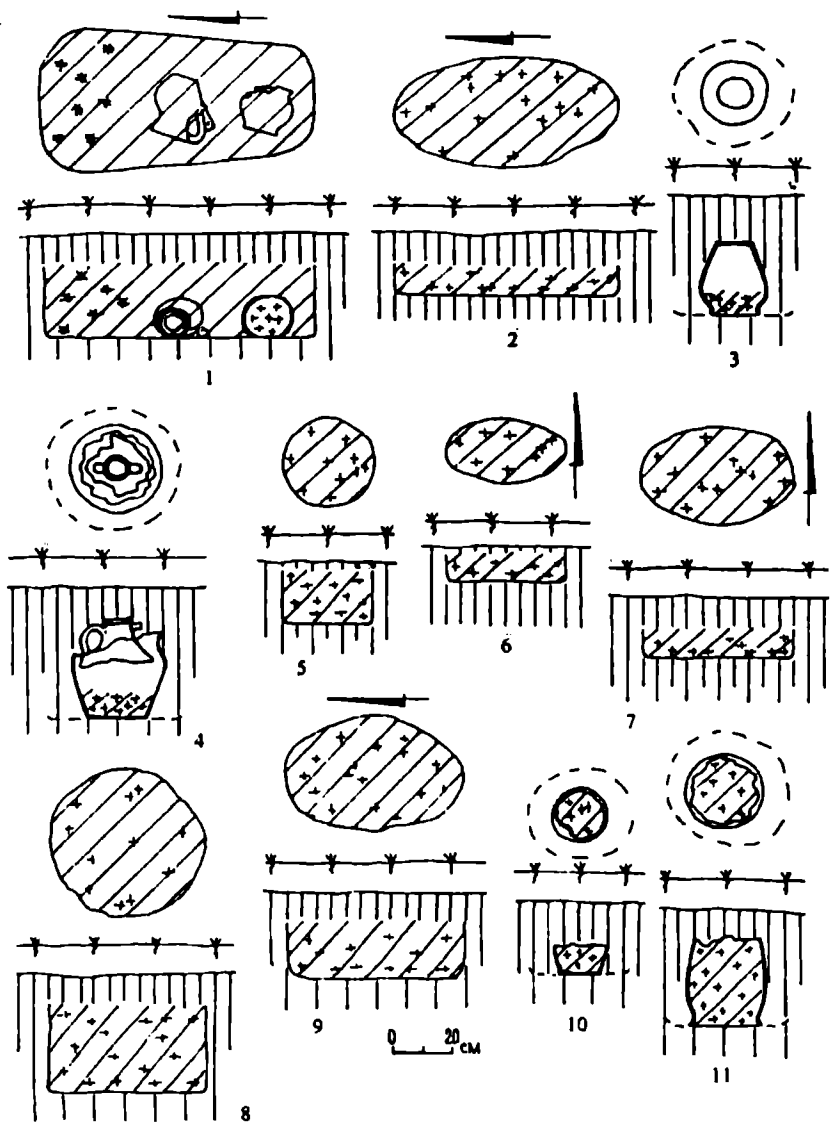

Рис. 21. Планы погребений № 67 – 77.

1 - погр. № 67; 2 - погр. № 68; 3 - погр. № 69; 4 - погр. № 70; 5 - погр. № 71; 6 - погр. № 72; 7 - погр. № 73; 8 - погр. № 74; 9 - погр. № 75; 10 - погр. № 76; 11 - погр. № 77.

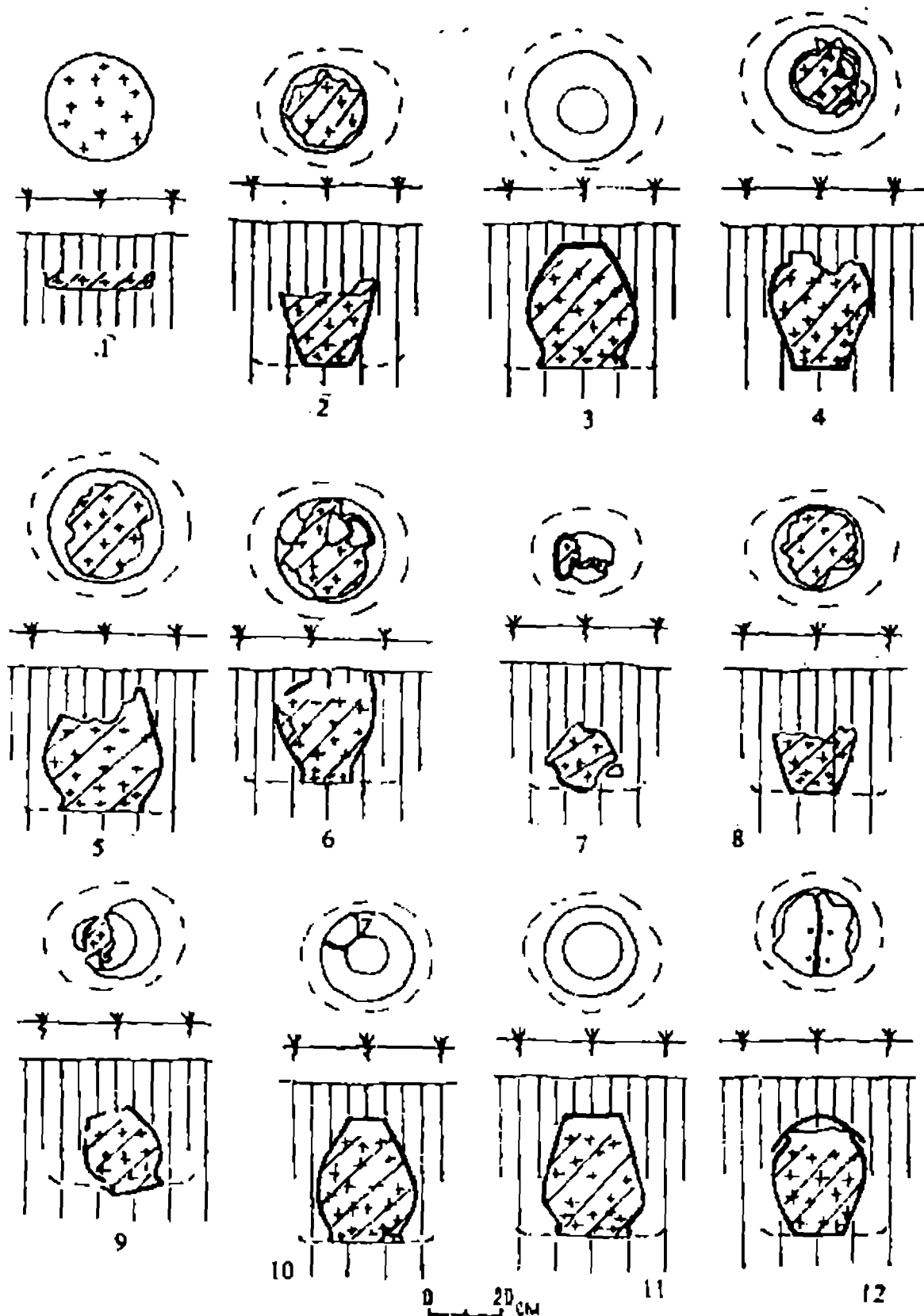

Рис. 22. Планы погребений № 78 – 89.

1 - погр. № 78; 2 - погр. № 79; 3 - погр. № 80; 4 - погр. № 81; 5 - погр. № 82; 6 - погр. № 83; 7 - погр. № 84; 8 - погр. № 85; 9 - погр. № 86; 10 - погр. № 87; 11 - погр. № 88; 12 - погр. № 89.

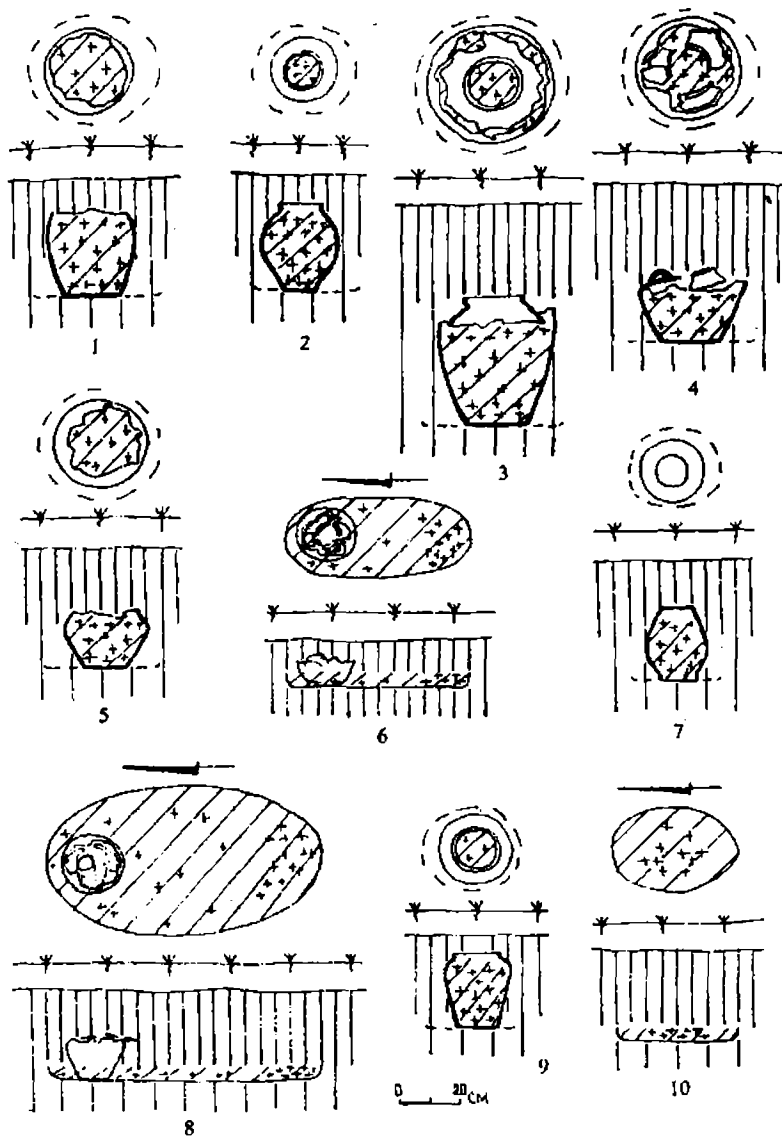

Рис. 23. Планы погребений № 90 – 99.

1 - погр. № 90; 2 - погр. № 91; 3 - погр. № 92; 4 - погр. № 93; 5 - погр. № 94; 6 - погр. № 95; 7 - погр. № 96; 8 - погр. № 97; 9 - погр. № 98; 10 - погр. № 99

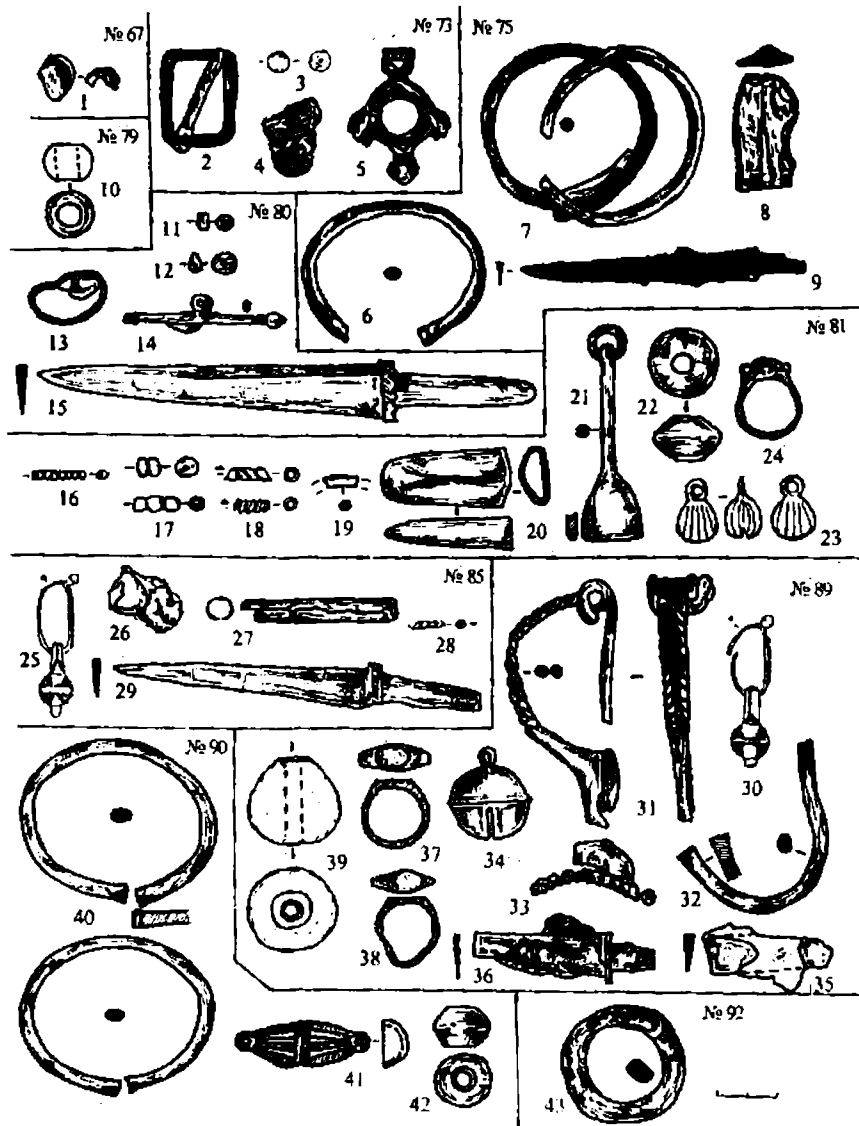

Рис. 24. Инвентарь погребений № 67, 73, 75, 79 - 81, 85, 89, 90, 92.

1 - погр. № 67; 2 - 5 - погр. № 73; 6 - 9 - погр. № 75; 10 - погр. № 79; 11 - 15 - погр. № 80; 16 - 24 - погр. № 81; 25 - 29 - погр. № 85; 30 - 39 - погр. № 89; 40 - 42 - погр. № 90; 43 - погр. № 92.

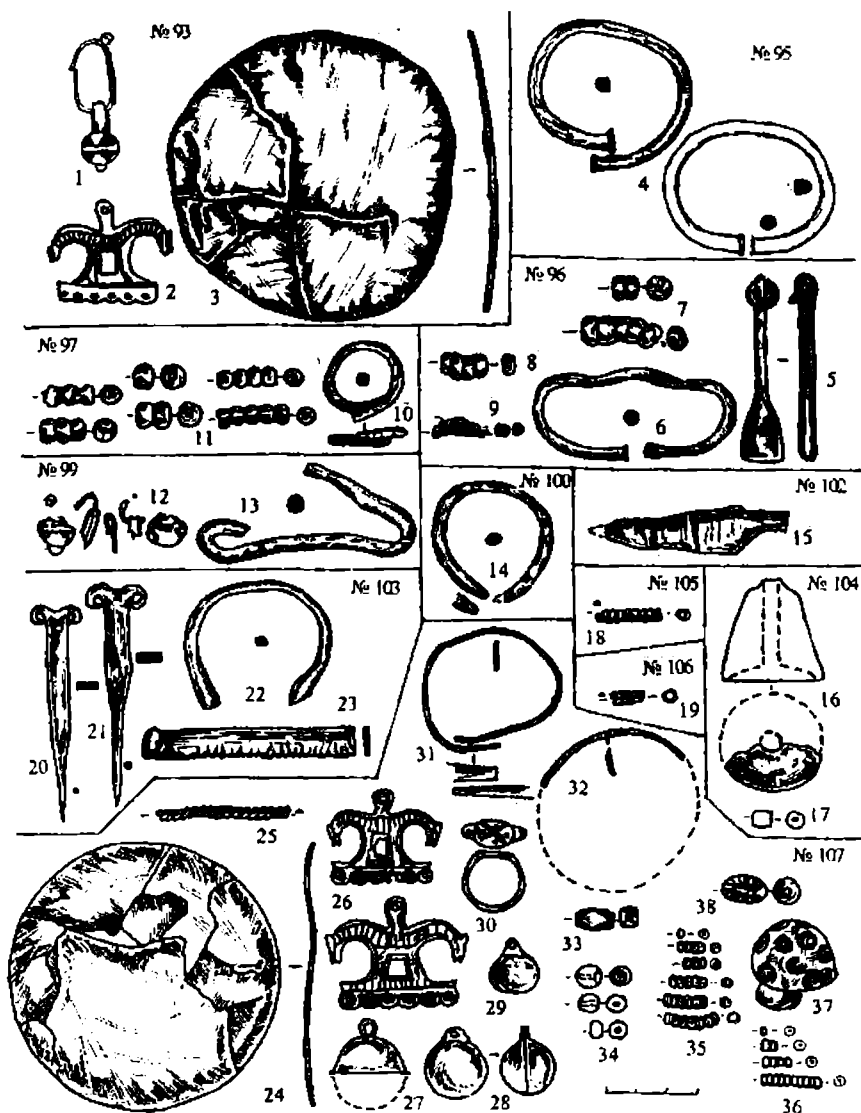

Рис. 25. Инвентарь погребений № 93, 95 – 97, 99, 100, 102 – 107.

1 – 3 – погр. № 93; 4 – погр. № 95; 5 – 9 – погр. № 96; 10, 11 – погр. № 97; 12, 13 – погр. № 99; 14 – погр. № 100; 15 – погр. № 102; 16, 17 – погр. № 104; 18 – погр. № 105; 19 – погр. № 106; 20 – 23 – погр. № 103; 24 – 38 – погр. № 107.

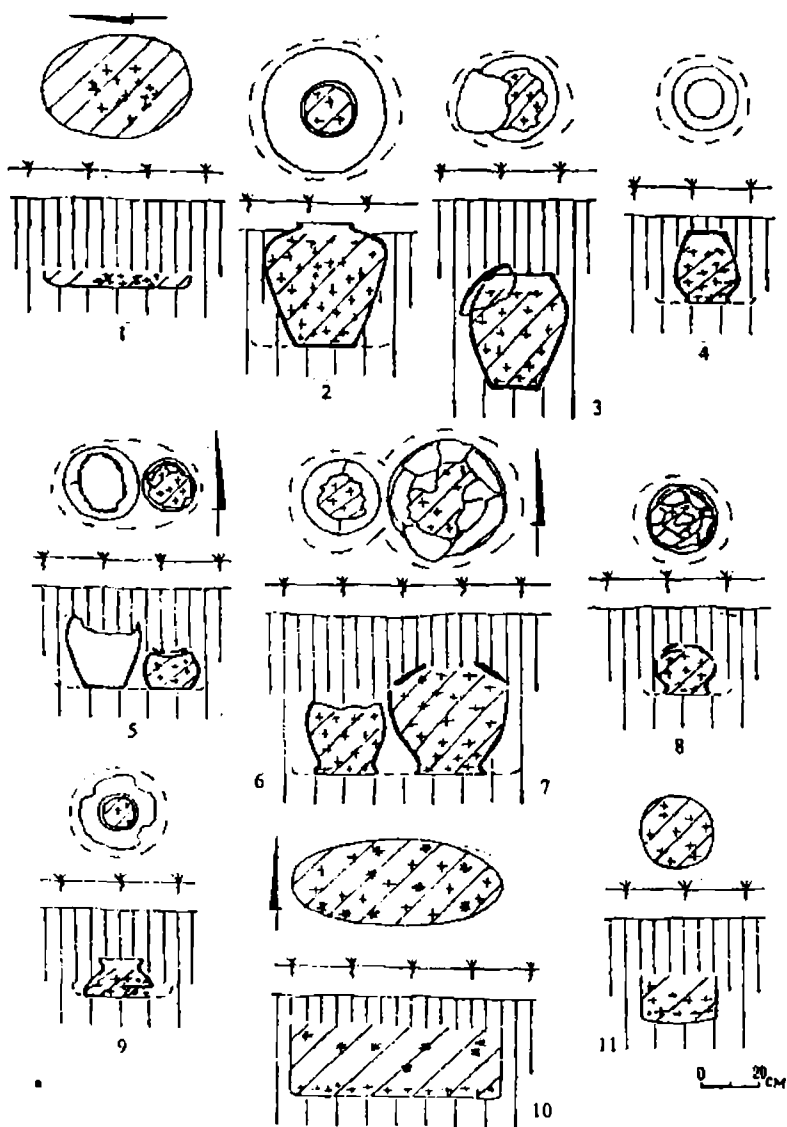

Рис. 26. Планы погребений № 100 – 108, 110, 112.

1 - погр. № 100; 2 - погр. № 101; 3 - погр. № 102; 4 - погр. № 104; 5 - погр. № 103; 6 - погр. № 105; 7 - погр. № 106; 8 - погр. № 107; 9 - погр. № 108; 10 - погр. № 110; 11 - погр. № 112.

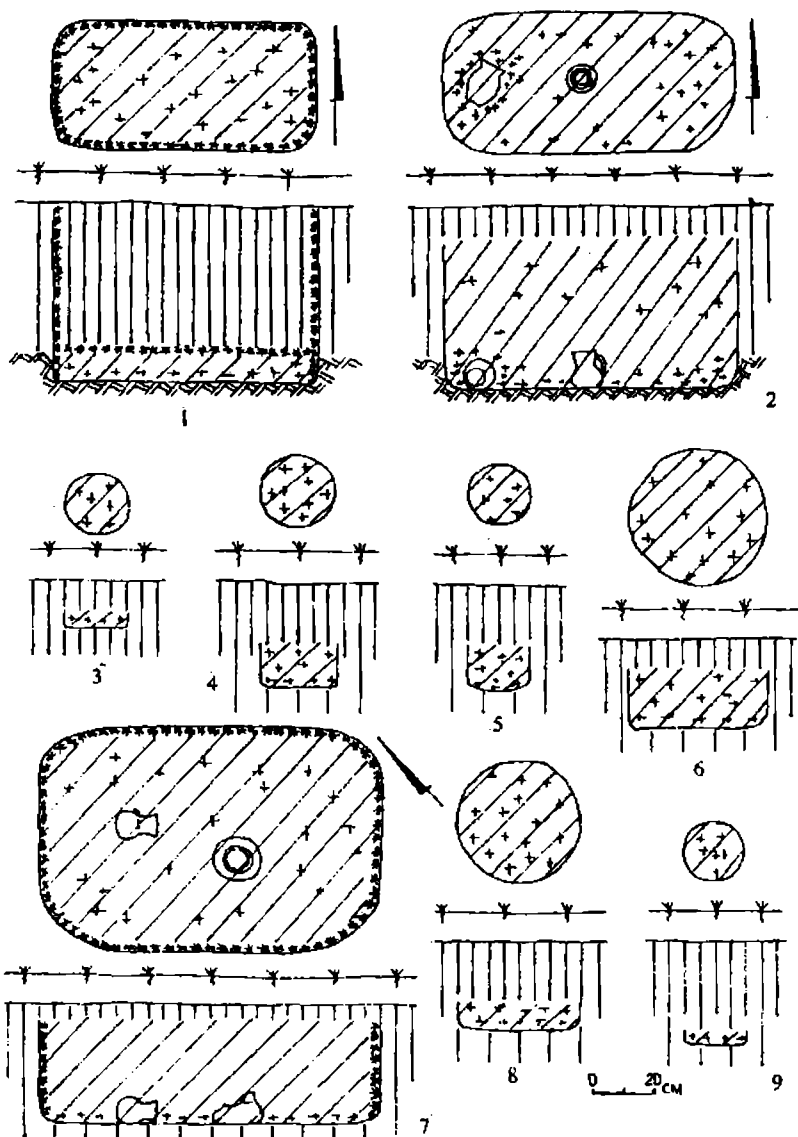
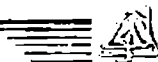

Рис. 27. Планы погребений № 109, 111, 113 – 118, 124.

1 - погр. № 109; 2 - погр. № 111; 3 - погр. № 113; 4 - погр. № 114; 5 - погр. № 115; 6 - погр. № 116; 7 - погр. № 117; 8 - погр. № 118; 9 - погр. № 124.

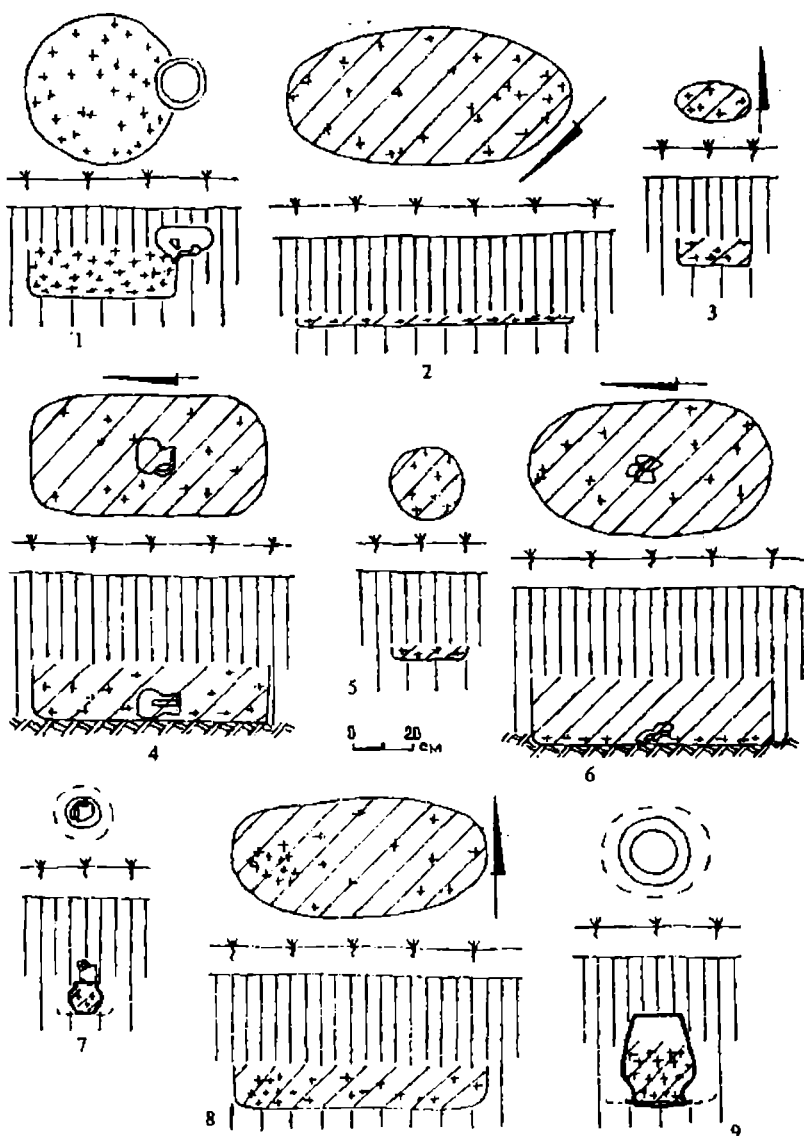

Рис. 28. Планы погребений № 119, 120 - 123, 125 - 128.

1 - погр. № 119; 2 - погр. № 120; 3 - погр. № 122; 4 - погр. № 121; 5 - погр. № 123; 6 - погр. № 125; 7 - погр. № 126; 8 - погр. № 127; 9 - погр. № 128.

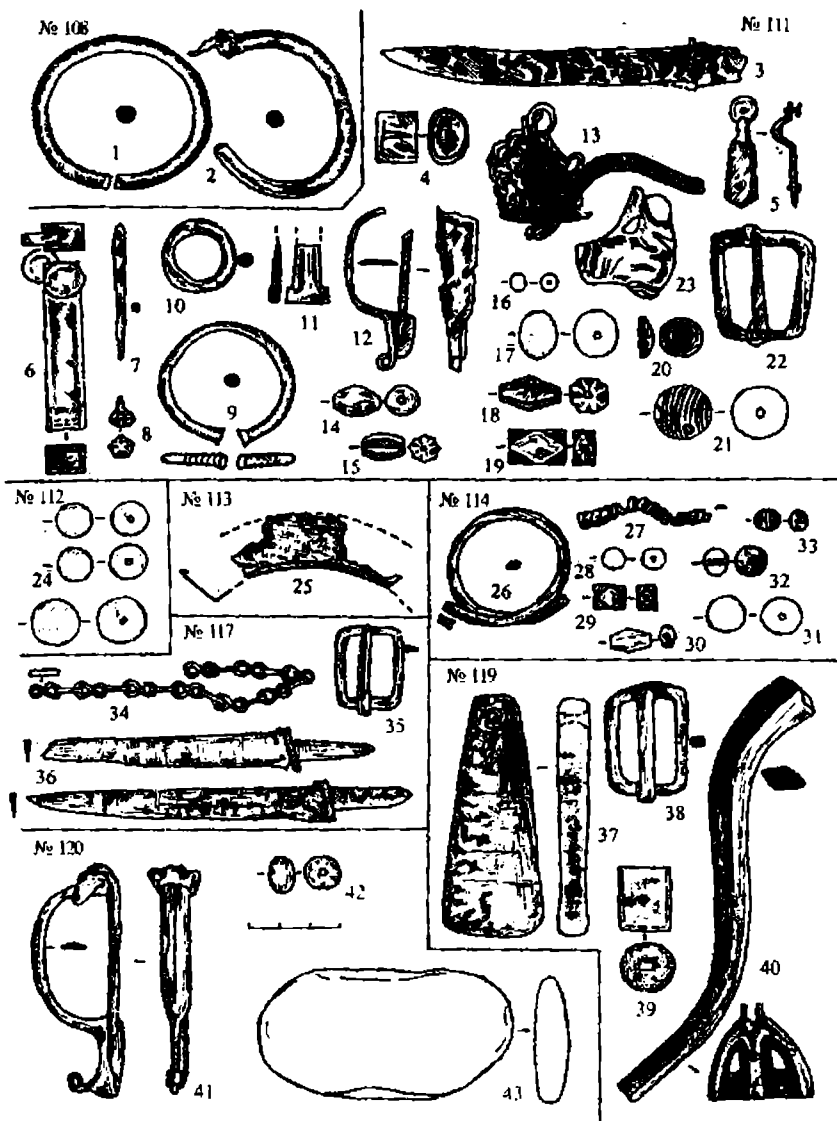

Рис. 29. Инвентарь погребений № 108, 111, 112 – 114, 117, 119, 120.

1, 2 – погр. № 108; 3 – 23 – погр. № 111; 24 – погр. № 112; 25 – погр. № 113; 26 – 33 – погр. № 114; 34 – 36 – погр. № 117; 37 – 40 – погр. № 119; 41 – 43 – погр. № 120.

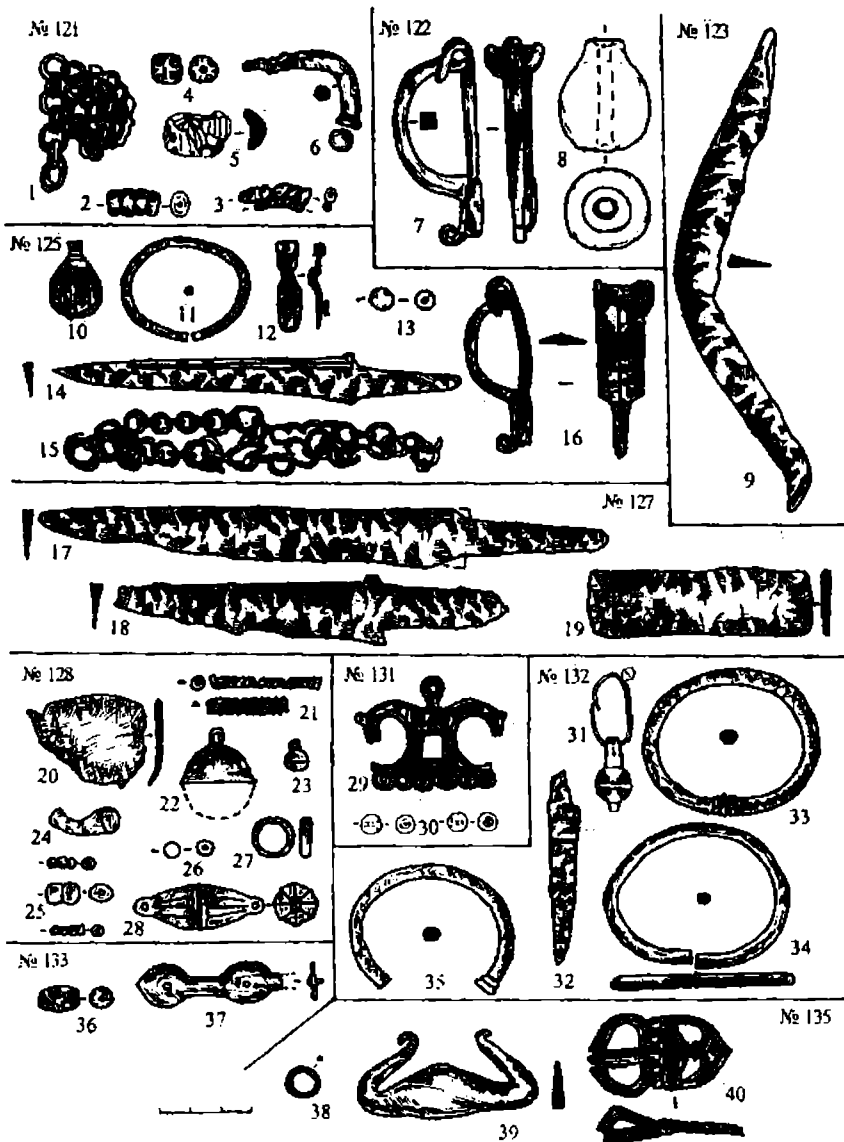

Рис. 30 Инвентарь погребений № 121 – 123, 125, 127, 128, 131 – 133, 135.

1 – 6 – погр. № 121; 7, 8 – погр. № 122; 9 – погр. № 123; 10 – 16 – погр. № 125; 17 – 19 – погр. № 127; 20 – 28 – погр. № 128; 29, 30 – погр. № 131; 31 – 35 – погр. № 132; 36, 37 – погр. № 133; 38 – 40 – погр. № 135.

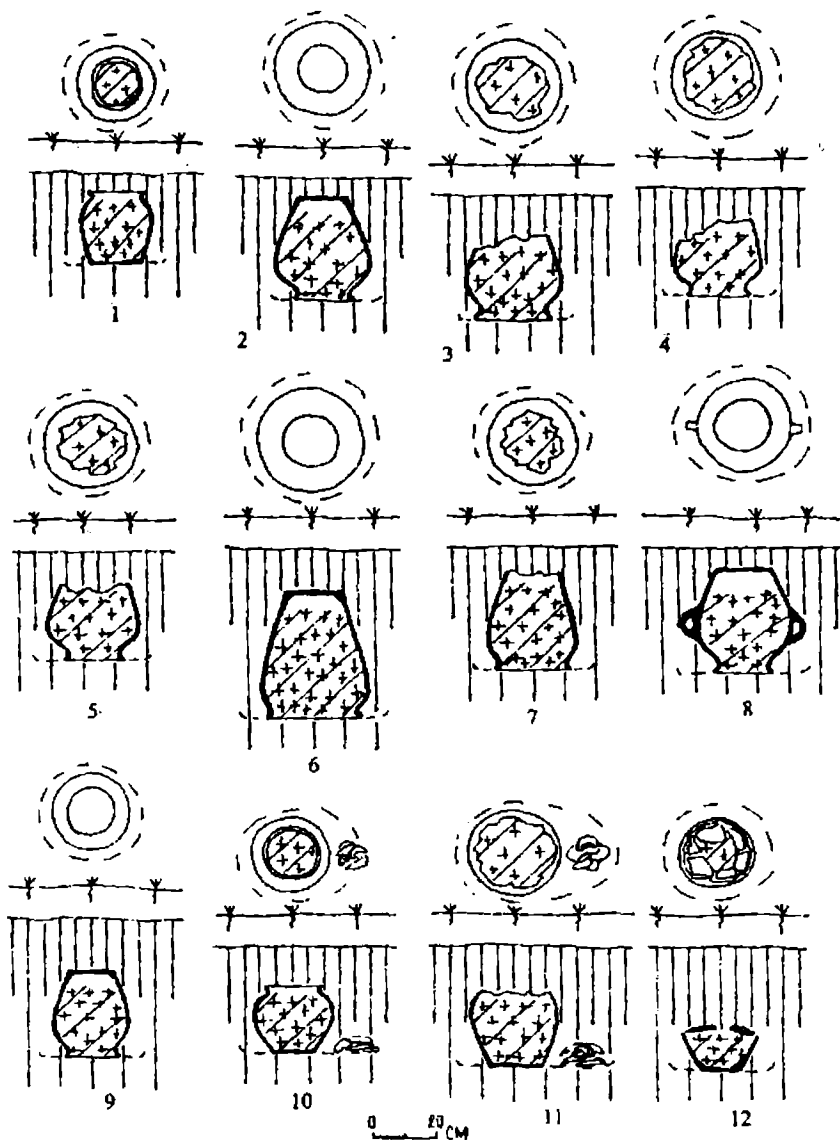
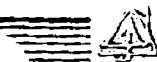

Рис. 31. Планы погребений № 129 – 140.

1 - погр. № 129; 2 - погр. № 130; 3 - погр. № 131; 4 - погр. № 132; 5 - погр. № 133; 6 - погр. № 134; 7 - погр. № 135; 8 - погр. № 136; 9 - погр. № 137; 10 - погр. № 138; 11 - погр. № 139; 12 - погр. № 140.

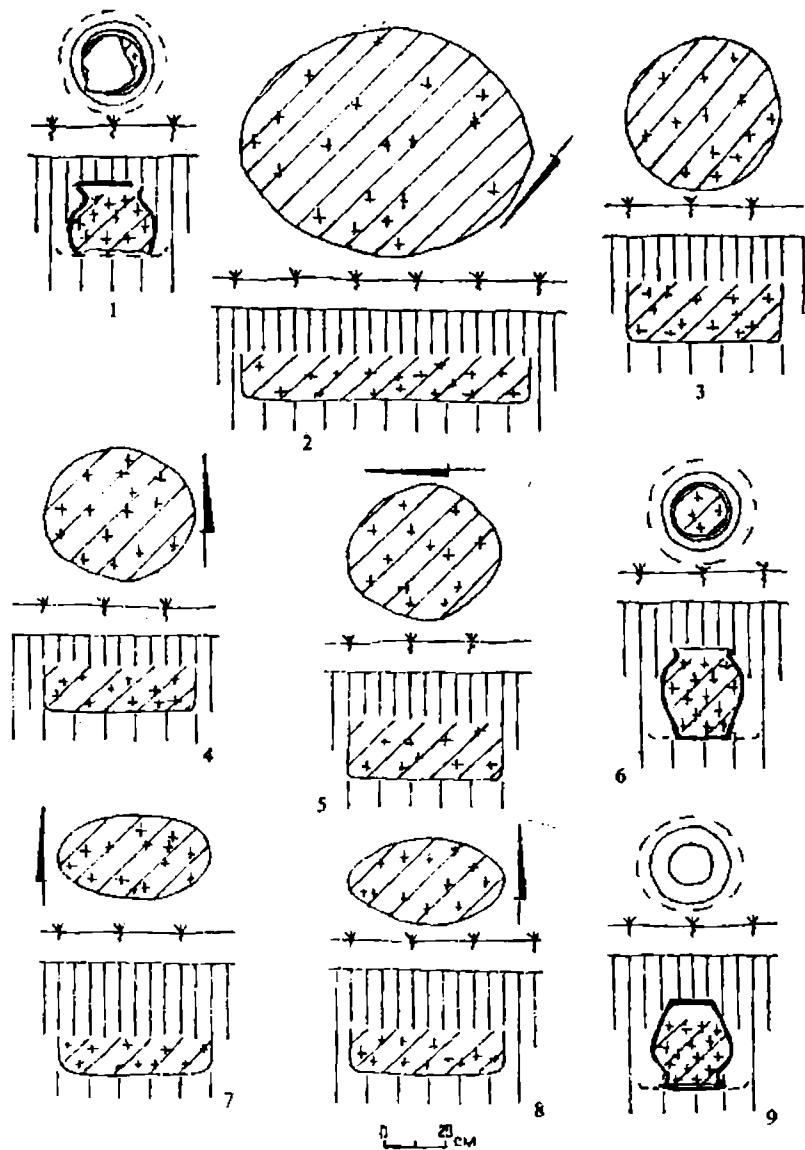

Рис. 32 Планы погребений № 141 – 148, 150.

1 - погр. № 141; 2 - погр. № 142; 3 - погр. № 143; 4 - погр. № 144; 5 - погр. № 145; 6 - погр. № 146; 7 - погр. № 147; 8 - погр. № 148; 9 - погр. № 150.

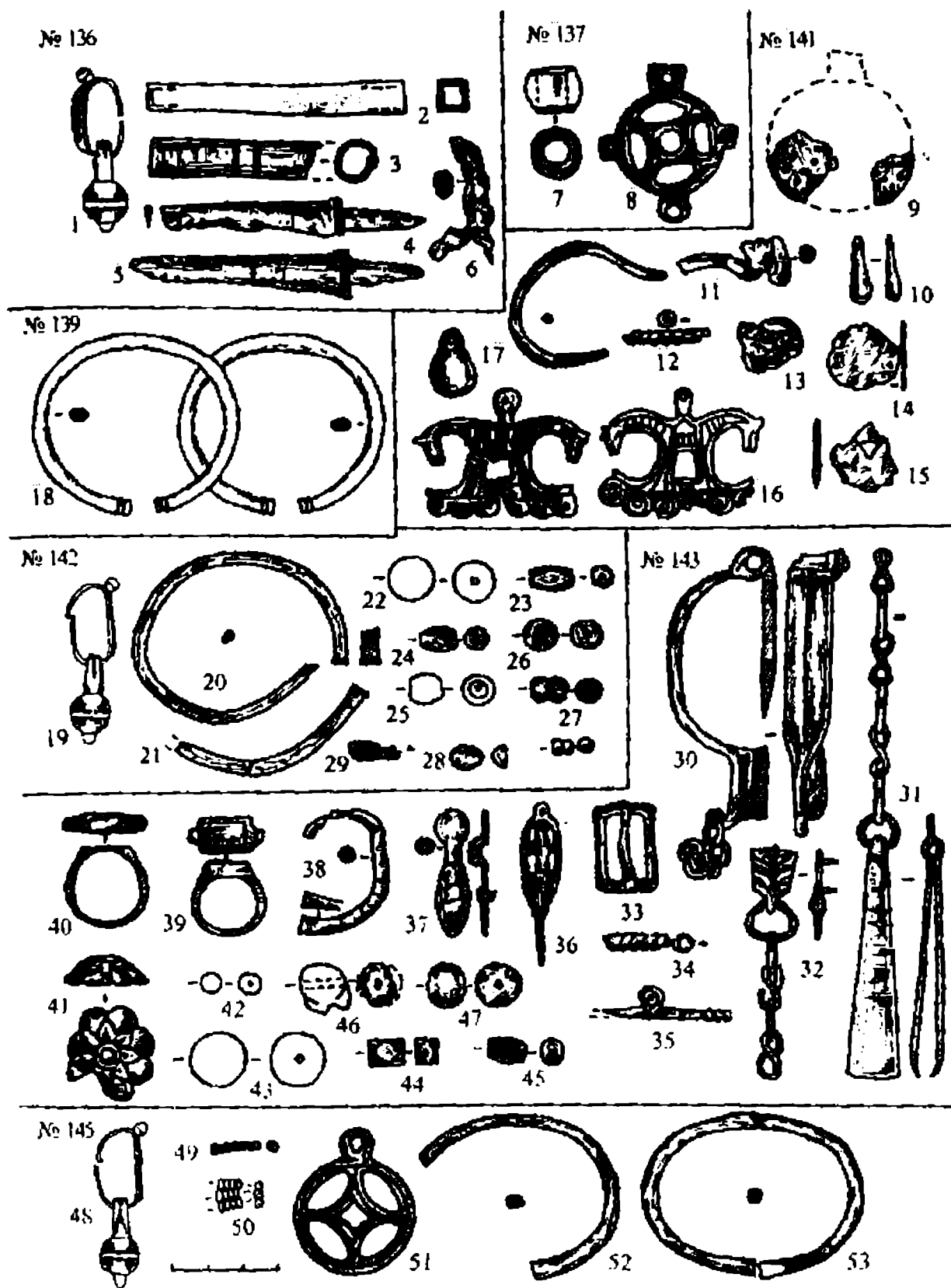

Рис. 33. Инвентарь погребений № 136, 137, 139, 141 – 143, 145.

1 – 6 погр. № 136; 7, 8 – погр. № 137; 9 – 17 – погр. № 141; 18 – погр. № 139; 19 – 29 – погр. № 142; 30 – 47 – погр. № 143; 48 – 53 – погр. № 145.

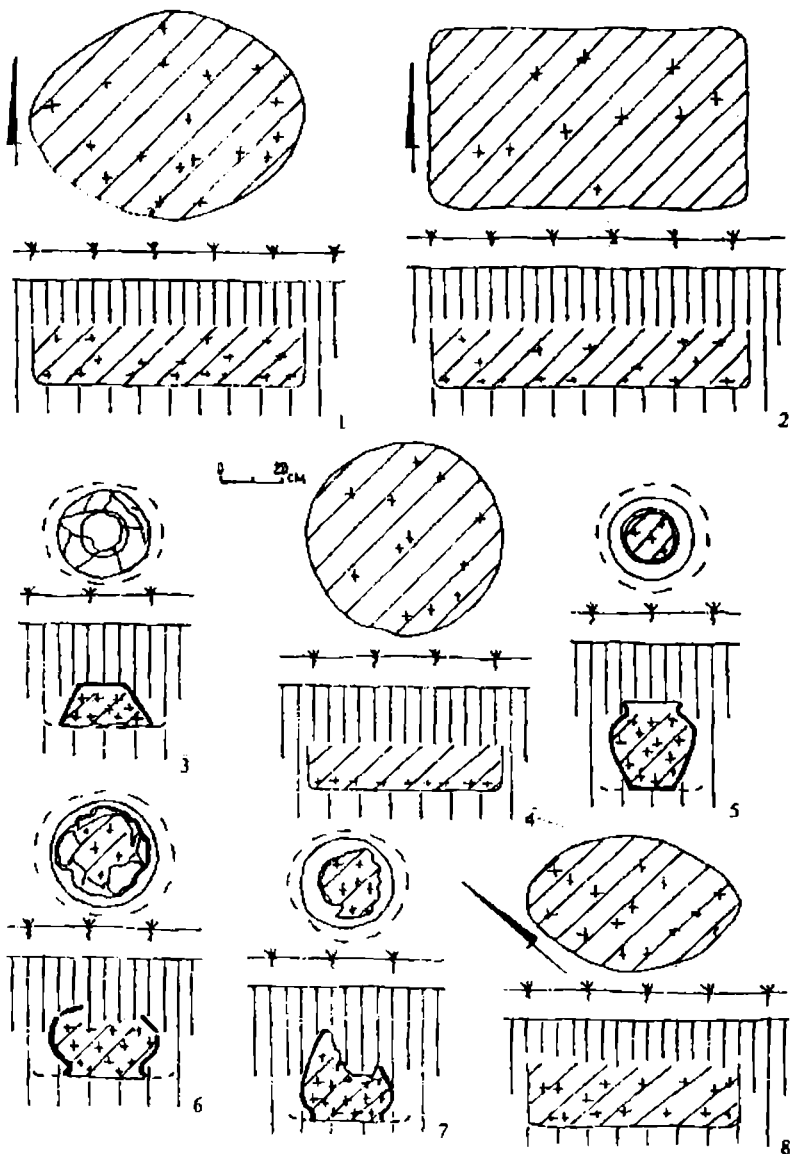
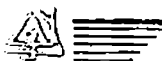

Рис. 34. Планы погребений № 149, 151 -- 157.

1 - погр. № 149; 2 - погр. № 151; 3 - погр. № 152; 4 - погр. № 153; 5 - погр. № 154; 6 - погр. № 155; 7 - погр. № 156, 8 - погр. № 157.

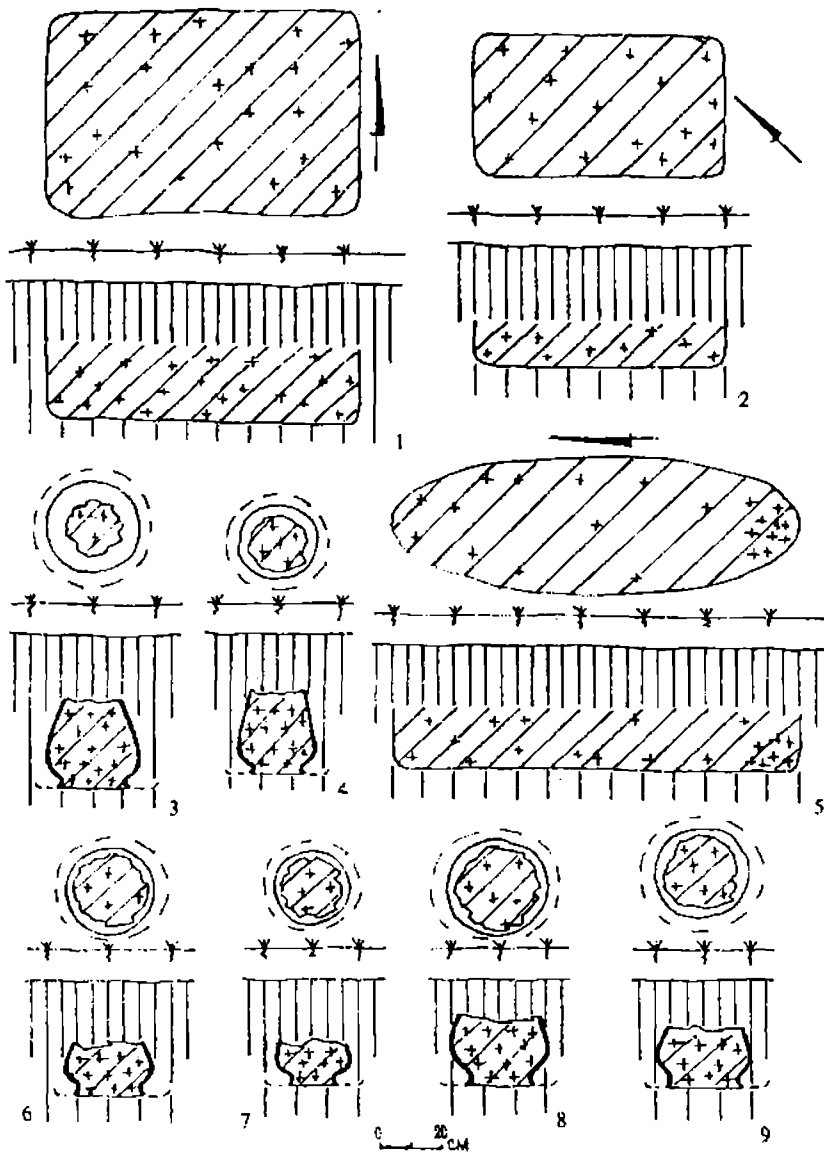

Рис. 35. Планы погребений № 158 – 166.

1 - погр. № 158, 2 - погр. № 159; 3 - погр. № 160; 4 - погр. № 161; 5 - погр. № 162; 6 - погр. № 163; 7 - погр. № 164. 8 - погр. № 165, 9 - погр. № 166.

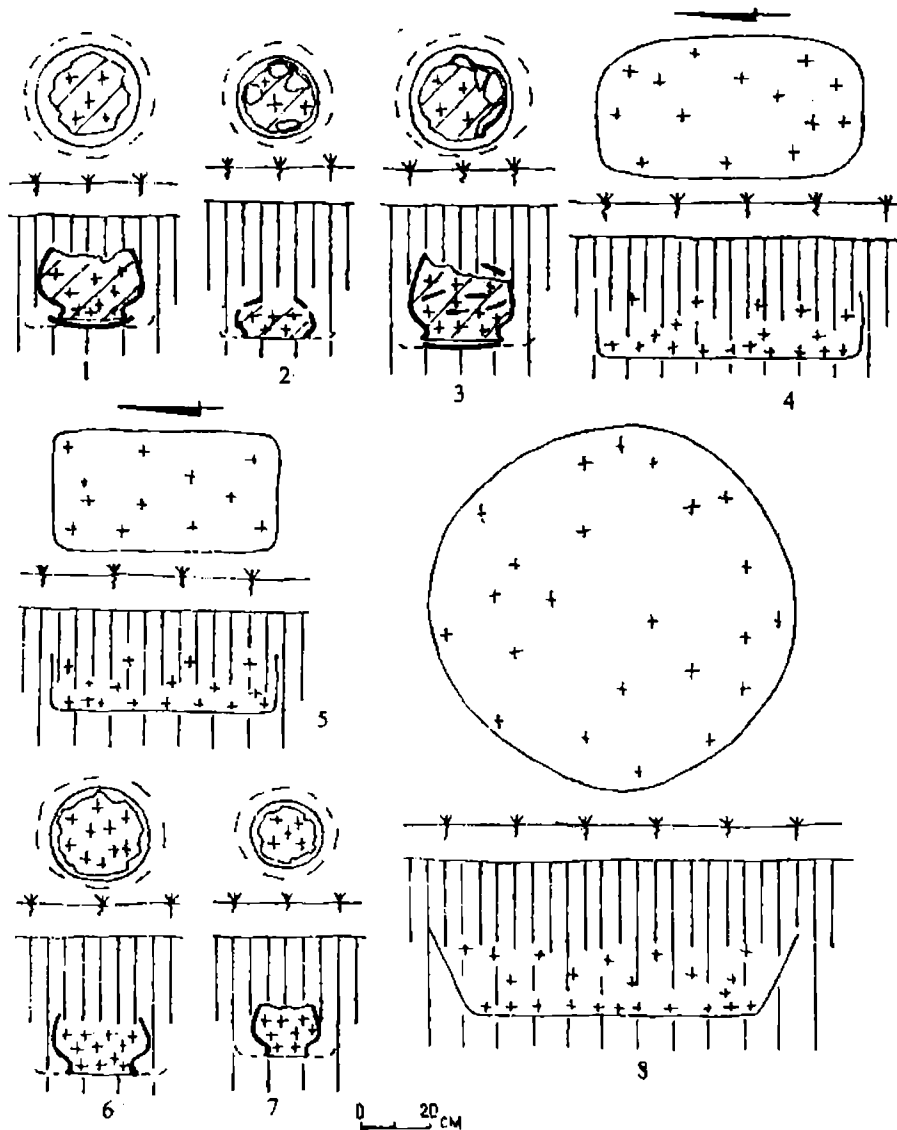

Рис. 36. Планы погребений № 167 – 174.

1 - погр. № 167; 2 - погр. № 168; 3 - погр. № 169; 4 - погр. № 170; 5 - погр. № 171; 6 - погр. № 173; 7 - погр. № 174; 8 - погр. № 172.

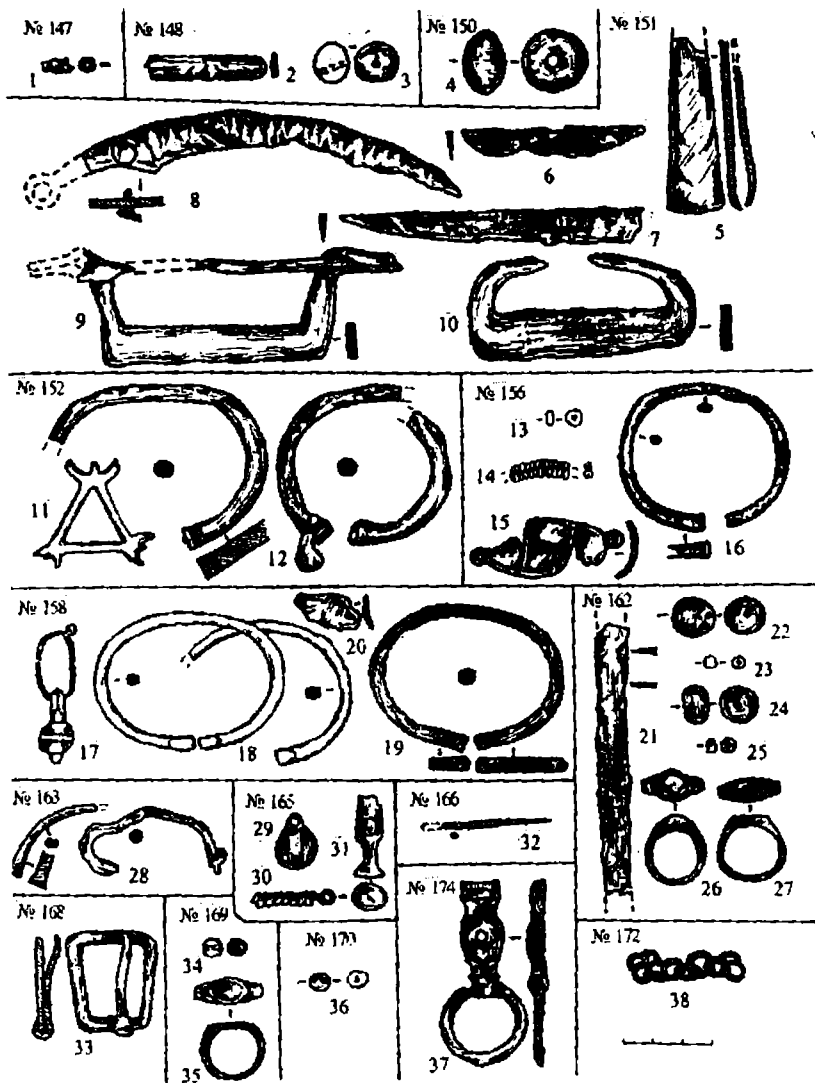

Рис. 37. Инвентарь погребений № 147 – 152, 156, 158, 162, 163, 165, 166, 168 – 170, 172, 174.

1 – погр. № 147; 2, 3 – погр. № 148; 4 – погр. № 150; 5 – 10 – погр. № 151; 11, 12 – погр. № 152; 13 – 16 – погр. № 156; 17 – 20 – погр. № 158; 21 – 27 – погр. № 162; 28 – погр. № 163; 29 – 31 – погр. № 165; 32 – погр. № 166; 33 – погр. № 168; 34, 35 – погр. № 169; 36 – погр. № 170; 37 – погр. № 174; 38 – погр. № 172.

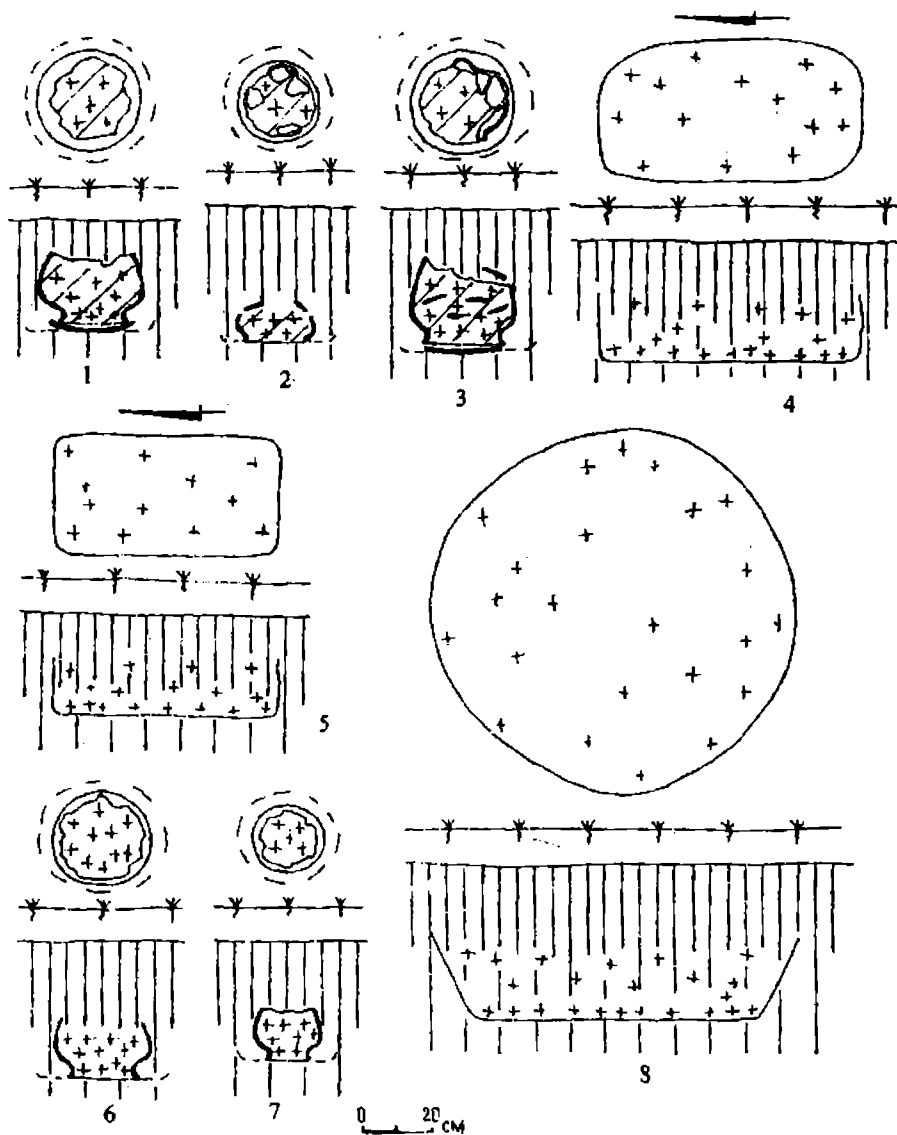

Рис. 36. Планы погребений № 167 - 174.

1 - погр. № 167; 2 - погр. № 168; 3 - погр. № 169; 4 - погр. № 170; 5 - погр. № 171; 6 - погр. № 173; 7 - погр. № 174; 8 - погр. № 172

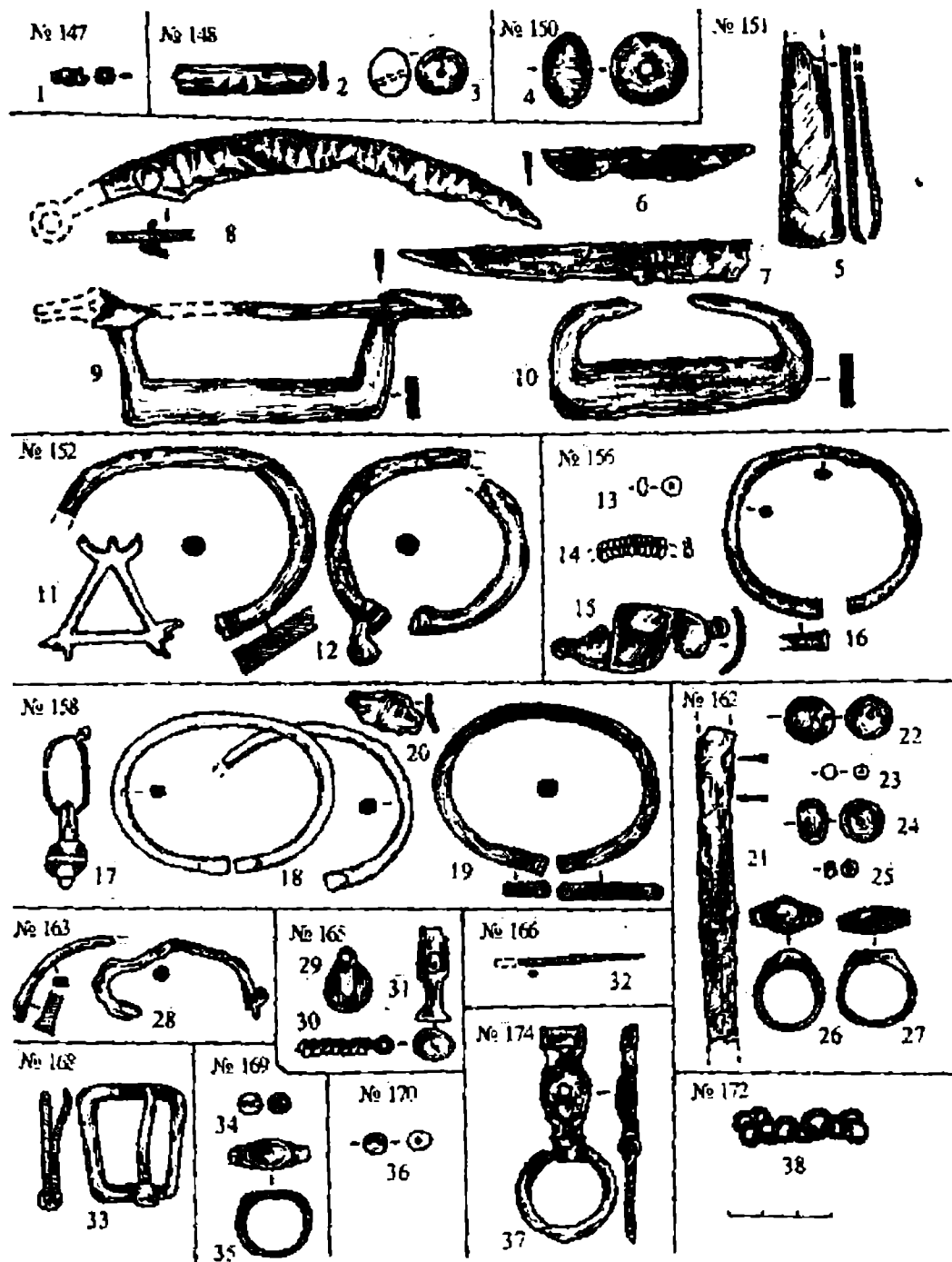
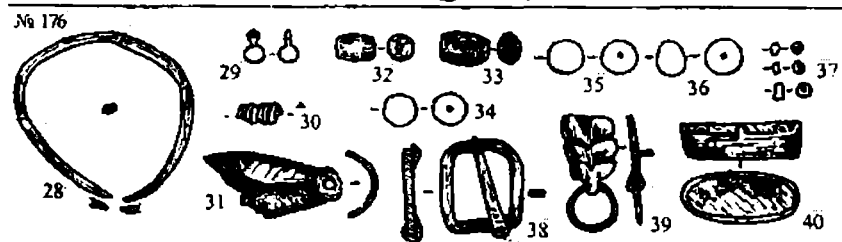
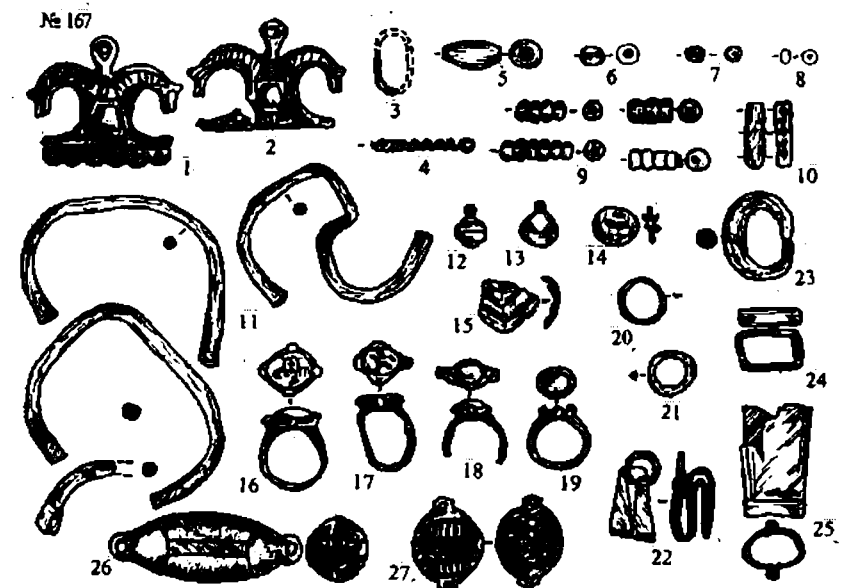

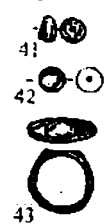
Рис. 37. Инвентарь погребений № 147 – 152, 156, 158, 162, 163, 165, 166, 168 – 170, 172, 174.

1 – погр. № 147; 2, 3 – погр. № 148; 4 – погр. № 150; 5 – 10 – погр. № 151; 11, 12 – погр. № 152; 13 – 16 – погр. № 156; 17 – 20 – погр. № 158; 21 – 27 – погр. № 162; 28 – погр. № 163; 29 – 31 – погр. № 165; 32 – погр. № 166; 33 – погр. № 168; 34, 35 – погр. № 169; 36 – погр. № 170; 37 – погр. № 174; 38 – погр. № 172.

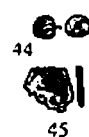

№ 177

№ 178

№ 181

№ 185

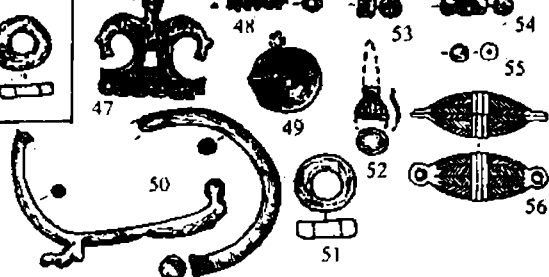

Рис. 38. Инвентарь погребений № 167, 176 – 178, 181, 185.

1 – 27 – погр. № 167; 28 – 40 – погр. № 176; 41 – 43 – погр. № 177; 44, 45 – погр. № 178; 46 – погр. № 181; 47 – 56 – погр. № 185.

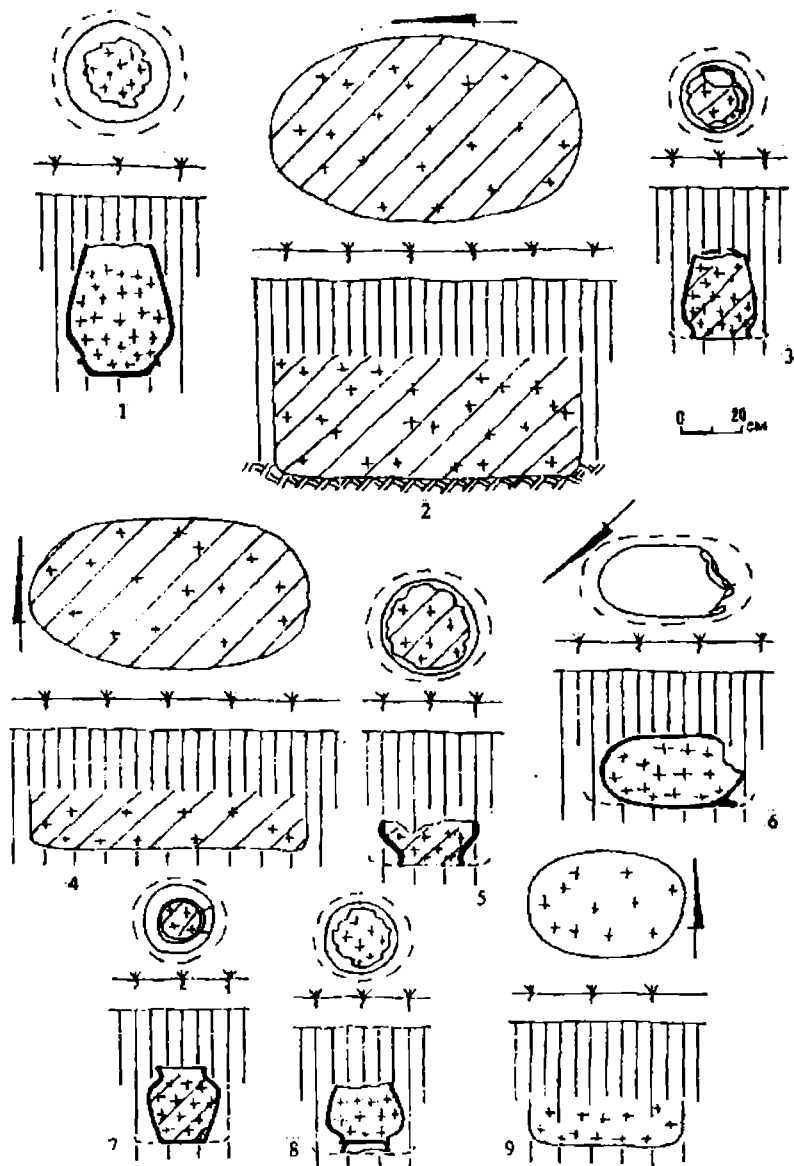

Рис. 39. Планы погребений № 175 – 182, 184.

1 - погр. № 175; 2 - погр. № 176; 3 - погр. № 178; 4 - погр. № 177; 5 - погр. № 179; 6 - погр. № 182; 7 - погр. № 180; 8 - погр. № 181; 9 - погр. № 184.

№ 175

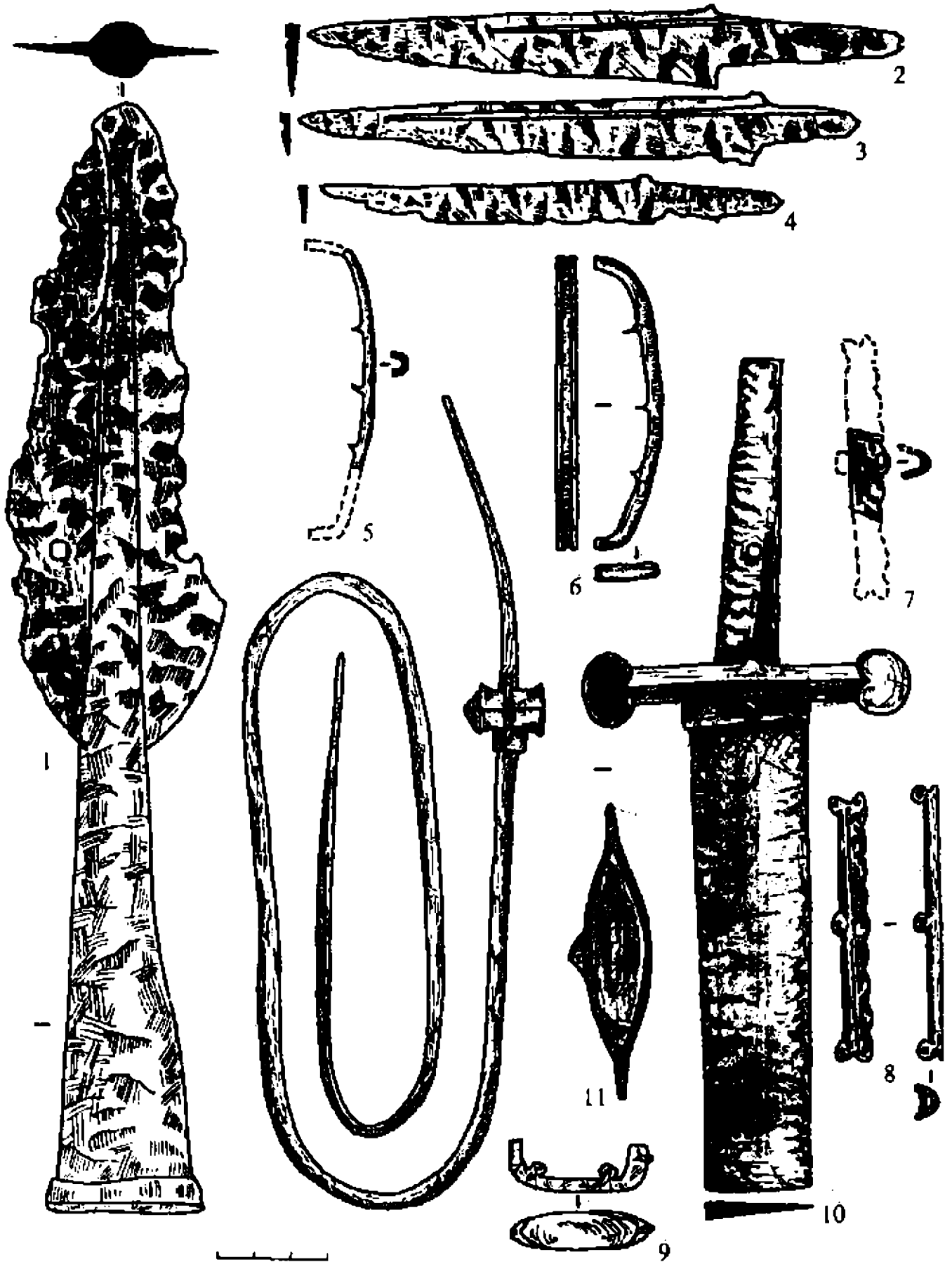
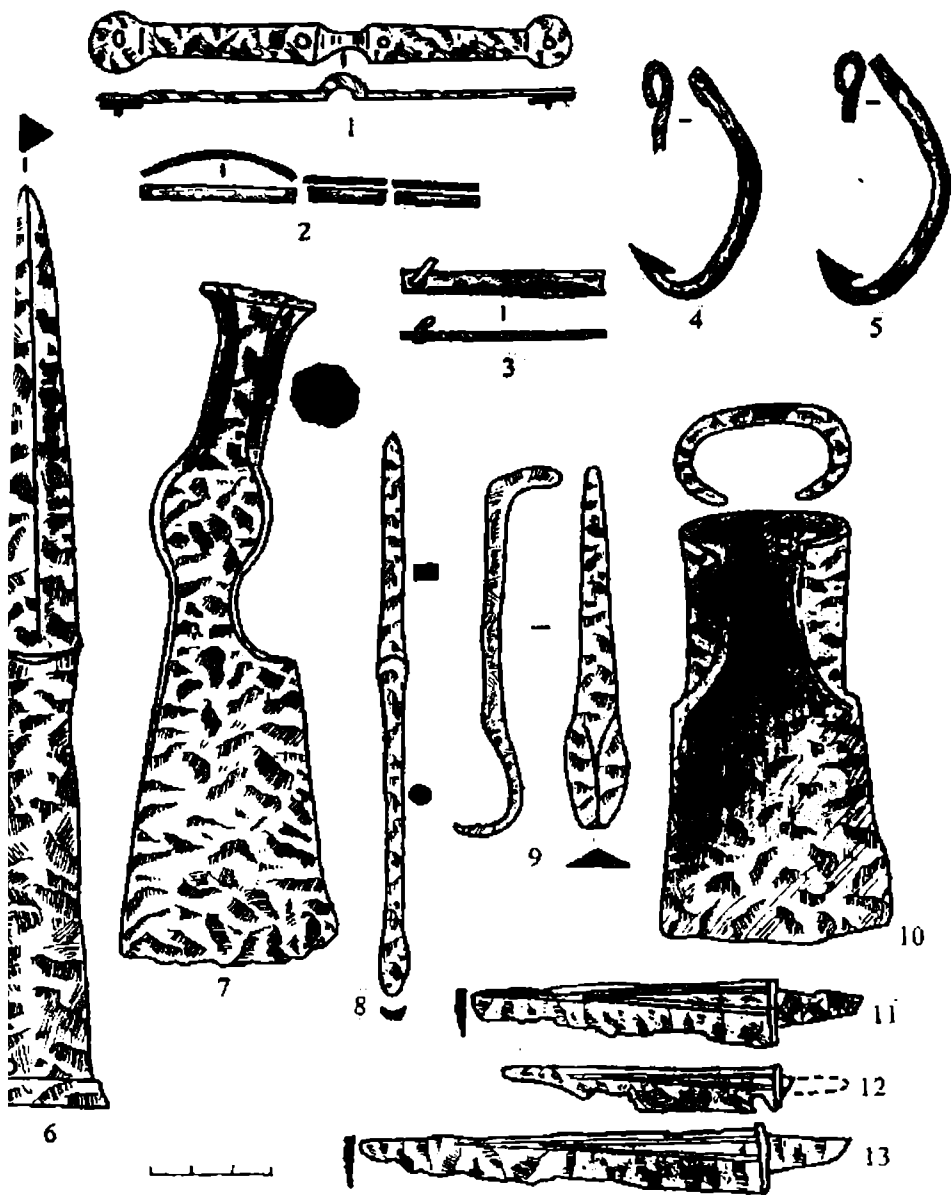

Рис. 40. Инвентарь погребения № 175.

N175

41. Инвентарь погребения № 175

M175

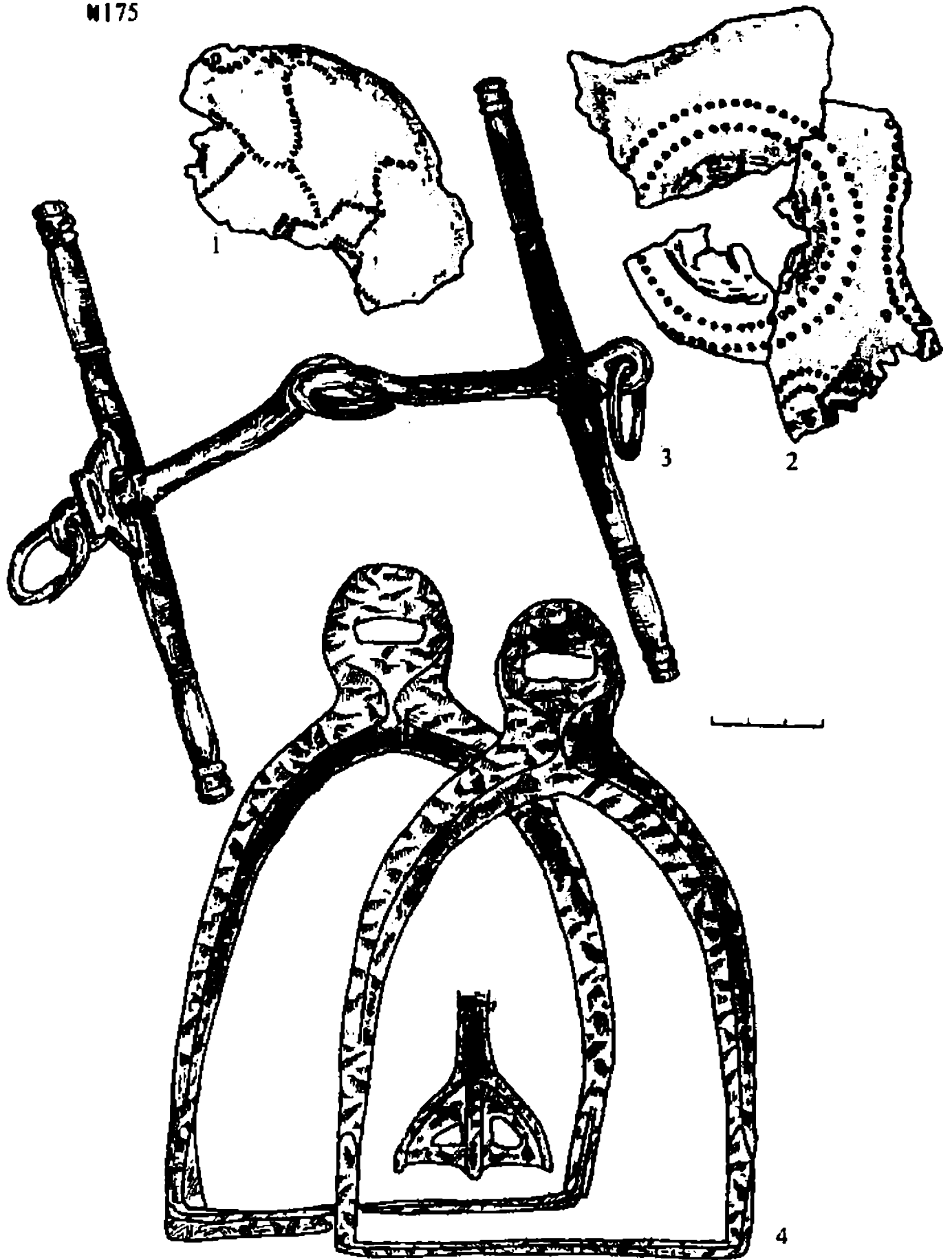

Рис. 42. Инвентарь погребения № 175.

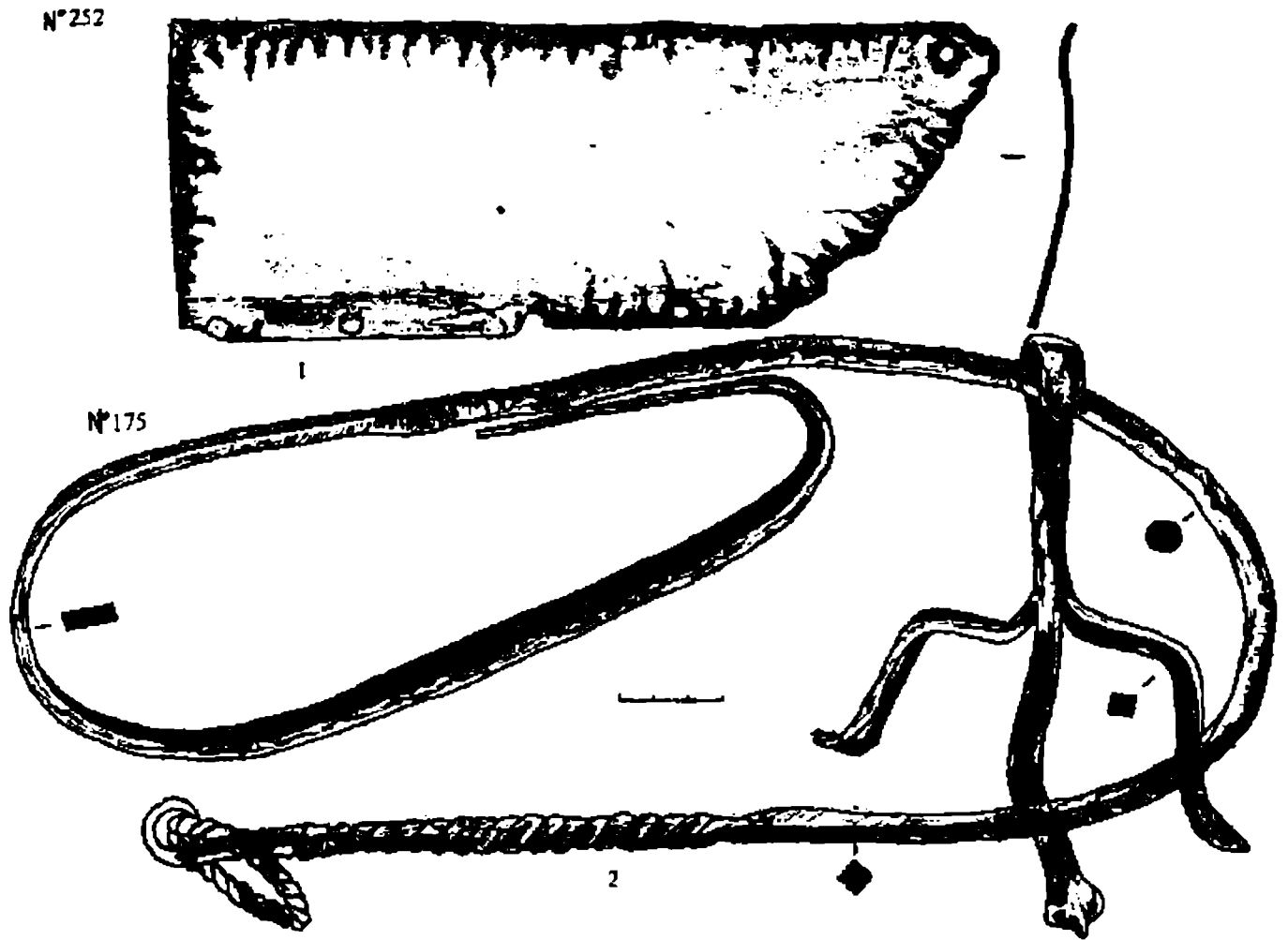

Рис. 43. Инвентарь погребений № 175, 252.
1 – погр. № 252; 2 – погр. № 175.

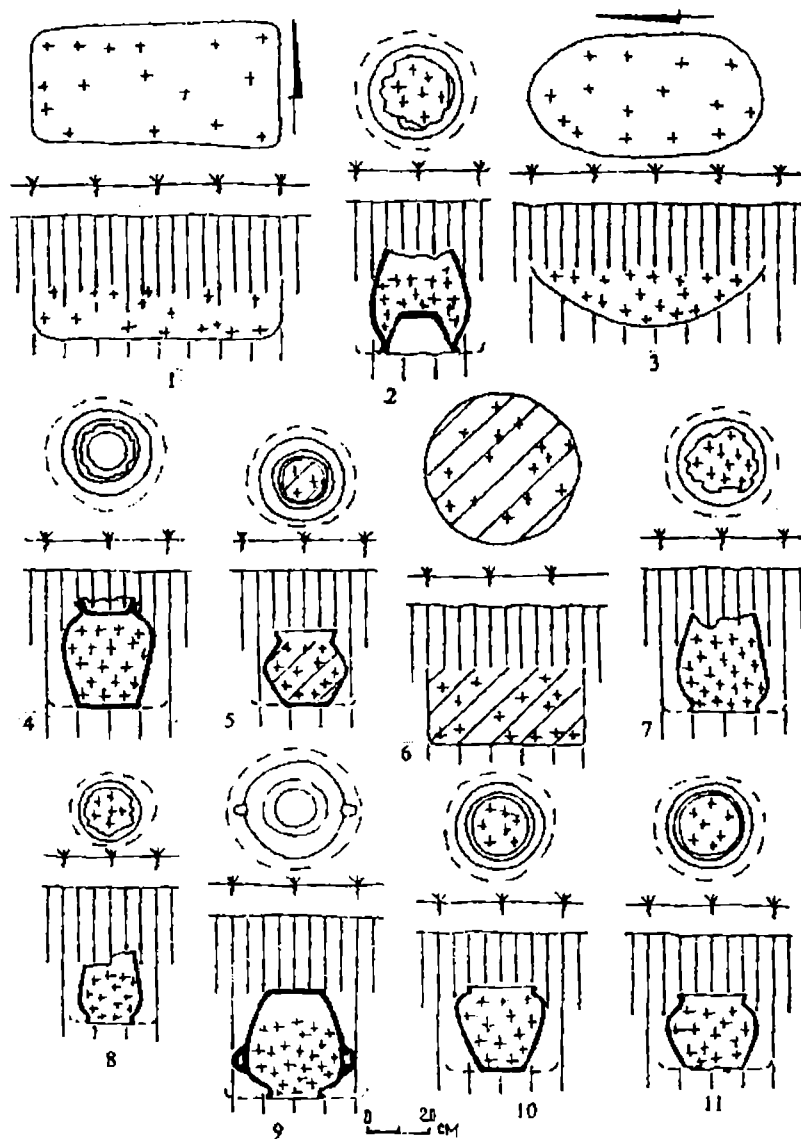

Рис. 44. Планы погребений № 183, 185 – 194.

1 - погр. № 183; 2 - погр. № 185; 3 - погр. № 187; 4 - погр. № 186; 5 - погр. № 188; 6 - погр. № 189; 7 - погр. № 190; 8 - погр. № 191; 9 - погр. № 192; 10 - погр. № 193; 11 - погр. № 194.

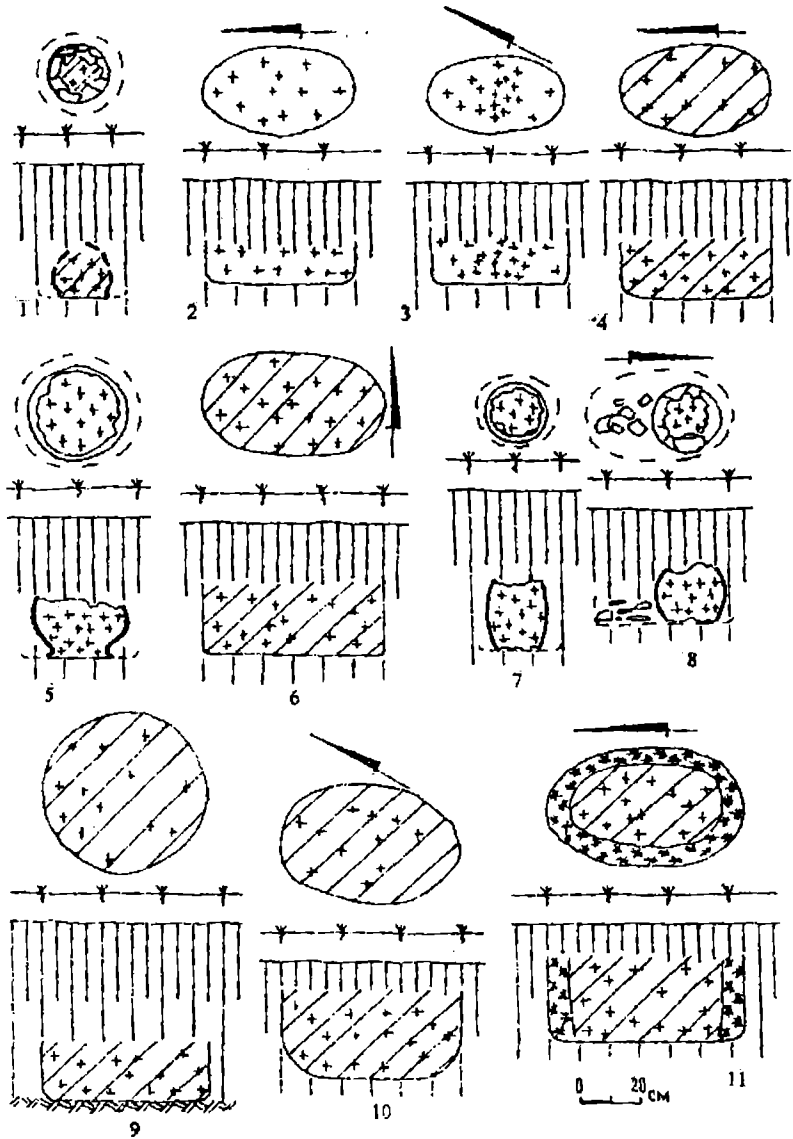

Рис. 45. Планы погребений № 195 – 205.

1 - погр. № 195; 2 - погр. № 196; 3 - погр. № 197; 4 - погр. № 198; 5 - погр. № 199; 6 - погр. № 200; 7 - погр. № 201; 8 - погр. № 202; 9 - погр. № 203; 10 - погр. № 204; 11 - погр. № 205.

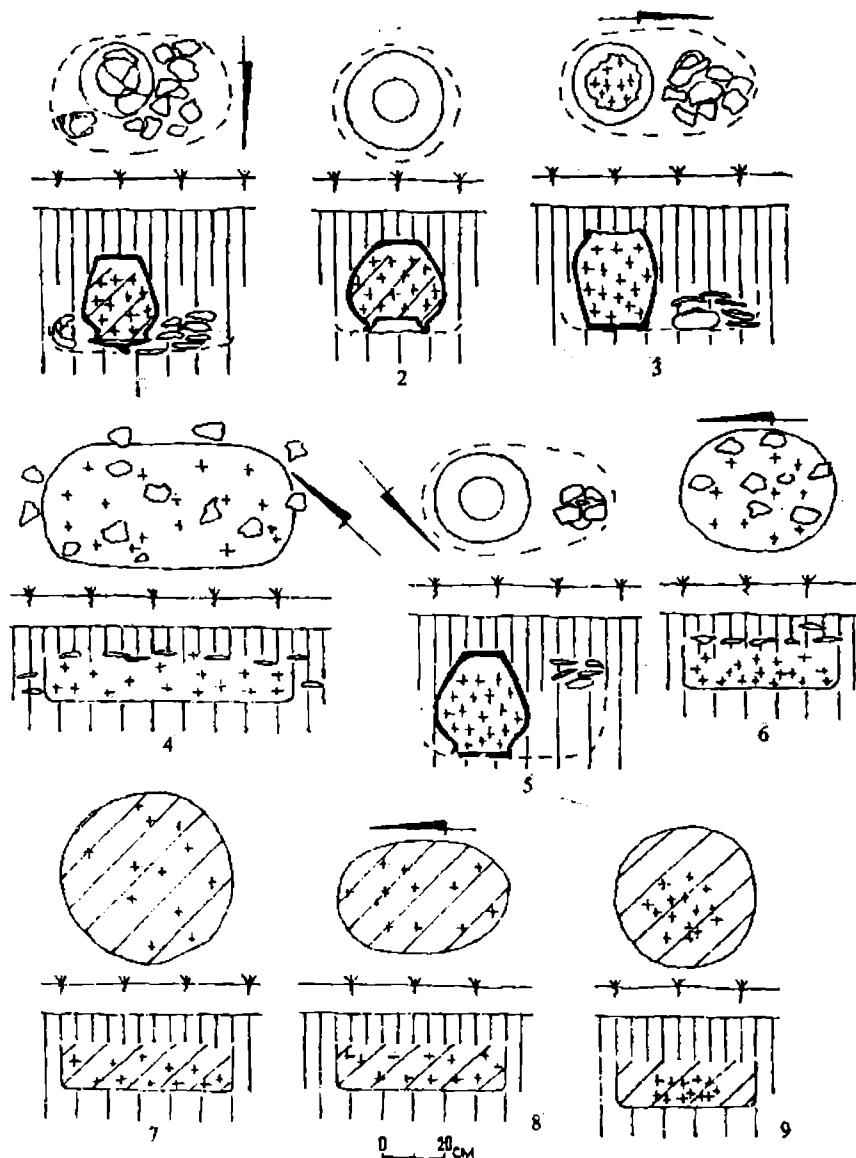
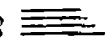

Рис. 46. Планы погребений № 206 – 213, 217.

1 - погр. № 206; 2 - погр. № 207; 3 - погр. № 208; 4 - погр. № 209; 5 - погр. № 210; 6 - погр. № 211; 7 - погр. № 212; 8 - погр. № 213; 9 - погр. № 217.

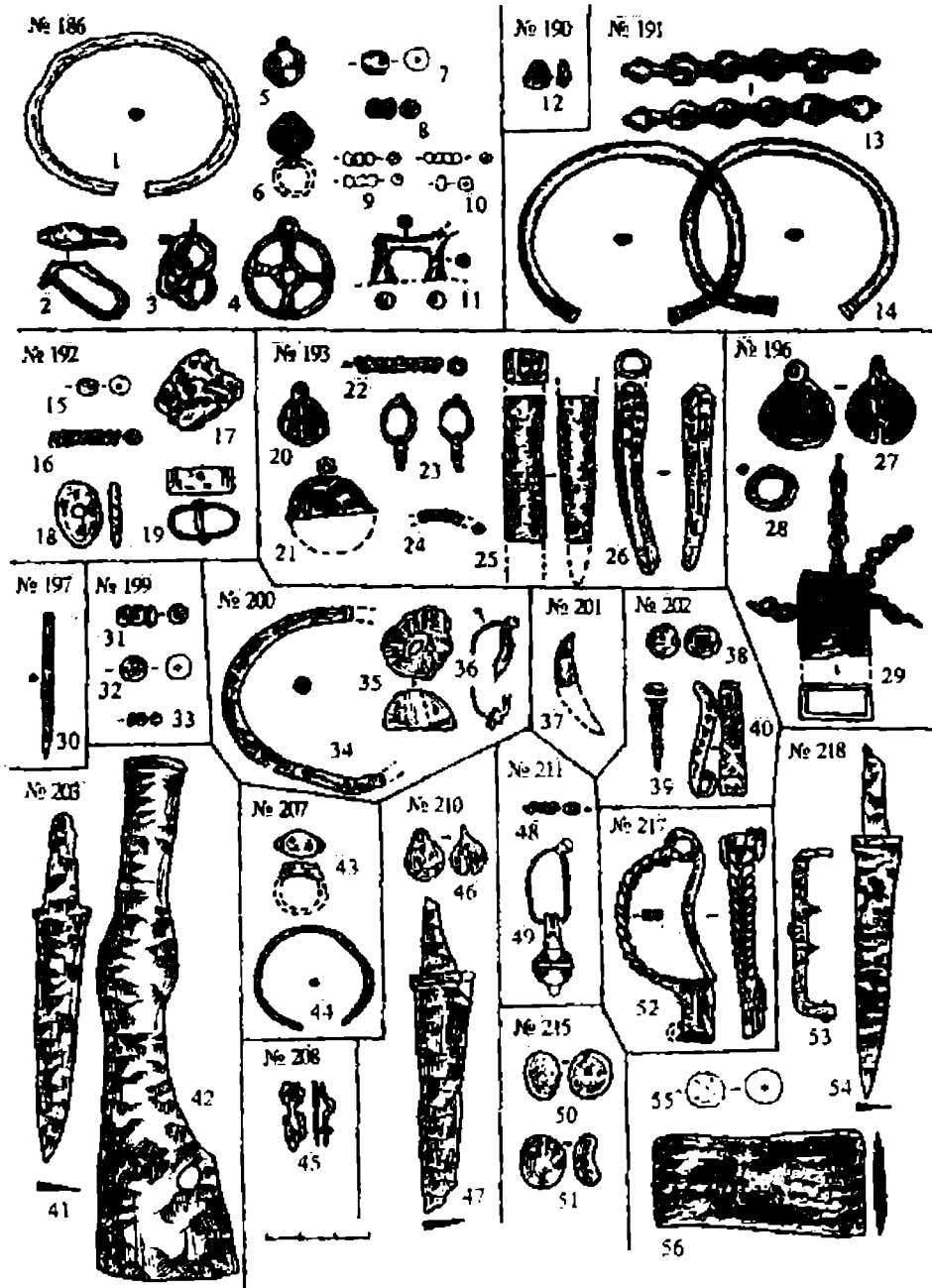

Рис. 47. Инвентарь погребений № 186, 190 – 193, 196, 197, 199 – 203, 207, 208, 210, 211, 215, 217, 218.

1 – 11 – погр. № 186; 12 – погр. № 190; 13, 14 – погр. № 191; 15 – 19 – погр. № 192; 20 – 26 – погр. № 193; 27 – 29 – погр. № 196; 30 – погр. № 197; 31 – 33 – погр. № 199; 34 – 36 – погр. № 200; 37 – погр. № 201; 38 – 40 – погр. № 202; 41, 42 – погр. № 203; 43, 44 – погр. № 207; 45 – погр. № 208; 46, 47 – погр. № 210; 48, 49 – погр. № 211; 50, 51 – погр. № 215; 52 – погр. № 217; 53 – 56 – погр. № 218.

№ 214

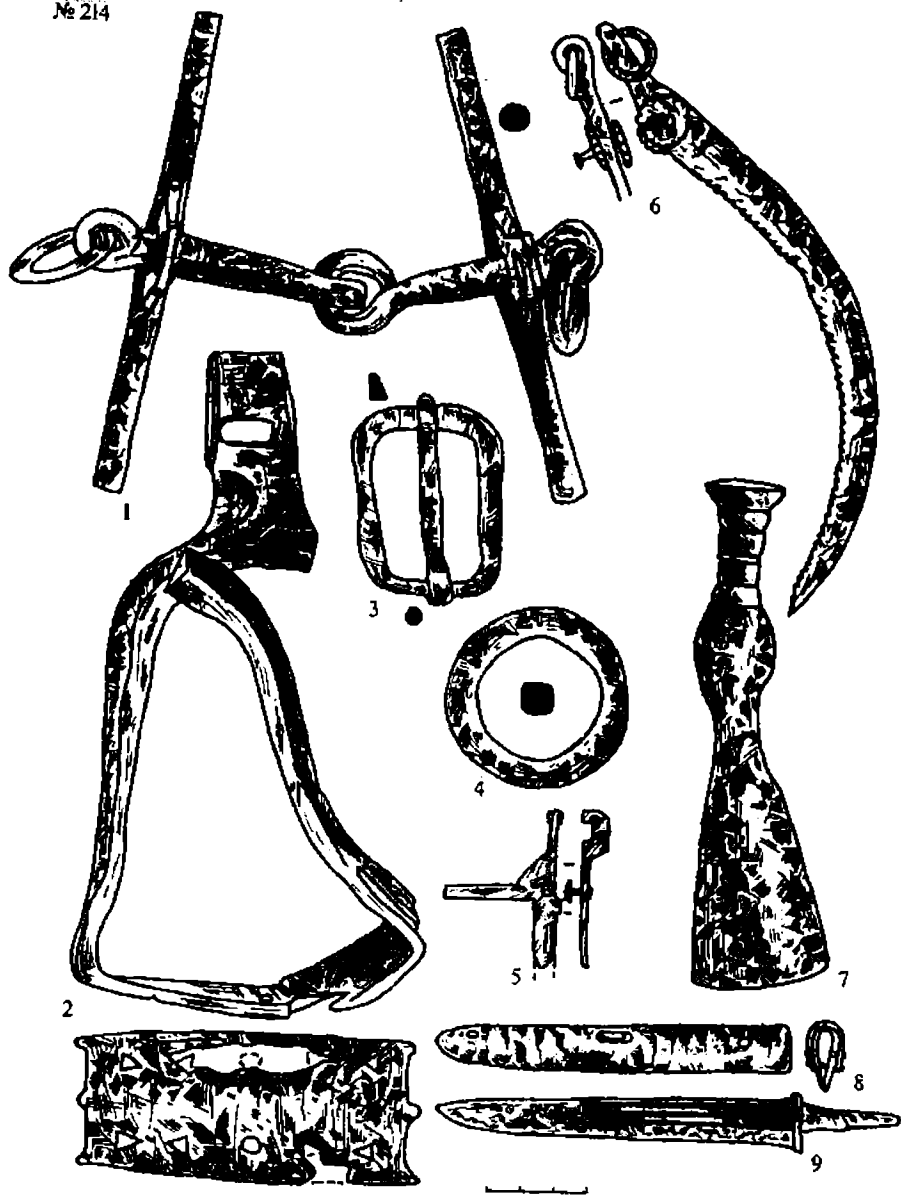

Рис. 48. Инвентарь погребения № 214.

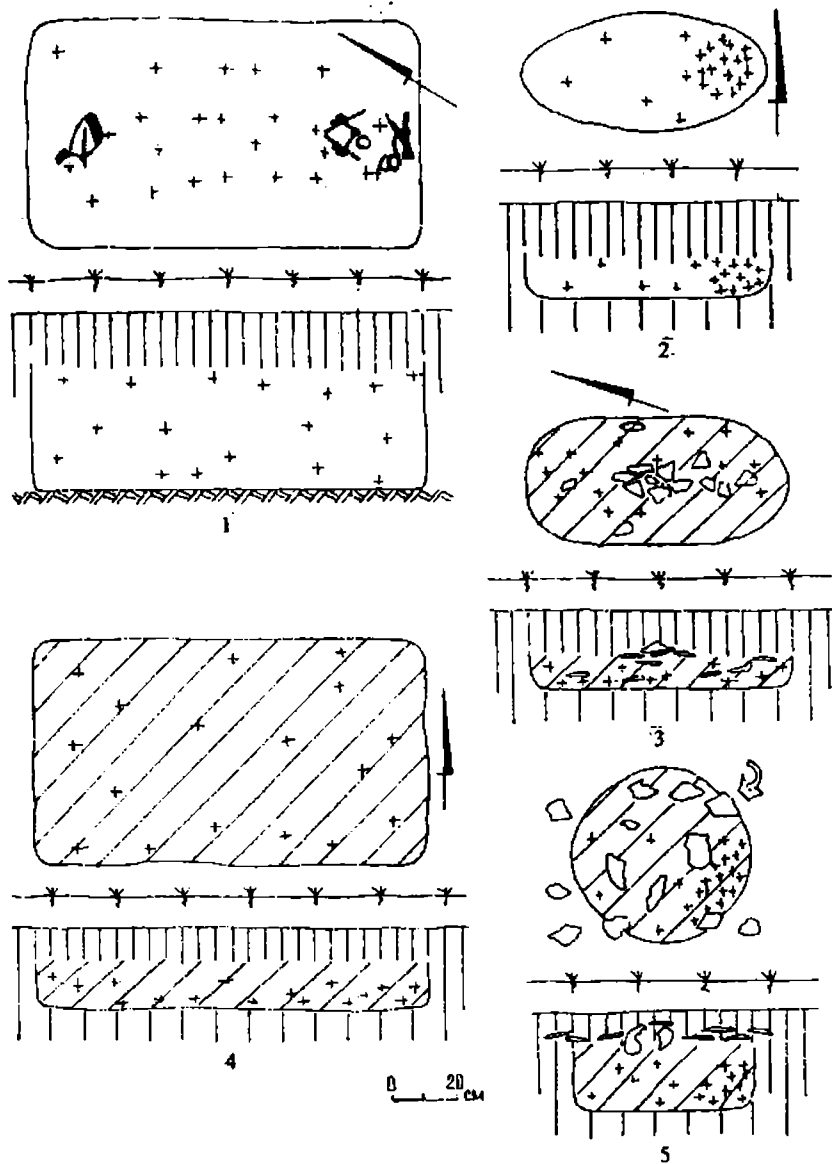

Рис. 49. Планы погребений № 214 – 219.

1 - погр. № 214; 2 - погр. № 216; 3 - погр. № 218; 4 - погр. № 215; 5 - погр. № 219.

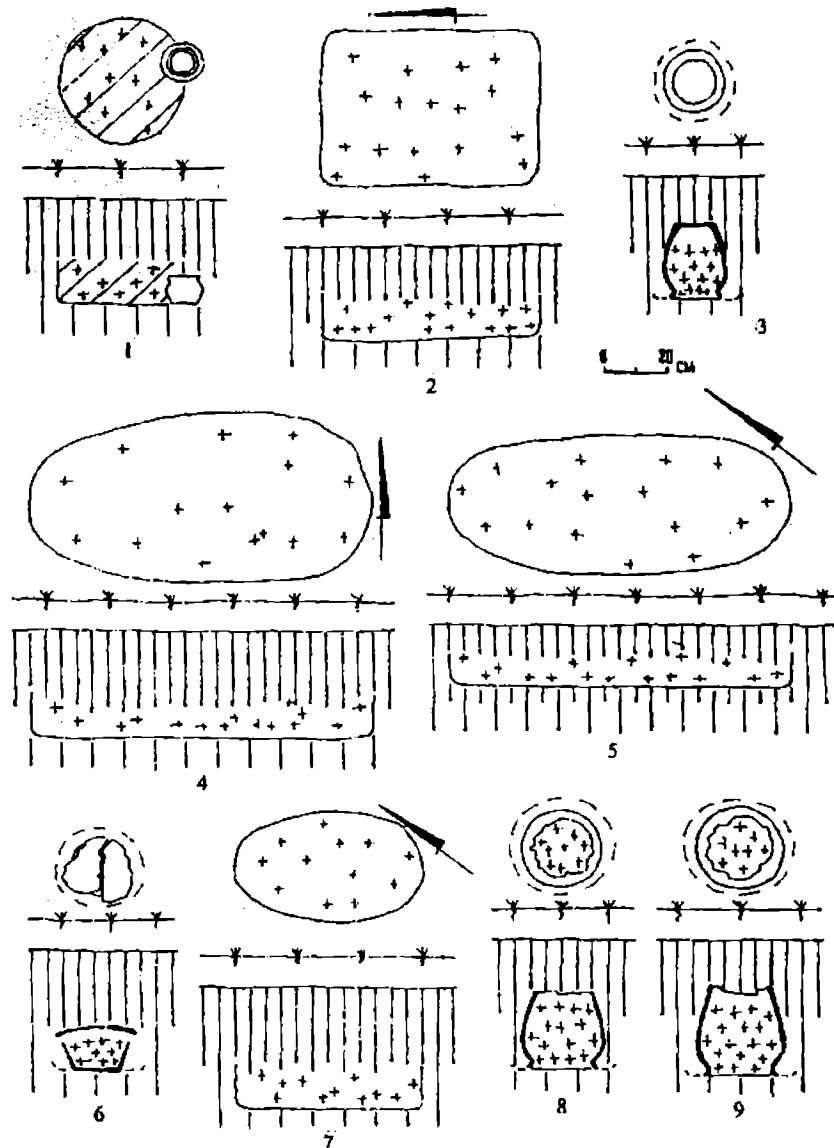

Рис. 50. Планы погребений № 220 – 228.

1 - погр. № 220; 2 - погр. № 221; 3 - погр. № 223; 4 - погр. № 222; 5 - погр. № 224; 6 - погр. № 225; 7 - погр. № 226; 8 - погр. № 227; 9 - погр. № 228.

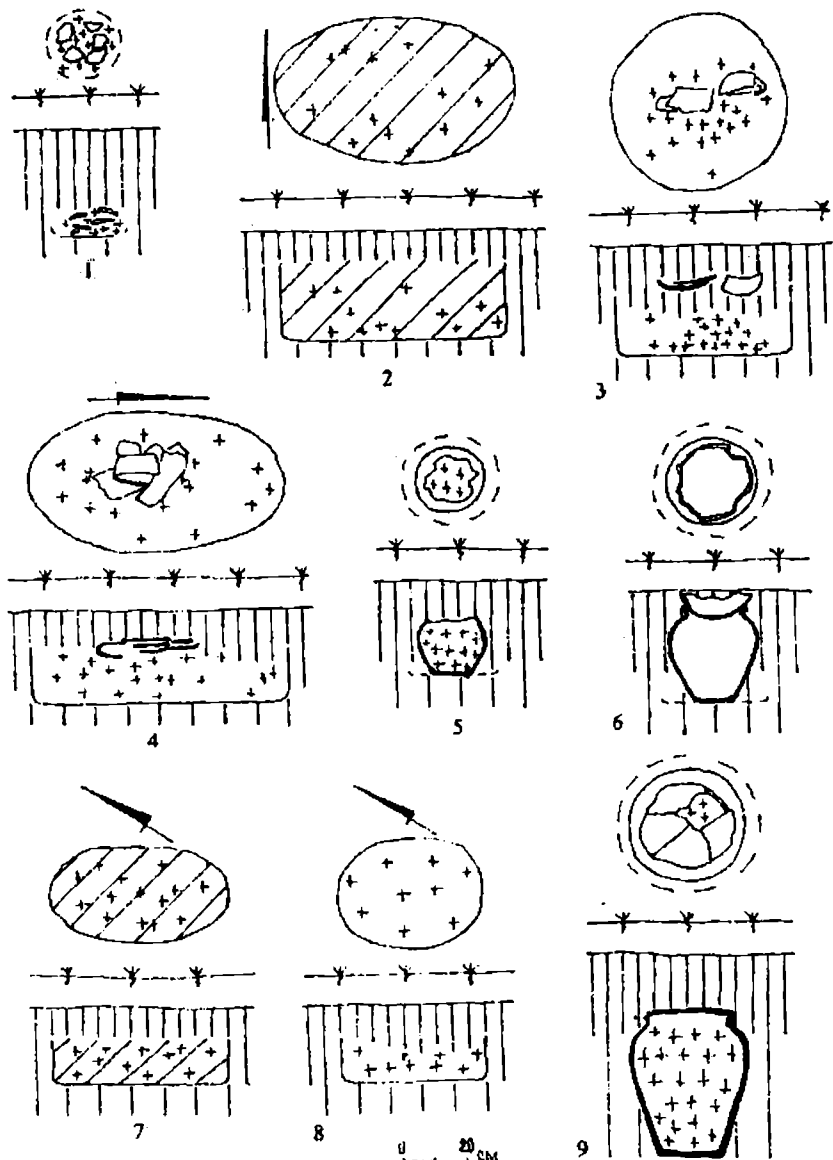

Рис. 51. Планы погребений № 229 – 232, 234 – 238.

1 - погр. № 229; 2 - погр. № 230; 3 - погр. № 231; 4 - погр. № 232; 5 - погр. № 234; 6 - погр. № 235; 7 - погр. № 236; 8 - погр. № 237; 9 - погр. № 238.

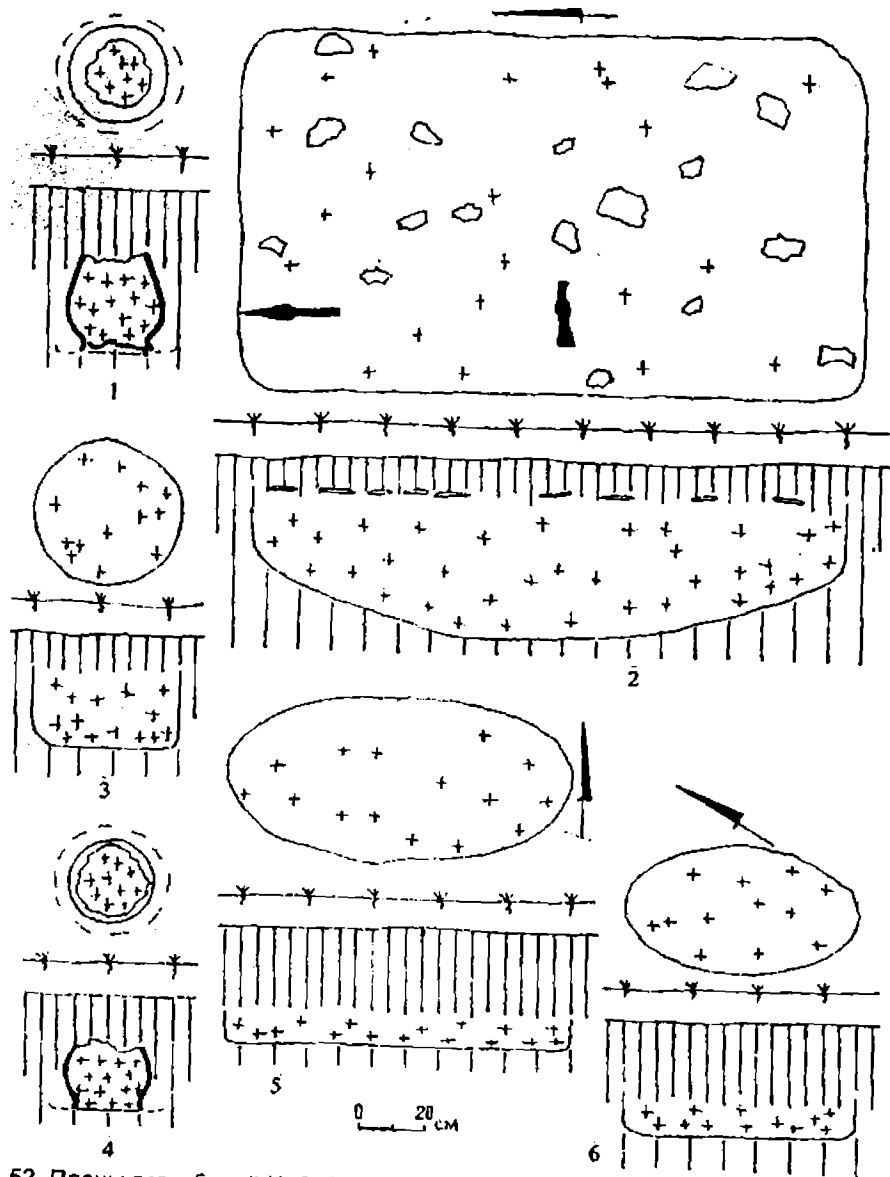
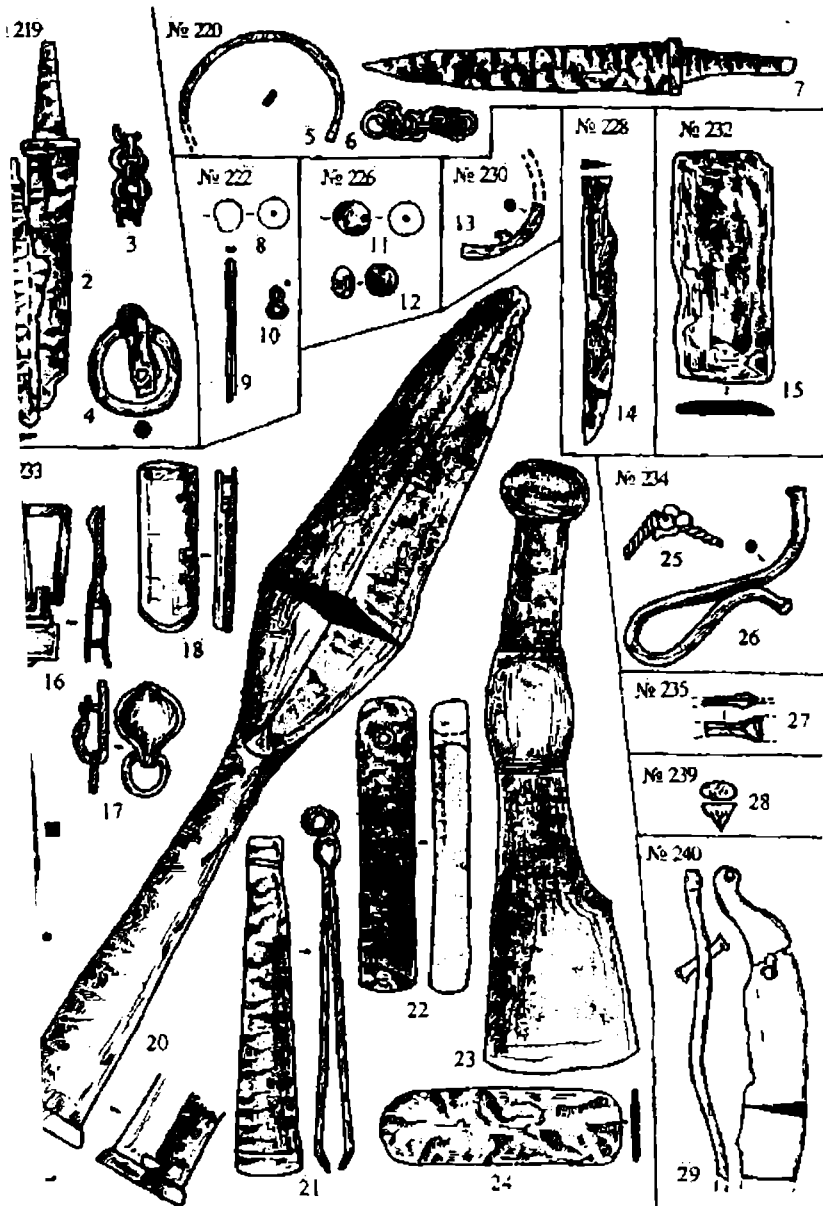

Рис. 52. Планы погребений № 233, 239 – 243.

1 - погр. № 239; 2 - погр. № 233, 3 - погр. № 240; 4 - погр. № 241; 5 - погр. № 242; 6 - погр. № 243.

Металлическая посуда и оружие из захоронений № 219, 220, 222, 226, 228, 230, 232 – 235, 239, 240.
 – погр. № 219; 5 – 7 – погр. № 220; 8 – 10 – погр. № 222; 11, 12 – погр. № 226; 13 – погр. № 230; 14 – погр. № 228; 15 – погр. № 232; 16 – 24 – погр. № 233; 25, 26 – погр. № 234; 27 – погр. № 235; 28 – погр. № 239; 29 – погр. № 240.

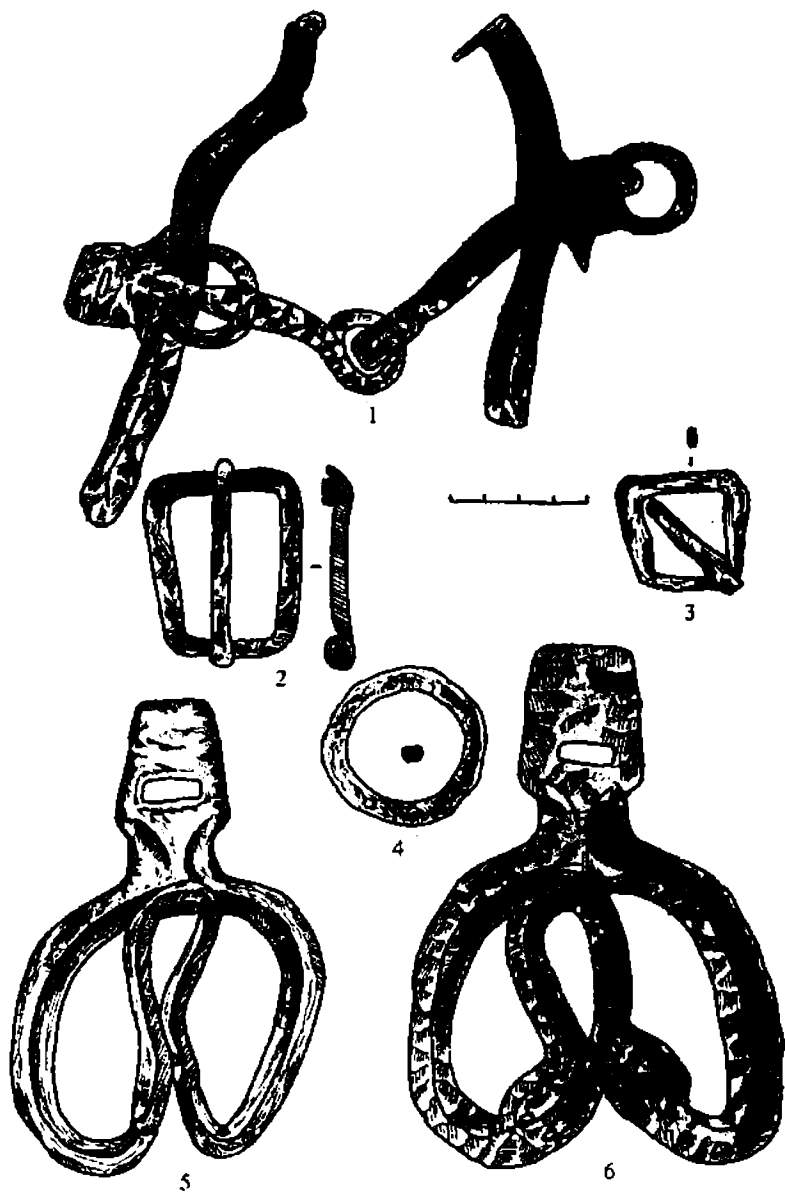
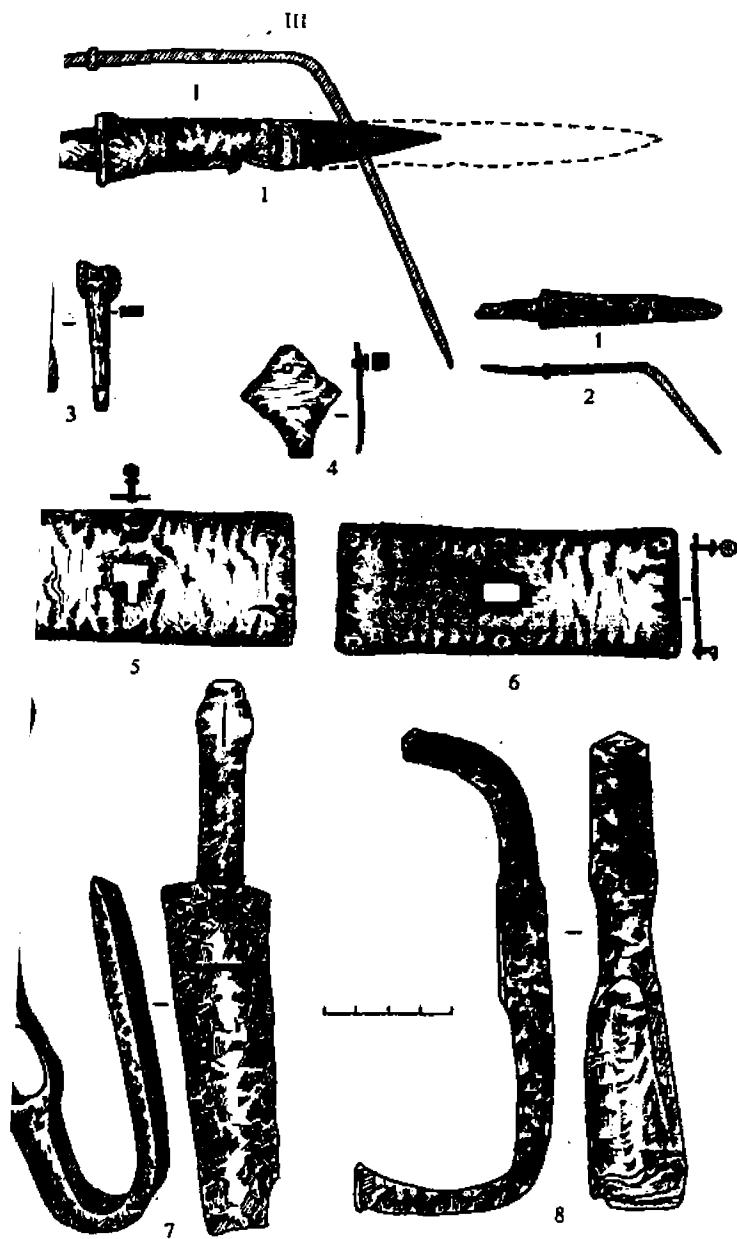

Рис. 54. Инвентарь комплекса III.

вентарь комплекса III.

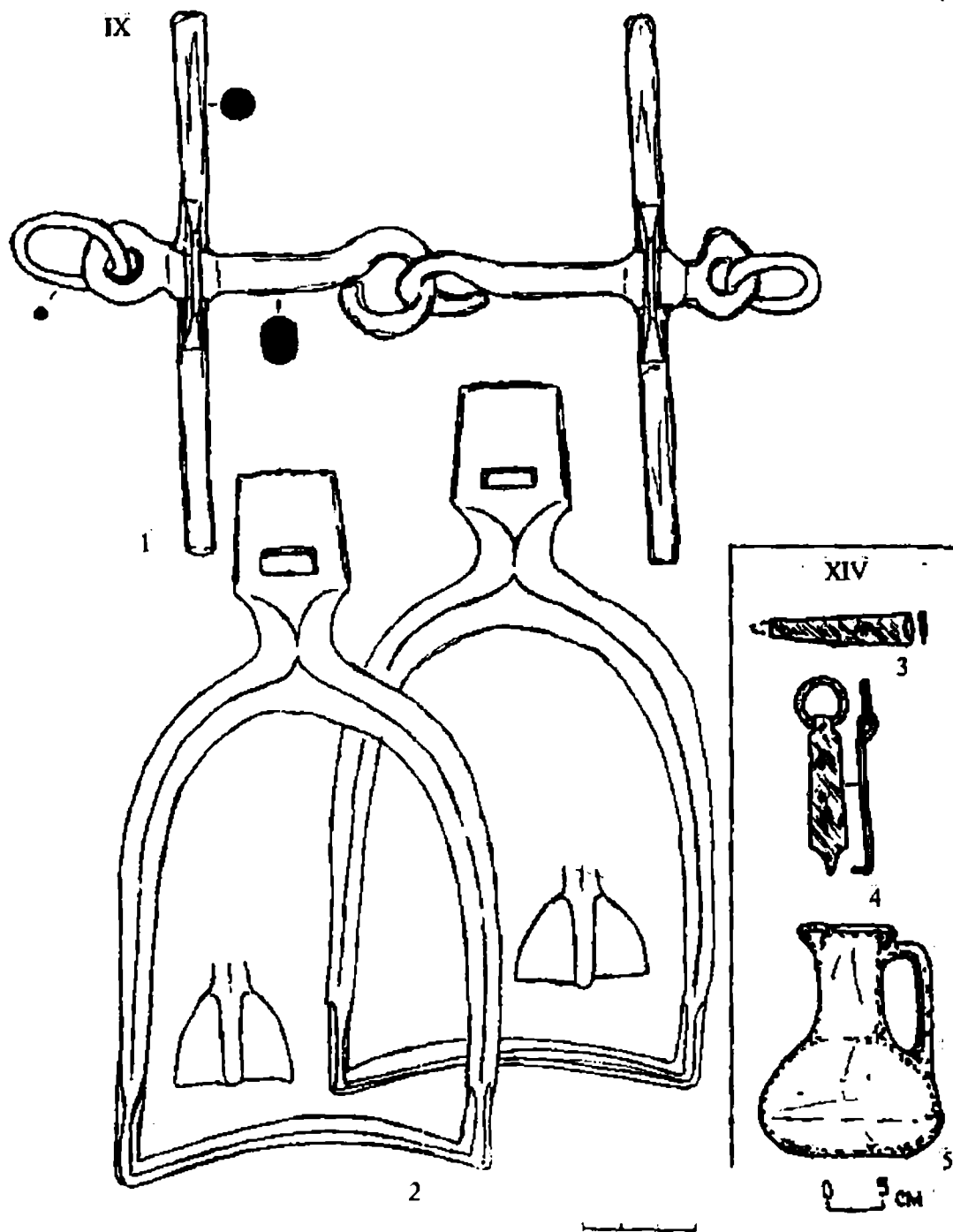

Рис. 56. Инвентарь комплексов IX, XIV.

1, 2 – комплекс IX; 3 - 5 – комплекс № XIV.

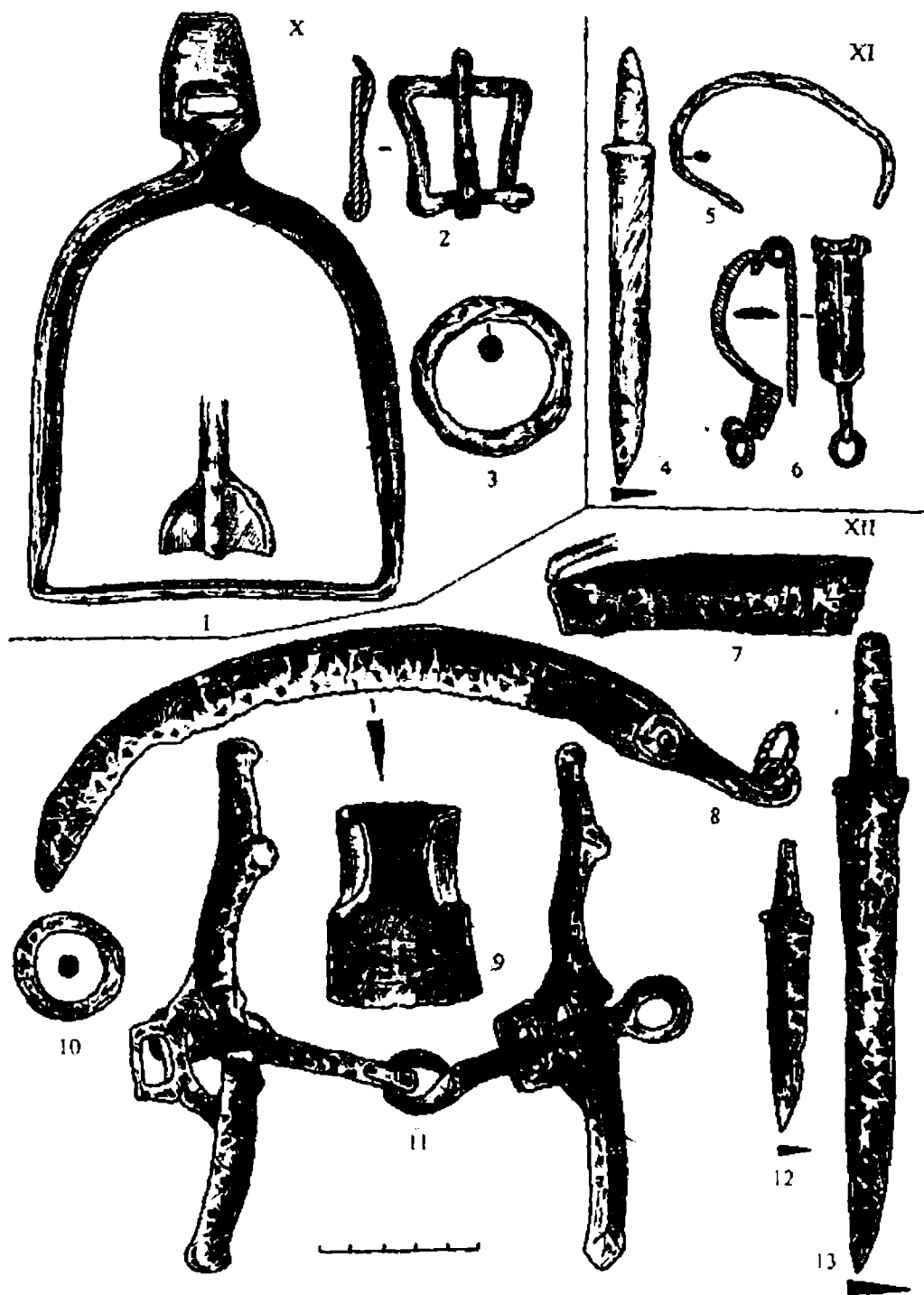

Рис. 57. Инвентарь комплексов X, XI, XII.

1 – 3 – комплекс X; 4 – 6 – комплекс XI; 7 – 13 – комплекс XII.

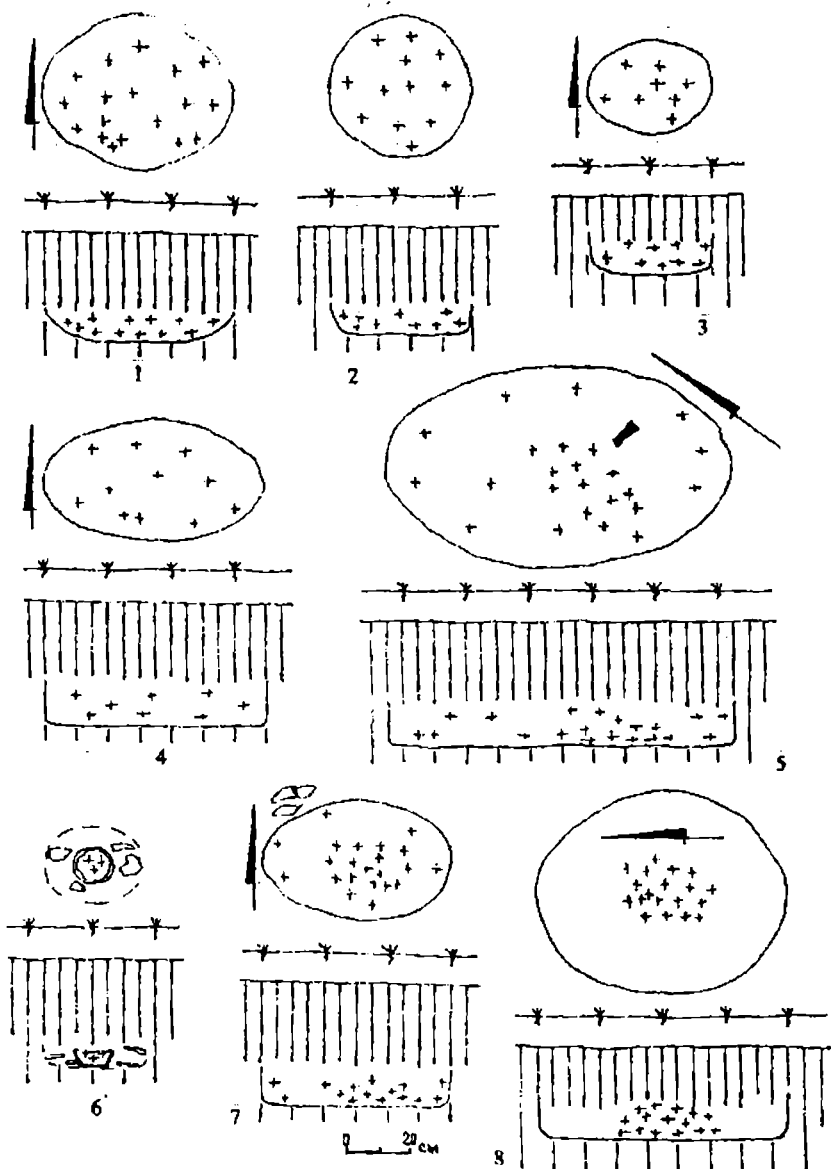

Рис. 58. Планы погребений № 244 – 251.

1 - погр. № 244; 2 - погр. № 245; 3 - погр. № 248; 4 - погр. № 247; 5 - погр. № 246; 6 - погр. № 249; 7 - погр. № 250; 8 - погр. № 251.

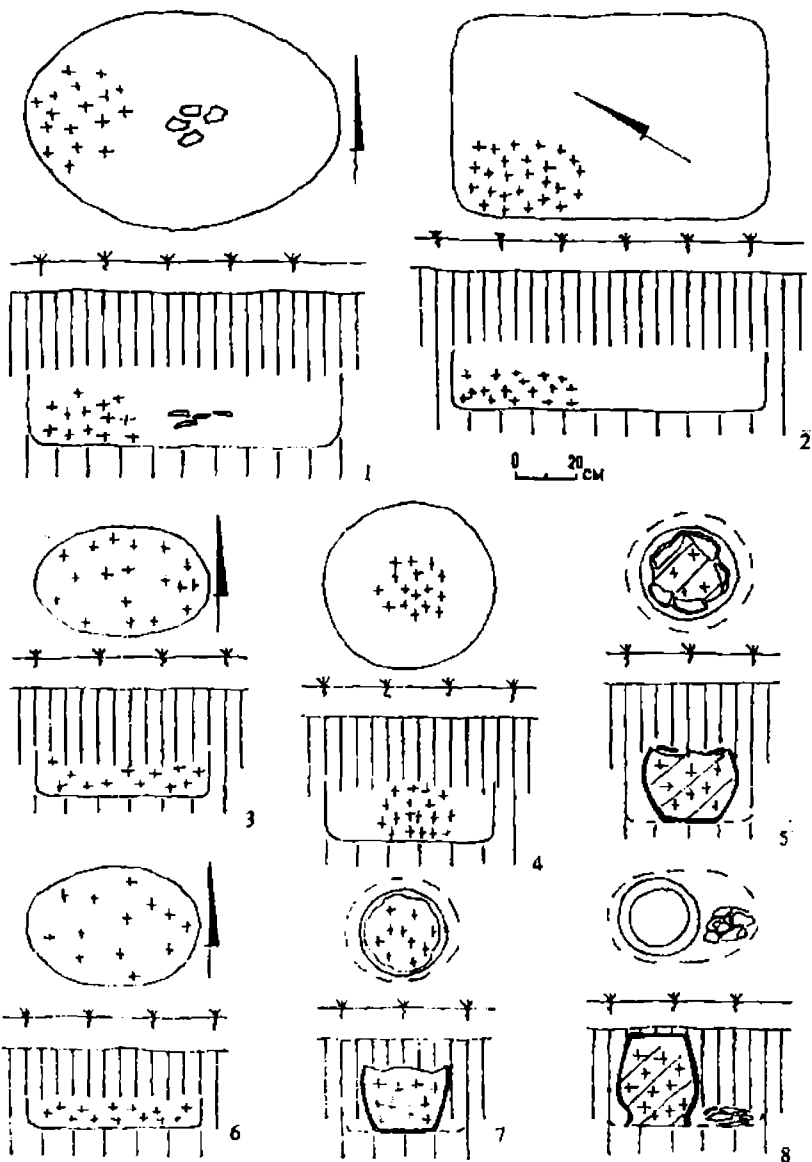

Рис. 59. Планы погребений № 252 – 258, 261.

1 - погр. № 252; 2 - погр. № 252; 3 - погр. № 254; 4 - погр. № 255; 5 - погр. № 256; 6 - погр. № 257; 7 - погр. № 258; 8 - погр. № 261.

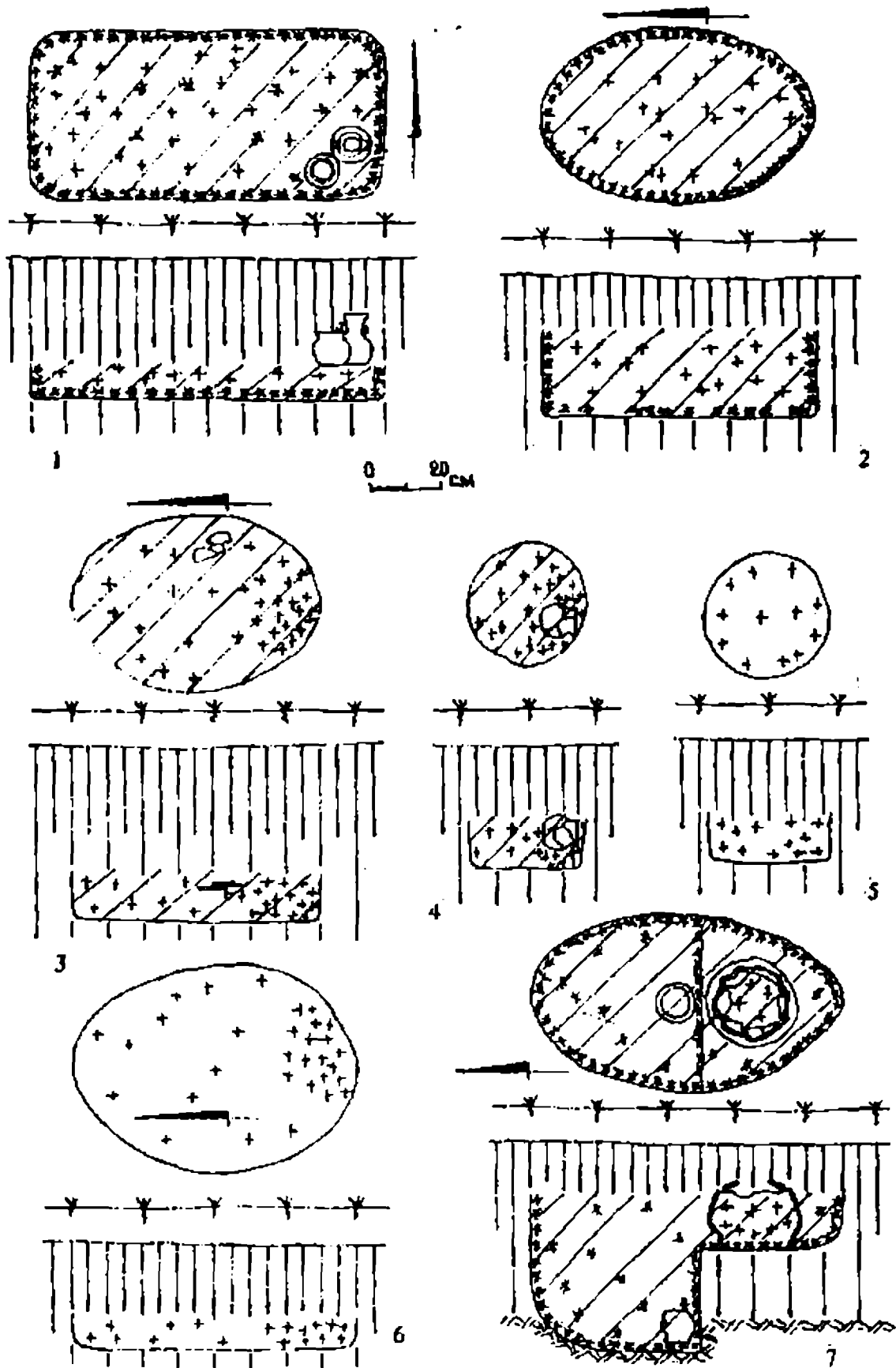

Рис. 60. Планы погребений № 259, 260, 262 – 265.

1 - погр. № 259; 2 - погр. № 260; 3 - погр. № 262; 4 - погр. № 263; 5 - погр. № 264; 6 - погр. № 266, 7 - погр. № 265.

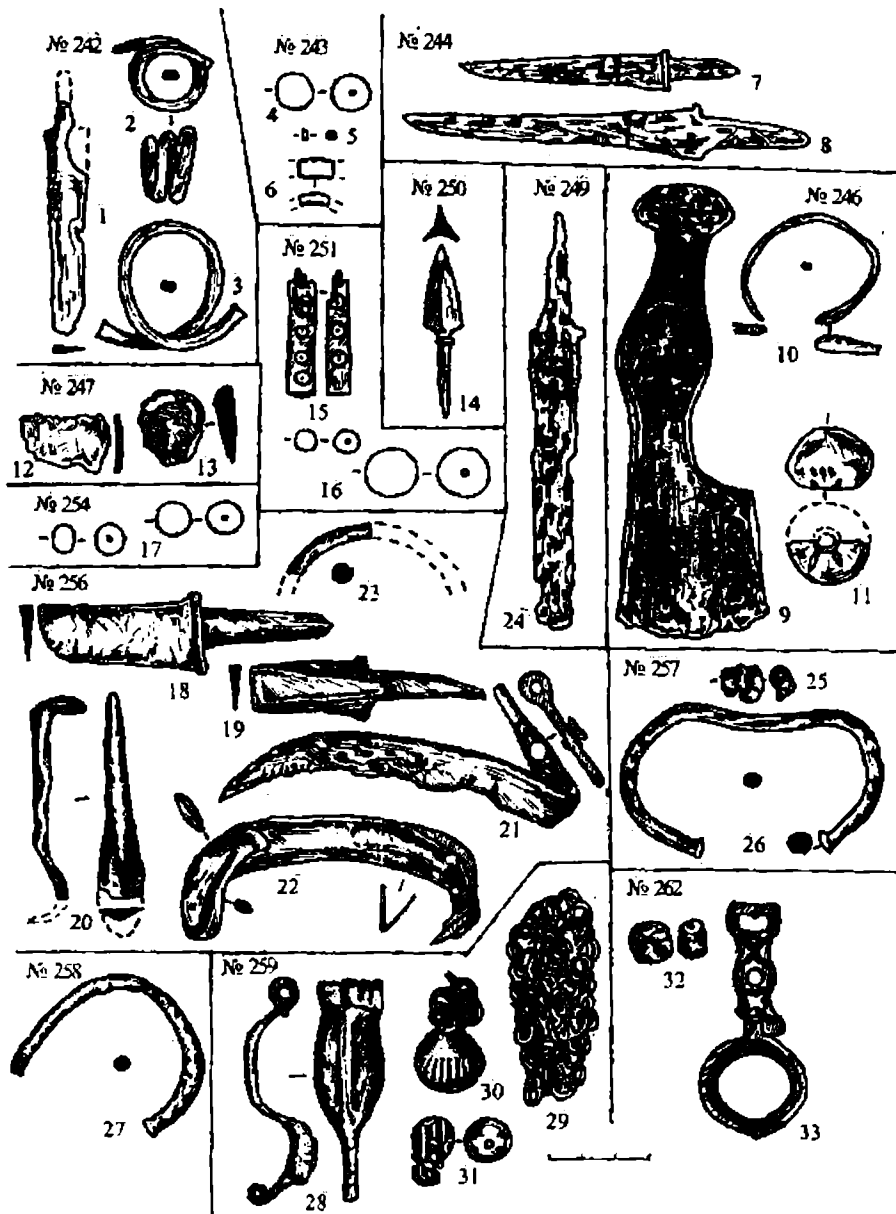

Рис. 61. Инвентарь погребений № 242 – 244, 246, 247, 249 – 251, 254, 256 – 259, 262. 1 – 3 – погр. № 242; 4 – 6 – погр. № 243; 7, 8 – погр. № 244; 9 – 11 – погр. № 246; 12, 13 – погр. № 247; 14 – погр. № 250; 15, 16 – погр. № 251; 17 – погр. № 254; 18 – 23 0 погр. № 256; 24 – погр. № 249; 25, 26 – погр. № 257; 27 – погр. № 258; 28 – 31 – погр. № 259; 32, 33 – погр. № 262.

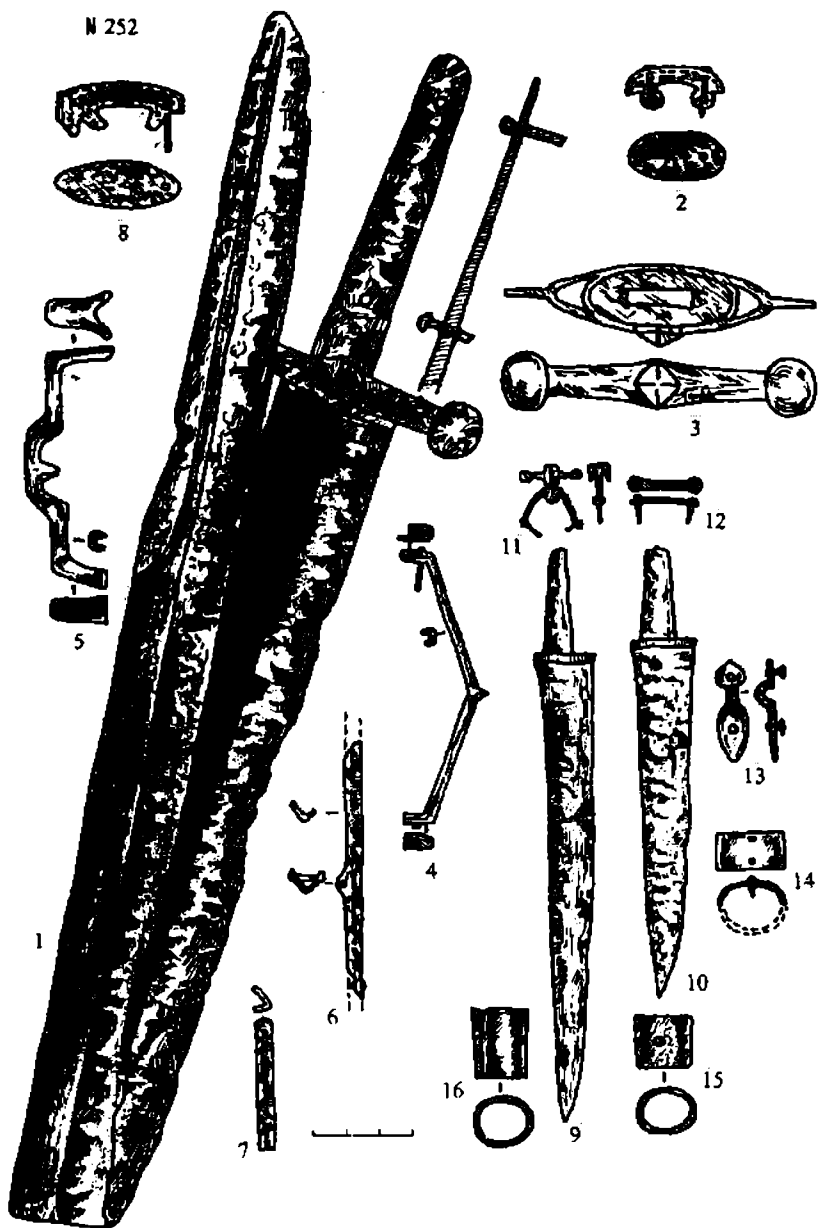

Рис. 62. Инвентарь погребения № 252.

N 252

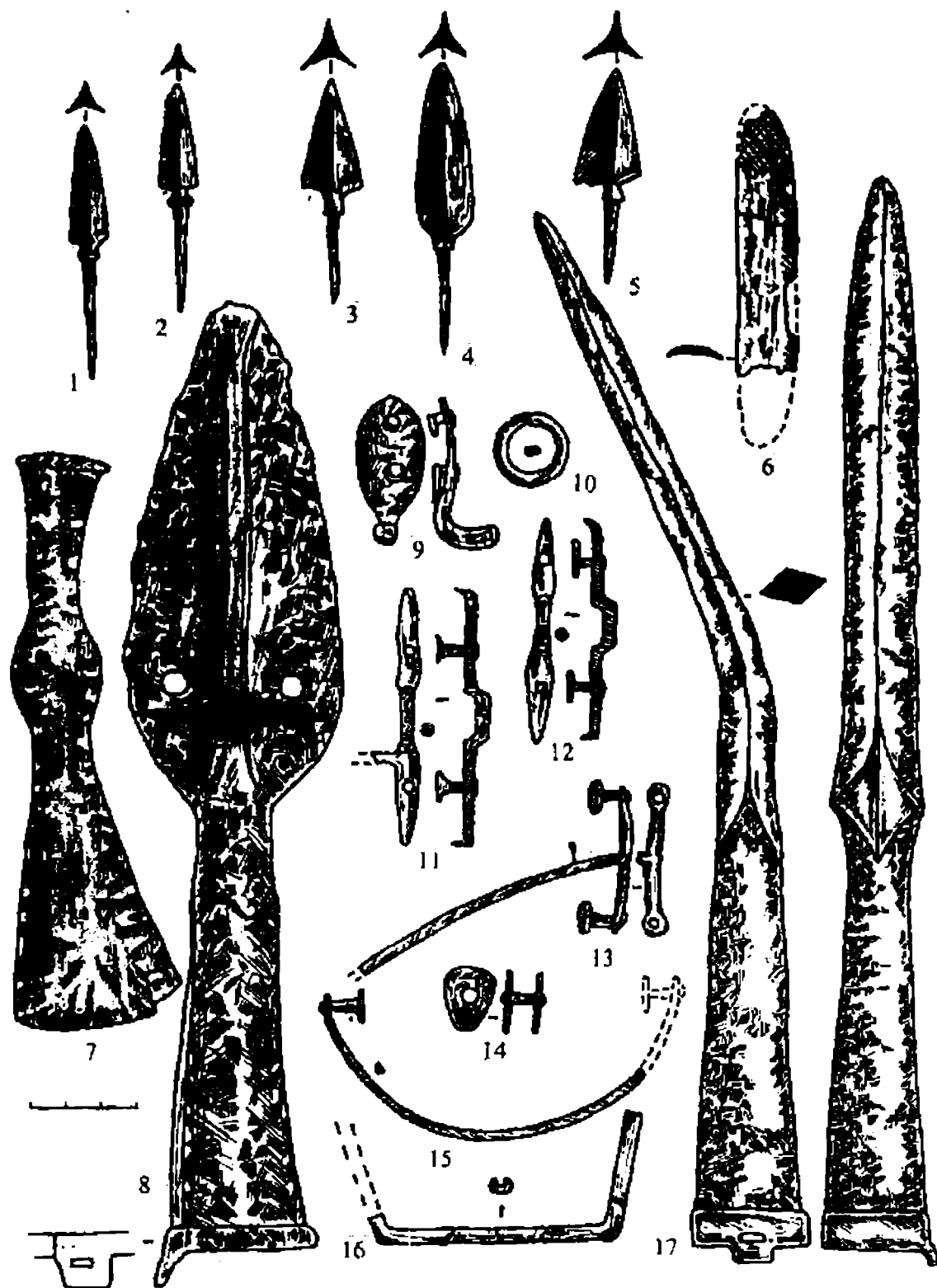

Рис. 63. Инвентарь погребения № 252.

№252

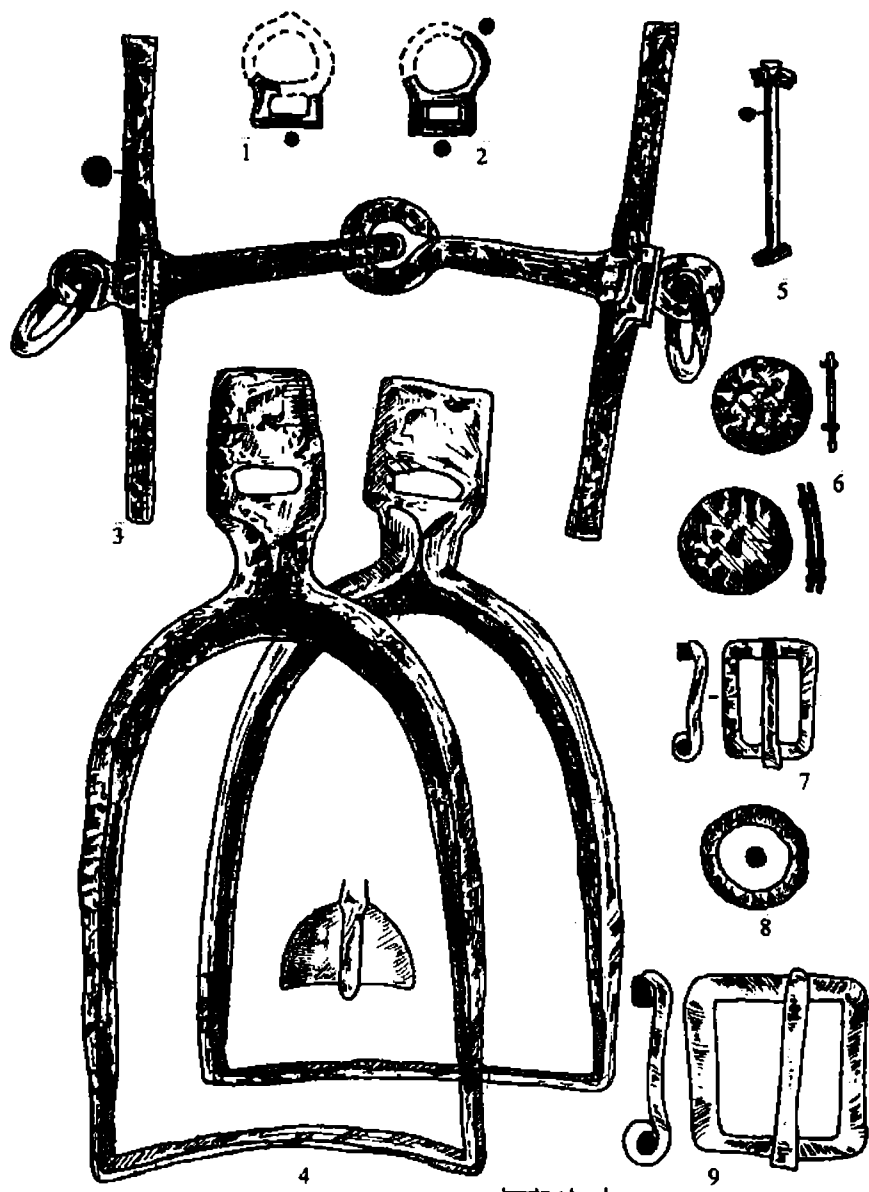

Рис. 64. Инвентарь погребения № 252.

№ 252

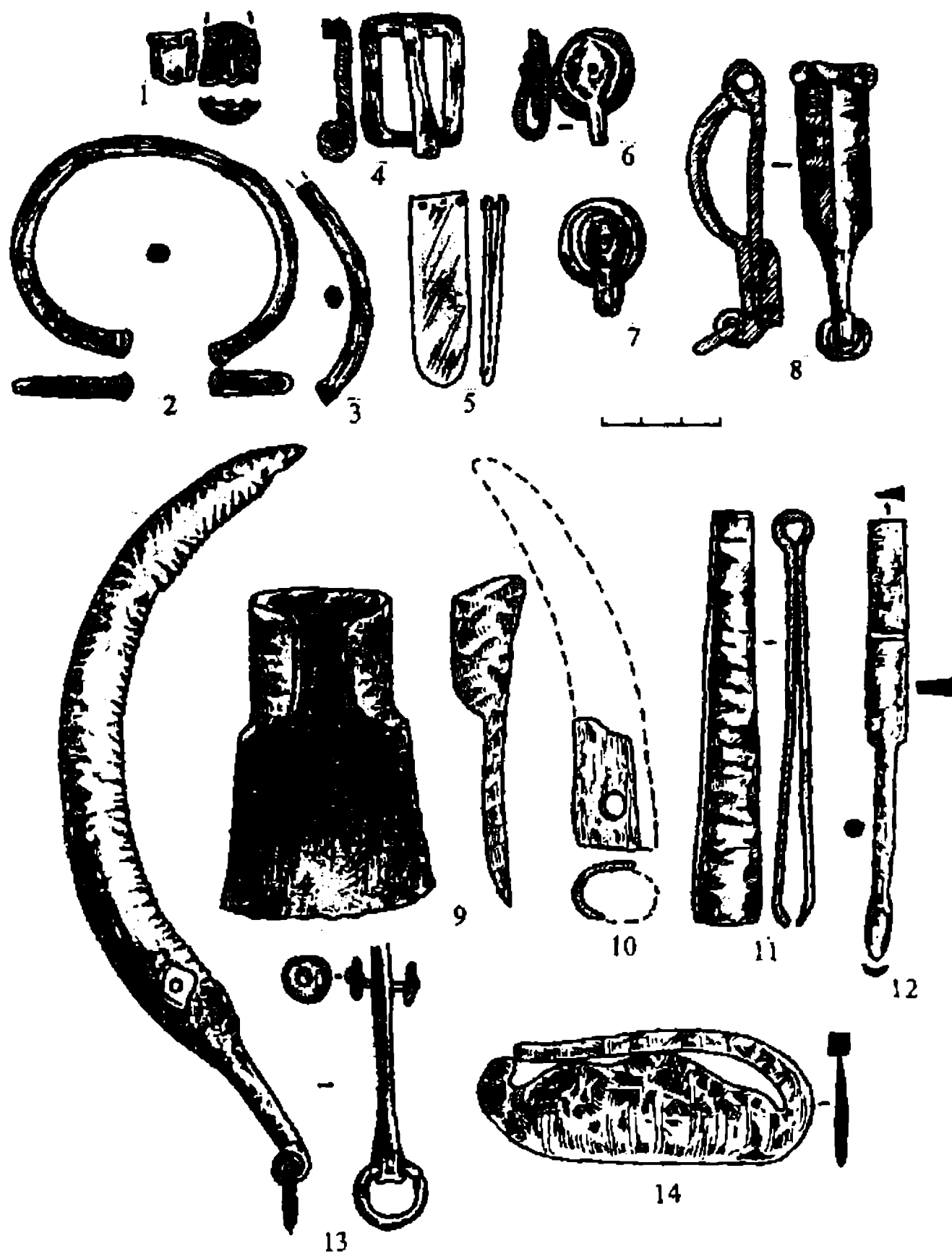
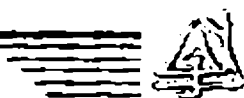

Рис. 65. Инвентарь погребения № 252.

№ 269

№ 252

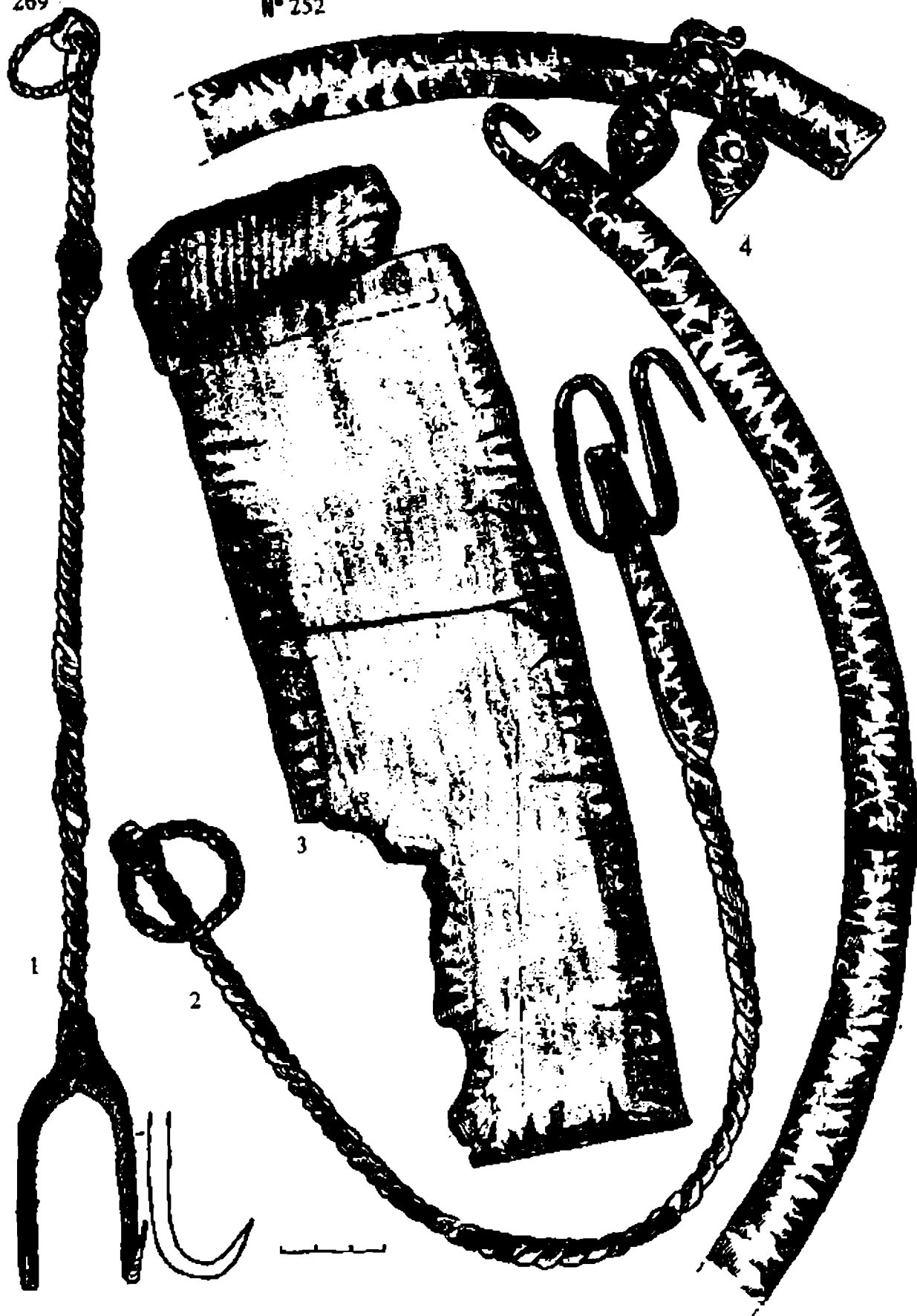

Рис. 66. Инвентарь погребения № 252, 269
1 – погр. № 269, 2 – погр. № 252.

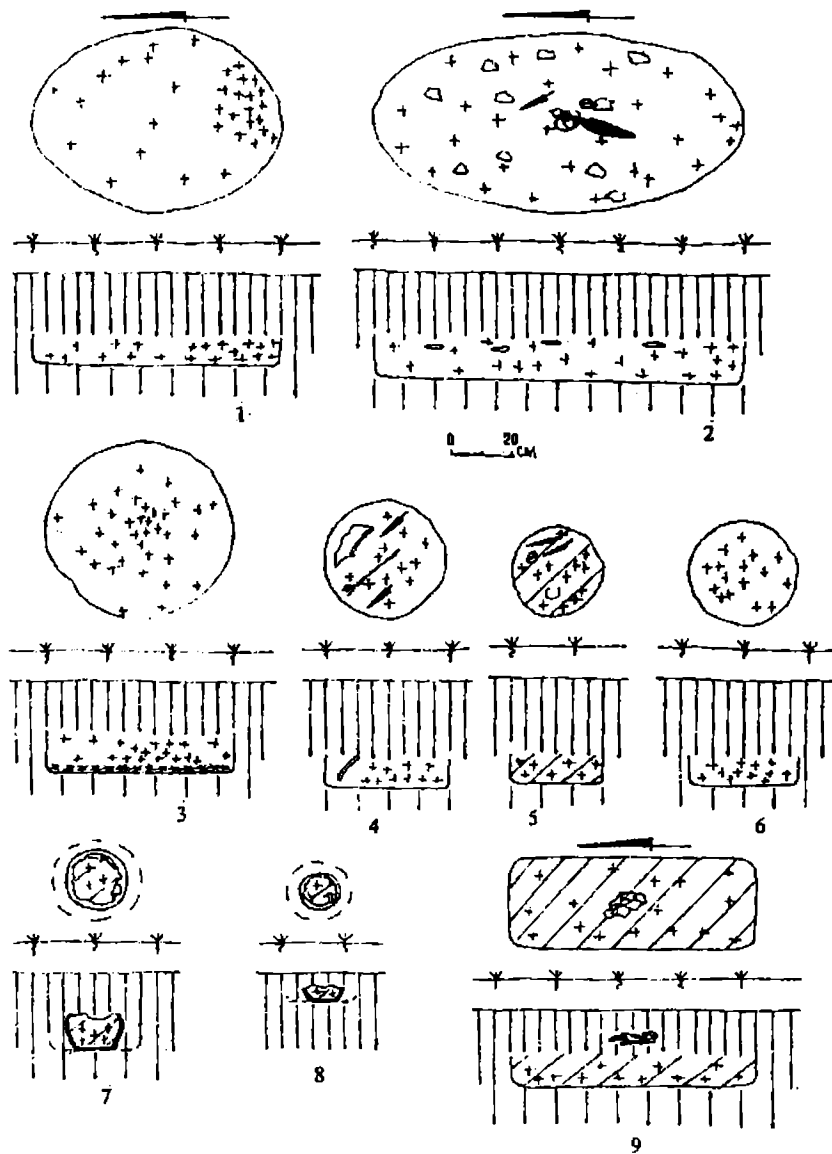

Рис. 67. Планы погребений № 266 – 274.

1 - погр. № 266; 2 - погр. № 267; 3 - погр. № 268; 4 - погр. № 269; 5 - погр. № 270; 6 - погр. № 171; 7 - погр. № 272; 8 - погр. № 273; 9 - погр. № 274.

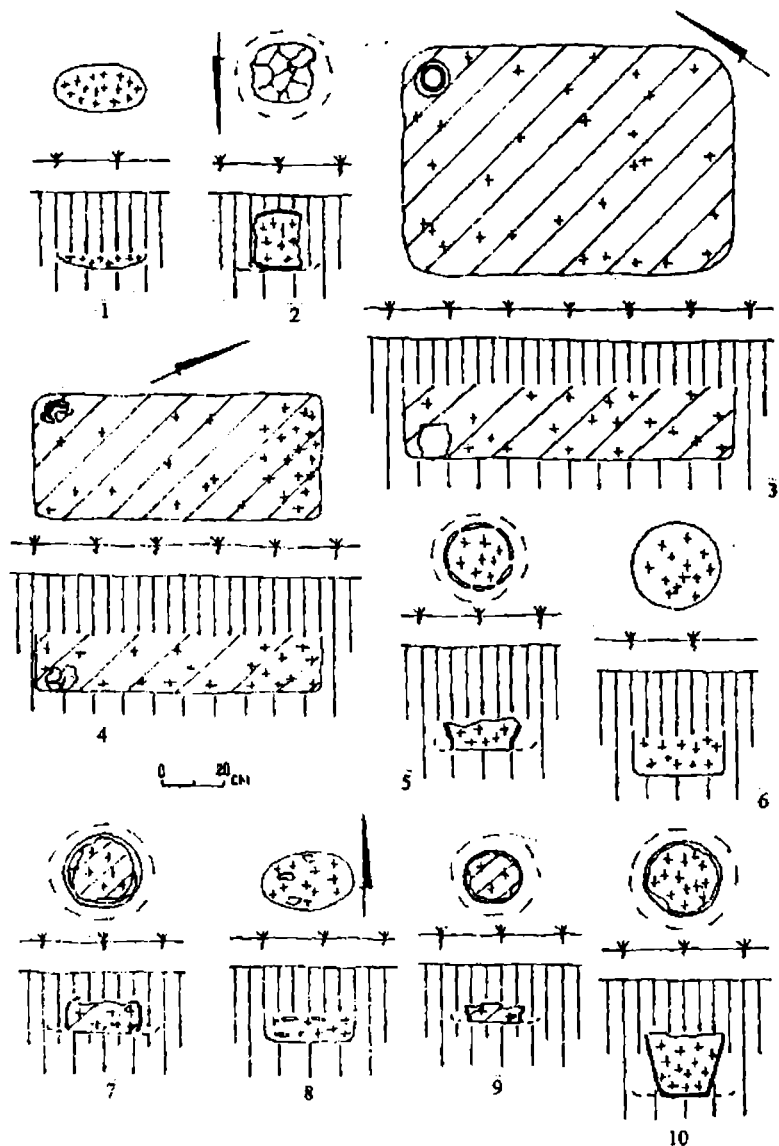
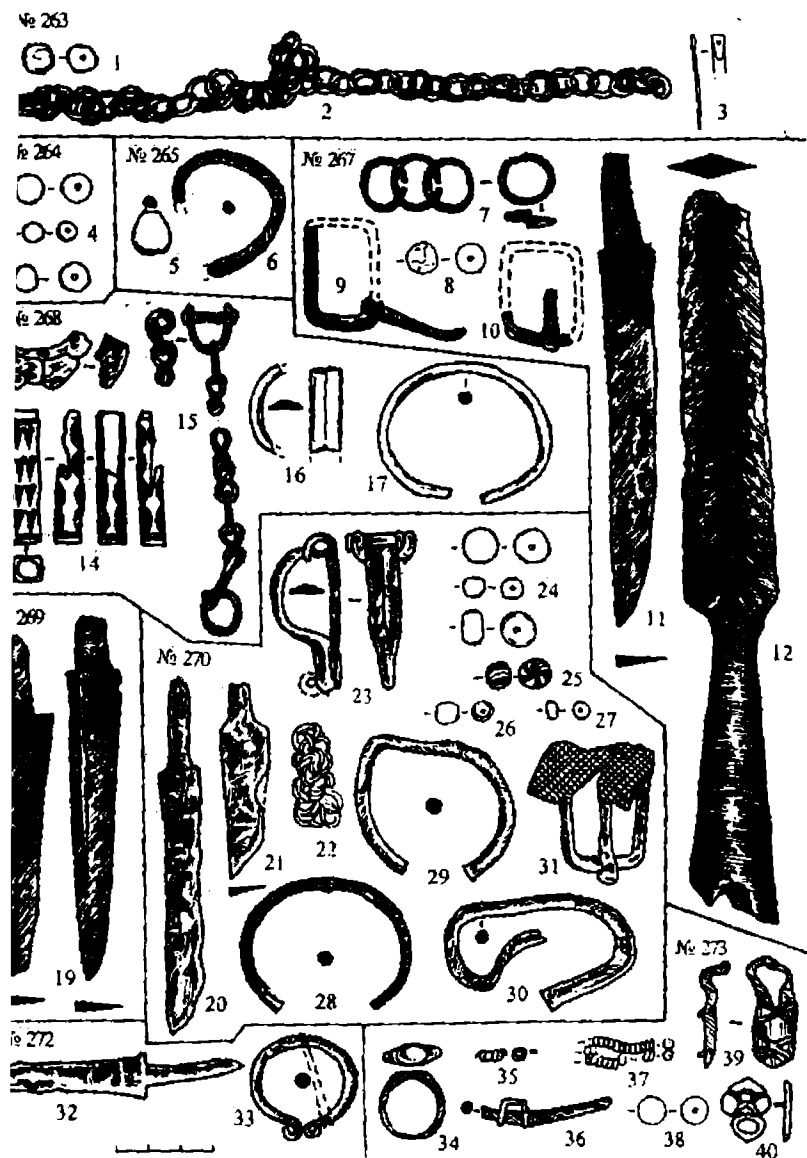

Рис. 68. Планы погребений № 275 – 284.

1 - погр. № 275; 2 - погр. № 276; 3 - погр. № 277; 4 - погр. № 278; 5 - погр. № 279; 6 - погр. № 280; 7 - погр. № 281; 8 - погр. № 282; 9 - погр. № 283; 10 - погр. № 284.

Инвентарь погребений № 263 – 265, 267 – 270, 272, 273.

– 3 – погр. № 263; 4 – погр. № 264; 5, 6 – погр. № 265; 7 – 12 – погр. № 267;
 3 – 17 – погр. № 268; 18, 19 – погр. № 269. 20 – 31 – погр. № 270, 32, 33 –
 погр. № 272; 34 – 40 – погр. № 273.

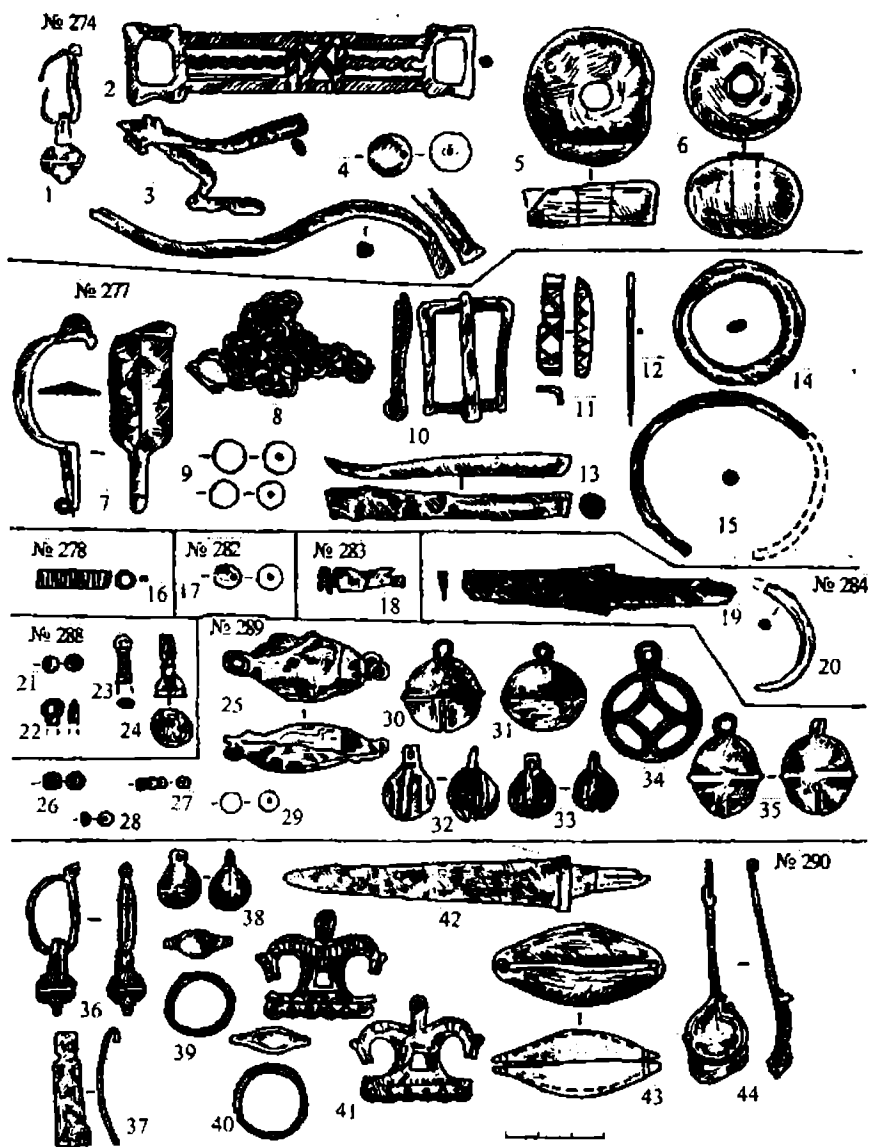

Рис. 70. Инвентарь погребений 274, 277, 278, 282 – 284, 288 – 290.

1 – 6 – погр. № 274; 7 – 15 – погр. № 277; 16 – погр. № 278; 17 – погр. № 282;
 18 – погр. № 283; 19, 20 – погр. № погр. № 284; 21 – 24 – погр. № 288; 25 – 35
 – погр. № 289; 36 – 44 – погр. № 290

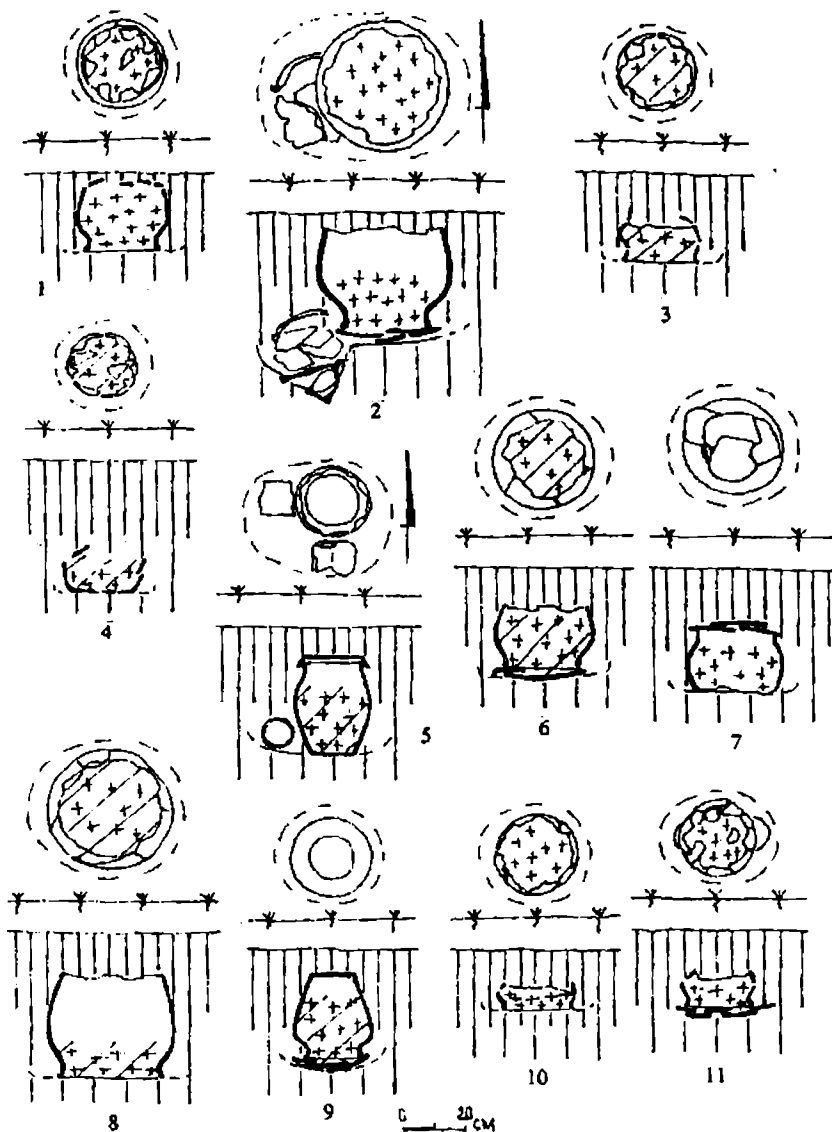

Рис. 71. Планы погребений № 285 – 295.

1 - погр. № 285; 2 - погр. № 286; 3 - погр. № 287; 4 - погр. № 288; 5 - погр. № 289; 6 - погр. № 290; 7 - погр. № 291; 8 - погр. № 292; 9 - погр. № 293; 10 - погр. № 294; 11 - погр. № 295

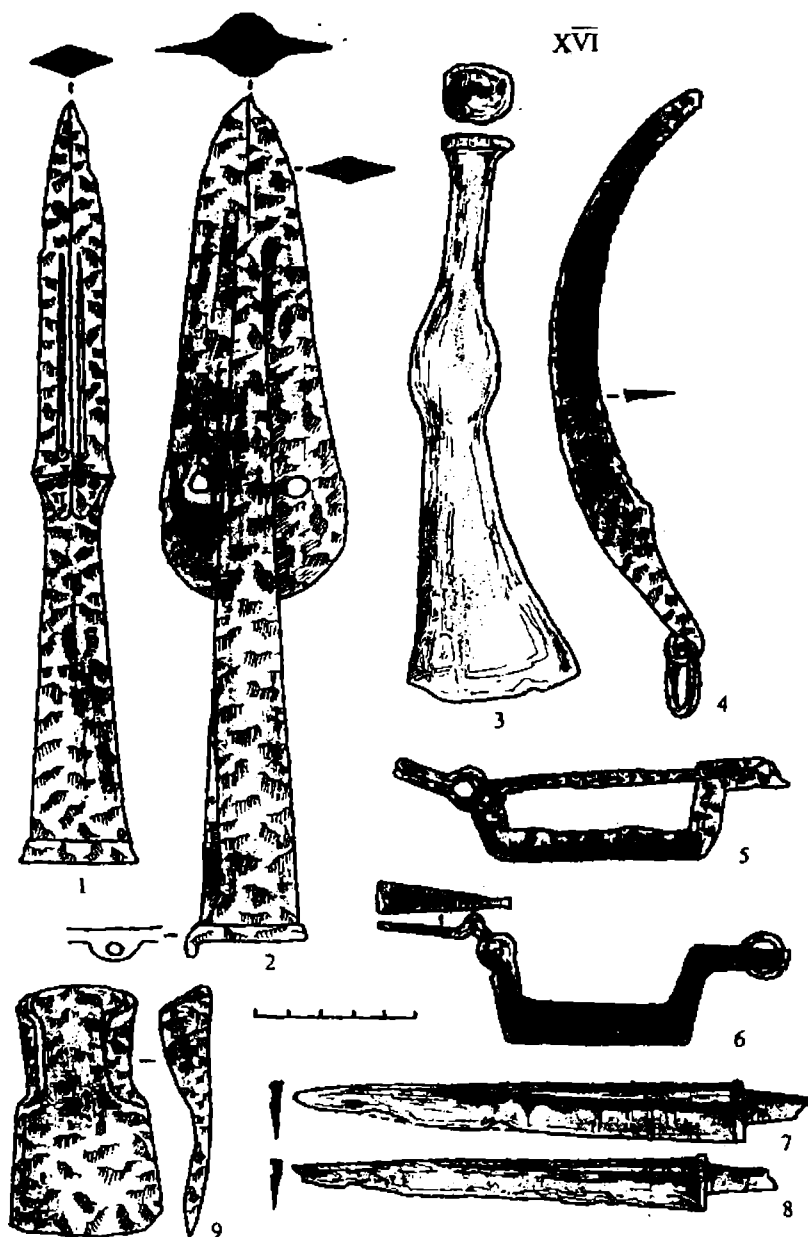

Рис. 72. Инвентарь комплекса XVI.

XVI

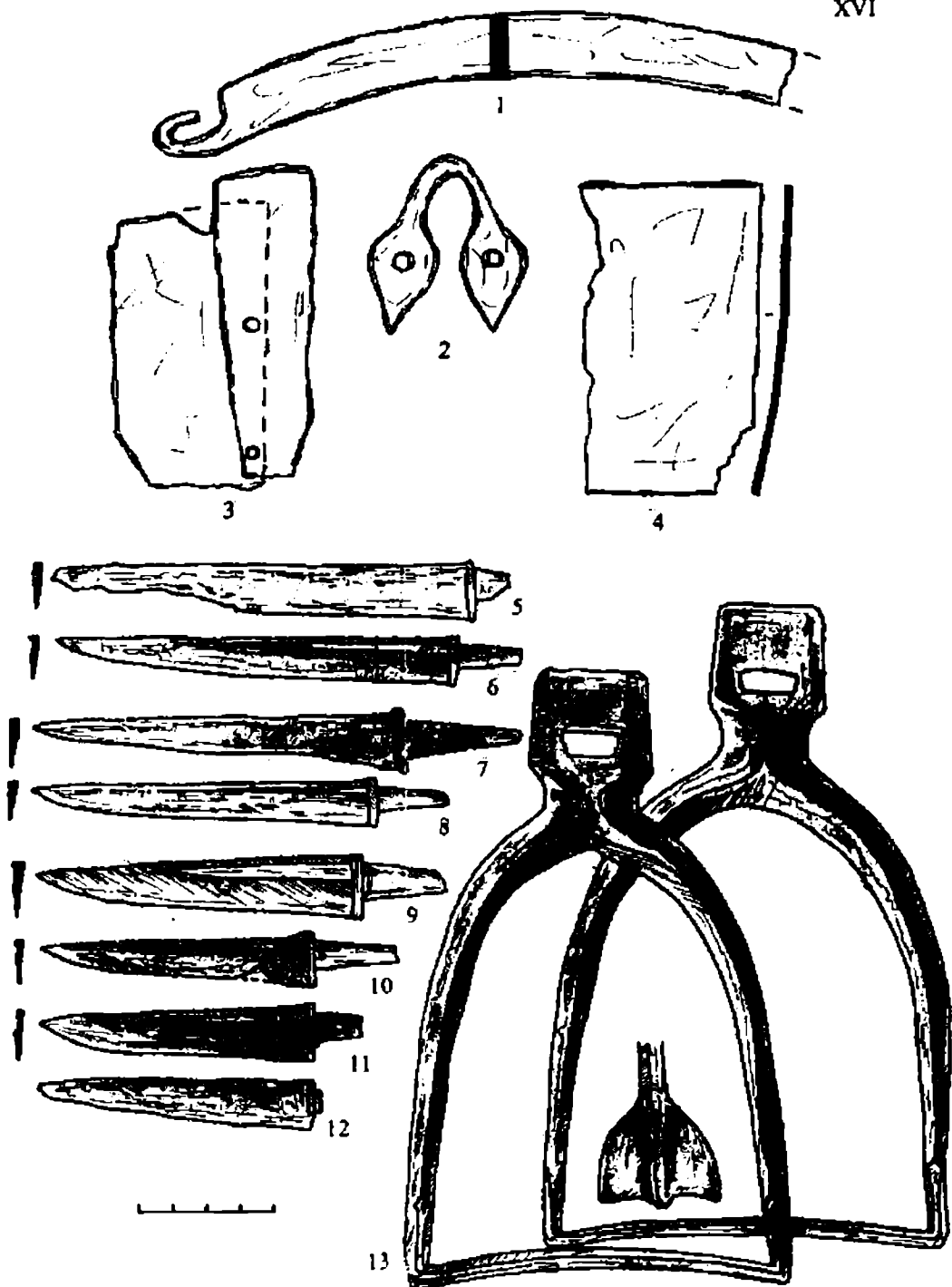

Рис. 73. Инвентарь комплекса XVI.

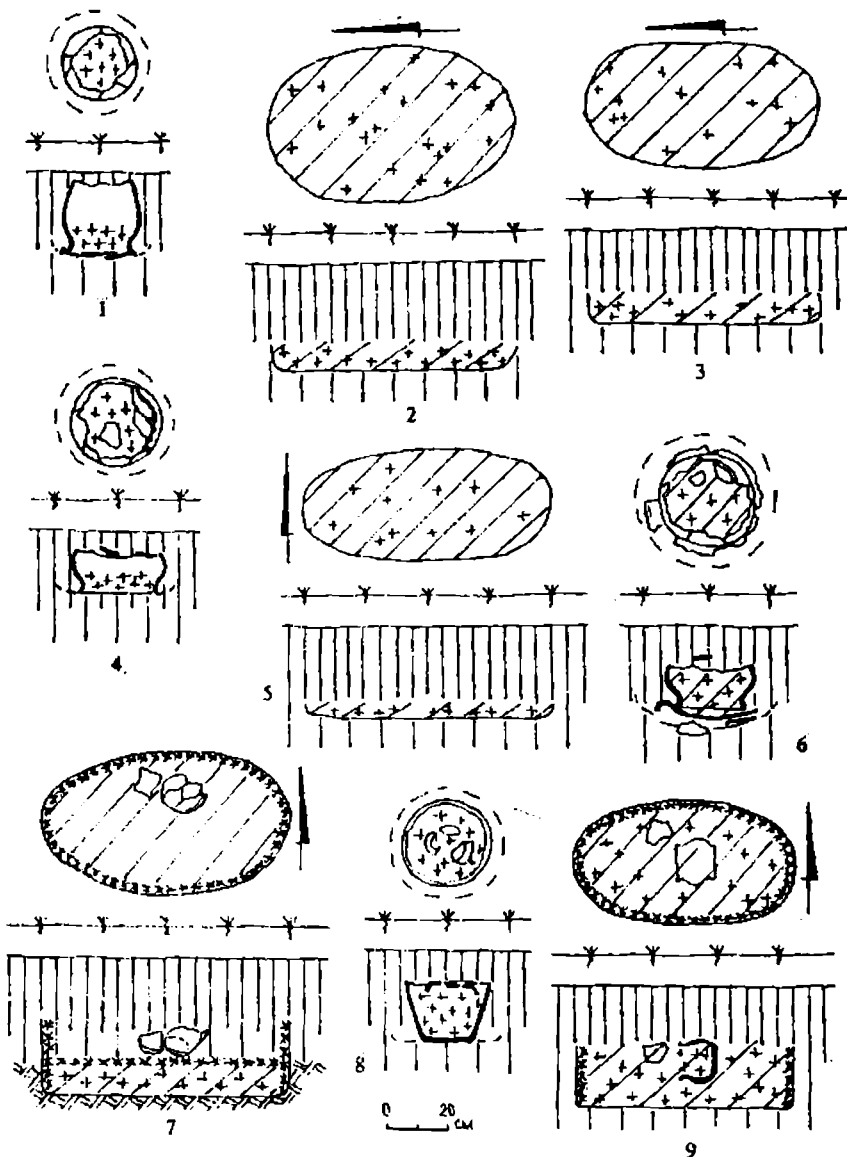
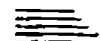

Рис. 74. Планы погребений № 296 – 304.

1 - погр. № 296; 2 - погр. № 297; 3 - погр. № 298; 4 - погр. № 299; 5 - погр. № 300; 6 - погр. № 301; 7 - погр. № 302; 8 - погр. № 303; 9 - погр. № 304.

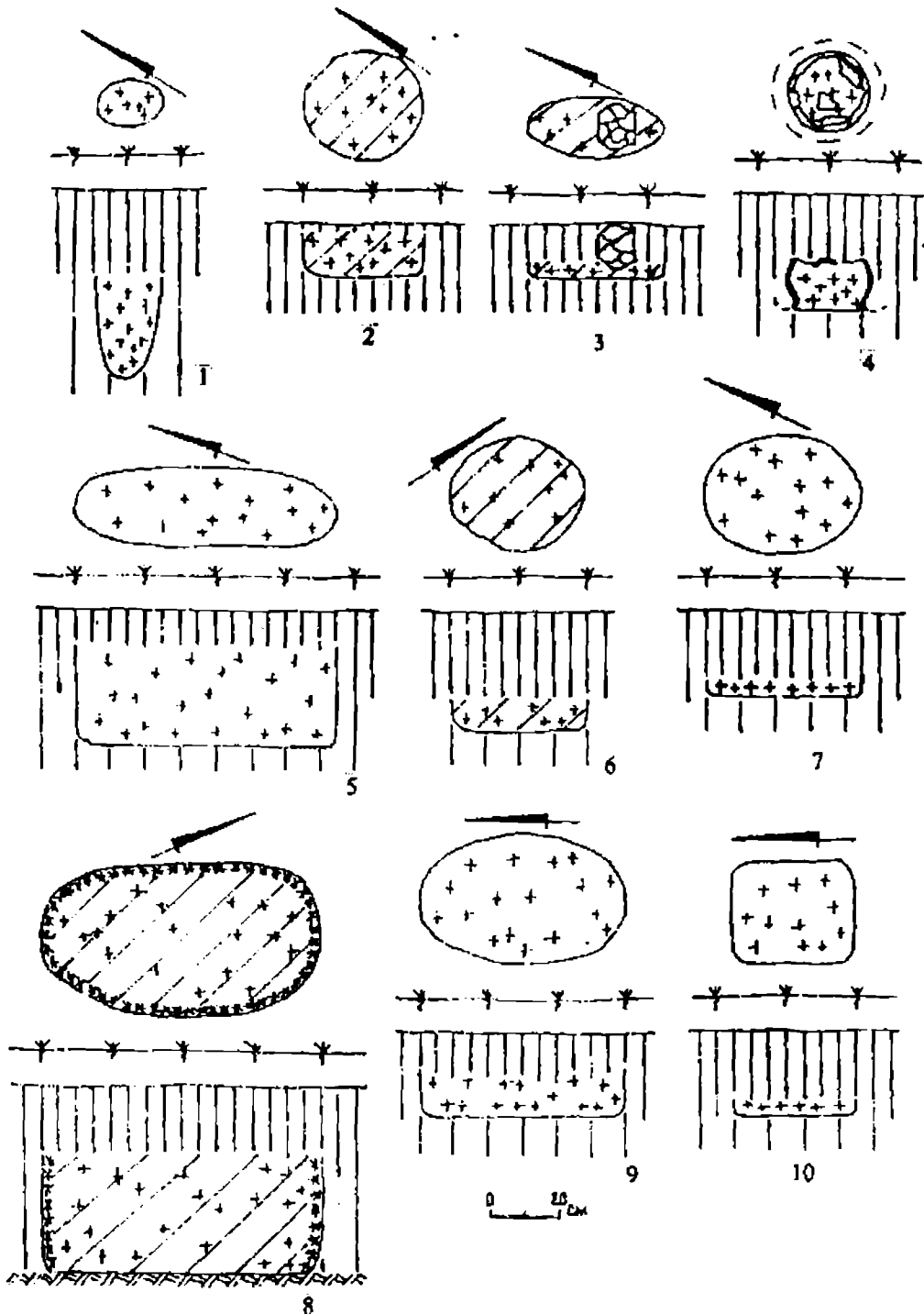

Рис. 75. Планы погребений № 305 – 314.

1 - погр. № 305; 2 - погр. № 306; 3 - погр. № 307; 4 - погр. № 308; 5 - погр. № 309; 6 - погр. № 310; 7 - погр. № 312; 8 - погр. № 311; 9 - погр. № 313; 10 - погр. № 314.

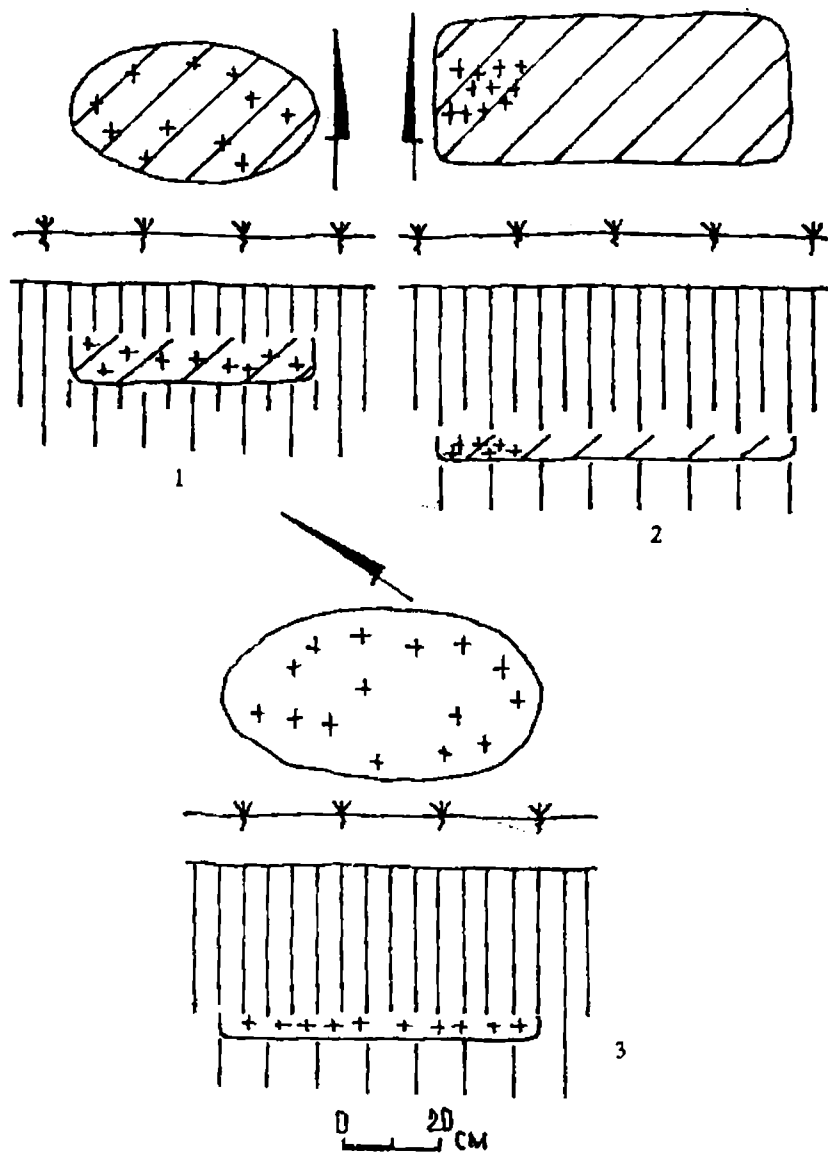

Рис. 76. Планы погребений № 315 – 317.

1 - погр. № 315; 2 - погр. № 316; 3 - погр. № 317.

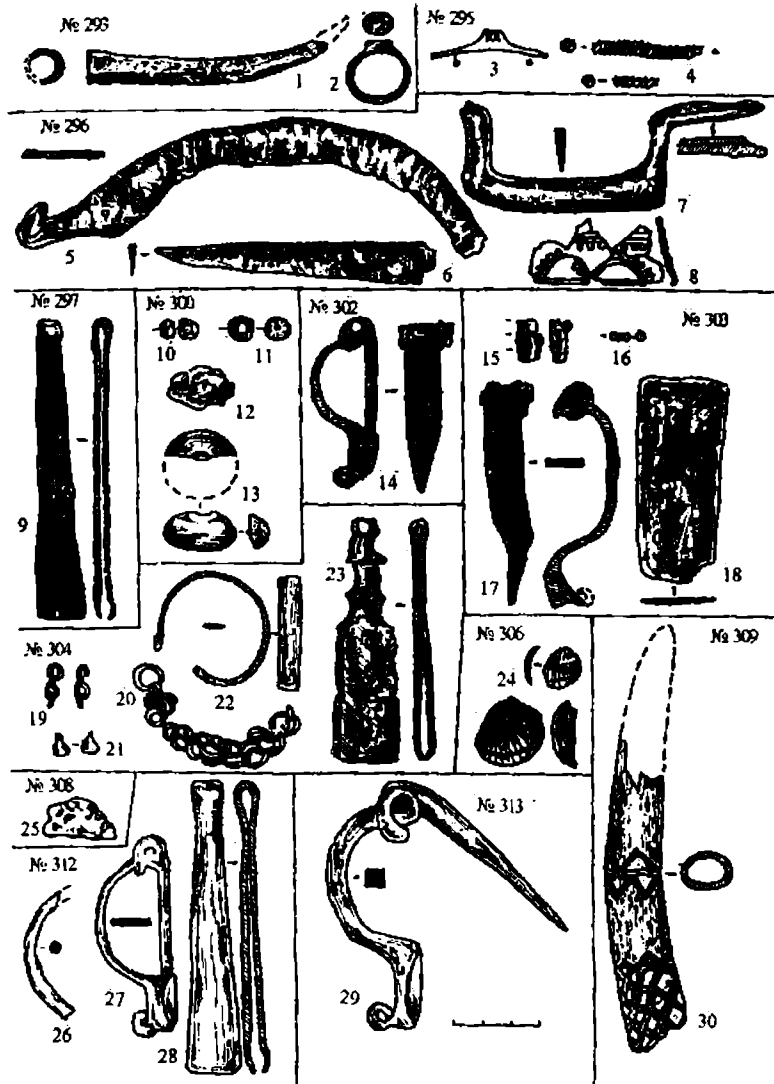
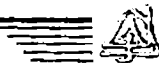

Рис. 77. Инвентарь погребений № 293, 295 – 297, 300, 302 – 304, 306, 308, 309, 312, 313.

1, 2 – погр. № 293; 3, 4 – погр. № 295; 5 – 8 – погр. № 296; 9 – погр. № 297; 10 – 13 – погр. № 300; 14 – погр. № 302; 15 – 18 – погр. № 303; 19 – 23 – погр. № 304; 24 – погр. № 306; 25 – погр. № 308; 26 – 28 – погр. № 312; 29 – погр. № 313; 30 – погр. № 309.

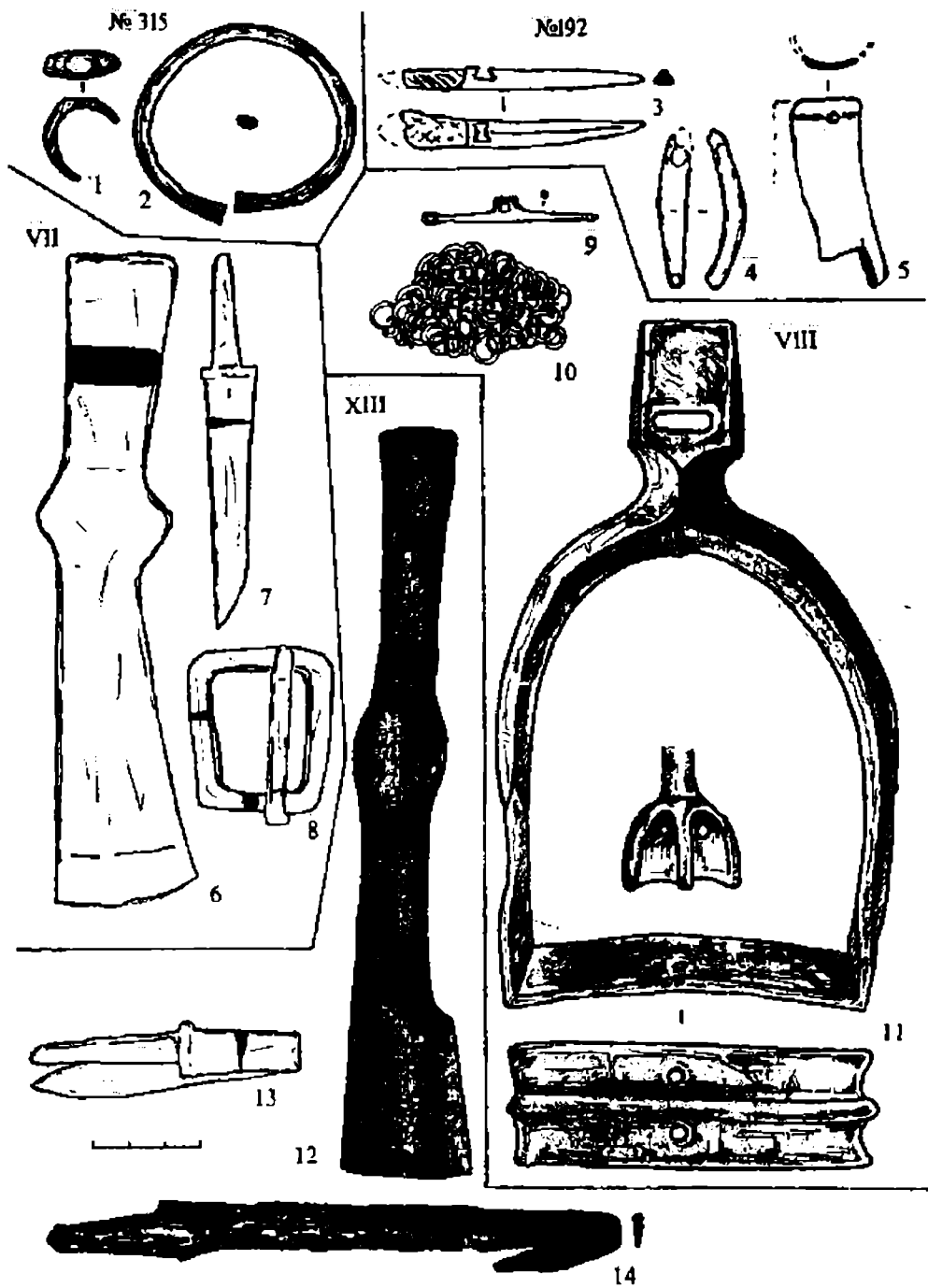

Рис. 78. Инвентарь погребений № 192, 315 и комплексов VII, VIII, XIII.

1, 2 – погр. № 315; 3 – 5 – погр. № 192; 6 – 8 – комплекс VII; 9 – 11 – комплекс VIII; 12 – 14 – комплекс XIII.

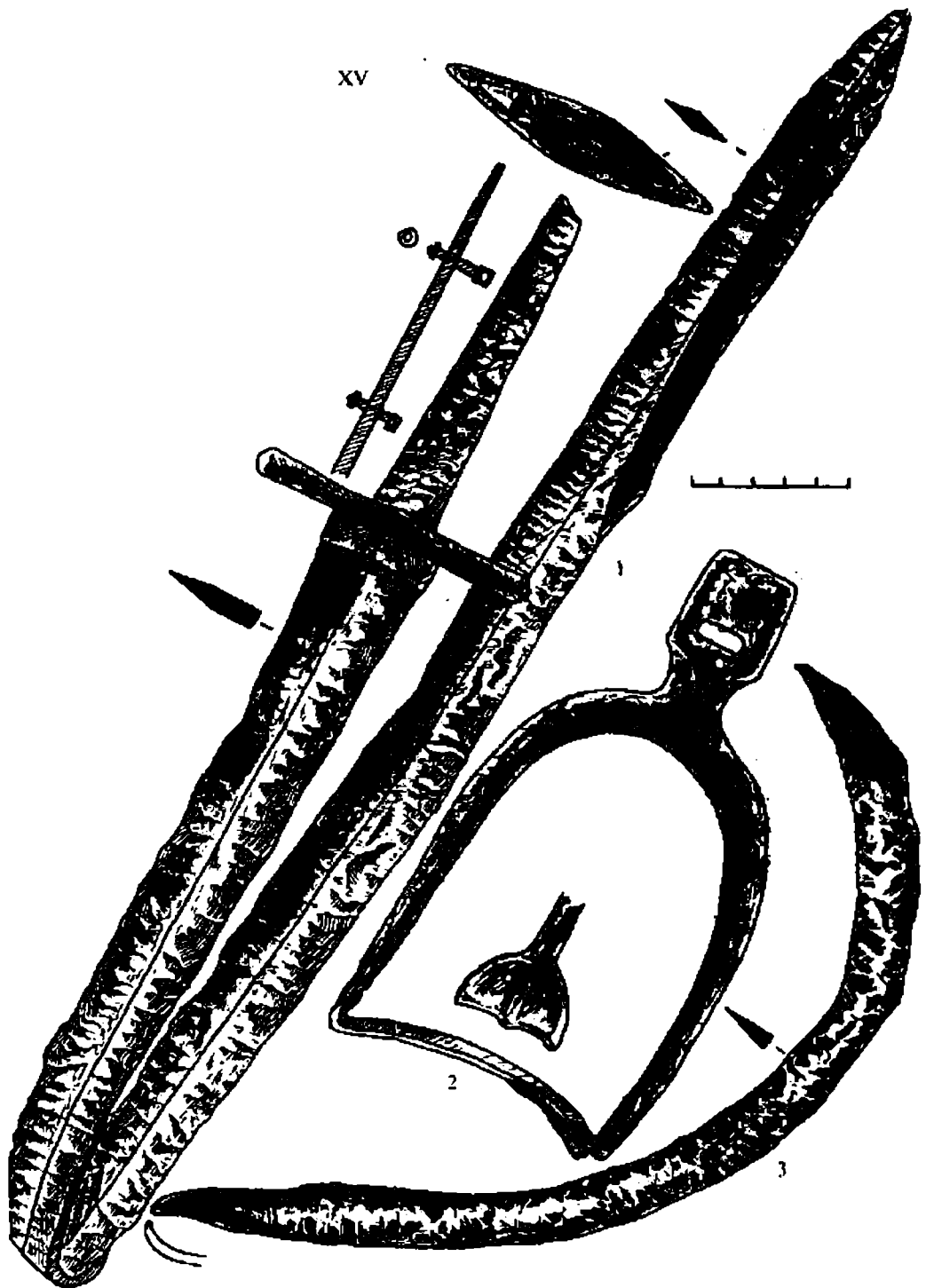

Рис. 79. Инвентарь комплекса XV.

XV.

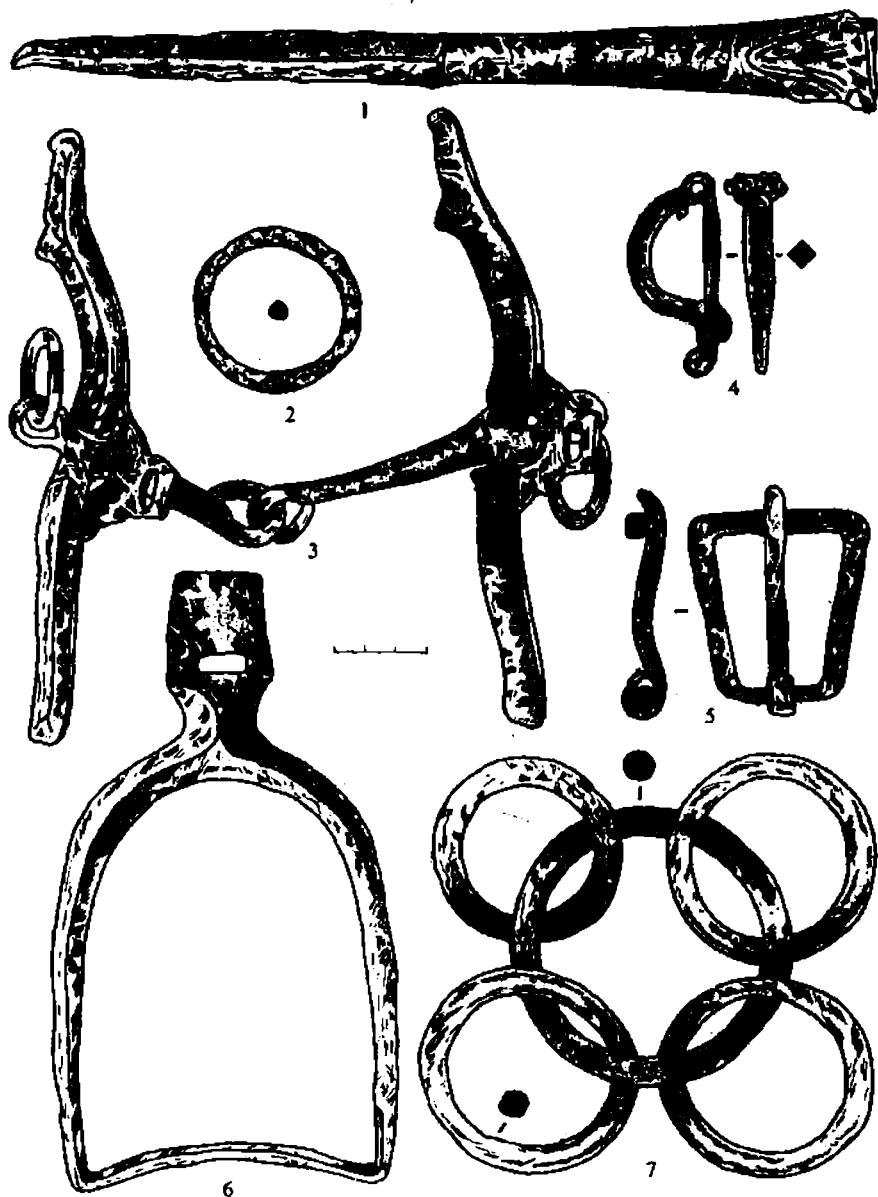

Рис. 80. Инвентарь комплекса XV.

XVII

Рис. 81. Инвентарь комплекса XVII.

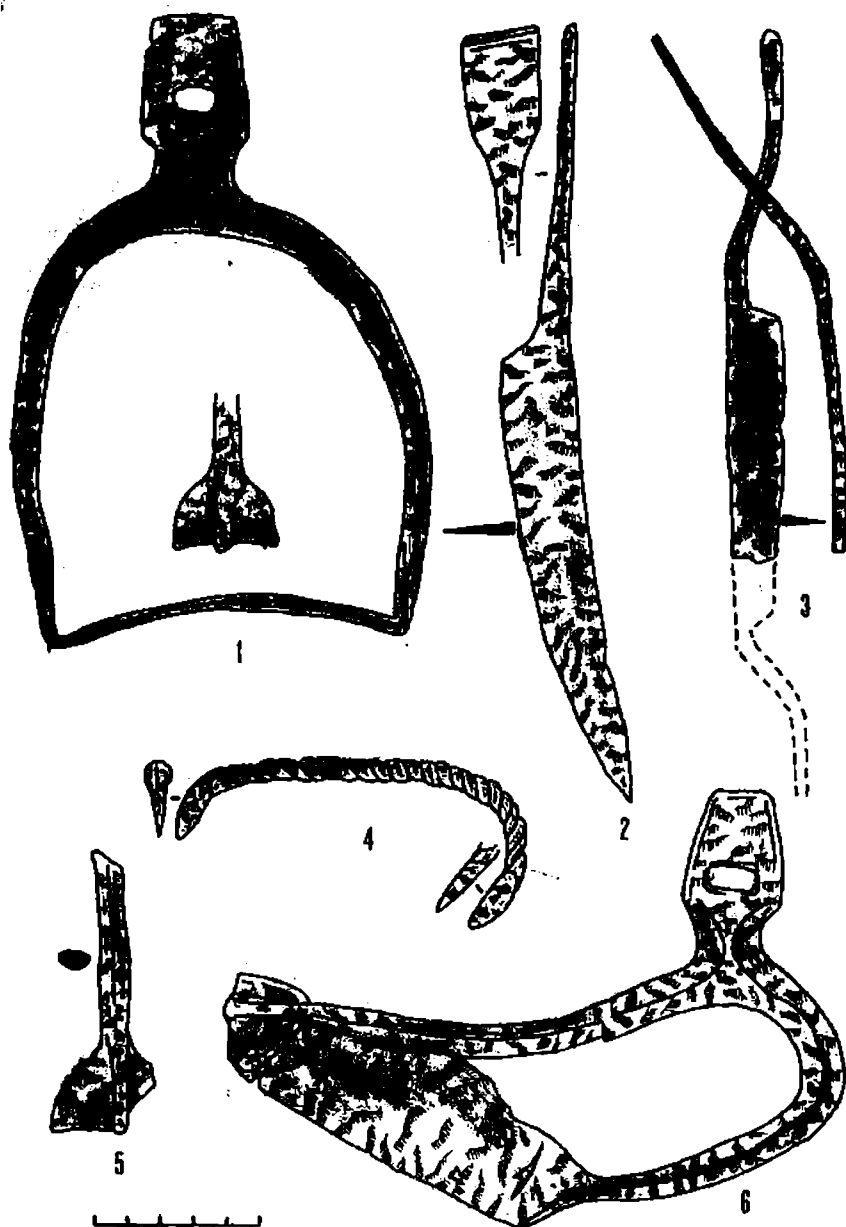

Рис. 82. Вещи из культурного слоя могильника.

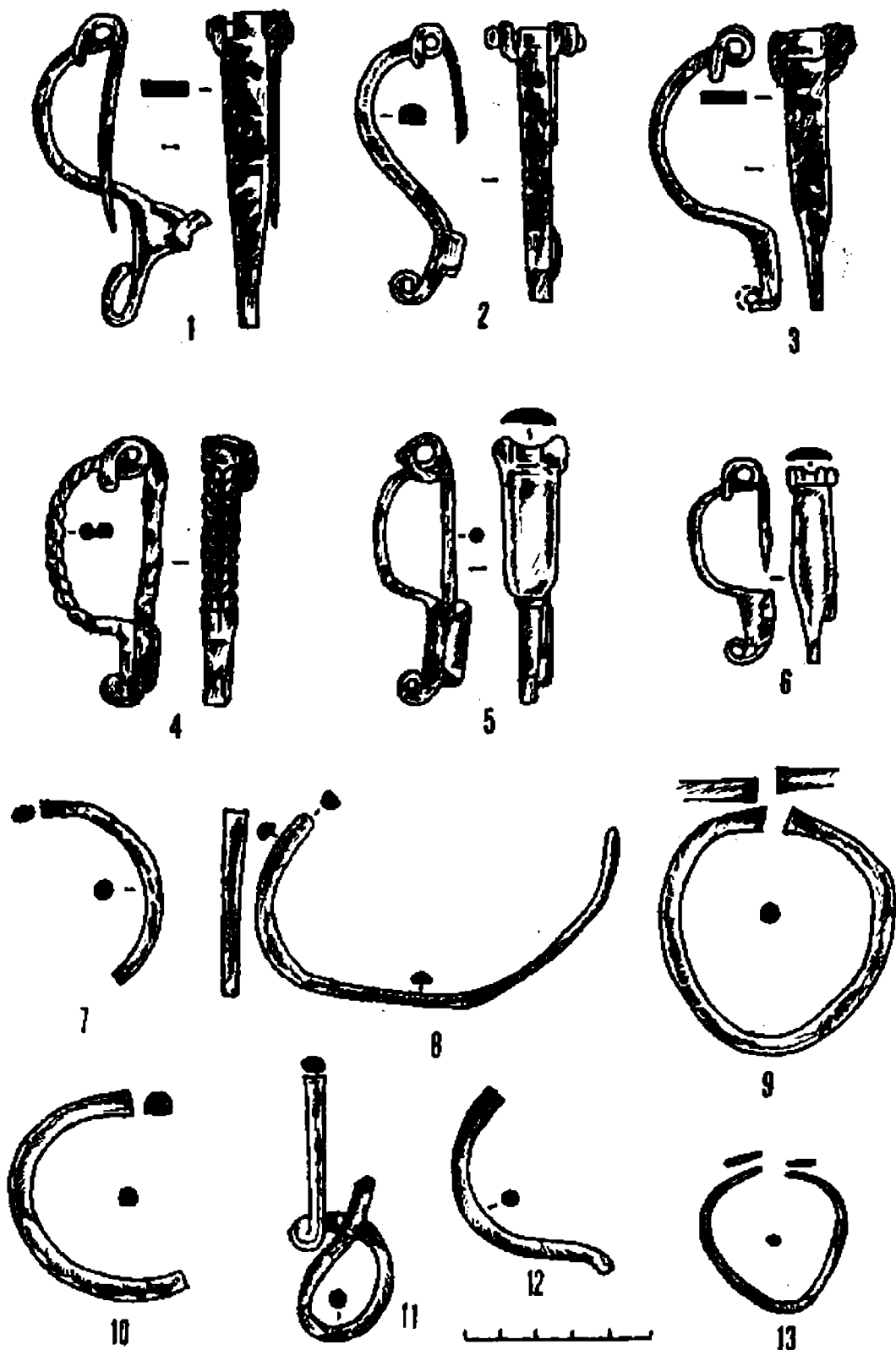

Рис. 83. Вещи из культурного слоя могильника.

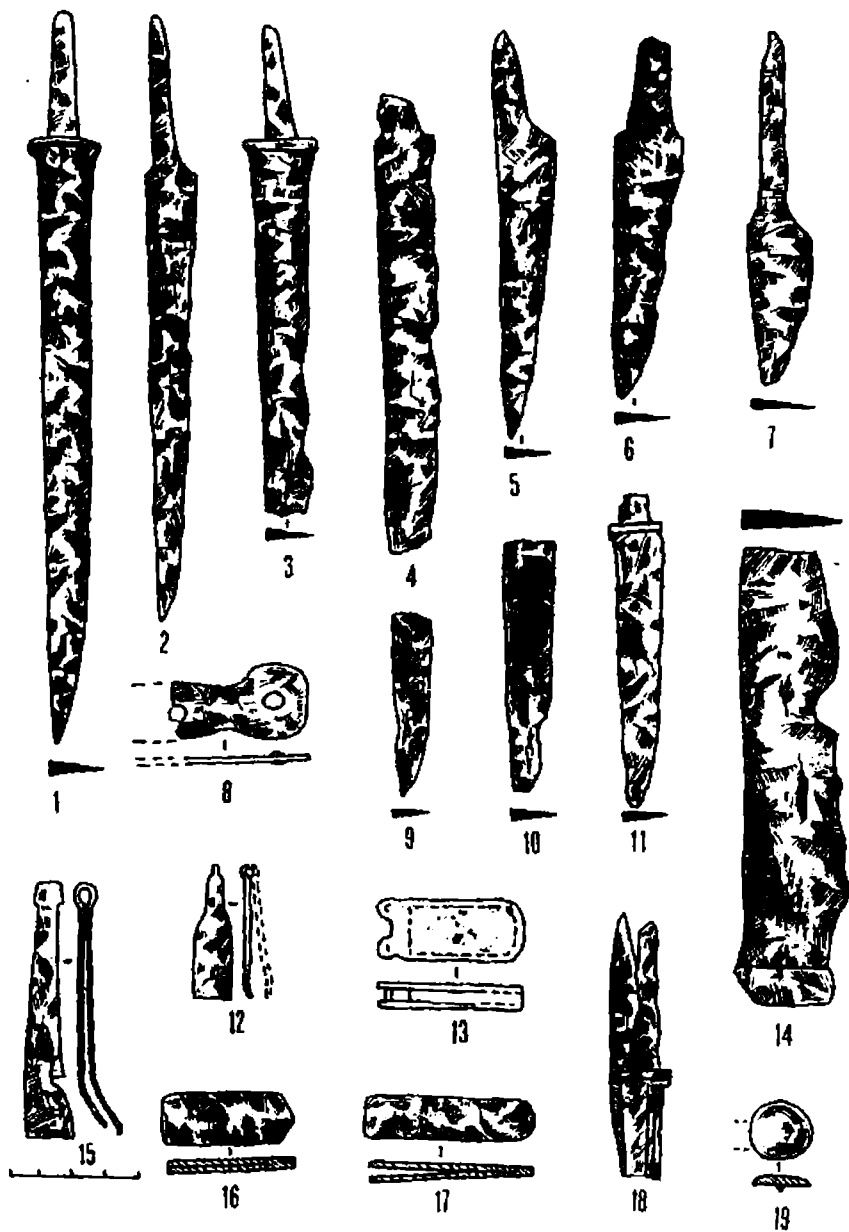

Рис. 84. Вещи из культурного слоя могильника.

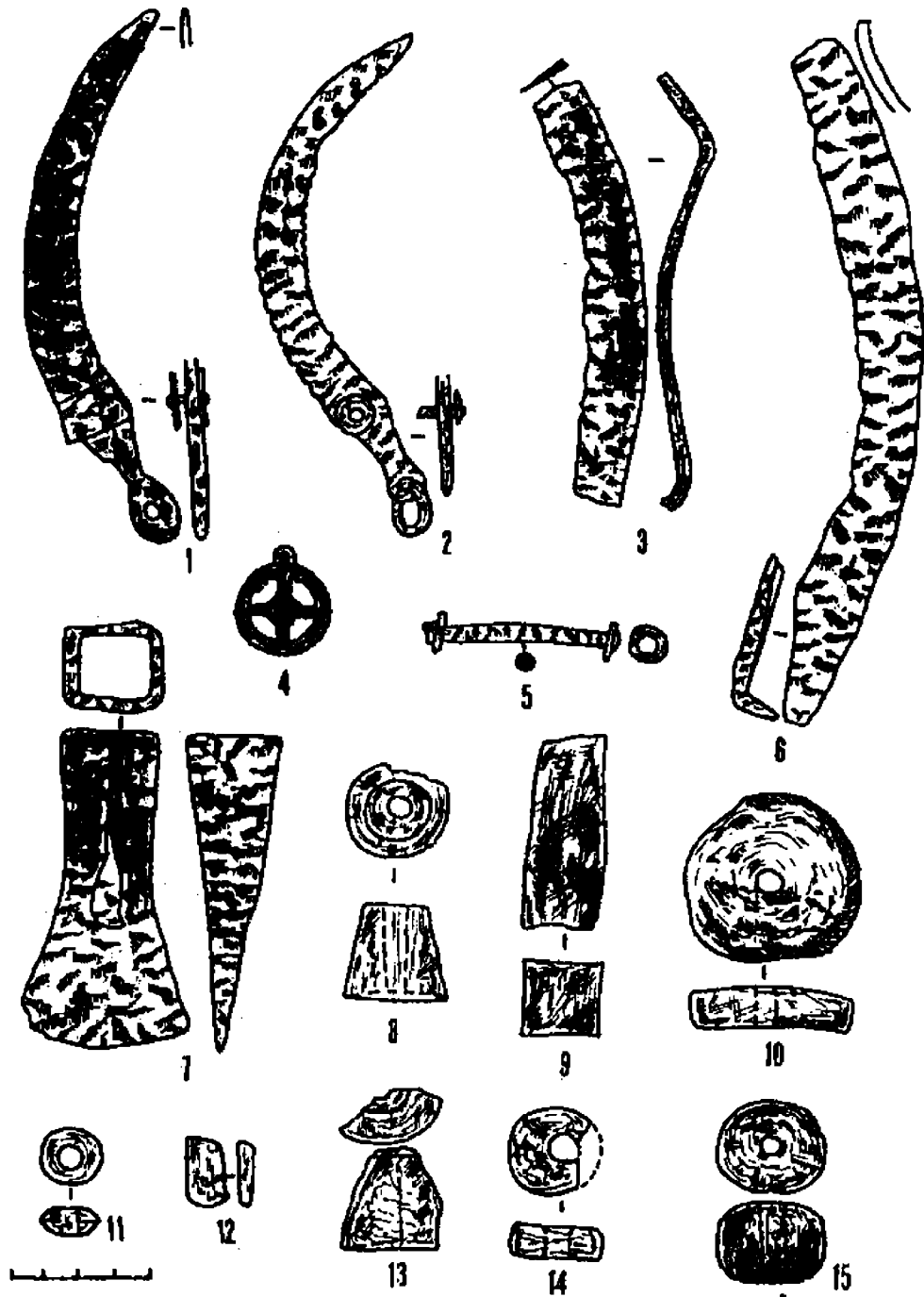

Рис. 85. Вещи из культурного слоя могильника.

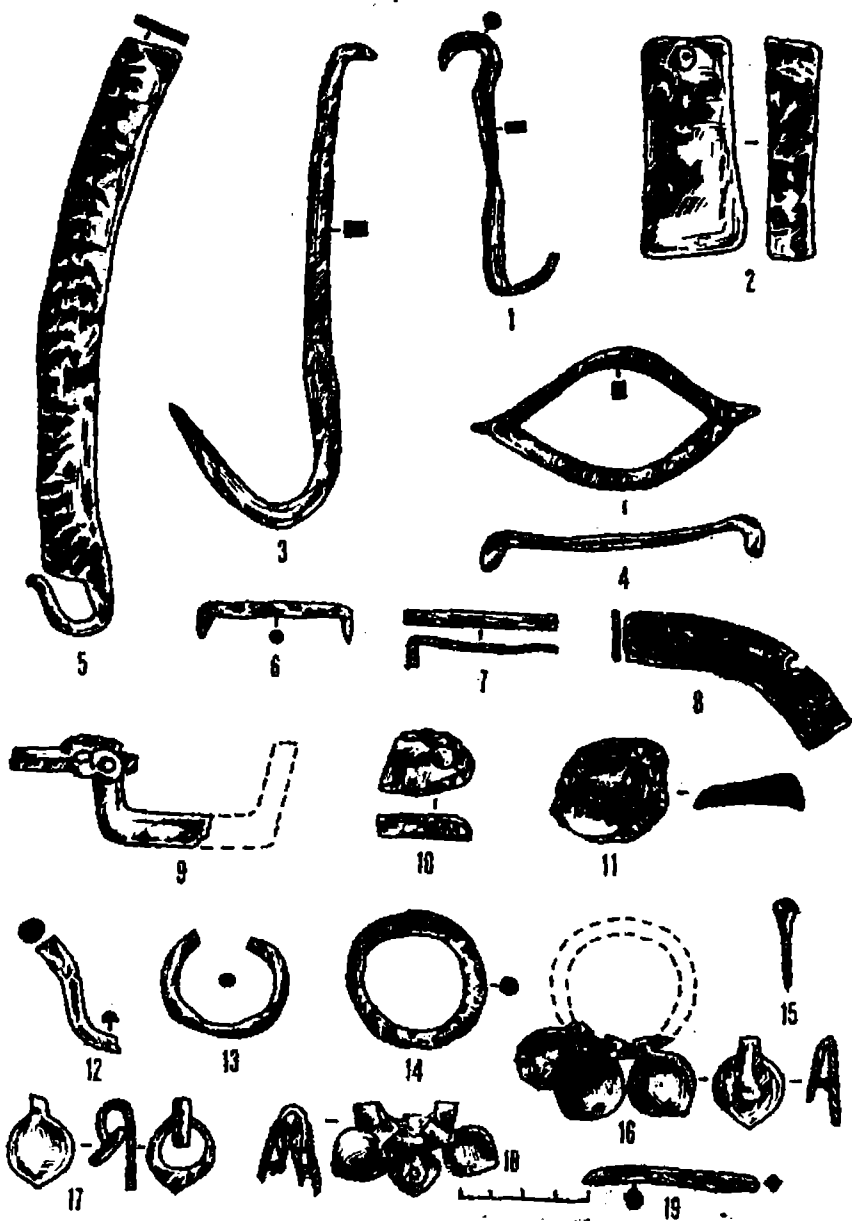

Рис. 86. Вещи из культурного слоя могильника.

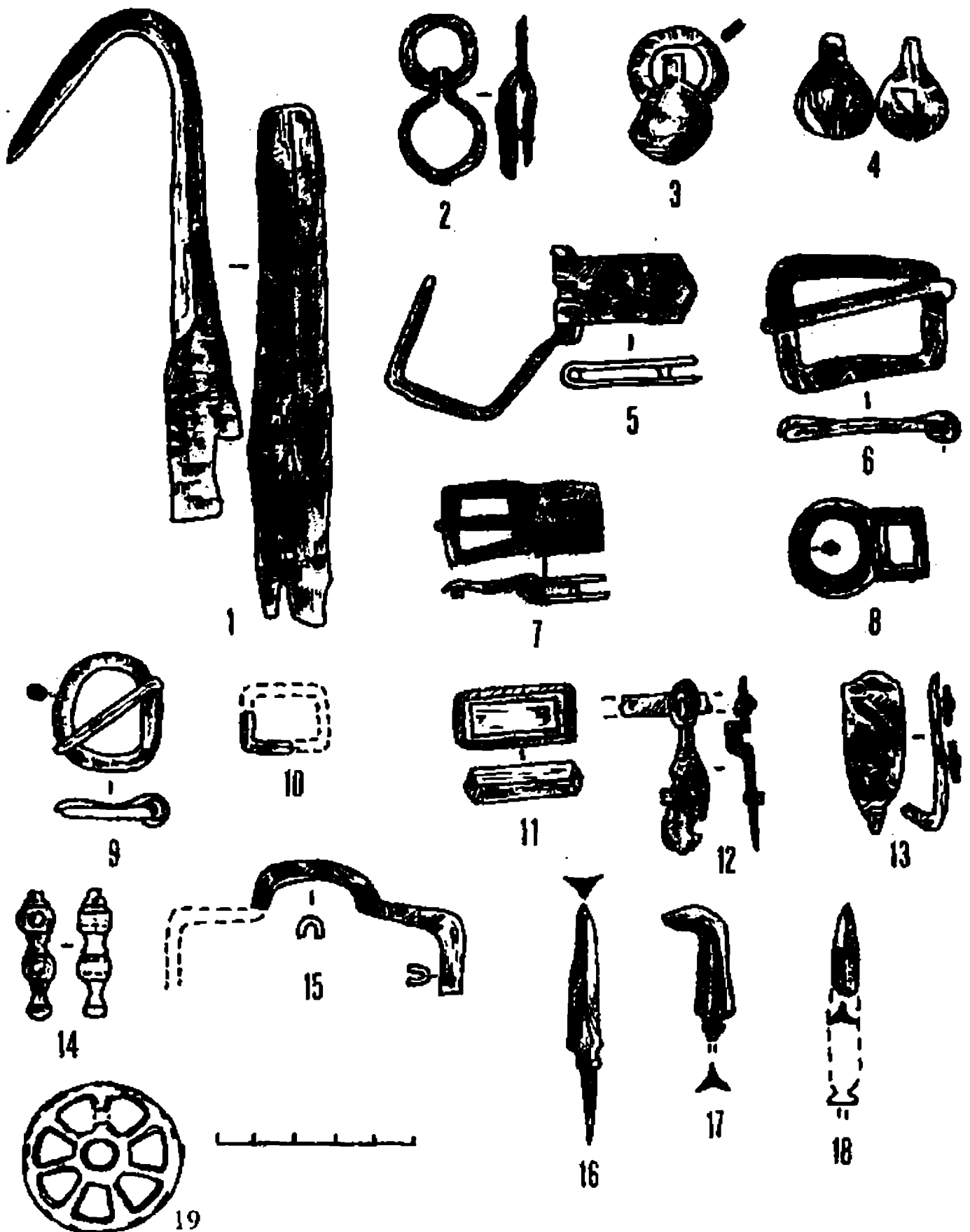

Рис. 87. Вещи из культурного слоя могильника.

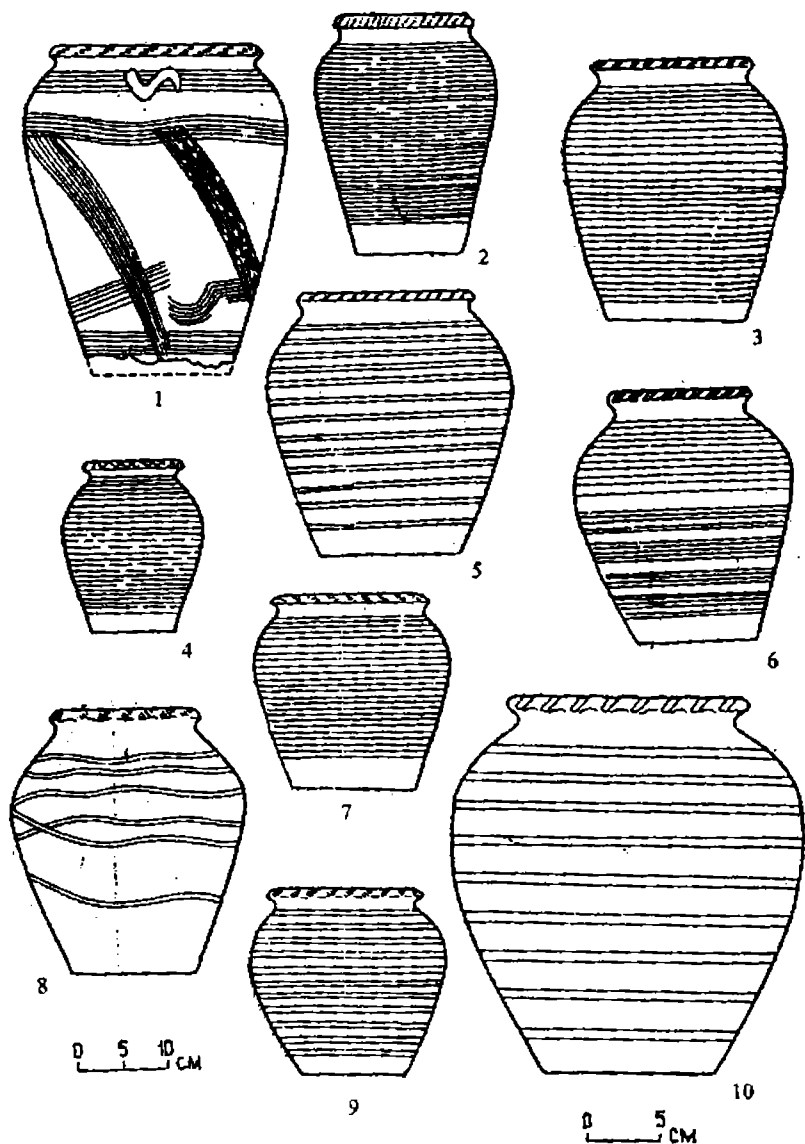

Рис. 88. Кухонные горшки из погребений могильника (тип А).

1 – погр. № 175; 2 – погр. № 66; 3 – погр. № 39; 4 – погр. № 291; 5 – погр. № 169; 6 – погр. № 128; 7 – погр. № 129; 8 – погр. № 130; 9 – погр. № 138; 10 – погр. № 28.

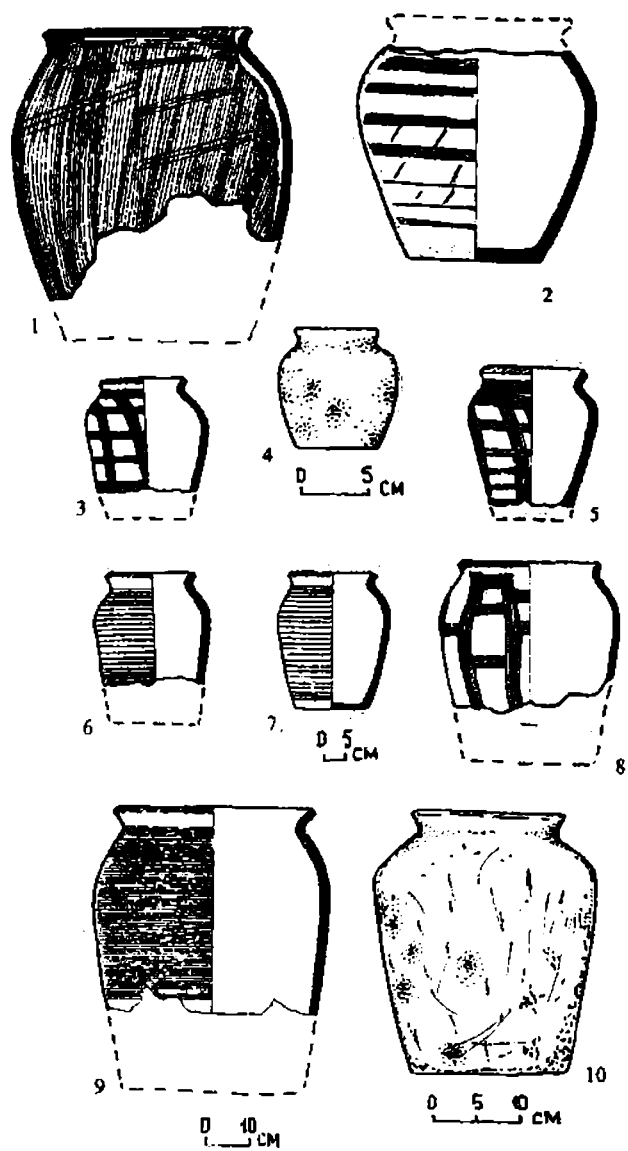

Рис. 89. Кухонные горшки из погребений могильника (тип А, Б).
 1 – погр. № 82; 2 – погр. № 139; 3 – погр. № 49; 4 – погр. № 126; 5 – погр. № 135; 6 – погр. № 28; 7 – погр. № 35; 8 – погр. № 58; 9 – погр. № 105; 10 – погр. № 88.

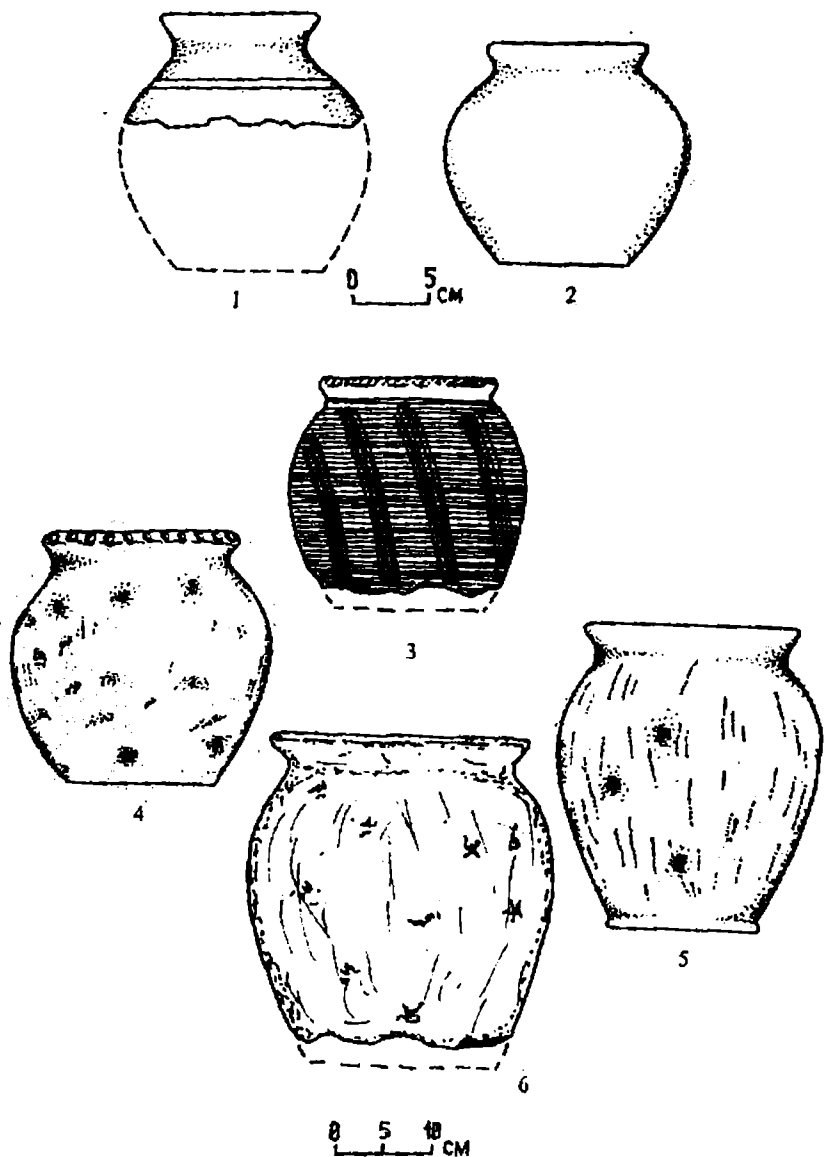

Рис. 90. Кухонные горшки из погребений могильника (тип В).

1 – погр. № 108; 2 – погр. № 103; 3 – погр. № 296; 4 – погр. № 61; 5 – погр. № 80; 6 – погр. № 185.

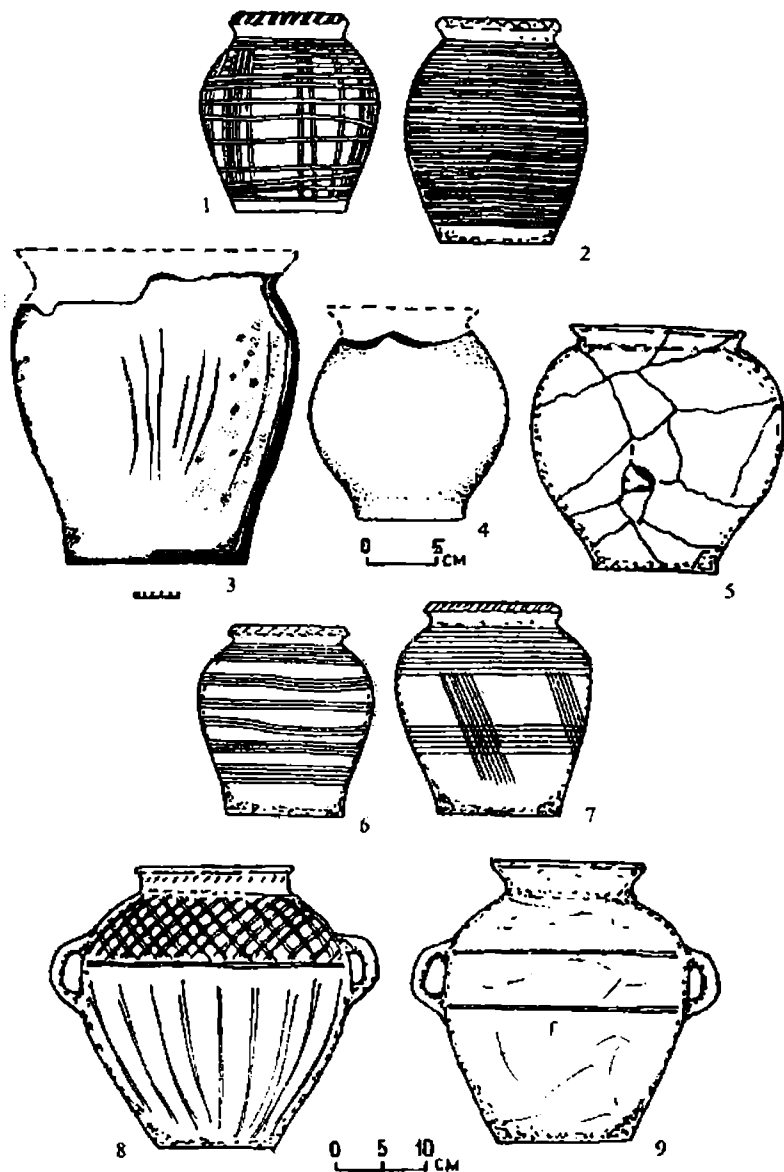

Рис. 91. Кухонные горшки (тип Г, Д) и корчаги из погребений могильника.
 1 – погр. № 29; 2 – погр. № 223; 3 – погр. № 70; 4 – погр. № 51; 5 – погр. № 235; 6 – погр. № 104; 7 – погр. № 167; 8 – погр. № 192; 9 – погр. № 136.

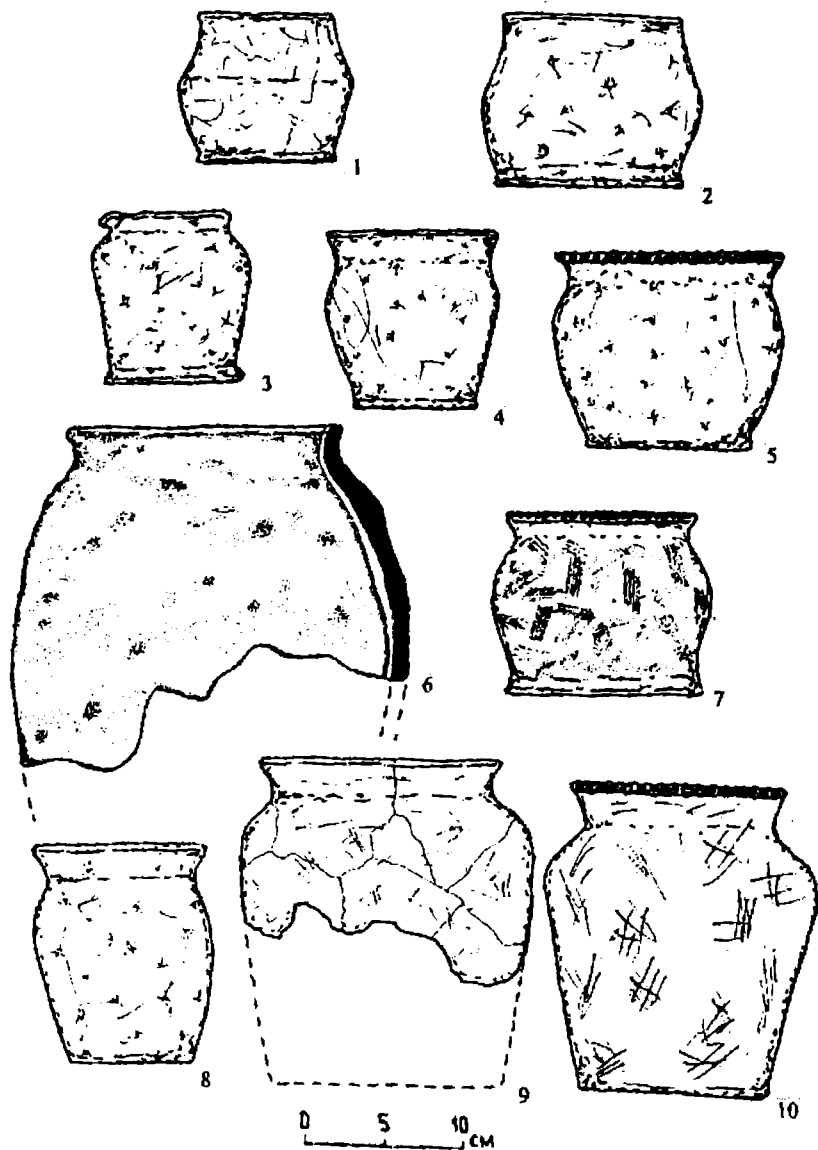

Рис. 92. Лепные сосуды из погребений могильника

1 – погр. № 259; 2 – погр. № 307; 3 – погр. № 289; 4 – погр. № 84; 5 – погр. № 67; 6 – погр. № 102; 7 – погр. " 304; 8 – погр. № 111; 9 – погр. № 26; 10 – погр. № 20.

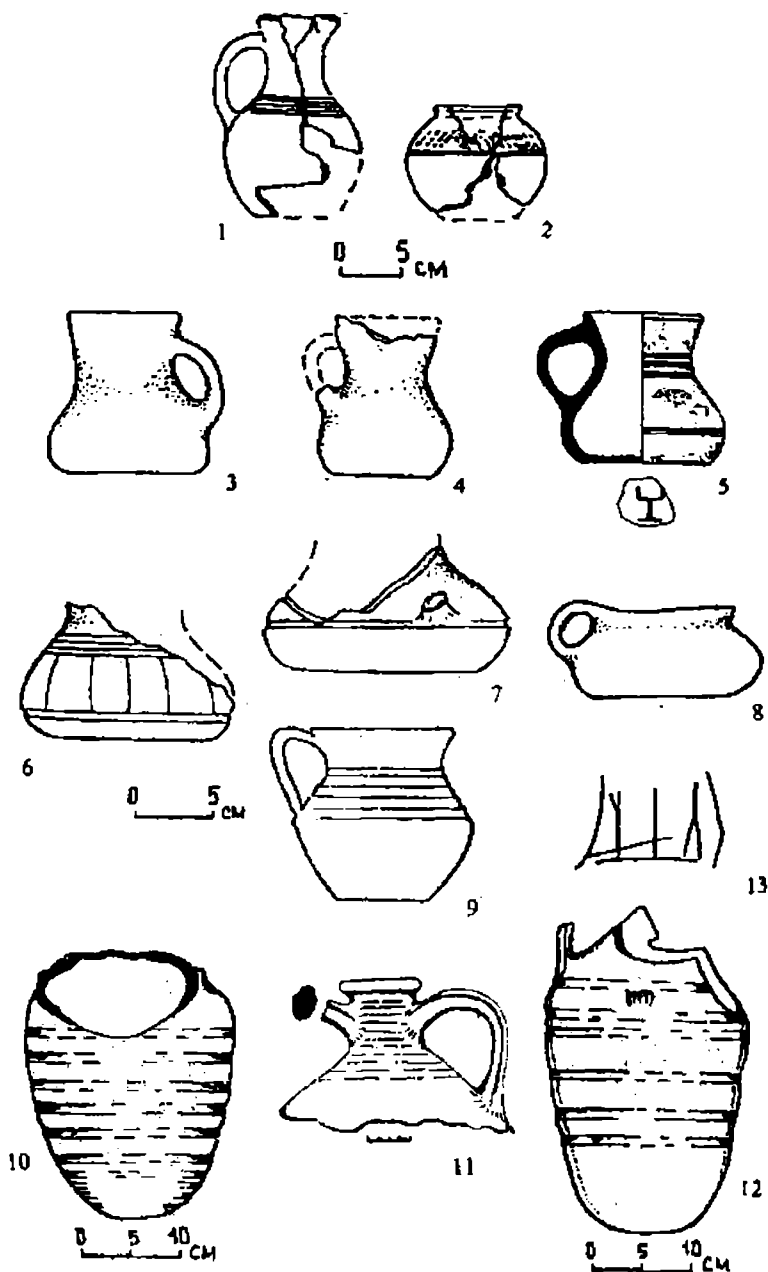
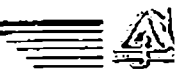

Рис. 93 Столовая и тарная посуда из погребений могильника.

1 – погр. № 259; 2 – погр. № 206; 3 – погр. № 111; 4, 6 – погр. № 117; 5 – культурный слой могильника; 7 – погр. № 119; 8 – погр. № 126; 9 – погр. № 67; 10 – погр. № 55; 11 – погр. № 70; 12 – погр. № 182; 13 – надпись на амфоре из погр. № 182.

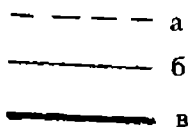
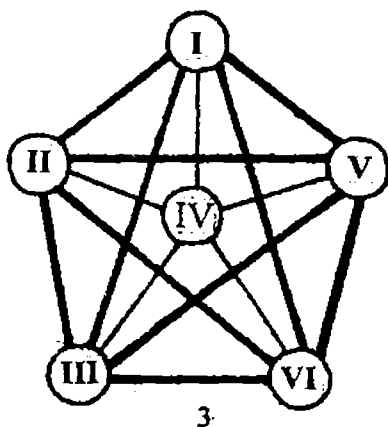
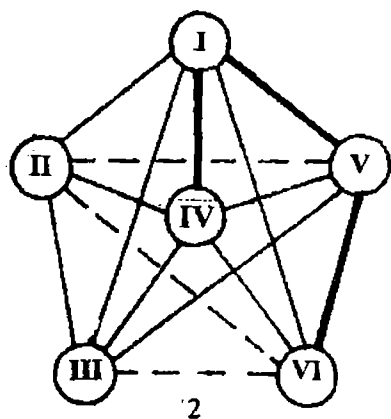
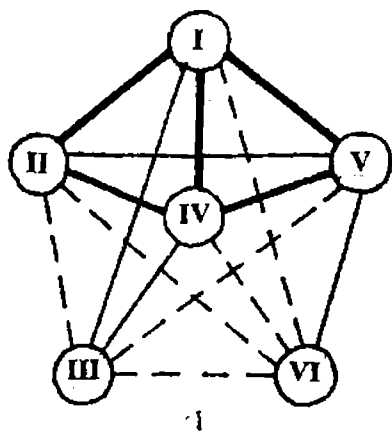

Рис. 94. Планиграфия могильника по коэффициентам связи:

1 — по данным таб. 18; 2 — по близости керамического комплекса; 3 — по близости погребального инвентаря, 2, 3 — по Михееву В. К. 1986, рис. 5: 2, 3 (а — 0,5 — 0,7; б — 0,8 — 0,95; в — > 0,95)

№ п/п	№ ана-лиз-а	Иде-ние / (поср. №)	№ погр. Рвс	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au
1	373	3	№ 158 Рвс. 37: 18	1,25	3,38	12,64	0,035	3,99	-	0,03	0,096	0,025	0,031	0,018	0,00012
2	374	браслет	№ 11 Рвс. 9: 32	6,38	0,35	0,458	0,015	11,41	-	0,11	0,207	0,082	0,008	0,03	0,00047
3	375	браслет	№ 152 Рвс. 37: 12	6,18	1,11	0,001	0,026	18,73	0,009	0,023	0,141	0,048	0,028	0,056	0,00009
4	376	браслет	№ 23 Рвс. 15: 9	0,952	1,09	23,47	0,038	1,82	0,009	0,023	0,094	0,01	-	0,012	0,00001
5	377	браслет	№ 145 Рвс. 33: 52	7,11	1,09	0,002	0,032	4,23	0,009	0,049	0,287	0,004	-	0,009	0,00018
6	378	браслет	№ 156 Рвс. 37: 16	0,003	0,21	0,003	0,007	1,68	-	-	0,074	0,008	-	0,008	<
7	379	браслет	№ 8 Рвс. 9: 8	4,61	5,3	17,03	0,023	5,2	0,016	0,015	0,103	0,027	0,092	-	<
8	380	браслет	№ 145 Рвс. 33: 53	17,36	0,54	-	0,016	10,13	-	0,023	0,075	0,007	0,576	0,008	0,0006
9	381	браслет	№ 158 Рвс. 37: 19	0,267	0,54	0,002	0,162	18,73	0,009	-	0,3	0,009	0,01	0,008	0,00022
10	382	браслет	№ 10 Рвс. 15: 36	2,00	4,49	11,98	0,033	3,46	0,018	0,129	0,694	0,036	0,009	0,007	-
11	383	браслет	№ 9 Рвс. 9: 22	5,07	0,72	9,64	0,009	4,87	0,037	0,209	0,22	0,075	0,007	0,007	0,0001

Данные приведены в лаборатории спектрального анализа исторического факультета Харьковского государственного университета Л. П. Грубиня-Будимой. Пользуясь случаем выражаем благодарность Л. П. Грубиня-Будимой за предоставленные материалы.

1	2	3	4	5	6
12	384	браслет	№ 95 Рис. 25: 4	2,06	1,0
13	387	браслет	№ 185 Рис. 38: 50	4,38	4,16
14	388	браслет	№ 185 Рис. 38: 50	4,27	3,46
15	958	браслет	№ 167 Рис. 38: 11	1,87	1,47
16	959	браслет	№ 89 Рис. 23: 32	8,99	2,26
17	960	браслет	№ 191 Рис. 46: 14	4,5	0,79
18	961	браслет	№ 103 Рис. 25: 22	1,17	0,8
19	963	браслет	№ 96 Рис. 25: 6	2,00	0,79
20	964	браслет	№ 96 Рис. 25: 6	1,64	1,4
21	965	браслет	№ 108 Рис. 29: 1	2,00	0,66
22	966	браслет	№ 108 Рис. 29: 2	1,67	0,85
23	967	браслет	№ 158 Рис. 37: 18	1,17	1,28
24	968	браслет	№ 90 Рис. 24: 40	2,36	1,06
25	969	браслет	№ 90 Рис. 24: 40	1,26	0,55
26	970	браслет	№ 132 Рис. 30: 33	7,99	2,1
27	971	браслет	№ 132 Рис. 30: 34	7,53	11,65

7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
13,30	0,027	6,97	-	0,02	0,041	0,028	0,046	-	0,0002
10,21 7	0,03	15,94	0,009	0,03	0,087	0,023	0,054	-	0,0015
0,089	0,023	0,97	0,009	0,02	0,047	0,023	0,044	-	0,0015
21,98	0,015	2,25	0,009	0,098	0,22	0,023	0,022	0,008	0,002
0,023	0,031	10,1	-	0,053	0,89	0,025	0,025	0,008	0,0008
0,016	0,013	0,16	0,009	0,03	0,564	0,21	0,044	0,007	< 0,0001
0,017	-	0,07	0,014	-	0,123	0,016	-	0,009	< 0,0001
15,71	0,014	0,014	-	0,023	0,157	0,013	0,011	0,008	< 0,0001
12,64	0,021	4,23	-	0,023	0,028	0,013	0,017	-	< 0,0001
16,04	0,008	0,004	-	0,079	0,16	0,047	0,068	0,007	< 0,0001
7,42	0,01	0,009	0,009	0,065	0,089	0,025	0,049	0,007	< 0,0001
0,017	0,063	5,49	0,058	0,264	0,064	0,055	-	0,008	0,0011
11,98	0,018	0,02	0,009	0,03	0,077	0,033	0,3	0,007	< 0,0001
9,88	0,011	0,009	-	0,023	0,267	0,009	0,013	0,008	0,0001
0,082	0,029	2,25	0,01	0,067	0,081	0,021	0,024	0,007	0,0002
14,62	0,014	0,243	0,011	0,14	0,88	0,113	0,079	0,008	0,0001

1	2	3	4	5	6	7
28	972	браслет	№ 132 Рис. 30: 35	5,67	0,92	2,4
29	973	браслет	№ 132 Рис. 30: 33	9,64	0,4	0,93
30	1085	браслет	№ 167 Рис. 38: 11	1,198	1,33	10,77
31	1158	туалетная коробочка	№ 185 Рис. 38: 56	5,04	7,88	5,87
32	1159	туалетная коробочка	№ 185 Рис. 38: 56	7,42	22,97	5,87
33	1162	туалетная коробочка	№ 29 Рис. 15: 20	9,63	2,868	0,1
34	1163	туалетная коробочка	№ 29 Рис. 15: 20	12,31	7,42	0,198
35	1164	подвеска	№ 29 Рис. 15: 26	0,236	2,396	7,99
36	1165	подвеска- печатка	№ 165 Рис. 37: 31	2,736	27,03	0,017
37	1166	разделитель от пояса	слои Рис. 87: 14	11,65	14,29	4,95
38	1167	копюшка	№ 80 Рис. 24: 14	8,91	2,033	0,031
39	1168	разделитель от пояса	№ 191 Рис. 47: 13	1,802	2,132	1,33
40	1169	пинцет	№ 167 Рис. 38: 22	0,264	1,637	22,31
41	1170	подвески- амулет	№ 186 Рис. 47: 4	6,11	0,963	0,404
42	1171	рамка-обойма	№ 167 Рис. 38: 24	2,703	12,31	0,014
43	1173	копюшка	№ 143 Рис. 33: 36	8,22	7,08	10,33

8	9	10	11	12	13	14	15	16
0,009	0,01	0,01	0,09	0,197	0,043	0,013	0,008	0,0001
0,008	0,021	0,01	0,154	0,23	0,066	0,014	0,008	0,0001
0,032	1,65	0,009	0,047	0,27	0,027	0,006	-	0,0001
0,037	0,007	0,026	0,17	0,217	0,068	0,03	-	0,0001
0,029	0,002	0,012	0,023	0,11	0,037	0,067	0,007	-
0,017	0,009	0,017	0,16	0,28	0,028	0,146	0,007	0,0001
0,026	0,008	0,094	0,293	0,264	0,1	0,197	0,007	0,0001
0,038	0,01	0,015	0,23	0,17	0,096	0,046	0,007	0,0001
0,054	0,117	0,047	0,38	0,024	0,025	-	-	0,0001
0,03	0,074	0,223	1,703	0,267	0,1	0,023	0,007	0,0001
0,008	0,007	0,009	0,153	0,267	0,88	0,089	-	0,0001
0,587	0,029	0,009	2,703	2,967	0,16	2,6	0,015	0,0001
0,014	0,003	0,009	-	0,09	0,018	0,027	-	-
0,009	0,019	0,026	-	0,73	0,086	0,054	0,007	0,0007
0,019	0,001	0,014	0,438	0,075	0,089	0,021	-	0,0001
0,028	0,03	0,03	0,187	0,297	0,064	0,006	-	0,0001

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
44	1174	бляшка поясная	№ 143 Рис. 33: 32	4,38	0,564	2,703	0,009	0,042	0,019	0,177	0,197	1,396	0,006	0,007	-
45	1175	подвеска пирамидка	№ 29 Рис. 15: 17	0,334	0,904	2,901	0,01	0,006	0,009	0,023	0,154	0,09	0,006	-	0,0001
46	1176	пряжка поясная	№ 135 Рис. 30: 40	2,907	3,23	12,97	0,025	0,008	0,015	0,153	0,53	0,087	0,007	-	0,006
47	1177	коньковая подвеска	№ 107 Рис. 25: 26	2,604	9,39	0,025	0,018	0,024	0,014	0,023	0,226	0,05	0,006	0,007	0,0001
48	1178	кольцо	№ 167 Рис. 38: 21	7,3	1,703	7,08	0,016	0,085	0,01	0,123	0,65	0,078	0,078	-	0,0001
49	1179	кольцо	№ 167 Рис. 38: 20	6,5	6,11	0,449	0,013	0,048	0,013	0,13	0,153	0,078	0,092	-	0,0001
50	1180	бляшка	№ 143 Рис. 33: 41	10,66	0,65	0,077	0,008	0,006	0,009	0,213	0,357	0,083	0,094	0,007	0,0001
51	1181	пряжки поясная	№ 167 Рис. 38: 23	2,495	0,484	13,3	0,007	0,027	0,013	0,164	0,23	0,095	0,006	0,007	0,0001
52	1182	туалетный коробочка	№ 167 Рис. 38: 26	3,11	15,38	0,071	0,056	0,042	0,3	4,04	0,079	0,007	-	0,007	0,0001
53	1183	туалетный коробочка	№ 167 Рис. 38: 26	2,363	2,769	0,01	0,047	0,054	0,53	5,3	0,085	0,008	-	0,007	0,0001
54	1184	перстень	№ 81 Рис. 24: 24	1,703	0,334	15,28	0,02	0,003	0,009	0,023	0,073	0,04	0,028	-	0,0001
55	1185	коньковая подвеска	№ 185 Рис. 38: 47	4,04	22,64	-	0,06	0,038	0,334	1,703	0,027	0,008	-	-	0,0002
56	1186	перстень	№ 167 Рис. 38: 16	1,462	0,822	17,36	0,024	0,007	0,009	0,023	0,078	0,03	0,039	-	-
57	1187	перстень	№ 167 Рис. 38: 17	1,604	0,392	18,35	0,047	0,003	0,009	0,023	0,254	0,048	0,05	0,09	-
58	1188	перстень	№ 29 Рис. 15: 14	4,84	0,891	3,8	0,01	0,07	0,015	0,143	0,298	0,036	0,08	-	0,0001
59	1189	бляшка поясная	№ 186 Рис. 476 6	1,396	0,015	-	-	0,025	0,009	0,023	0,38	0,026	0,006	-	-

КНИЖНИЦА "МОС 5. Харьков. 2006

1	2	3	4	5	6	7
60	1190	перстень щитковый	№ 89 Рис. 23: 37	7,76	0,857	4,95
61	1191	иглодержатель	№ 85 Рис. 23: 27	2,231	0,035	0,17
62	1194	пуговица	№ 167 Рис. 38: 12	5,07	5,87	1,538
63	1195	пуговица	№ 167 Рис. 38: 13	2,967	4,27	2,736
64	1196	кольцовая подвеска	№ 107 Рис. 25: 26	4,84	2,604	0,15
65	1197	перстень щитковый	№ 89 Рис. 24: 38	2,703	0,098	0,01
66	1198	перстень щитковый	№ 177 Рис. 38: 43	6,11	0,834	0,253
67	1199	перстень	№ 167 Рис. 38: 19	0,233	1,934	7,88
68	1201	кольцовая подвеска	№ 167 Рис. 38: 1	7,88	5,64	7,08
69	1203	кольцовая подвеска	№ 167 Рис. 38: 2	8,34	7,08	3,92
70	1204	кольцо	№ 9 Рис. 9: 21	0,05	0,788	11,32
71	1205	перстень	№ 143 Рис. 33: 39	0,079	0,742	9,63
72	1206	туалетная коробочка	№ 167 Рис. 38: 27	0,277	7,42	7,08
73	1207	туалетная коробочка	№ 167 Рис. 38: 27	1,835	6,5	7,03
74	1208	перстень щитковый	№ 107 Рис. 25: 30	6,84	0,799	0,03
75	1209	подвеска- амулет	слюдя Рис. 87: 19	0,293	2,934	-

8	9	10	11	12	13	14	15	16
0,015	0,068	0,032	0,253	0,177	0,86	0,037	-	0,0001
0,006	0,007	0,009	0,023	0,174	0,043	0,006	0,007	-
0,017	0,25	0,017	0,123	0,143	0,21	0,006	-	-
0,053	0,082	0,136	0,23	0,277	0,038	0,006	-	0,0001
0,019	0,066	0,17	0,223	0,093	0,053	0,006	0,007	0,0001
0,029	0,048	0,009	0,023	0,213	0,025	0,077	-	-
0,006	0,018	0,009	0,107	1,0	0,01	0,023	0,007	-
0,022	2,11	0,009	0,023	0,073	0,009	0,014	0,007	0,0002
0,019	0,085	0,024	0,16	0,277	0,077	0,136	-	0,0001
0,024	0,048	0,013	0,17	0,243	0,045	0,14	-	0,0001
0,017	0,011	-	-	0,177	0,07	-	-	-
0,02	0,011	-	-	0,081	0,006	-	-	-
0,023	0,019	0,009	0,023	0,072	0,021	0,006	-	-
0,018	0,011	0,009	0,023	0,167	0,072	0,028	-	0,0001
0,008	0,02	0,016	0,023	0,028	0,05	0,006	-	-
0,013	1,133	0,011	0,023	0,024	0,019	-	-	-

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
76	1210	подвеска на пояс	№ 73 Рис. 24: 5	5,3	0,013	0,029	0,006	0,058	0,009	0,023	0,107	0,022	0,006	-	0,0001
77	1211	подвеска- шмулет	№ 145 Рис. 33: 51	2,835	3,46	2,901	0,015	0,045	-	0,023	0,1	0,019	-	0,007	-
78	1212	подвеска- шмулет	№ 137 Рис. 33: 8	3,0	3,46	0,075	0,027	0,079	0,153	0,233	0,075	0,025	0,043	-	-
79	1213	шорты	№ 54 Рис. 17: 5	7,19	1,736	0,26	0,017	0,15	0,23	0,73	0,045	0,08	0,006	-	0,0001
80	1214	кольцо	№ 93 Рис. 25: 2	6,11	3,13	0,025	0,025	0,025	0,087	0,177	0,037	0,026	0,006	-	-
81	1215	подвеска костель	№ 54 Рис. 17: 11	2,901	3,46	2,429	0,015	0,03	0,018	0,023	0,277	0,012	0,006	-	-
82	1216	кистель	№ 89 Рис. 24: 39	6,32	2,132	2,33	0,027	0,085	0,153	0,136	0,153	0,1	0,016	-	0,0001
83	1217	браслет	№ 167 Рис. 38: 11	4,16	0,643	7,53	0,01	1,11	-	0,023	0,08	0,023	0,018	0,019	0,0001
84	1218	прищипке	№ 181 Рис. 38: 46	0,284	1,01	-	0,064	0,01	0,08	-	0,02	-	-	-	-
85	1219	шубурный блок	№ 54 Рис. 17: 12	2,967	9,15	0,028	0,037	0,09	0,243	0,904	0,027	0,1	-	-	0,0001
86	1220	кольцо	№ 141 Рис. 33: 16	3,27	0,788	0,014	0,082	0,009	0,023	0,164	0,1	0,078	0,006	-	0,0001
87	1221	прищипке	№ 200 Рис. 47: 35	0,002	0,01	-	0,02	0,003	-	-	0,023	0,005	-	-	-
88	1222	пуговица	№ 111 Рис. 29: 8	1,528	3,23	0,197	0,016	0,011	-	0,023	0,02	0,007	-	-	0,0001
89	1223	пуговица	№ 176 Рис. 38: 29	2,429	2,066	4,27	0,01	0,13	0,052	0,1	0,058	0,07	-	-	0,0001
90	1224	туалетная коробочка	№ 176 Рис. 38: 31	1,429	2,231	4,49	0,017	0,006	0,009	0,023	0,136	0,015	0,006	-	-
91	1225	подвеска на пояс	№ 171 Рис. 10: 6	5,87	3,46	0,027	0,012	0,008	0,056	0,38	0,284	0,066	0,006	0,007	0,0001

1	2	3	4	5	6	7	8
92	1226	коньковая подвеска	№ 131 Рис. 30: 29	7,19	1,67	0,357	0,018
93	1227	туалетная коробочка	№ 128 Рис. 30: 28	1,528	7,42	0,38	0,01
94	1228	туалетная коробочка	№ 128 Рис. 30: 28	4,19	10,99	0,311	0,01
95	1229	пряслице	№ 79 Рис. 24: 10	0,17	Осн.	0,01	0,066
96	1230	оплавленный браслет	№ 136 Рис. 33: 6	0,023	2,099	0,236	0,025
97	1231	туалетная коробочка	№ 90 Рис. 24: 41	7,76	1,099	0,01	0,01
98	1232	пряслице	№ 137 Рис. 33: 7	0,013	Осн.	-	0,067
99	1233	кистень	№ 122 Рис. 30: 8	2,901	0,003	-	0,006
100	1234	бубенчик	№ 125 Рис. 30: 10	0,023	1,736	-	0,008
101	1235	подвеска	№ 192 Рис. 47: 18	2,499	8,8	-	0,022
102	1236	пряслице	№ 185 Рис. 38: 51	0,002	24,95	-	0,04
103	1237	туалетная коробочка	№ 8 Рис. 9: 15	4,72	2,363	0,765	0,015
104	1239	наконечник от пояса	№ 54 Рис. 17: 9	3,0	0,939	1,835	0,023
105	1240	бляшка поясная	№ 176 Рис. 38: 39	2,769	0,438	0,01	0,008
106	1241	оплавленный предмет	№ 176	2,703	0,776	0,025	0,008
107	1242	туалетная коробочка	№ 156 Рис. 37: 15	7,99	0,988	0,018	0,014

0,019	0,013	0,13	0,27	0,055	0,021	-	0,0001
0,001	-	0,023	0,29	0,003	0,006	0,007	-
0,005	0,009	0,023	0,073	0,013	0,03	-	0,0001
0,1	0,207	0,023	0,02	-	-	-	-
0,107	-	0,023	0,02	0,003	-	-	0,0001
0,001	0,014	0,107	0,12	0,017	0,1	-	0,0001
0,001	0,012	-	0,02	-	-	-	-
0,001	0,009	0,023	0,051	0,006	-	-	-
0,001	0,009	0,023	0,02	0,005	-	-	-
0,000	0,009	2	0,002	-	-	-	-
1							
0,000	0,009	0,023	0,021	0,003	-	-	-
3							
0,008	0,022	0,164	0,164	0,055	0,006	-	0,0001
0,02	0,054	0,15	0,19	0,078	-	0,007	-
0,005	0,017	0,023	0,025	0,039	-	-	-
0,003	0,012	0,023	0,123	0,03	-	-	-
0,004	0,048	0,518	0,043	0,016	-	-	-

1	2	3	4	5	6	7	8
108	1243	кольцо	№ 97 Рис. 25: 10	1,429	0,822	3,11	0,008
109	1244	оплавленный предмет	№ 176	8,45	0,357	0,01	0,007
110	1246	перстень	№ 162 Рис. 37: 26	0,217	0,776	0,01	0,05
111	1247	перстень цифровой	№ 186 Рис. 47: 2	4,04	0,264	0,017	0,01
112	1248	бубенчик	№ 193 Рис. 47: 20	4,27	7,99	0,01	0,017
113	1249	бубенчик	№ 193 Рис. 47: 20	2,297	4,61	1,736	0,014
114	1250	бубенчик	№ 193 Рис. 47: 20	1,967	7,99	0,01	0,017
115	1252	перстень цифровой	№ 143 Рис. 33: 40	2,495	2,528	0,082	0,009
116	1254	фрагмент предмета	№ 111 Рис. 29: 11	0,781	0,066	2,64	0,006
117	1255	перстень	№ 167 Рис. 38: 18	0,226	0,93	0,634	0,04
118	1256	перстень цифровой	№ 162 Рис. 37: 27	3,43	0,95	0,26	0,011
119	1258	колоушка	№ 143 Рис. 33: 35	0,3	0,34	3,477	0,011
120	1259	браслет пластинчатый	№ 107 Рис. 25: 31	0,014	0,033	1,4	0,013
121	1260	зеркало	№ 128 Рис. 30: 20	12,58	0,095	0,01	0,006
122	1261	зеркало	№ 93 Рис. 25: 3	8,45	0,06	0,01	0,006
123	1262	зеркало	№ 107 Рис. 25: 24	7,65	0,026	0,052	0,018

9	10	11	12	13	14	15	16
0,002	0,025	0,12	0,064	0,022	-	-	-
0,002	0,009	0,023	0,025	0,024	-	-	-
Осн.	-	-	0,024	0,003	-	0,007	0,0001
0,002	0,009	0,023	0,078	0,022	0,021	-	0,0001
0,002	0,009	0,12	0,07	0,032	0,012	-	-
0,001	0,018	0,023	0,068	0,025	0,006	-	0,0001
0,002	0,009	0,023	0,054	0,006	-	-	-
0,003	0,016	0,12	0,096	0,032	-	-	0,0001
0,065	0,009	0,023	0,16	0,03	0,006	-	0,0001
Осн.	-	0,023	0,02	-	-	-	0,0001
0,458	0,009	-	0,02	0,133	-	-	-
0,027	0,009	-	0,052	0,07	-	-	-
1,326	-	-	0,02	0,133	0,006	-	0,0001
0,104	-	0,023	0,413	0,023	0,041	-	-
0,02	0,009	0,023	0,064	0,064	0,006	0,007	0,0001
0,009	0,009	-	0,254	0,023	0,095	0,007	0,0001

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
124	1263	перестень цирконовый	№ 80 Рис. 24: 13	8,45	19,01	8,45	0,016	0,058	0,082	0,29	0,868	0,087	0,11	0,007	0,0001
125	1264	профиль спиралевидная	№ 128 Рис. 30: 21	0,01-1	0,765	8,68	0,024	0,004	-	-	0,103	0,009	-	0,007	-
126	1265	профиль	№ 156 Рис. 33: 3	0,38	0,541	18,35	0,054	0,019	0,009	0,023	0,253	0,039	-	0,042	-
127	1359	фрагмент жидкого стекла	№ 235 Рис. 51: 27	9,57	30	0,022	0,09	0,01	0,988	2,867	0,064	0,015	0,006	0,007	0,0001

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Описание погребений Сухогомольшанского могильника	8
Погребальный обряд	72
Инвентарь могильника	93
<i>Орудия труда и хозяйственно-бытовой инвентарь</i>	93
<i>Предметы вооружения и конское снаряжение</i>	106
<i>Предметы одежды и украшения</i>	123
<i>Предметы туалета</i>	148
<i>Керамическая посуда</i>	150
Хронология погребальных комплексов	159
Антропологические наблюдения	170
Вместо заключения.	
О происхождении и этнической принадлежности погребенных в могильнике Сухая Гомольша	176
Литература	188
Список сокращений	202
Иллюстрации	203
Приложение. Результаты количественного спектрального анализа изделий из цветных металлов могильника Сухая Гомольша	297

Хазарский альманах

Том 5

**Адрес редколлегии: 61057 Украина,
г. Харьков, ул. Гражданская, 22/26
Тел./факс: (057) 771-02-53, 771-02-54
E-mail: univer@solomon-un.ua; vitmich@ukr.net**

Редакционно-издательский отдел МСУ

Формат 70x100 / 16

**Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 15,2
Подписано в печать 12.09.2006. Тираж 500 экз. Заказ № 651**